

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

1897

Выпускъ Ш и IV

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898 7

Оглавленіе.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Издѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зобнина* 267—293
2. Тюркская сказка о Идыге. *Г. Потанина* 294—350
3. Сказанія о поѣздахъ остяцкихъ князей въ русскимъ царямъ. *С. Патканова*. 351—356
4. Данныя для народнаго календаря Смоленской губерніи въ связи съ народными вѣрованіями. *В. Н. Добровольскаго* . 357—380

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. со сборникомъ народно-медицинскихъ средствъ той же волости (Окончаніе). *А. Макаренка* 381—439
2. Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго* . . 439—441
3. Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ, собранныхъ для предполагаемаго сборнаго изданія И. Р. Географическаго Общества. *Ю. Яворскаго* 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи. *Ө. Покровскаго* 446—469

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898/7

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавление 28 выпусков «Живой Старины» за семь летъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.		Стр.
<i>Выпускъ I.</i>		
ОГЛАВЛЕНИЕ.		
	Стр.	
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»	III	
2. Снисокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V	
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая старина»	IX	
4. Отъ Редактора	XI	
5. Программа И. Р. Г. О. для собранія свѣдѣній по этнографіи	XLVII	
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Университетѣ Доц. С. Ѳ. Ольденбургъ	LIII	
О т д ѣ л ь I.		
Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.		
1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. <i>И. И. Жданова</i>	1	
2. Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. <i>Ю. Трусмана</i>	31	
3. Три года въ Якутской области (этнограф. очерки). <i>В. Л. Приклонскаго</i>	63	
4. Путевыя письма и замѣтки И. И. Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ	84	
5. Старое и новое. <i>И. Савченкова</i>	103	
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). <i>Б. Бондаренка</i>	151	
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. <i>Я. Рисова</i>	122	
8. Къ видѣнію Амфилога. <i>А. Н. Веселовскаго</i>	124	
9. Груша и Дуля. <i>А. И. Соболевскаго</i>	126	
10. Декамеронъ Х. З. А. Н. <i>Веселовскаго</i>	128	
11. Къ исторіи народныхъ ириазниковъ въ Великой Руси	130	
О т д ѣ л ь II		
Памятники языка и народной словесности.		
1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. <i>Л. Н. Майкова</i>	1	
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи <i>Саковичъ</i>	5	
3. Катрушинскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). <i>Е. Романова</i>	9	
4. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. <i>Щеколдина</i>	17	
5. Якутскія загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26	
6. Якутская пѣсня о водкѣ	30	
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34	

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе. — 2. Пынинъ, А. Исторія русской этнографіи. — 3. O. Schrade: Sprachvergleichung und Urgeschichte. — 4. P. v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumwissenschaft. — 5. Beske, M. II. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. — 6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г. — 7. Этнографическое обозрѣніе. — 8. Смирновъ. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. — 9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первые 25 л. — 10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ., очеркъ. — 11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. — 12. Чтенія въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца. — 13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. — 14. А. Салунувъ. Двинскіе или Борисовы кампи. — 15. В Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. — 16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ. — 17. Дуньякъ, И. И. О происхожденіи имени Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне. — 18. Gorsevic. Makedonien und Alt-Serbien. — 19. Vjestnik Hrvatsko - Arkeološkoga Društva. — 20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ. — 21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ. — 22. Wisła T. IV. — 23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. *Вельтера* 1—4?

О т д ѣ л ь VI.

Смѣль.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣшницова—

Стр.

2.

Таулен—Корча, или Вихоръ *Н. Кузнецова*. — 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. *Я. Лейшнера*. — 4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ назван. «Калуте». Арминайтиса. — 5. Литовскія повѣрья: *М. Гилса*. — 6. Некрологи *М. П. Веске*. — 7. О. Кольбергъ. — 8. Д-ръ Пфуль. — 9. *С. П. Микучикій* 1—24

Стр.

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». I—IV

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсня о князѣ Михаилѣ *И. Н. Жданова* 1
 2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки). *В. Л. Приклонскаго* 24
 3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 55
 4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 57
 5. Умиренье крови въ Грблѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). *И. А. Ровинскаго* 63
 6. Мариупольскіе Греки *Ө. А. Брауна* 78
 7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ *А. И. Соловевскаго* 93
 8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ *В. И. Ламанскаго* 102
 9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова* 137
 10. Огонь на свадьбѣ 138

О т д ѣ л ь II		Стр.
Памятники языка и народной словесности.		
1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. <i>Изъ Маманкинымъ</i>	139	
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею <i>М. А. Саковичъ</i>	141	
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147	
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154	
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазръцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегiей. Св. <i>Щеколдина</i>	158	
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. <i>Приклонскимъ</i>	169	

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879 — 1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера. — 2. Этнографическое обозрѣвіе. Н. В. — 3. А. Павловъ. Незданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка Н. Волкова. — 4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С—скаго. — 5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volkseros. А. С—скаго. — 6. «Мелюзина» (Melusine), периодическій сборникъ мѣо огін, народной литературы, преданій и обычаевъ. О. Б. — 7. Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 r. przedstawil Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ). Б—са. — 8. Darmestetter, James. Chants populaires des Afghans, recueillis par С. О. — 9. Geiger, W. Das Jatkarî Zarîran und sein Verhältniss zum Schach name. С. О. — 10. Das Ausland Wo-

chenschrift für Erd- und Völkerkunde Д. К—скаго. — 11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алекстѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева. — 13. Narodne pesni koreških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. С. К. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки. — 14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скискомъ стверѣ. А. К. Васильева. — 15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О., подъ редакцію правителя дѣлъ Ир. П—на. — 16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла. И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. П—на. 17. Пынинъ, А. Н. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусской. *В. Ламанскаго*

Стр.

233

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты	234
-------------------------------	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	1—
--	----

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»

1—1

О т д ѣ л ь I.

Ислѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезнев-

Стр.		Стр.	
скому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836 — 1846)	3	писцовыя книги.—10. Гласник земадьског музеја у Босни и Херцеговины и проч.	180
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки) <i>В. Л. Приклонскаго</i> .	48		
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ <i>С. К. Патканова</i>	85	О т д ѣ л ь I V .	
4. Этимологическія замѣтки. <i>А. А. Потебни</i>	117	Вопросы и отвѣты.	
5. Отрывокъ были изъ Сибирской лѣтописи. <i>Л. Н. Майкова</i>	129	1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.) <i>А. Иванцкаго</i> .—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. <i>Газенвинкеля</i> .—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ. свящ. <i>П. Сахарова</i> .—5. О псковскомъ говорѣ <i>И. Евсева</i> .—6. Говоръ крестьянъ Моричельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губернии. <i>М. Успенскаго</i>	193
О т д ѣ л ь II .			
Памятники языка и народной словесности.		О т д ѣ л ь V	
1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня).	133	Смѣсь.	
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. <i>Л. Н. Майковимъ</i>	135	1. Урочные посты. <i>М. И. Соколова</i> . 2. Русская гигиена XVI вѣка, <i>М. И. Соколова</i> .—3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). <i>М. И. Соколова</i> .—4. Народныя дѣтскія игры. <i>И. Мамакина</i> .—5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. <i>А. Балова</i> .—6. Праздникъ «Рипей».—7. Способъ лѣченія отъ глазу. <i>С. Брайловскаго</i> .—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. <i>И. Спрогиса</i> .—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. <i>Соснина</i> .—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ <i>П. И. Прейса</i> .—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. <i>Г. Н. Потанина</i> .—12. Прускіе Нѣмцы и Суданскіе Гибери «на дубахъ». <i>В. И. Ламанскаго</i> .—13. «Бѣлая Русь». <i>В. И. Ламанскаго</i> .—14. Францъ Миклошичъ. <i>В. И. Ламанскаго</i> .—15. Слово проф. <i>И. В. Ягича</i> о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. <i>В. И. Ламанскаго</i> .—16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ.—17. Журналь За-	
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси	137		
4. Волгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣна)	157		
5. Пересказы вѣкоторыхъ неизданныхъ Дзатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго <i>И. П. Минаева</i>).	161		
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i>	165		
О т д ѣ л ь III .			
Критика и библиографія.			
1. <i>Н. М. Лонатины</i> и <i>В. П. Прокунина</i> . Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. <i>С. Булича</i> .—2. <i>Шемакинъ судъ</i> . <i>С. Ольденбурга</i> . 3. Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. <i>И. Лося</i> .—4. Narodne prigoviesti u Varazdinu i okolici. <i>Ю. Поливки</i> .—5. <i>Сумповъ, Н. О.</i> Культурныя переживанія. <i>А. С—скаго</i> .—6. Этнографическое обозрѣніе. <i>Н. В.</i> —7. <i>А. С. Лаппс-Данилевскій</i> . Поверстная и указная книга Ямскаго приказа.—8. Матеріалы для исторіи Воронежской и соседнихъ губерній.—9. Воронежскія			

сѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Сѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Ими. Русск. Геогр. Общества.—20. Содержание первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старинны» 213—268

Выпускъ IV

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Курпату и др. (1846—1856) 3—42
2. Три года въ Якутской области. Этнографическіе очерки) *В. Л. Приклонскаго* 43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. *Паткамова* 67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича. *В. А. Жуковскаго* 109—117

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Миваева) 118—121
2. Угро-русскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. *Петрушевича* 122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Окончаніе) 131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. *Приклонскаго*. 139—148
5. Лиса и волкъ въ западнѣ

Стр

- (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. П. *Марра* 149—155
6. Оотрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. *Потанина* 156—163

Стр.

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарыка И. И. *Срезневскому*) 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарыка *Slovanský Národopis* 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарскн народни умотворенія. Часть прва. К. Я. Г. 187—191 Zibrť, C. Dr. *Listy z českých dějin a kulturních*. Прага 1891. Гое *Karasyka* 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса. 1890 г. Арк. Д-нка 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ 196—197
7. Vrčević. *Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori*. А. Д. 198

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ., Давьковск. уѣзда. О. П. Семеновою 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Занольскаго 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. *Балова* 208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣно». *Ив. Мамакина* 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Ланшевскаго уѣзда, Казанской губ. *И. Нечаевъ* 214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. *Н. В.* 226—227
8. Филологическая замѣтка. *Я. Грота* 228—229

	Стр.
9. Изъ вновь открытаго древне-русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сооб. <i>А. И. Соболевскаго</i>	229
10. И. Коперницкій. Некрологъ. Объявленія.	229—230

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. <i>Г. А. Южно-великорусскіе говоры</i> , проф. <i>А. И. Соболевскаго</i>	1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. <i>С. Н. Сыромятникова</i>	25—40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ <i>С. Н. Сыромятникова</i>	41—48
4. Путевыя письма <i>И. И. Срезневскаго</i> къ матери его <i>Еленѣ Ивановнѣ Срезневской</i> (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями <i>Вс. И. Срезневскаго</i>	49—77

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. <i>Ив. Мамзеурою</i>	78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа)	81—88
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа)	83—84

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. <i>Ир. Половчи</i>	89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за последнее десятилѣтіе (1880—90) <i>Ю. И. Поливки</i>	99—104

	Стр.
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. <i>Ф. Н. Петри</i>	105—107
4. Ядринцевъ, <i>Н. М.</i> Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. <i>Н. В—аго</i>	
5. <i>А. Н. Лисовскій</i> . Опытъ изученія малорусскихъ думъ. <i>Арк. Л—нко</i>	109
6. Český lid <i>Г. А. Литовскаго</i>	110

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. <i>С.-Петербургскаго унив. г. Катанова</i> , отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай	111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Балдзи. <i>Г. Н. Потанина</i>	122—126
3. Некрологъ <i>А. А. Потемни В. И. Ламанскаго</i>	126—136
4. Памяти <i>А. А. Потемни Б. М. Ляпунова</i>	136—149
5. Памяти <i>А. А. Потемни М. Халанскаго</i>	150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.) <i>Е. И. Якушкина</i>	151
7. Записки <i>И. Р. Г. О.</i> по отдѣленію этнографіи	151—152

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. <i>Г. Б. Сѣверо-великорусское, или окающее подпарѣчіе</i> . Проф. <i>А. И. Соболевскаго</i>	1—26
2. Путевыя письма <i>И. И. Срезневскаго</i> къ матери его <i>Еленѣ Ивановнѣ Срезневской</i> (1839—42 г.). съ примѣчаніями <i>Вс. И. Срезневскаго</i>	27—70
3. Трончина (бытовой очеркъ). <i>С. Шустикова</i>	71—91

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

	Стр.
1. Остицкая былина про богатырей города Эмдера. <i>С. А. Патканова</i>	92—97
2. Мордовская свадьба. <i>Е. М. Евсеева</i>	98—117

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. О тилѣ Ильи Муромца. <i>А. Соболевскаго</i>	118—122
2. Словарь русскаго языка. <i>А. С.-каго</i>	122—125
3. Памятная книжка. <i>А. С.-каго</i>	125
4. Харьковскій сборникъ. <i>А. С.-каго</i>	126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. <i>А. С.-каго</i>	—
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajo wej m. XIII <i>Ир. П.</i>	127—137
7. Lísty z českých dějin kulturních. <i>Е. Пяткова</i>	137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. <i>В. Каллаша</i>	139—142
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Левора (женнихъ или братъ мертвецъ). II. Шемякинъ судъ. <i>В. Каллаша</i>	142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). <i>Ю. Полюки</i>	146—152

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. <i>А. Соболевскаго</i>	153
--	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. <i>А. А. Лукачева-Баскакова</i>	154—162
--	---------

2. Игра со вьюномъ	162—167
3. О. О. (Некрологъ). <i>Ө. И Перволюфъ</i>	168

Выпускъ III.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологии. II. Вѣлорусское нарѣчіе. <i>А. И. Соболевскаго</i>	3—30
2. О побратимствѣ и носестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго права Болгаръ. <i>С. Бобчева</i>	31—43
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839 — 1842)	43—105
4. Троицкина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе. <i>А. Шустикова</i>	106—138

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонеккой и Архангельскій губ. <i>Ө. Истомини</i>	139—145
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. <i>С. К. Паткановымъ</i>	146—147
3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ скуриваютъ новотельныхъ коровъ. Побасенка (Нижегор. губ.). Сообщ. <i>Ив. Мамакинымъ</i>	148—149
4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. <i>П. А. Шилковымъ</i>	149—151
5. Прогоды и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. <i>Н. Б.</i>	151—156
6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. <i>Лк. Святлова</i>	156—164

О т д ѣ л ь III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. <i>В. Мошкова</i>	164—11
--	--------

Выпуск IV.

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

	Стр.
1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. А. И. Соболевскаго	1—61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842)	62—96

Отдѣль II.

Памятники языка и народ-
ной словесности.

- О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи
И. Лискова 97—103

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законы и обычай на Кавказѣ». Москва, 1890, т. I и II 104—120
2. Семья по возрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892 (Отд. отт. изъ Фил. Зап.)
3. Kobieta w piésni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyńska 12°, 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisły», t. VIII).
4. Современный великоруссь въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и Окт.). Вл. Петрова 120—124

Отдѣль IV.

Вопросы и отвѣты

Отдѣль V.

Смѣсь.

	Стр.
1. Бытовые черты Русинки Холмскаго края. К. Проценка	125—134
2. Отчетъ кандидата И. Сиб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай	134—137
Объявленія объ изданіи «Живой Старины» и др. журналовъ въ 1893 году.	
Оглавленіе 8 выпуска «Живой Старины» за первые два года.	

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпуск I.

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда. М. Довнара-Запольскаго 3—19
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго 20—63
3. О происхожденіи Корси (Куровъ). Юрія Трусмана 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбацкѣ и рыбкѣ» Пушкина. Св. П Р—ва 91—95

Отдѣль II.

Памятники языка и народной
словесности и живой ста-
рины.

- Ритуаль сибирской свадьбы.
И. О. Осипова 96—114

О т д ѣ л ь III. Стр.

Критика и библиографія.

1. Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. *А. И. Соболевскаго*. 115—122
2. Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. *В. Н. Перетца* 122—124
3. Календарь Вятской губерніи на 1893 г. *А. И-скаю*. 124—125
4. Brandstetter. R. Charakterisierung der Epik der Malaien. Luzern. *С. О.* 125—
5. Zemmrich, Johannes. Toten- iseln und verwandte geographische Mythen. *С. О.* 125—126
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch, *С. О.* 126—127

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенн. г. Соболевскимъ.
Ивана Мамакина 128

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь

1. Особенности языка олонечкихъ былинъ, сказанныхъ *И. Т. Рябиннымъ*. *Н. Волкова*. 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанскаго* 133—135
3. Двина рѣка. *Ю. Трусмана*. 135 —
4. Ворожея XVII в. *Н. Туникова*
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ *Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго* по исторіи и географіи Русскаго языка 136—7
6. Объявленія.

Выпускъ II. Стр.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Путевыя письма. *И. И. Срезневскаго* 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *Е. Улембека* 178—210

О т д ѣ л ь II.

Памяти языка, народной словесности и живой старины.

- Мордовская свадьба (продолженіе). 211—219
Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонечкой губ. *И. Пыгина* 219—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

- Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ 248—253
Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо 253—254
Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ 254—255
Къ диалектологіи великорусскихъ нарѣчій. *А. Соболевскаго* 255—256
Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т-ова* 256—257
Остроумовъ. Сарты. *А. Липовскаго* 257—263
Записки товариства имени Шевченка 263—264
Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арх. Л-нко* 264—265
Волинскія Губернскія Вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Лященко* 265—278

О т д ѣ л ь IV.	Стр.
Вопросы и отвѣты.	
1. Бѣлоруссы, II. Латыши, III. Поляки	279—280

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

Бесѣдныя игры, тетера, въ гуси, въ кони. <i>Рлад. Перетца</i>	281—282
Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара-Запольскаго</i>	283—296

Выпуск III.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи. <i>Н. М. Альбова</i>	297—329
Путевыя письма П. П. Срезневскаго	330—373

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Говоръ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. <i>М. Герасимова</i>	374—388
Говоръ сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. <i>Александра Мельницкаго</i>	388—392
Говоръ Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. <i>А. Дмитриева</i>	392—395

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

Лблоновскій. Населеніе Убранины въ XVI вѣкѣ. <i>А. И. Соболевскаго</i>	396—399
--	---------

	Стр.
Mikkola. Berührungen zwischen der westfinnischen und slavischen Sprachen. <i>А. И. С-скаго</i>	399—400
Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано-финскія лексикальныя отношенія. <i>А. И. С-скаго</i>	— 400
Cerny Ad. Mythiske bytosce lužiskich Serbow. <i>Ва. Перетца</i>	401—402
Лопаревъ, X. M. Слово о святомъ «патріархѣ Оестририктѣ». <i>Н. Т.</i>	402—403
Н. О. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. <i>Н. Т.</i>	— 403
Н. О. Сумцовъ. Былины о Дебрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о жемѣ волшебницѣ. <i>Н. Т.</i>	— —
Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго парфіи. <i>Н. Т.</i>	— —
Н. О. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. <i>Н. Т.</i>	— —
Les Cris de Londres au XVII siècle. <i>Г. А. Виссендорфа</i>	404—405
И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзии европейской и русской. <i>Пр. Д.</i>	405—408
Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта. <i>С. Балтрамайтиса</i>	408—412
П. Н. Буцинскій, Мангазей и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. <i>Н. Тутикова</i>	412—414

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ. <i>Н. Лыскова</i>	415—419
Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. <i>П. М. Довнара-Запольскаго</i>	419—425
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи	425—428
Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться	— 428
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ	428—429
Сказаніе Арсенія инока Селуна града о Иерусалимѣ	429—430

	Стр.
Сказаніе о пренедобной Феодорѣ, ся же память 11 сентября <i>А. Балова</i>	430—431
Докладъ о побѣдѣ въ Оло- нецкую губернію лѣтомъ 1892 года. <i>Н. Лыкова</i>	432—436
<i>Latwi dairas</i>	— 436
Отъ редакціи	— 436
Объявленія	1 4

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ
и ихъ значеніе для русской
исторической этнографіи. *А.
А. Соболевскаго* 437—439
2. Древнѣйшія русскія двусо-
новныя личныя имена и
ихъ умножительныя. *Г. Г.
Гинкена* 440—461
3. Путевыя письма И. И. Срез-
невскаго къ матери его
Еленѣ Ивановнѣ Срезнев-
ской (1839—1842). Окон-
чаніе) 462—506

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народ-
ной словесности

1. Народный говоръ въ Поше-
хонскомъ уѣдѣ. Ярослав-
ской губ. *А. Балова* 507—513
2. Говоръ Павловичской воло-
сти Могилевскаго уѣзда.
Андр. Романова 513—518
3. Жмудскія пѣсни, записан-
ныя *Мечиславомъ Довой-
на - Сильвестровичемъ* съ
переводомъ и примѣчаніями
А. Л. Погодина 519—531
4. Загадки Корель Олонецкой
губ., записанныя *Н. Θ. Лы-
ковымъ* 532—540
5. Пословицы Корельскія, за-
писанныя *Н. Θ. Лыковымъ*. 540
6. Корельскія пѣсня, записан-
ная и переведенная *Н. Θ.
Лыковымъ* 541—553

О т д ѣ л ь III.

Стр.

Критика и библиографія.

1. В. Мочульскій. Слѣды на-
родной библии въ славян-
ской и древне-русской
письменности. Одесса. 1893.
Вл. П—а. 554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень
Пинчуковъ. Этнографиче-
скій этюдъ *М. Довнара-
Запольскаго*. Гродна. 1893.
16. 69 стр. *Вл. П—а.* 556
3. Сборникъ Харьковского
Историко-Филологическаго
Общества Т. 5. Харьковъ.
1893. *Арк. Л—ки.* 556—557
4. Памятная книжка Гроднен-
ской губерніи на 1893 г. Т. 557
5. Памятная книжка Ковен-
ской губерніи на 1893 г. Т. 557

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

558

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Мипусни-
скаго округа, Енисейской
губерніи, по статистиче-
скимъ даннымъ собранымъ
въ 1889 г. *Н. Θ. Катанова*. 559—570
 2. Вариантъ пѣсни о сестрѣ
отравительницѣ. Сообщ. *Арк.
Лященко* 570—571
 3. Нѣсколько словъ о Куро-
нахъ. *А. Л. Погодина*. 571—572
- Объявленія.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Деревня Будагоща и ея пре-
давія. *В. Н. Перетца* 2—18

	Стр.
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ Олопецкимъ Корелямъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. Ѡ. Лыскова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа. <i>Филиппа Зобнина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII — XIV в.). Замѣтки преосв. Палладія, д-ра Бретшнейдера, архимандр. Рувараца	65—77

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петrivки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. Ѡ. Боляновскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. <i>А. Балова</i>	98—99

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтиса</i>	98—104
2. Русскія быliny старой и новой записи. Москва 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематическій указатель статей историческаго журнала «Деревня и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i> 107	

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь

1. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Двенара-Запольскаго</i>	108—114
---	---------

	Стр.
2. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. <i>А. Погодина</i>	114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмана</i> 120—122	
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз—скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣрованій. <i>А. Балова</i>	123—
6. Аллитераціи въ народномъ языкѣ. <i>А. Балова</i>	123—124
7. Къ народному словарю въ области нѣсеннаго искусства. <i>Ѡ. Истомина</i>	124—125
8. По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Баловъ</i>	125—126
9. О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартечева</i> 126—129	
10. Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева</i>	130

Объявленія.

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, изслѣденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ. <i>Г. Г. Гинксна</i>	133—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. <i>Бор. Ляпунова</i> (съ картою)	143—177
3. Письма А. О. Гильфердинга—Кукулевичу - Саввинскому. Сообщено проф. <i>П. А. Кулаковскимъ</i>	178—190
4. Олекминскіе скопцы. (Историко бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203	

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ <i>В. Н. Добровольскій</i>	204—214
2. Рекрутчина. <i>А. Мельничаго</i>	215—221
3. Святки въ Корелѣ. <i>Н. Ѡ. Лыскова</i>	222

	Стр.
4. Мудрый Маччи. <i>Н. Θ. Ляскова</i>	224
5. Шутъ Григорій <i>Н. Θ. Ляскова</i>	226—229
6. Пастухи и дьяволъ. <i>Н. Θ. Ляскова</i>	230—232
7. Приложение къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о побѣдѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. <i>А. Л. Погодина</i> . 233—258	

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. <i>В. Н. Перетцъ</i> . Современная народная пѣсня. Сравнительныя этюды. <i>Аркадія Лященко</i>	259—275
2. О трудахъ <i>А. Н. Веселовскаго</i> <i>И. П. Жданова</i>	282
3. О трудахъ <i>Е. Θ. Карскаго</i> . <i>А. И. Соболевскаго</i>	283
4. О переводѣ <i>П. С. Попова</i> . Сочиненія Мэвъ гу-ю-муци. <i>Н. И. Веселовскаго</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Витской губерніи на 1893 годъ	285

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. <i>О. П. Семеновъ</i>	286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. <i>Ив. Мамакина</i> . 294—298	
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ Кириши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому. <i>Н. Чегова</i> . 299—300	

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олекминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. <i>И-на</i>	301—324
---	---------

	Стр.
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Телтярей. <i>С. Рыбакова</i>	325—364
3. Якутская свадьба. <i>В. Сырошевскаго</i>	365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ жевщицъ Сибири и Средней Азии. Сообщилъ Докторъ <i>А. К. Вѣтливскаго</i>	375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ, большой орлы и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій <i>Н. Аристовъ</i>	391—486

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по литовской этнографіи. <i>Г. Г. Гинкени</i>	487—498
2. Корельская свадьба. <i>Н. Θ. Ляскова</i>	499—511
3. Погребальные обряды Корельковъ. <i>Н. Θ. Ляскова</i>	511—517
4. Книжки-Кожурды. <i>В. Бартольда</i>	517—523

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карнатахъ и за Карпатами? <i>А. Соболевскаго</i>	524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. <i>А. Соболевскаго</i> . 526—528	
3. О сравнительной мнѳологіи Макса Мюлера. <i>А. Соболевскаго</i>	529
4. Новыя книги. <i>А. Погодина</i> . 530—540	
5. Мелочи по виргизской и сартской этнографіи за 1894 г. <i>А. Литовскаго</i>	540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. <i>А. Л.</i>	543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. <i>Арк. Ляшка</i>	543—544

	Стр.
8. Лѣтопись историко-филологическаго общества. <i>Арк. Л-ика</i>	544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). <i>С. Батрамаййтиса</i>	545—548

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. *Ю. Трусмана*

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонекской губ., Лодейнопольскаго уѣзда) въ 1894 г. *Н. Ѳ. Лыскова*.
2. Кайганы или чухари. *Д. П. Никольскаго*.
3. Обесермянѣхъ. *Д. П. Никольскаго*
4. Восточная Волянь. *Н. И. Коробки*
5. Письма О. М. Бодянскаго къ Станку Вразу въ Загребѣ. Сообщ. *П. А. Кулаковскій*.

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчійхъ. *Л. Винера*
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. *Н. Коробки*
3. Латышскія преданія. *Г. Виссендорфа*
4. Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ. *А. Шустикова*.

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. *Б. М. Ляпунова*
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. *Н. Тупикова*

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты. *Э. Вольтера*

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія. *Н. А. Тихомирова*.
2. Особая форма нищенства. *Н. А. Тихомирова*
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. *П. В. Шейна*
4. Кривулѣ у Латышей. *Г. Виссендорфа*
5. Протоколъ 1-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года).
6. Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года).

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. *Вл. Тохельсона*
2. Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцелія. *П. Шмидта*
3. Тавренга, Вельскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ). *А. Шустикова*.
4. Письма: а) аббата Іос. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову.

Стр.

	Стр.
О т д ѣ л ь II.	
Памятники языка и народной словесности.	

1. Связанія и сказки Вельск. у. Сообщ. *А. Шустикова* . . . 203—211
2. Царь солома. Сообщ. *Е. Вальневъ* 212—213
3. Причитанія на рукобитѣ. Сообщ. *Святи. Владиміръ Ивановъ* 214—217
4. Пѣсни с. Писокъ, Житомирскаго уѣзда. Сообщ. *Вл. Боряиновскій* 217—221
5. «Иванъ Купайло» въ с. Корытной Гайсинскаго уѣзда. Подольской губ. *Ө. Рыбскаго* 221—222
6. Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. Сообщ. *О. Рыбскій*. 222—234

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ, *А. Соболевскаго*. 235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. *Н. Т.* 237
3. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. *Арх. Лиска*. 237—238
4. Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. *III—ва* 238

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV стд. «Живой Старины» IV вып. 1893 г. *Ив. Мамакина* 239

О т д ѣ л ь V

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда села Кургомень. 240—241

	Стр.
2. Повгородская легенда объ апостолахъ Андрѣѣ. <i>В. Бояиновскаго</i> 241—242	241—242
Объявленія	1— 4

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. *А. Л. Погодина*. 243—250
2. Литовцы и русскій алфавитъ *М. Лозорайтиса*. 251—259
3. Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. *Георгій Гинкена*. 260—262
4. Объ инородческихъ языкахъ вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особености. *В. И. Ламанскаго*. 263—271
5. Изъ статьи А. Ө. Гильфердинга о Литовской народности. 272—276
6. Докладъ С. Балтрамайтиса. 277
7. Докладъ А. О. Смилго. 278
8. Поѣздка въ Корелу. *Н. Ө. Лыскова* 279—297
9. Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Мнусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). *П. Островскій* 297—348
10. О красильномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 349—356
11. О красильномъ искусствѣ у Латышей *Г. А. Виссендорфа*. 257—258
12. Гавренъга Вельскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. (Окончаніе). *А. Шустикова*. 359—375

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Оговорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уѣзда. *Михаила А. Синозерскаго* . 376—381
2. Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирпилловскомъ и Боровичскомъ *К. Лаврова*. 382—384

	Стр.
3. Особенности говора Кадниковского уезда, Вологодской губ. <i>Шайтанова</i>	384—393
4. Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губернии. Студ. Пет. Унив. <i>Николая Каринскаго</i>	399—402
5. Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Писемѣ, Костромской губернии, Буйскаго уѣзда, Студ. Пѣтб. Дух. Ак. <i>Ө. Покрасскаго</i>	403—415
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губернии. Студ. Пет. Ун. <i>В. Ламанскаго</i>	416—418
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i>	419—427
8. Космическія легенды Балтійскихъ народовъ <i>А. Л. Погодина</i>	428—
9. Духовныестихи. Сообщ. <i>М. А. Синозерскій</i>	449—452
10. Малорусскія сказки и байки изъ Галичины	453—466

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полагнена». <i>Ив. Ос. Яблонскаго</i>	467—469
2. Труды Тибетской экспедиціи. <i>В. Л.</i>	469—475
3. Богдановичъ А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ <i>В. Л.</i>	475—478
4. «Иллюстрированная библиотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. <i>В. П. Семенова</i>	478
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки протонароднаго жнзгя-бытгя въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (Этнографическія данныя). <i>Н. Т-ва</i>	478—479
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk d. sogenannten Makedo Romanen oder Zinzaren. <i>В. Л.</i>	480—486

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. ПогребальныяобычаиОбдрскихъОстяковъ. <i>В. В. Бартенева</i>	487—492
--	---------

	Стр.
2. Народонаселеніе Австро-Венгрии. <i>В. Л.</i>	492—493
3. Летучій огненный змѣй. Сообщилъ <i>М. И. Соколовъ</i>	493—494
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. <i>Николайскій</i>	494—495
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. <i>А. Баловъ</i>	495
6. Куретница. Сообщ. г. <i>Николескій</i>	495—496
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда. Виленской губ. <i>В-са</i>	497
8. Еще по поводу Литовской печати. <i>А. Л. Погодина</i>	498—499
9. Заговоры противъ болзней, рзныя повѣрья и примѣты (Житомъ у) <i>В. Ө. Болзновскаго</i>	499—504
10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловскаго</i> . <i>Орскбурь</i>	504
11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Валтрамайтиса</i>	505—506
12. Опечатки	507

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азій. <i>Я. И. Смирнова</i>	3—31
2. Древнія двусловныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. <i>Ю. П. Кузнецова</i>	32—50

О т д ѣ л ь II.

Памятныя язые и народной оловесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ влостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. <i>Н. Г. Ордина</i>	51—121
---	--------

О т д ѣ л ь III.

Кратика и библиографія.

1. По поводу приложенія къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о его	
---	--

	Стр.
поѣздѣ въ Ковепскую губернію. <i>Из Яблонскаго</i> . . .	123—130
2. Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Выпускъ I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ. 1894 г. <i>Н. Т.-ва.</i> . . .	131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. <i>Н. Т.</i> . . .	131—132

О т д ѣ л ь I V.

С м ѣ с ь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрницъ. <i>А. Балова</i>	133—142
2. Летучій огненный змѣй <i>М. А. Симоерскаго</i>	143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова</i>	143—144
4. Опечатки	144

В ы п у с к ъ II.

О т д ѣ л ь I.

И з с л ѣ д о в а н і я, н а б л ю д е н і я и р а с с у ж д e н і я.

1. Грихья-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Кудряскаго</i>	145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Историко-этнографическій очеркъ. <i>А. Балова</i>	157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>И. Рубинскаго</i>	169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стиля. <i>Б. Тиандера</i>	202—225

О т д ѣ л ь II.

П а м я т н и к и я з ы к а и н а р о д н о й с л о в е с н о с т и.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда. <i>И. Ильинскаго</i>	226—248
2. Рекрутскія причитанія. <i>Д. Успенскаго</i>	242—248

О т д ѣ л ь III.

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мнх. Межинпсомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Из Яблонскаго</i>	248—254
2. Монголія и Монголы—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ.	254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Д. Сѣрошевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою.	255—257
4. Якушкинъ. Е. И. Обычное право, выпускъ второй. Ярославль. 1896.	257—258
5. Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896.	258
6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896.	
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896.	258—259

О т д ѣ л ь IV.

С м ѣ с ь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова</i>	260—261
2. Крапивное заговѣнье. <i>А. Балова</i>	261—262
3. Свѣчи и далоць въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова</i>	264—265

В ы п у с к и III и IV.

О т д ѣ л ь I.

И з с л ѣ д о в а н і я, н а б л ю д e н і я и р а с с у ж d e н і я.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Д-ра <i>Ар. Из. Якобія</i>	267—272
--	---------

	Стр.
Замѣтка редактора	272
2. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Проф. <i>Ар. Ив. Якобія</i>	273—276
3. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. <i>Н. А. Аристовъ</i>	277—456
4. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. <i>Ө. Покровскаго</i>	457—476
5. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. <i>А. Калачева</i>	477—488

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзии теленгетовъ *А. Калачева* . 489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. *Н. Дучинскаго* . 501—522

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: *Nya-ge bidrag till Kännedom om de svenska landsmälen ock svenskt folklif 1885—1895 г. К. Тгандера* 523—529
2. Якушкинъ, Е. П. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. *В. Ламанскаго*. 529—534

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невѣсть въ Новгородской губерніи. *М. Синозерскаго* 535—536
2. Чортовъ домъ. *М. Синозерскаго* 536—537
3. Цвѣтъ «напретника». *М. Синозерскаго* 537
4. Отчего пораженные грозой святые. *М. Синозерскаго* . 537—538
5. Ильинская пятница. *М. Синозерскаго* 538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Нижинской, Тюменскаго округа). *Ф. Зобнина* 538—542
7. Вѣщца или трубочетка. *Ф. Зобнина* 542
Объявленія.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. *В. Н. Добровольскаго* 3—36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ. *Ю. Трусмана* 37—47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго изданія народныхъ сказокъ *С. В. Максимова* 48—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. *А. Макаренка* . . . 57—100
2. Былина и пѣсни Енисейскаго округа. *А. Александрова* . . 101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ *Ю. А. Яворскаго* 105—106
4. Галицко-русскія повѣрія объ опирахъ. *Ю. А. Яворскаго* 107—110
5. Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суевѣрій. *Ю. А. Яворскаго* . . . 110—111
6. Сказки. Приложеніе къ замѣткѣ *С. В. Максимова* . . 112—123

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. *А. Макаренка* . . 124—125

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. *А. Макаренка* 126—128
2. Уроchливая. Его-же 128—130

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объяснимосскихъ нарѣчійхъ Анадырскаго округа (На

- основаниі матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). *Всв. Оед. Миллера* 133—159
2. Отчетъ о поѣздѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть I-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-согр. *С. Г. Рыбакова* 160—217

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные *Н. Л. Гондатти*. 218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). *А. Макаренка* 230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 247—253
4. Мноологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября) *П. К. Кривичуна* 254—261

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sborník československý. Svázek první. Vydává narodopisná Společnost' československá a narodopisné Museum československé. Redactor prof. Fr. Pasternek. Ve Praze. 1897. *Н. В. Астремова* 262—265

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. Этнографическія изысканія въ Восточной Сибири 265—266

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зобнина* 267—293
2. Тюркская сказка о Идыге. *Г. Потанина* 294—350
3. Сказанія о поѣздкахъ остяцкихъ князей къ русскимъ

- царямъ. *С. Патканова* 351—356
4. Данныя для народнаго календаря Смоленской губерніи въ связи съ народными вѣрованіями. *В. Н. Добровольскаго* 357—380

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Со сборникомъ народно-медицинскихъ средствъ той же волости (Окончаніе). *А. Макаренка*. 381—438
2. Галицко-русскія повѣртія о дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго*. 439—441
3. Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ, собранныхъ для предполагаемаго сборнаго изданія И. Р. Географическаго Общества. *Ю. Яворскаго* 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи. *Ө. Покровскаго* 446—469

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ 470—473
2. Die Sprachgebiete in der Ländern der ungarischen Krone auf Grund der von Königl. ung. statist. Landes-Bureau veröffentlichten Ergebnisse der Volkszählung vom Jahre. 1890 berechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896 473—479

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для современной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова 482—485

Объявленія.

ОТДѢЛЪ I.

ПОѢЗДКА НА АЛТАЙ.

Описаніе поѣздки по Змѣиногорскому округу, Томской губерніи и Усть-Каменогорскому уѣзду, Семипалатинской области, въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1897 года.

Въ началѣ 1897 года мнѣ пришлось побывать въ южной части Змѣиногорскаго округа, Томской губерніи и смежныхъ казачьихъ поселеніяхъ Семипалатинскаго уѣзда. Во время этой поѣздки мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ мѣстнаго населенія; эти свѣдѣнія я и имѣю честь представить на усмотрѣніе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Путь мой лежалъ изъ г. Семипалатинска до г. Устькаменогорска и далѣе до станицы Алтайской, отъ которой вверхъ по теченію рѣки Бухтармы и по направленію къ центру Алтайскихъ горъ—Бѣлухъ и вдоль Нарымскаго хребта до послѣдняго русскаго населеннаго пункта—деревни Арчеты. Кромѣ того мною посѣщены нѣкоторые пункты Бійской казачьей линіи до станицы Чарыпской.

Описаніе посѣщенныхъ мною мѣстностей я начну съ самаго отдаленнаго поселенія—деревни Арчеты.

Арчеты расположена на р. Бухтармѣ, у подножія горнаго хребта Конодабы. Отъ послѣдней почтовой станціи—станіцы Алтайской—деревня отстоитъ въ 120 верстахъ. Связаніе съ ней въ экипажѣ возможно только въ зимнее время съ замерзаніемъ Бухтармы, приблизительно съ 6 Декабря по 15 Марта. Въ остальное время года въ Арчеты возможно проѣзжать изъ сосѣдней деревни Берели только верхомъ.

Дорога въ Арчеты идетъ то берегомъ, то по льду. По обѣ стороны Бухтармы высятся сопки Нарымскаго хребта съ своими вершинами, то голыми, состоящими изъ дикаго камня, то закрытыми вѣчными снѣгами, то покрытыми прекраснымъ еловымъ лѣсомъ, лиственницей, березой и кустарниками.

Деревня Арчеты населена русскими старообрядцами—выходцами изъ Тобольской, Томской и др. губерній, прибывшими сюда около 20 лѣтъ тому

назадъ. Основателями деревни были крестьяне Скоряковы, прибывшіе сюда группою въ 15 семей изъ д. Гилевой, Томиловской волости Тобольскаго округа. Причиною переселенія послужило малоземелье на родинѣ. Переселились они обычными для русскаго крестьянина путями: сначала посылали ходокъ, затѣмъ испросили разрѣшеніе начальства и двинулись за 3,000 верстъ въ глушь Алтайскихъ горъ. Въ послѣдующіе годы нерѣдко приписывались къ нимъ переселенцы изъ Европейской Россіи, которые, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обыкновенно уходили обратно, не приспособившись къ мѣстнымъ условіямъ.

Въ настоящее время въ Арчетахъ считается 17 дворовъ, оброчныхъ душъ 24, которыя уплачиваютъ повинностей 126 руб. 94 коп., т. е. по 5 руб. 29 коп. съ души. Эти деньги распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 77 руб. 63 коп. земской гоньбы; 28 руб. на содержаніе волостного правленія; 24 руб. сельскому писарю; 6 руб. на земскую квартиру.

Средства къ жизни и на уплату повинностей жители извлекаютъ на мѣстѣ, занимаясь земледѣліемъ, рыболовствомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и охотой.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, хлѣбъ родится плохо. Лучше другихъ родятся рожь—озимая и яровая—и ячмень; овесъ—рѣдко; пшеницу пробовали сѣять, но не уродилась; просо—тоже; горохъ и гречиха погибаютъ отъ мороза. Ленъ вырастаетъ, но сѣмянъ не даетъ. Въ огородахъ разводятъ корнеплоды: картофеля, рѣпу, брюкву, лукъ погибаетъ отъ сырости; капуста разводится, а огурцы не созрѣваютъ.

Въ тѣсной связи съ земледѣліемъ стоитъ скотоводство. Жители содержатъ лошадей и рогатый скотъ, а нѣкоторые занимаются мараловодствомъ. Маралы имѣются у 5 домохозяевъ въ числѣ 24 головъ. Эти животныя, какъ извѣстно, доставляютъ цѣнный продуктъ—рога, на которые въ Китаѣ существуетъ большой спросъ. Высушенные и растертые въ порошокъ, они, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, употребляются китайцами для возбужденія половой дѣятельности и составляютъ необходимѣйшую часть приданаго, которое китаецъ выдаетъ своей дочери.

Молодой самецъ „перворожка“ даетъ въ годъ 2 фун. сушенаго рога, старый мараль около 16 фун. Продажная цѣна за послѣдніе годы держится 4—5 руб. за фунтъ на мѣстѣ, но 8 лѣтъ тому назадъ фунтъ сушенаго рога жители сдавали по 9 руб. 50 коп. Покупкою роговъ занимается одинъ изъ бійскихъ купцовъ, который сдаетъ ихъ жителямъ Поднебесной Имперіи по цѣнамъ до 15 руб. фунтъ.

Самымъ цѣннымъ звѣремъ, на котораго охотятся арчетинскіе жители, является соболь. При благопріятныхъ условіяхъ и удачѣ одинъ охотникъ уби-

ваетъ въ зиму около 5 соболей. Продажа собольихъ шкурокъ производится на ярмаркѣ въ станицѣ Алтайской и цѣна на нихъ колеблется между 5 и 10 рублями. Кроме того, жители охотятся на медвѣдей, которыхъ преслѣдуютъ и лѣтомъ и зимой. Орудіемъ охоты является винтовка. Ставятъ также ловушки—кулёму или слопецъ и капканы. Кулёму устраиваютъ слѣдующимъ способомъ. Два или три бревна расщепляютъ съ одного конца и въ расщепы вколачиваютъ перекладину, которая и скрѣпляетъ эти бревна, расположенныя тѣсно одинъ къ другому. Одинъ конецъ, сплоченныхъ такимъ способомъ бревенъ, поднимаютъ, подпирая такимъ образомъ, чтобы пришедшій за подложенной приманкой звѣрь самъ на себя уронилъ поднятую кулёму.

Далѣе, предметомъ охоты является яманъ—животное изъ семейства двукопытныхъ, которое киргизы называютъ таутыке. Мясо ямана идетъ въ пищу, а шкурой пользуются для одежды.

Охотятся еще жители на дикихъ козловъ и дичь.

Нѣкоторые жители занимаются пчеловодствомъ.

Для распространенія образованія среди арчетинскихъ крестьянъ не принимается никакихъ мѣръ. У нихъ нѣтъ никакой школы, хотя стремленіе къ грамотности не чуждо имъ: у нѣкоторыхъ старухъ-начетчицъ дѣти обучаются церковно-славянской грамотѣ.

Послѣ вышеизложеннаго, мнѣ остается еще привести примѣрный расчетъ средствъ, расходуемыхъ въ теченіе года семействомъ среднего достатка въ деревнѣ Арчеты. Расчетъ этотъ составленъ общими усиліями нѣсколькихъ моихъ собесѣдниковъ—мѣстныхъ крестьянъ.

Для расчета взято семейство крестьянина, состоящее изъ 10 лицъ. Для этого семейства въ годъ требуется:

Ржаной муки мѣтнаго урожая	275 пуд., по 30 к. на	82 р. 50 к.
Соли	15 пуд., по 50 к. на	7 „ 50 „
Ячной крупы	20 пуд., по 70 к. на	14 „ — „
Просовой	10 пуд., по 50 к. на	5 „ — „
Мяса	50 пуд., по 1 р. 20 к. на	60 „ — „
Рыбы	20 пуд., по 1 р., на	20 „ — „
Желѣза	2—3 пуд. на	5 „ — „
Одежды на		150 „ — „
Обуви, не менѣе 3 кожъ своего скота и своей работы на		25 „ — „
Дегтю 1 ¹ / ₂ пуда на		1 „ 50 „
Свѣчей, керосина на		12 „ — „
На вино		20 „ — „
Табаку, какъ старообрядцы, жители не курятъ.		

Всего по примѣрному расчету 402 р. 50 к.,

а прибавивъ къ этому уплату повинностей съ 3 душъ въ размѣрѣ 15 р. 87 к. получимъ 418 р. 37 к.

Соли показано 15 пуд., такъ какъ она идетъ въ кормъ скоту.

Въ Арчетахъ мною записано 7 памятниковъ народнаго творчества, 6 пѣсень—святочныхъ и весеннихъ и 1 казачья, заимствованная, вѣроятно, отъ сосѣдей—казаковъ.

Деревня Берель находится въ 90 верстахъ отъ послѣдней почтовой станціи. Это послѣдній населенный пунктъ на пути къ Рахмановскимъ горячимъ источникамъ, отъ которыхъ до деревни считаютъ 45 верстъ. Это разстояніе можно проѣхать только верхомъ.

Деревня Берель основана 23 года тому назадъ крестьянами-переселенцами изъ д. Солоновки, Змѣиногорскаго округа. Приволье новаго мѣста, мараловодство и охота на медвѣдей и козъ стянули переселенцевъ сюда на рѣчку Берель. Въ настоящее время деревня состоитъ изъ 46 дворовъ съ населеніемъ 252 души обою пола.

Самое любимое занятіе жителей мараловодство, которымъ занимается 24 домохозяина, у которыхъ въ общей сложности содержится 455 головъ мараловъ. Мараловъ держать въ «садахъ» за предѣлами деревни. Для этого обыкновенно захватываютъ болѣе или менѣе привольное мѣстечко въ лѣсу, обносятъ его со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ—и «садъ» готовъ. Лѣтомъ маралы довольствуются подножнымъ кормомъ, а зимою ихъ кормятъ сѣномъ и овсомъ. Въ настоящее время мараль сталъ рѣдкимъ звѣремъ и въ дикомъ состояніи, на волѣ, въ этой мѣстности уже не встрѣчается, почему и цѣнится очень дорого. Такъ, «быкъ» или самецъ обыкновенно продается за 200 рублей, теленокъ самецъ за 60 руб., стельная самка—50 руб., простая—40 руб. Нѣкоторые берельскіе крестьяне владѣютъ маралами издавна и имѣютъ теперь до 75 головъ въ своемъ «саду». Такой богатѣй получаетъ въ годъ около 400 фун. сушенаго рога, и слѣдовательно, выручить въ годъ въ среднемъ около 4000 рублей! За послѣдніе годы цѣна на фунтъ пала до 5 руб., но такіе хозяйственные и «справные» мужички не довольствуются этой цѣной и сами непосредственно сбываютъ продукты мараловодства въ Китай. Такъ, въ августѣ 1896 года крестьяне-мараловоды изъ нѣсколькихъ деревень соединились вмѣстѣ и, набравши въ общей сложности до 70 пудовъ цѣннаго продукта, двинулись въ китайскій городъ «Хохоть» на ярмарку. Въ февралѣ 1897 года о нихъ еще не было извѣстій и весь край съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ этой торговой экспедиціи. Въ 1895 году берельскіе и др. крестьяне уже предпринимали такую поѣздку въ пограничные китайскіе города, но не сошлись въ цѣнѣ и вернулись домой съ непроданнымъ товаромъ. По рассказамъ, китайцы предлагали имъ, приблизительно

по 12 руб., за фунтъ рога, приче́мъ уплату хотѣли произвести такъ: половину серебромъ, а другую половину чаемъ—и продавцы побоялись взять чай.

Помимо мараловодства берельскіе крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, охотой. Особенность земледѣлія въ этой мѣстности состоитъ въ томъ, что для разработки земли подъ посѣвъ употребляется весьма тяжелая соха въ которую впрягають не менѣе семи лошадей разомъ.

Въ физическомъ отношеніи жители отличаются здоровьемъ, выносливостью и высокимъ ростомъ. Признаками мужской красоты между ними считаются: полное и круглое лицо съ русыми волосами, черные брови и глаза, бравый видъ. Тѣ же признаки характеризуютъ женскую красоту: круглолица, черноброва, румяная, съ черными глазами и бровями, болѣе или менѣе горделивая осанка. Признаками безобразія считаютъ: сухощавость, длинное лицо, длинный носъ, косоглазіе, большеглазіе, вислоя губы.

Отъ своихъ тѣлесныхъ недуговъ жители дѣчатся на Рахмановскихъ горячихъ ключахъ, отстоящихъ, какъ уже сказано, въ 30—45 верстахъ отъ деревни. Купаніе въ Рахмановскихъ источникахъ, по рассказамъ жителей, помогаетъ при простудѣ, ломотѣ въ костяхъ, золотухѣ и сыпяхъ. Опушенная въ воду рука кажется длиннѣе и тоньше—что приводитъ берельцевъ въ большое удивленіе. Въ настоящее время ключи, составляющіе собственность Алтайскаго горнаго вѣдомства, находятся въ арендѣ у частнаго лица. Лѣтомъ 1896 года арендаторъ устроилъ 4 крытыя ванны и домъ съ номерами для посѣтителей. Въ вознагражденіе за эти труды и издержки арендаторъ взымаетъ плату съ пользующихся водами по установленной таксѣ. Наплывъ посѣтителей-больныхъ, преимущественно изъ Томской губерніи, начинается въ первыхъ числахъ мая и оканчивается въ августѣ.

Для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей берельскіе крестьяне отстраиваютъ деревянную церковь и содержатъ второй годъ школу. Пока не было школы, берельцы нанимали грамотеевъ и на дому обучали дѣтей. Въ настоящее время, по распоряженію г. томскаго губернатора, они открыли школу съ учителемъ—сельскимъ писаремъ во главѣ, назначивъ ему отъ общества за педагогическія занятія 64 рубля въ годъ и сборъ три раза. Учитель—отставной казачій урядникъ, не получившій ни педагогическаго, ни общаго образованія, ведетъ обученіе дѣтей по старинному способу, заставляя своихъ учениковъ зубрить по порядку азбуку а, бе, ве... и отдѣляющій письмо отъ чтенія.

По существу своему подобная школа составляетъ не что иное, какъ анахронизмъ, свидѣтельствующій о томъ печальномъ положеніи дѣла народнаго образованія, которое, въ сожалѣнію, составляетъ общій удѣлъ многихъ десятковъ тысячъ деревень необъятной родины...

Изъ разговоровъ съ берельскими жителями мы вынесли убѣжденіе, что эти мужички, промышляющіе мараловъ, слишкомъ себѣ на умѣ, начинены подозрительностью, недоувѣріемъ и необщительностью; вслѣдствіе такихъ качествъ, намъ удалось записать здѣсь только названіе урочищъ, и 3 прибаутки, сообщенныя младенцемъ 7—8 лѣтъ въ простотѣ сердечной, что 8 ноября въ Берели бываетъ съѣзжій праздникъ, на который съѣзжаются гости изъ сосѣднихъ деревень. Берельскіе крестьяне для приѣма гостей варятъ медовое пиво, припасаютъ вина и стряпаютъ кушанья изъ рыбы, мяса, ягодъ. На праздничный столъ подаютъ: пирогъ, щербу, жаркое, щи, холодное, пирожки изъ осердыя, варенныя въ меду ягоды малины, клубники и смородины, а также пироги и шаньги съ этими ягодами и, сверхъ этого, неизбѣжный чай.

Скажемъ нѣсколько строкъ объ особенностяхъ жилыхъ построекъ въ этой мѣстности.

Обычнымъ жилищемъ крестьянъ является изба. Но въ то время, какъ въ бойкихъ мѣстахъ того же Змѣиногорскаго округа, крестьяне къ избѣ пристраиваютъ горницу съ печью (голландская) и мебелью въ видѣ стульевъ, софы и пр., крестьяне же глухихъ деревень, вродѣ Берели, Черновой, къ избѣ пристраиваютъ еще точно такую же избу съ русскою печью, полатями и лавками для сидѣнья, при этомъ печи устраиваются жителями не изъ кирпичей, а сбиваются изъ глины. Для этого ставятъ на полъ четырехугольной ящикъ изъ толстыхъ плахъ и набиваютъ его пескомъ. Такой фундаментъ для печи носитъ названіе подпечка. Затѣмъ, сбиваютъ подпечныя стѣнки, дымникъ и др. части печи. Деревянные части подпечка, выходящія въ избу, красятъ въ красную краску и часто на этомъ фонѣ выписываютъ голубые цвѣты, неувяжкихъ человѣчковъ и лошадокъ.

Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ я приведу здѣсь и тѣ образцы народнаго творчества, какія мнѣ удалось записать въ Берели, вотъ они:

1) Дѣдонька? Гдѣ былъ?—На меленкѣ. Кого дѣлалъ? Мучку молоть. Гдѣ у тебя мучка? Микулка укралъ. Гдѣ Микулка? Въ церковь ушелъ. Гдѣ церквѣ? Водой унесло. Гдѣ вода? Быки выпили. Гдѣ быки? Въ траву ушли. Гдѣ трава? Гуси вышшипали. Гдѣ гуси? Въ тальникъ ушли. Гдѣ тальникъ? Дѣвки вырубали. Гдѣ дѣвки? По мужьямъ ушли. Гдѣ мужья? Померли. Гдѣ гроба? Погнили. Гдѣ крошки? У Бога на полкѣ.

2) Уточка полевая! Гдѣ ночью ночевала?

Подъ мостомъ мосточкомъ,

Подъ кустомъ кусточкомъ.

Только шли два парнѣнка,

Высѣкли по пруточку, сдѣлали по гудочку.

Вы, гудки, гудки не гудите,

Батюшку съ матушкой не будите,

Батюшка за рѣкою, матушка за другою.
Чарочка покатила,ся,
Объ землю убила,ся,
Брата Романа убила.
Некому объ ёмъ поплакать,
Некому поголосить.
Три бабы брюхатыхъ,
Да три бабы косматыхъ,
Три сороки—щекотухи...

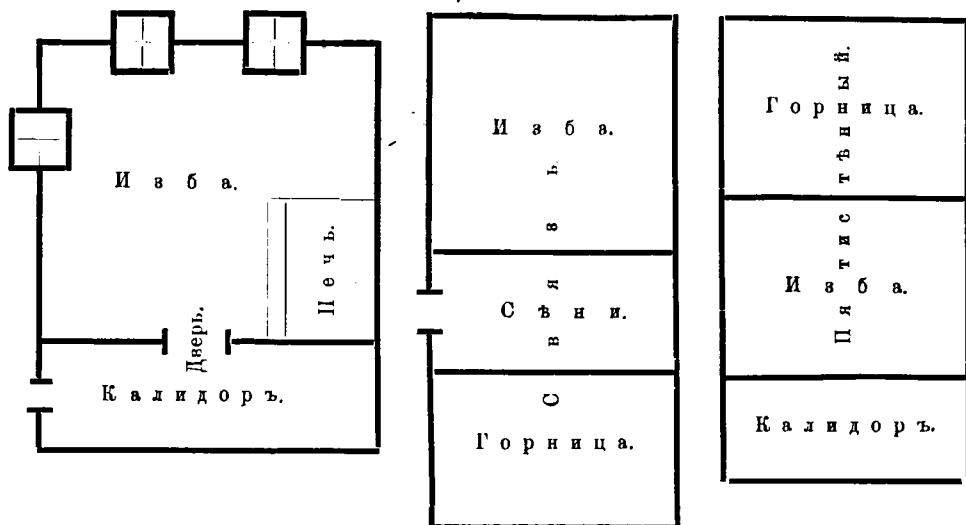
- 3) Какъ подѣ липой, подѣ липой,
Подѣ кудрявой зеленой,
Стоялъ молодецъ такой
Вотъ такой—неженатой холостой!
Держалъ гусли подѣ полой.
Ужъ вы гусли вы мысли,
Сыграйте ка мнѣ,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою.
Какъ у нашего царя
Солучилася бѣда,
Все не маленькая,
Все не съ тысячу рублей,
У его потерялась дочь, любимая его.

4) Названія рѣчекъ: Берель, Бухтарма, Сохатушка, Колмачиха, Галашиха. Названія пашенъ: на долу, на прилавѣ, на Сартунпакѣ.

Поселокъ Урыльскій, Устькаменогорскаго уѣзда, въ 23 верстахъ отъ Береля и 67 вер. станицы Алтайской, населенъ казаками. Въ немъ считается 91 дворъ и 578 жителей обоего пола. Основанный около 25 лѣтъ, поселокъ выгодно отличается отъ сосѣднихъ крестьянскихъ деревенекъ по своему наружному виду. Онъ выстроенъ по плану, правильными рядами съ широкими улицами. Передъ большинствомъ домовъ разбиты, по мѣстному, полисадники, засаженные березками. Рядомъ съ поселкомъ протекаетъ рѣчка Урулька, впадающая тутъ же въ р. Бухтарму.

Дорога изъ поселка въ д. Берель довольно опасна. Приходится все время ѣхать по самому краю обрыва надъ рѣкой Бухтармой и небольшой оплошности со стороны ямщика достаточно для того, чтобы кувыркѣмъ слетѣть въ Бухтарму.

Жилыя помѣщенія казаковъ можно раздѣлить на 4 группы. Къ первой относятся отдѣльно стоящія избы, часто съ пристроенными къ нимъ холдными сѣнями, именуемыми пристройкой или же калидоромъ. Вторую

категорію домовъ составляетъ связь: это двѣ комнаты, между которыми проходятъ холодныя сѣни или калидоръ. Третья категорія—дома пятистѣнные съ капитальной стѣной внутри, раздѣляющей домъ на двѣ части, и, наконецъ, дома крестовые—съ двумя, внутри проходящими стѣнами. Горница отличается отъ избы своей сравнительной опрятностью и убранствомъ и отсутствіемъ лавокъ, которыя замѣняются стульями и софами. Печки какъ и въ сосѣднихъ деревняхъ русскія.

Главное занятіе жителей поселка Урыльскаго—земледѣліе и охота. Вслѣдствіе значительной высоты надъ уровнемъ моря здѣсь лѣто бываетъ холодное и хорошихъ урожаевъ не бываетъ. На охотѣ урыльскіе казаки убиваютъ медвѣдей, шкуру которыхъ на мѣстѣ продаютъ по 2—3¹/₂ руб. Кромѣ того, казаки гоняютъ деготь, который сбываютъ по 1 руб. за пудъ.

Въ сосѣдствѣ съ поселкомъ Урыльскимъ, верстахъ въ 10 отъ него, находится крестьянское поселеніе—деревня Березовка. Она расположена на правомъ берегу р. Бухтармы. Дорога отъ поселка къ деревнѣ идетъ лѣсомъ, частью рѣвкой и пересѣкаетъ въ одномъ мѣстѣ рѣчку Каменушку, которую приходится переѣзжать въ бродѣ. Въ лѣтнее время неудобство переѣзда усложняется еще переправой черезъ быстротекущую Бухтарму у деревни Березовки: люди садятся въ лодку, а лошадей переправляютъ вплавь.

Въ Березовкѣ считается 57 дворовъ и 78 душъ годныхъ работниковъ. Все это русскіе крестьяне, переселившіеся сюда лѣтъ 25 тому назадъ изъ разныхъ деревень Томской губерніи. Причиною переселенія послужили: сравнительное обиліе лѣса и сравнительное же плодородіе почвы на новомъ мѣстѣ.

Главное занятіе березовцевъ составляетъ хлѣбопашество. Они сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и получаютъ хорошіе урожаи этихъ злаковъ;

сѣютъ также горохъ, просо, ленъ, но получаютъ слабые сборы, а сѣмя льна не всегда вызрѣваетъ. Въ огородахъ разводятъ картофель, брюкву, морковь, бобы, горохъ. Огурцы не вырастаютъ.

Избытки хлѣба, главнымъ образомъ ржаную муку, крестьяне продаютъ на золотые пріиски, причемъ ржаную муку съ доставкой на мѣсто за 300—400 верстъ обыкновенно сдаютъ по 40—50 коп. за пудъ, а овесъ по 2—3 руб. за четверть.

Кромѣ хлѣбопашества жители занимаются скотоводствомъ и разводятъ лошадей, коровъ, барановъ и цѣнныхъ мараловъ.

Скотъ сбываютъ въ Зырянской рудникъ гдѣ продаютъ рогатый скотъ по 8—15 руб. за голову, лошадей—20—25 руб., барановъ по 2 руб.

Мараловодствомъ занимаются 11 домохозяевъ, у которыхъ въ общей сложности 138 мараловъ, а изъ этого числа только 50 самцовъ. Самки мараловъ, какъ извѣстно, роговъ не имѣютъ.

Осенью березовцы охотятся на бѣлокъ, шкурки которыхъ сбываютъ на ярмаркѣ въ Зырянскомъ рудникѣ по цѣнамъ 12—15 и 20 коп. за шкурку.

Подобно своимъ сосѣдямъ, березовскіе жители ловятъ рыбу на озерѣ Марка-Куль. Рыбная ловля производится неводами, сѣтями и мордочками.

19 домохозяевъ въ Березовкѣ занимаются пчеловодствомъ, которое не можетъ здѣсь получить значительнаго развитія. Самые лучшіе пчеловоды имѣютъ по десятку ульевъ. Меду получаютъ мало и въ продажу никогда не выпускаютъ.

Сверхъ перечисленнаго, березовцы занимаются изготовленіемъ такъ-называемыхъ кобылокъ изъ дерева для сѣделокъ (сбруи) и витьемъ веревокъ изъ конопли.

Полтора года тому назадъ въ д. Березовкѣ открыта школа грамоты, въ которой обучается 15 мальчиковъ. Учителемъ и вмѣстѣ сельскимъ писаремъ состоитъ урядникъ—отставной казакъ, который получаетъ 60 руб. за веденіе сельскихъ дѣлъ и 54 руб. въ годъ за педагогическія занятія.

Въ Березовкѣ, со словъ мѣстныхъ жителей мною записано пять образцовъ народнаго творчества.

Верстахъ въ 20 отъ Березовки по земскому тракту лежитъ деревня Черновая, отъ которой до конечнаго пункта почтоваго тракта остается 25 верстъ. Черновая расположена на берегу рѣчки Ключевой, притока рѣчки Черновой, впадающей въ Бухтарму. Въ зимнее время около Черновой свирѣпствуютъ вѣтры, вслѣдствіе чего почва остается обнаженной, черной, откуда и названіе деревни. Примѣчательно еще то обстоятельство, что одинъ изъ береговыхъ утесовъ около Черновой носитъ названіе Арбатскихъ воротъ...

Черновая основана въ 1864 году русскими крестьянами, преимущественно раскольниками, выходцами изъ Томской губерніи. Причиною переселенія послужилъ недостатокъ лѣса на родинѣ.

Въ Черновой считается въ настоящее время 136 дворовъ и 906 душъ жителей обоого пола.

Жители Черновой занимаются земледѣліемъ, о которомъ можно сказать то же, что уже сказано объ этомъ предметѣ при описаніи занятій жителей д. Везезовки.

Въ д. Черновой довольно большого развитія достигло скотоводство. Разводятъ и держатъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и барановъ. Нѣкоторые богатые крестьяне имѣютъ табуны лошадей до 100 и болѣе головъ, 20—30 головъ рогатаго скота и до 200 барановъ. Стада эти круглый годъ подъ надзоромъ работниковъ-киргизъ пасутся на подножномъ корму около рѣчекъ. Пастухъ лошадиного табуна отъ нѣсколькихъ хозяевъ получаетъ плату 35 коп. въ день и харчи. Пастухъ же стада изъ барановъ и овецъ вмѣсто платы пользуется молокомъ отъ дойныхъ овецъ.

Занимаются жители Черновой и излюбленнымъ здѣсь мараловодствомъ. Маралы имѣются у 25 домохозяевъ. У самаго богатаго крестьянина содержится до 30 мараловъ, отъ которыхъ онъ получаетъ около 100 фунтовъ сушенаго рога, который продается въ Китай. Мараловодство въ Черновой существуетъ лѣтъ 16.

Среди черновскихъ крестьянъ есть умѣющіе выдѣлывать кожи. Трое изъ этихъ мастеровъ дѣлаютъ кожи не только для себя, но и берутъ на выдѣлку кожи отъ своихъ однодеревенцевъ. Цѣна за выдѣлку кожи колеблется между 1 р. 50 к. и 1 р. 70 к.

Зимами крестьяне дѣлаютъ сани—не въ видѣ промысла, а всякій для себя.

Занимаются также и пчеловодствомъ. Ульи имѣются у 11 домохозяевъ, причемъ у одного имѣется до 100 колодъ, у другихъ по 40—50.

Въ послѣдніе годы Черновая обзавелась маленькой школой грамоты. Въ школѣ обучается 9 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Учителемъ является сельскій писарь, который за учительскіе труды получаетъ отъ общества 30 руб. въ годъ. Самъ онъ обучался въ окружномъ училищѣ въ Барнаулѣ, но курса не кончилъ. Съ современными методами преподаванія незнакомъ, обучаетъ дѣтей по буквослагательной методѣ, заставляя своихъ учениковъ разучивать а, бе, ве... Кромѣ этой школы въ Черновой существуютъ и другія. Закоренные раскольники, опасаясь описанной школы, отдаютъ своихъ дѣтей на обученіе старухамъ-начетчицамъ и эти ужъ прямо начинаютъ ученіе по псалтырю. У одной изъ такихъ старухъ обучается до 10 учениковъ.

Въ деревнѣ Чернової и въ сосѣдней съ ней Таловкѣ мною записано 13 разнаго рода пѣсенъ.

Распростившись съ крестьянскими поселеніями этого отдаленнаго края я попалъ въ казачью среду. Казалось бы, по условіямъ своей жизни и главнымъ образомъ по той муштровкѣ, которой неминуемо подвергаются казаки во время службы въ отрядѣ, среда эта должна быть совершенно несхожа въ заключившейся самой въ себѣ средой раскольниковъ. На дѣлѣ, однако, въ области народнаго творчества и въ соблюденіи тѣхъ или другихъ обычаевъ и обрядовъ раскольники и казаки стоятъ между собою очень близко. Къ удивленію моему, свадебныя пѣсни, распѣваемые раскольниками въ д. Таловкѣ, безъ всякаго измѣненія поются и въ казачьихъ поселкахъ Бійской казачьей линіи, удаленныхъ отъ Таловки на сотни верстъ, такъ что о непосредственныхъ сношеніяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Остается предположить, что эти пѣсни когда то въ давнія времена были почерпнуты изъ одного общаго источника. И это не можетъ не свидѣтельствовать, какъ объ ихъ почтенномъ возрастѣ, такъ равно и о присутствіи имъ живучести...

Между прочимъ, при объѣздѣ казачьихъ поселеній Нарымской и Бійской линіи я задался цѣлью записать свадебные обряды и обычаи и это въ концѣ концовъ мнѣ удалось сдѣлать, такъ какъ казаки, спрошенные мною оказались словоохотливыми и сообщительными. Свадебные порядки разсказаны мнѣ, главнымъ образомъ казаками поселка Малокрасноярскаго (въ 160 верстахъ за г. Усть-Каменогорскомъ) и поселка Плоскаго (въ 50 верстахъ отъ г. Змѣиногорска).

Описаніе казачьей свадьбы, сообразно принятому мною плану изложенія, будетъ приведено ниже, послѣ краткаго обозрѣнія посѣщенныхъ мною мѣстностей.

Поселокъ Плоскій, Верхъ-Алейской станицы Усть-Каменогорскаго уѣзда, въ прежнее время назывался маякомъ на томъ основаніи, что когда то во время борьбы съ калмыками на лежащихъ близъ поселка горныхъ вершинахъ раскладывали костры изъ сѣна, сухого хвороста, а при приближеніи калмыковъ костры эти зажигались особымъ карауломъ. Для войскъ, расположенныхъ въ долинѣ, это пламя служило условнымъ знакомъ, напоминавшимъ о приближеніи непріятеля.

Главное занятіе казаковъ составляетъ земледѣліе. Изъ хлѣбовъ лучше всего родится рожь и овесъ, а пшеница не всегда.

Занимаются также и пчеловодствомъ. 3 домохозяина имѣютъ по сотнѣ ульевъ, но есть и таніе, у которыхъ число ихъ не превышаетъ 10. Сильный улей въ хорошій годъ даетъ 1 пудъ меду, а слабый улей только 10 фунт.

Подспорьемъ къ хлѣбопашеству и пчеловодству служить разведеніе лошадей и рогатаго скота.

Помимо свадебныхъ обычаевъ въ пос. Плоскомъ мною записано: 4 сва-

дебныхъ пѣсни, двѣ казачьихъ пѣсни и стоящій совершеннымъ особнякомъ, «молебень послѣ свадьбы».

Я внимательно слѣдилъ за словоохотливымъ старичкомъ казакомъ, описывавшимъ все перепитіи брачной церемоніи. Передо мной промелькнули зарученье, рукобитье, дѣвичникъ, бранье, большой столъ, похмѣльный столъ, столъ для дружки и поѣзжанъ и пр. и, наконецъ, рассказчикъ заявилъ, что больше ничего нѣтъ, что записано положительно все касающееся брачныхъ церемоній. Я такъ и записалъ, поставивъ точку.

Рано утромъ на другой день, едва только я открылъ глаза, какъ старикъ-хозяинъ съ чувствомъ заявляетъ, что еще есть продолженіе свадьбы— это молебень. Вскорѣ по моей просьбѣ явился сосѣдъ хозяина, знатокъ «молебна», пожилой и веселаго нрава казакъ, удивляющій своихъ односельчанъ разными «штуками» въ веселой компаніи.

Не вдаваясь въ подробное описаніе «молебна», я приведу существенную его часть, распѣваемую добродушнымъ Иваномъ Петровичемъ (такъ зовутъ казака):

Гласъ шестый, на праву ногу шатанье,
Какъ напьемся, то будетъ и на лѣвую.
Честная мученица горѣлка
Возсіяла передъ учителемъ винокуромъ,
Огня и пламени не убоишися,
Котельнаго кипѣнія не устрашишися,
Пройдя сквозь огня, воды, трубы мѣдныя,
Покрывашеся пѣною, аки бисеромъ драгоцѣннымъ.
Мы тебя, горѣлка, проздравляемъ,
Кажный празникъ по рюмкѣ испиваемъ.
Пиво честное, горѣлка пьяная!
Немножко было винца, мы все повытянули.
Горе пьяницѣ безъ похмѣлья!
Ручки, ножки не осядутъ,
Головушка дѣлъ своихъ не обыметъ.
Пойти было доброду молодцу опохмѣлиться.
Пошелъ въ кабакъ, пришелъ такъ,
Оттого, что денегъ нѣтъ.
У насъ было на Новомъ,
Архимандритъ былъ новый.
Далъ Богъ строителя, строителя раззорителя,
Хлѣбодара скупого—
По малу намъ хлѣба даетъ,
Оттого то намъ, братцы,

Хлѣба на обѣдъ не достаетъ.
Осердимся на отца игумена,
Не пойдемъ не къ обѣднѣ, не къ заутренѣ,
Не къ тому честному молебну.
Станетъ намъ отецъ архимандритъ кланяться,
Отворить погребы холодные,
Выставитъ питья медовыя;
Опустимъ черпала мѣдныя,
Подойдемъ, распахнемъ
И почерпнемъ, по компаньи разнесемъ!
Ошмаривай, братцы, не робѣй!
Слава тебѣ, холодному погребу,
И тебѣ, архимандриту новому!
Поставлю я келью подъ елью,
Стану я Богу молиться,
Кривому, слѣпому общаться,
Чтобы меня дѣвушки любили,
Молодые молодки хвалили,
Печеные лица носили.
Паранюшка дѣвочка маленька
Посѣяла ленъ за горою
Уродился чортъ съ бородою.
Поѣхалъ нашъ батюшко жениться
Въ чужую деревню, незнакому,
Ко чужому къ одѣнью *), ко ржаному.
Начали батюшку вѣнчати
Въ четыре дубины дубовыя,
Пятая сваха вязовая.
Съ радости нашъ батюшка усрался,
Пріѣхалъ домой не сказался.

Послѣ всего сказаннаго мнѣ остается еще привести краткія свѣдѣнія о посѣщенныхъ мною поселкахъ Бійской казачьей линіи.

Поселокъ Ключевской основанъ въ 1814 году въ мѣстности, называемой теперь Старыми Ключами и отстоящей отъ настоящаго поселка на 7 верстѣ дальше. Поселокъ стоитъ у рѣчки глубокой, въ немъ считается 47 дворовъ, жителей 312 душъ (152 муж. и 160 женщ.). Главное занятіе хлѣбопашество, кромѣ того, казаки занимаются пчеловодствомъ и богатые изъ нихъ имѣютъ по 100 ульевъ. Лѣсистыя горы скрываютъ въ себѣ лисицъ и бѣлковъ, на которыхъ казаки охотятся по зимамъ. Шкура лисицы продается по цѣнѣ 2 р. 50 к.—3 р. 75 коп., бѣлки по 12—15 коп.

*) Одѣнье—мѣсто, на которомъ стоялъ стогъ сѣна или хлѣба.

Въ поселкѣ Ключевскомъ мною записано 6 народныхъ пѣсенъ.

Въ 19 верстахъ отъ поселка Ключевского лежитъ поселокъ Бѣлорѣцкій. Въ промежуткѣ между этими поселками, между двумя отрогами Алтайскихъ горъ, поросшими мощнымъ еловымъ лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ чернолѣсьемъ, тянется сжатая съ обѣихъ сторонъ узкая горная дорога. Слой снѣга зимами здѣсь доходитъ до 3—4 аршинъ. Ѣздятъ по необходимости гусемъ.

Поселокъ Бѣлорѣцкій считаетъ 198 жителей обоого пола и 31 дворъ. Жители—казаки занимаются звѣроловствомъ, хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, выдѣлкой и продажей саней. Они стрѣляютъ и ловятъ бѣлокъ, колонковъ (горностаевъ), соболя, выдру, медвѣдей, лисицъ и шкуры ихъ сбываютъ въ с. Змѣиногорскомъ во время ярмарокъ. Лѣтомъ природа щедро одѣляетъ здѣшнихъ обитателей разнаго рода плодами; клубникой, малиной, смородиной, ежевикой и пр. Прелестный ландшафтъ цвѣтущихъ и зеленѣющихъ горъ, ихъ суровая мощь обладаютъ какой то притягательной силой. Увидавъ ихъ разъ, хочется еще и еще любоваться ими...

Въ 15 верстахъ отъ Бѣлорѣцка лежитъ поселокъ Андреевскій. Въ немъ 54 двора съ населеніемъ 145 мужчинъ и 167 женщинъ.

Основаніе поселка относится также къ началу текущаго столѣтія и современно основанію поселка Бѣлорѣцкаго.

Промыслы и занятія мѣстныхъ казаковъ состоятъ: въ хлѣбопашествѣ, огородничествѣ, пчеловодствѣ, скотоводствѣ, звѣриномъ промыслѣ, выдѣлкѣ саней и проч.

Казаки сѣютъ рожь, ячмень, пшеницу, овесъ, горохъ, ленъ и коноплю. Изъ этихъ растений лучше всего родится рожь, а пшеница только во хорошіе годы. Судя по произростанію хлѣбовъ, климатъ мѣстности слѣдуетъ признать довольно мягкимъ и умѣреннымъ. Чувствительный къ весеннимъ и осеннимъ заморозкамъ, горохъ вызрѣваетъ здѣсь.

Хлѣбъ небольшими количествами продается въ Змѣиногорскѣ (за 70 верстъ) по базарнымъ цѣнамъ.

Въ огородахъ казаками разводятся овощи: картофель, брюква, рѣпа, морковь, бобы и огурцы.

Пчеловодствомъ занимаются почти всѣ жители. Хорошій улей въ хорошій годъ даетъ 1 пудъ меду. Цѣны на медъ: 4 р. 50 к.—6 р. за пудъ.

Скотоводствомъ занимается большая часть жителей; держать лошадей по 20—30 головъ, столько же коровъ и барановъ.

Звѣроловство составляетъ видную статью дохода. Охотятся на медвѣдей, бѣлокъ, колонковъ, соболей, выдръ.

Производимыя въ поселкѣ сани и телѣги сбываются: сани по цѣнамъ отъ 80 коп. и дороже, телѣги 3—4 руб.

Помимо всего сказаннаго, андреевскіе казаки высиживаютъ деготь и продаютъ его по 50 к. за ведро и дороже.

Такимъ образомъ видно, что казаки поселка Андреевскаго средства къ жизни, или вѣрнѣе, деньги извлекаютъ изъ своихъ промысловъ: отъ продажи саней, телегъ, пошевень, отъ звѣринаго промысла, отъ продажи овса и другаго хлѣба, отъ продажи скота и случайными заработками, вродѣ поденной работы у сосѣдей.

Наживаемыя деньги по примѣрному расчету расходуются слѣдующимъ образомъ.

1. Съ 2-хъ сыновей по подушной раскладкѣ земскаго сбора	16 р.
2. Муки 320 пуд., по 20 к.	64 „
3. Соли 20 пуд., по 20 к.	4 „
4. Жельзо	10 „
5. На одежду	50 „
6. На обувь	25 „
7. Деготь	2 „
8. Ячной крупы 6 пуд.	5 „
9. Просо	2 „
10. Мясa	25 „
11. Свѣчи	2 „
12. Табакъ	6 „
13. Чай и сахаръ	16 „
14. Вино	10 „

Итого 239 р.

Этотъ примѣрный расчетъ составленъ для семейства казака, состоящаго изъ 11 членовъ. Глава семейства 60 лѣтъ; его жена 52 лѣтъ; 2 взрослыхъ сына; 1 дочь—17 лѣтъ; 2 невѣстки, четверо малолѣтковъ: 10, 3, 1 и 1 года.

Въ поселкѣ Андреевскомъ мнѣ удалось записать 4 народныхъ пѣсни и названія мѣстъ и урочищъ.

Названія эти слѣдующія: рѣчки Омелиха (по преданію, ниже поселка жилъ разбойникъ Емельянъ и отъ него пошло, по мѣстному, назвище); рѣчка Чесноковка; Заячій ключъ; Соколовъ ключъ; Колмогоровъ ключъ; Маленька Чесноковка; Маякъ; Боровлянская грива; Стамовъ; У тѣсу—урочище и ключъ у тѣсу—такъ называются потому, что въ прежнее время старики, за неимѣніемъ пилы, тесали здѣсь лѣсъ, выдѣлывая плахи и доски. Толстый осинникъ—роща; тюришній логъ—такъ называется потому, что здѣсь дѣлали тюрики изъ гнилого лѣса. Долгой логъ, Угольной логъ (уголь жгли для

казны. Тыно́къ (роща)—здѣсь ловили ловушками дикихъ козловъ. Сопки и бѣлки: Шпиль, Андреевскій, Бѣлорѣцкій, Тигирекскій. Деревни: Бугрышиха, Чинитá.

Въ 15 верстахъ отъ пос. Андреевскаго лежитъ пос. Тигирекскій, въ которомъ насчитываютъ 94 двора съ населеніемъ въ 500 душъ—267 мужчинъ и 233 женщины.

Промыслы и занятія казаковъ—земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, звѣриный промыселъ.

Въ этомъ поселкѣ мною записано 4 народныхъ пѣсни.

Въ поселкѣ Тулатинскомъ 144 двора и 886 душъ обоего пола. Главное занятіе казаковъ—хлѣбопашество. Сѣютъ и убираютъ съ полей обыкновенные хлѣба: рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, а въ огородахъ разводятъ огурцы, картофель, капусту. Цѣны на хлѣбъ низкія. Судъ ржаной муки обыкновенно продается 20 к., хорошей пшеничной—30 к., овесъ—15—20 к. за пудъ.

Въ этомъ поселкѣ довольно развито пчеловодство. По рассказамъ жителей, это дѣло они ведутъ слѣдующимъ образомъ.

Весною около 20 апрѣля пчеловодъ долженъ заботиться о томъ, чтобы выставить на солнце старые ульи съ пчелами. Пчелы, пользуясь весеннимъ тепломъ, вылетаютъ изъ ульевъ и начинаютъ плодиться, размножаться или, какъ говорятъ, давать отъ себя отройки, т. е. молодые рои. Пчеловодъ долженъ тщательно слѣдить за появленіемъ и сформированіемъ молодого роя. И только онъ замѣтитъ, что новообразовавшійся рой сгруппируется на вѣтвяхъ дерева—что обыкновенно и бываетъ—онъ спѣшитъ къ нему съ роялкой—это родъ сита съ полотнянымъ дномъ—и собираетъ въ нее молодой рой. Изъ роялки рой поступаетъ въ приготовленный для него улей, гдѣ онъ долженъ осѣсть на жительство и затѣмъ приняться за работу. Засадивъ собранный рой, пчеловодъ прислушивается, скоро ли онъ уgomонится въ новомъ помѣщеніи. Когда тишина, наступившая въ ульѣ, покажетъ, что отроекъ усѣлся, тогда пчеловодъ отгрызаетъ выходъ и пчелы начинаютъ работать, т. е. собирать медъ и таскать его въ улей. Большая разница между молодымъ роємъ, только что собраннымъ въ роялку и такимъ же осѣвшимъ въ ульѣ и уже взявшимся за работу. Въ первомъ случаѣ молодой рой стремится вырваться, бунтуетъ, а во второмъ случаѣ онъ считаетъ приготовленный для него улей—своимъ домомъ, въ который, сколько ни странствуй, все-таки тянетъ на отдыхъ. Поэтому, молодой рой изъ роялки обыкновенно продается казаками по 1 р., а засѣвшій рой—цѣнится 3 р.

По окончаніи лѣта ульи вмѣстѣ съ пчелами помѣщаются въ особыя избушки на пасѣкахъ. Эти избушки казаками называются темняками или те-пьяками.

Въ хорошія годы каждый улей въ среднемъ даетъ $\frac{1}{2}$ пуда меду.

По мнѣнію всѣхъ лицъ, ознакомившихся съ веденіемъ пчеловодства у казаковъ, сильное вліяніе на количество и качество меда оказываютъ плохіе ульи, въ которыхъ казаки разводятъ и содержатъ пчель. Ульи, употребляемые казаками, называются колодками и суть ничто иное, какъ дупла, т. е. обрубки дерева съ выгнившей сердцевиной. При такомъ ульѣ пчеловодъ находится въ полной зависимости отъ случая. Ему нельзя разсмотрѣть содержимое улья, нельзя вычистить улей въ случаѣ загрязненія, и пр. Рамочные ульи, лишенные этихъ недостатковъ, почему то не прививаются среди казаковъ, которые считают ихъ почему то несоразмѣрно дорогими—по 4 р. за штуку (колодку они цѣнятъ 30 к.). Осмотрѣвъ рамочный улей, я удивился и никакъ не могъ понять, чтобы этотъ небольшой деревянный ящикъ съ привѣшенными внутри его деревянными рамками обошелся въ 4 р. Какъ ни избито бросаемое въ казаковъ обвиненіе ихъ въ косности и лѣни, но въ данномъ случаѣ я не могу выискать никакой другой причины. Преимущества рамочнаго улья очевидны и безспорны. Тотъ самый рой, который за лѣто откладываетъ въ колодку 1 пудъ меду въ рамочный улей отложить 2, если не три пуда!

По окончаніи пчеловоднаго сезона тулатинскіе казаки сбываютъ медъ какъ въ самомъ поселкѣ перекушцикамъ, такъ и на ярмаркахъ въ станицѣ Чарышской и въ с. Змѣиногорскомъ. Продажная цѣна меда отъ $4\frac{1}{2}$ р. до 6 р. за пудъ.

Тулатинскіе казаки, по рассказамъ ихъ, занимаются звѣроловствомъ, бьютъ медвѣдей, бѣлокъ и пр. Но я склоненъ думать, что они плохіе звѣроловы, такъ какъ на ряду съ рассказами о своей охотѣ они плакались мнѣ, что имъ нѣтъ отбою отъ волковъ: рѣдкой ночи не проходитъ, чтобы волки не забрались въ хлѣвъ и не перерѣзали около десятка овецъ.

Кромѣ сказаннаго, казаки занимаются рыболовствомъ; въ рѣчкѣ Тулатинкѣ они ловятъ налимовъ, харьюзовъ.

Въ этомъ поселкѣ записана мною 1 народная пѣсня.

На этомъ и заканчиваются мои бѣглыя замѣтки о видѣнныхъ и посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ. Ниже я приведу собранные мною матеріалы, упомянувъ предварительно о положеніи школьнаго дѣла на Бійской казачьей линіи.

Школьное дѣло на линіи поставлено очень слабо и поселковыя школы, за немногими исключеніями, плохія школы.

Во главѣ этихъ школъ слѣдуетъ поставить двухклассное училище Чарышской станицы. Основанное лѣтъ 5 тому назадъ на средства мѣстнаго казака И. С. Шестакова, который отстроилъ для него помѣстительный домъ, онъ съ

тѣхъ поръ является своего рода образовательнымъ центромъ для Бійской казачьей линіи: воспитанники и воспитанницы ея занимають учительскія мѣста въ поселковыхъ школахъ этой линіи.

Изъ видѣнныхъ мною поселковыхъ школъ самое отрадное впечатлѣніе производитъ школа въ поселкѣ Тулатинскомъ. Въ ней обучается 35 дѣтей (изъ нихъ только 4 дѣвочки). Такая необычная для поселковыхъ школъ численность учащихся находится въ зависимости отъ внимательности и усердія мѣстной учительницы К. П. Клюгиной, которая пользуется уваженіемъ мѣстнаго населенія.

Въ поселкѣ Яровскомъ обучается около 20 мальчиковъ. Учительница, получила образованіе въ Чарышской 2-хъ классной школѣ.

Поселокъ Тигирекскій болѣе значительный, чѣмъ предъидущій (въ немъ 94 двора) посылаетъ въ школу только 13 учениковъ и ученицъ. Казаки этого поселка съ умпленіемъ вспоминають прошлое, когда въ Тигирекской школѣ работалъ Александръ Алексѣевичъ Кантеръ, получившій образованіе въ учительской семинаріи въ г. Омскѣ. Учительство Кантера казаки считаютъ эпохой въ исторіи своей школы, выражаясь въ разговорахъ; это было до Кантера, а это послѣ Кантера. Что особенно возвышаетъ г. Кантера въ глазахъ казаковъ, такъ это то, что бывшіе ученики его вернулись изъ отряда урядниками.

Въ смежномъ поселкѣ Андреевскомъ и затѣмъ въ Бѣлорѣцкомъ школъ вовсе не существуетъ. Въ первомъ изъ этихъ поселковъ есть даже специальное зданіе для школы, но нѣтъ учителя и зданіе пустоеть.

Въ поселкѣ Ключевскомъ обученіемъ занимается казачья малолѣтка. Учащихся 18 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

Въ станицѣ Верхъ-Алейской школа находится далеко не въ блестящемъ состояніи. Смежно съ этой станицей расположено село Ново-Алейское. Въ немъ до послѣдняго времени не было школы, но теперь сельское общество составило приговоръ и ходатайствуетъ объ открытіи министерской школы. Приходскій священникъ, съ которымъ мнѣ привелось бесѣдовать о школѣ, сообщилъ мнѣ, что онъ съ своей стороны рекомендовалъ открыть церковно-приходскую школу, но нѣкоторые изъ крестьянъ коренные обитатели, но напоенные зловреднымъ духомъ, говорятъ: не надо намъ церковно-приходскую школу, откроемъ министерскую!

Батюшка недоволенъ такимъ поворотомъ дѣла.

Филиппъ Зобнинъ.

Весеннія игрища.

Время отъ Пасхи до Троицына дня обыкновенно посвящается игрищамъ, которыя происходятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ гдѣ-нибудь на лужайкѣ, около деревни или поселка между молодыми людьми обоого пола. Подобныя игрища въ обычаѣ, какъ среди крестьянскаго, такъ и среди казачьяго населенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ игрища устраиваются и на святкахъ. Въ этомъ случаѣ молодцы на наемъ помѣщенія вносятъ по гривнѣ съ брата, а дѣвица по свѣчѣ (дер. Арчеты).

Въ общихъ собраніяхъ на игрищахъ веселятся обыкновенно въ такомъ порядкѣ. На средину лужка или комнаты выходитъ молодецъ—запѣвало и съ помощью другихъ начинаетъ пѣсню:

При компаньи мало стало,
Веселиться не съ кѣмъ стало!
Ой, братцы, мало насъ,
Ой, дружки, немножко!
Ты, Феденька, поди къ намъ,
Ехремычъ приступись!
Ой, братцы, мало насъ,
Ой, дружки, немножко!

и т. д.

до тѣхъ поръ, пока не пригласятъ всѣхъ присутствующихъ молодцовъ. Затѣмъ такимъ же образомъ вызываютъ дѣвицъ. Послѣ этого, взявшись за руки, образуютъ кругъ, который движется то въ ту, то въ другую сторону и поетъ:

Весеннія пѣсни.

№ 1.

У Казани у рѣки озеро воды.
Молодецъ коня поилъ, коня воронова.
Коль водицу конь не пьетъ,
Молодца горе беретъ,
Въ карманъ ручки онъ суетъ,
Съ рубликъ денегъ достаетъ.
Съ рубликъ денегъ достаетъ,
Краснымъ дѣвкамъ подаетъ.
Одна дѣвушка смѣла
Къ молодчику подошла,
Съ парня рубличекъ взяла
Въ караванъ гулять пошла.

Въ караванѣ на лужкѣ
Цѣловаться всѣмъ въ кружкѣ.

(Послѣ этихъ словъ играющіе цѣлуются).

№ 2.

Дѣвки, соловей, дѣвки, соловей—соловейко!
Не летай, мой соловей, во чистое поле,
Нé вей, соловей, гнѣздо при долинѣ!
Ты свей, мой соловей, гнѣздо при теремѣ.
Какъ во теремѣ дѣвица мастерица,
Мастерица дѣвица коверъ шила.
Дѣвка шила коверъ вышивала,
Чистымъ серебромъ коверъ насѣкала,
Сама дѣвица коврѣ навѣщала:
«Ты коверъ ли мой коверъ, шитой браной,
«Шитой-браной мой коверъ полотненный,
«Ты кому же мой коверъ достаемся?
«Достается мой коверъ старому мужу,
«Старому мужу коверъ не изоспать,
«Мою молодость дѣвичью не измыкать.

(Послѣ этого гнѣсна начинается снова и вмѣсто послѣднихъ трехъ строкъ приставляютъ слѣдующія:

«Достается мой коверъ своей ровнѣ,
«Своей ровнюшкѣ коверъ все изоспать
«Мою молодость дѣвичью все измыкать.

№ 3.

Скачетъ—пляшетъ чипушекъ
Маленькій воробышекъ...
При бесѣдѣ скучно стало
Веселиться не съ кѣмъ стало!..
Кони вы, кони! лошади казенны!
Отдаемъ васъ, кони, завтра на службу
Дрегуну на нужду службу служить,
Службу служить—сѣно возити,
Сѣно до колѣна, овса до шплетки.
Воды до глотки.
Дрегунъ дома, дрегунъ дома,
Дрегунъ дома ли живешь?
На тебѣ лошадушку,
Пой, корми, про себя держи!

Послѣ этихъ словъ каждый молодецъ беретъ себѣ на колѣни дѣвицу и начинаетъ ее цѣловать, т. е. кормить сѣномъ и овсомъ...

Такая пѣсня, дающая возможность вразу разбиться, называется разбойной: послѣ нея расходятся по домамъ закусить и отдохнуть.

№ 4.

Вышли дѣвушки на улицу,
Вышли красныя на широку.
Онѣ вынесли повynesли
Соловья съ собой на рученькахъ,
Посадили раз-соловьюшка
Что на кáлину, на мáлину,
На черную на смородину.
Ты воспой, воспой соловьюшко,
Взвесели-ко нашихъ дѣвущекъ!
У родимова у батюшки
У родимой своей матушки
Не ровнако замужъ выйдется,
Не ровенъ-отъ чертъ приважется,
То либо старенькой-старешенекъ,
То либо маленькой малешенекъ,
Либо ровнюшка пьяниса дуракъ,
Съ дураками дуракъ знается,
Съ офицерами не водится....

№ 5.

Соберемтесь, дѣвки, въ кругъ,
Соберемтесь, дѣвки, въ кругъ!
Припѣвъ: Люли, люли дѣвки въ кругъ!
Подумамте думушку
Раз-едину крѣпкую! (Припѣвъ).
Принайемъ-те пахарьковъ
Ясашныхъ молодцовъ (Припѣвъ).
Распашемъ-те пашенку,
Посѣемъ-те бѣлый ленъ (Припѣвъ).
Уродись нашъ бѣлый ленъ
Тонокъ, дологъ, волокнистъ (Припѣвъ).
Волоточки *) шелковы,
Головочки золоты (Припѣвъ).
Мой милый вольно гулялъ,
Со льну цвѣтики срывалъ (Припѣвъ).
Въ Дунай рѣчку бросалъ.
Дунай рѣчка не примать
Ко бережку прибивать.

*) Волоточки, волотки—стебельки.

Ко бережку ко юрку,
Ко желтому ко песку (Припѣвъ).
По песочку конь гулялъ,
Конь копытомъ камень бьетъ,
Въ этомъ камнѣ искры нѣтъ,
Въ моей милой правды нѣтъ.
Люли, люли правды нѣтъ.

№ 6.

Какъ подъ наши ворота
Подливалася вода, калина малина!
Подливалася вода, разстиралася трава.
Какъ по этой по водѣ,
И по тою по травѣ
Жена съ мужемъ идутъ-разговариваютъ.

Мужъ говоритъ, какъ жить, какъ быть (Припѣвъ).
Гренатуру купить (Припѣвъ).
Гренатуру купить, женѣ шубу купить (Припѣвъ).

Какъ подъ наши ворота
Подливалася вода,
Подливалася вода, разстиралася трава.
Какъ по этой по водѣ,
И по тою по травѣ
Жена съ мужемъ идутъ
Разговариваютъ.

Жена говоритъ: какъ жить, какъ быть?
Какъ мужа избыть,
Подъ гору его стащить,
Подъ гору его стащить,
Съ его шкуру содрать,
Съ его шкурку содрать,
Подъ себя шкурку послать,
Чтобы мягче было спать,
Веселѣ было вставать
И смѣлѣй идти гулять.

(Весеннія пѣсни подъ №№ 1—6 записаны въ д. Арчетахъ со словъ крестьянина Ѳедора Ефремова Зотѣва).

№ 7.

Ужъ ты, Ванюша-Иванъ,
Ужъ ты вдовій сынъ Иванъ!

Гораздъ пашню пахать
И залогѣ ¹⁾ добывать!
Ужъ я пашенку пашу,
Самъ на солнышко гляжу.
Со полдень то, полдень
Красно солнышко поворачивается,
Призакатывается.
Ужъ я выпрягу лошадушекъ,
Поѣду домой.
Подъѣзжая ко лѣсу,
Ужъ я выѣку лозу,
Выѣку лозу на свою курву жену.
Подъѣзжаю ко двору—
Жена ходитъ по двору
На бѣлилахъ, на румянахъ,
Принапудрилася.
Ужъ ты, женушка-жена,
Гдѣ, женѣнка, гуляла?
Я была спо-была у царя въ кабагѣ
При Иванѣ-чулакѣ ²⁾.
Ужъ я пива не пила,
Вина въ ротъ не брала,
За твое, сударь, здоровье
Стаканъ выкушала.
Спасибо, милая моя,
Что не забыла ты меня.

№ 8.

Я вечеръ то, начесь позденько шла,
Диво видѣла сдивовалася:
Ужъ какъ замнѣка изъ ключика
Водицу пьеть,
Онъ бы часто не часто
Припадываетъ, приговариваетъ —
У удалого молодца
Припечены волоса,
Кудри зѣвились, дѣвки зарилися.
Одна дѣвушка смѣла,
Ко молодцу подошла,

¹⁾ Залогѣ—новая непаханная земля, новина, цѣлина.

²⁾ Чулакъ—безрукій.

Ко молодцу подошла,
За праву руку взяла,
За праву руку взяла,
Въ караванъ гулять пошла.
Въ караванъ во лужкѣ
Цѣловаться всѣмъ въ кружкѣ.
(№№ 7 и 8 записаны въ д. Черновой).

№ 9.

Ты Анюта, ты Анюта
Раз-Анюточка душа!
Раз-Анюточка душа
Не велика выросла,
Не велика выросла,
До семи годовъ дошла,
До семи годовъ дошла
Всѣ науки поняла,
Всѣ науки поняла
Караводы завела,
Караводы завела
Себѣ дружка нажила,
Себѣ дружка нажила
Иманушку сокола,
Иманушка сокола!
Иманушка, соколъ мой,
Поглянулся разумъ твой,
Поглянулся разумъ твой
Весь обычай дорогой.

№ 10.

Веселитесь, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ,
Весна придетъ, солнце зайдетъ,
Сгонить снѣжки,
Сгонить снѣжки, весь морозъ.
Разцвѣтуть въ полѣ цвѣточки,
Всѣ ракиковы куста.
Между этихъ двухъ кусточковъ
Гулять съ милымъ выхожу,
Гулять съ милымъ выхожу
Печаль, горе выношу;
Печаль, горе выношу
Быстрой рѣчкѣ говорю:

Возьми рѣчка, возьми быстра,
Унеси горе съ собой!
Быстра рѣчка не примать,
Все волною не несетъ,
Ко бережку прибивать,
Ко бережку, ко ярку,
Ко желтому ко песку.

№ 11.

Хожу я по горницѣ
И не нахожуся,
Гляжу по народичку
И не нагляжуся.
Много здѣсь хорошихъ,
Много здѣсь пригожихъ,
Кого вѣрно люблю,
Того здѣсь нѣту.
Люблю сполую у сосѣда парня,
У сосѣда парень —
Дѣтинуншка бравый,
У сосѣда дѣвушка
Очень хороша...

Прошѣвъ такимъ образомъ, начинаютъ пѣть въ другой разъ—чаще и затѣмъ цѣлуются. Пѣсня святочная.

(№№ 9, 10 и 11 записаны въ пос. Ключевскомъ).

№ 12.

Заря ты моя, зоренька,
Заря моя вечерная,
Игра моя веселая!
Лишь бы, лишь бы разыгаться мнѣ,
Лишь бы расплясаться мнѣ.
Свекоръ выходитъ за ворота,
Онъ кличить немилую сноху:
Ужъ ты подь, поди, немилая сноха!
Я иду, иду тебя не слушаюся,
У меня игры недоигранья,
Скачки-пляски недоплясаныя,
Подруженекъ не гнѣваю,
Игры свои не брасываю.

Заря ты моя, зоренька,
Заря моя вечерная,

Игра моя веселая!
Лишь бы, лишь бы разыгаться мнѣ,
Лишь бы расплясаться мнѣ.
Свекровь выходитъ за ворота,
Она кличитъ немилую сноху:
Ужъ ты подь, поди, не милая сноха,
Я иду, иду, тебя не слушаюся:
У меня игры недоиграчныя,
Скачки-пляски недоплясаныя,
Игры свои не брасываю,
Подруженекъ своихъ не гнѣваю.

Заря ты моя, зоренька,
Заря моя вечерная,
Игра моя веселая!
Лишь бы, лишь бы разыгаться мнѣ,
Лишь бы расплясаться мнѣ.
Мужъ выходитъ за ворота
Кличетъ милую жену:
Ужъ ты подь, поди, милая жена!
Я пойду, послушаюсь тебя,
Игры свои брасываю,
Подруженекъ своихъ прогнѣваю.

№ 13.

Оргія дѣвица, пьяное пиво!
Мы пива напьемся,
Всѣ подеремся,
Всѣ разойдемся!

Послѣ этихъ словъ играющіе расходятся въ разные стороны.

Оргія дѣвица, пьяное пиво!
Мы пива напьемся,
Всѣ мы соберемся,
Всѣ мы помиримся!

Сходятся въ кружокъ и цѣлуются.

№ 14.

Играющіе становятся въ кружокъ и поютъ:

На горѣ то макъ,
При долинѣ такъ.
Мои, мои маковицы,
Золотыя головыцы,—
При долинѣ такъ!

Затѣмъ кричатъ: «Спосядемъ!» и садятся. Сидя поютъ 2 или три раза тѣ же слова, причемъ, руки кладутъ себѣ на голову. По окончаніи пѣнія кричатъ: «Встанемъ!», встаютъ и хлопаютъ въ ладоши, будто сорвали поспѣвшій макъ.

(№№ 12, 13 и 14 записаны въ пос. Андреевскомъ).

№ 15.

Дѣвушка въ садѣ гуляла,
Красавица малинушку брала.
Она брала, брала, немножко набрала.
Ужъ я, кажется, ни съ кѣмъ не стѣяла,
Хоть я стоила, со милымъ говѣрила:
Ахъ ты, миленькой мой,
Милый, ласковый дружокъ!
Я слышала, другъ, про несчастье про твое,
Выбираютъ тебя въ иные дальные города,
Ты поѣдешь, мой другъ,
Возьми меня съ собой,
Возьми меня съ собой,
Назови родной сестрой.
Хоть не родною,
Но молодой своей женой.
Ахъ, ты глупая, неразумная дѣвушка,
Меня въ полку офицеры всѣ знаютъ,
Что нѣтъ у меня родной сестры,
Нѣтъ родной сестры
И молодой жены...

(Записано въ пос. Тигирекскомъ).

Ф. Зобнинъ.

Тюркская сказка о Идыге.

¹ вариантъ. Записанъ миссіонеромъ о. Ивановскимъ отъ киргизъ, кочующихъ въ горахъ Тарбагатай, въ Семипалат. области. Доставлена А. А. Ивановскимъ.

Въ давнее время жила одна вдова, у которой было три сына; сыновья жили отдѣльно другъ отъ друга; несмѣтное ихъ богатство служило пропитаніемъ цѣлой страны, въ которой они жили со своей матерью. Однажды, въ этой вдовѣ пріѣхало сорокъ человѣкъ гостей; только что гости сѣли за ужинъ, пришло извѣстіе, что старшій ея сынъ умеръ; вдова сказала, что она пріѣдетъ къ покойнику, какъ только проведетъ своихъ гостей, а пока тѣло ея сына пусть положатъ на правое мѣсто въ юртѣ ¹⁾. Какъ только отправился первый гонецъ, за нимъ пріѣхалъ другой съ извѣстіемъ, что и второй сынъ вдовы умеръ. Вдова отвѣтила тоже самое, какъ и при извѣстіи о смерти старшаго сына, т. е., что пріѣдетъ тотчасъ, какъ только проведетъ гостей. Тотчасъ послѣ этого пріѣхалъ еще гонецъ съ извѣстіемъ о смерти младшаго сына; вдова и въ этотъ разъ отвѣтила такъ же. Какъ только наступило утро, гости отправились домой, а вдова велѣла привезти покойниковъ къ себѣ; потомъ она похоронила ихъ по народному обычаю. Жены умершихъ остались вдовами.

Однажды жены, посовѣтовавшись между собою, стоворились поискать себѣ другихъ мужей. Они говорили: „На что намъ богатство, когда мы живемъ на свѣтѣ безъ мужей!“ Втроемъ, украдкой отъ свекрови, они отправились въ путь. Дорогой младшая изъ трехъ вдовъ часто посматривала назадъ; другія двѣ замѣтили это, спрашиваютъ: „почему ты оглядываешься назадъ?“ Тогда она отвѣтила: „Я оглядываюсь потому, что мы всѣ втроемъ убѣжали отъ свекрови, не отпросившись у нея; да отчасти мнѣ и жаль бѣдную старуху. Некому теперь ей помочь!“ „Если тебѣ очень жалко свекровь, то мы тебя не удерживаемъ, можешь идти назадъ!“ Такимъ образомъ, младшая сноха прибѣжала обратно, а бѣдная старуха, увидѣвши свою молодуху, такъ обрадовалась, что даже позабыла про смерть своихъ сыновей.

Спустя нѣсколько лѣтъ, молодуха родила близнецовъ, сразу трехъ сыновей; свекровь обрадовалась этому. Дали имъ имена, одному Бабай, другому Тувты, третьему Шашъ-Тазы. Когда мальчики подросли, они всегда

¹⁾ У киргизъ обычай класть покойника на правой сторонѣ юрты, головой къ западу.

втроемъ ходили къ сосѣднему озеру купаться; однажды, пришедши къ озеру, они увидѣли трехъ лебедей, тоже прилетѣвшихъ на купанье; вдругъ, къ удивленію мальчиковъ, эти лебеди сбросили съ себя свое верхнее одѣяніе, т. е. перо, и сдѣлались дѣвушками. Мальчики, спрятавшись, слѣдили за ними; какъ только дѣвицы вошли въ воду и стали купаться, мальчики схватили лебединныя шкуры, въ которыхъ онѣ прилетѣли къ озеру, и спрятали. Дѣвицы, выкупавшись, вышли на берегъ и замѣтили, что ихъ лебединныя шкуры кѣмъ то украдены. Тогда къ нимъ выбѣжали мальчики Бабай, Тукты и Шашъ-Тазы. Дѣвушки стали просить мальчиковъ, чтобъ они отдали имъ взятыя шкуры, но мальчики на это не согласились. Тогда дѣвицы (добрые духи, дію фіри) насильно надѣли на себя лебединныя шкуры и поднялись на небо; такъ какъ они узнали, что мальчикамъ ни за что не хочется разставаться съ ними, то они ихъ взяли съ собой въ свой домъ и, укрывая ихъ отъ другихъ духовъ, тайкомъ жили съ ними трое съ тремя. Спустя нѣсколько лѣтъ, младшая изъ нихъ, вышедшая за младшаго изъ братьевъ, за Шашъ-Тазы, стала беременною; старшія сестры стали сердиться на нее и задумали, во чтобы то ни стало, наказать ее за это. Съ этою цѣлью старшія сестры сказали ей мужу Шашъ-Тазы: „Твоя жена не есть дочь добрыхъ духовъ; она чертова дочь; если ты хочешь удостовѣриться въ этомъ, посмотри когда нибудь, что она дѣлаетъ, когда ты въ отсутствіи; тогда ты въ этомъ убѣдишься“. Шашъ-Тазы такъ и сдѣлалъ, засталъ ее въ то время, когда она чесала свои волосы. Шашъ-Тазы увидѣлъ, что у нея на головѣ видны и свѣтять мозги, черезъ грудь видны легкія, черезъ ноги жилы (это бываетъ только у однѣхъ красавицъ духовъ). Увидѣвъ вошедшаго мужа, она поспѣшила укрыться въ лебединныя шкуры и улетѣть. Такимъ образомъ она скрывалась въ теченіе восьми дней; на девятый день она возвратилась къ мужу, сѣла недалеко отъ мужа и сказала ему: „Ты послушался недобрыхъ людей, они тебѣ и мнѣ завидовали; послушавшись ихъ совѣта, ты сдѣлалъ себѣ худое, лишился жены и лишишься будущаго сына, котораго тебѣ придется искать, въ чужомъ государствѣ, въ городѣ Кумгель, недалеко отъ холма Куба-донгъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся девять дорогъ. Тамъ я и брошу твоего сына; шесть дней его будетъ кормить пайтанъ Азраиль, семь дней Джебраиль (Гавріиль); на головѣ его будетъ бѣлая чалма; сорокъ дней объ немъ будетъ заботиться и кормить его Кыдыръ-ата; наружность его бѣлокурая, на лопаткѣ у него будетъ печать Азраила, на лбу печать Джебраила. Когда будешь искать сына, надѣнешь желѣзные сапоги и возьмешь желѣзную палку? Найдешь сына, когда отъ желѣзныхъ сапоговъ останутся однѣ только подошвы, а отъ желѣзной палки остатокъ съ иголку!“ Сказавъ это, жена Шашъ-Тазы улетѣла. Шашъ-Тазы горько заплакалъ, что

лишился своей возлюбленной и будущего сына. Онъ рѣшился идти искать сына. Надѣвши бѣлую чалму, желѣзные сапоги и взявъ желѣзную палку, пошелъ странствовать. Жена его родила сына и положила на перекресткѣ дорогъ, а сама улетѣла.

Спустя нѣсколько времени по этой самой дорогѣ проѣзжалъ караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ драгоценностями хана этой страны. Вожакъ каравана вдругъ услышалъ какой-то человѣческій плачь; сначала онъ подумалъ, что это обманъ его слуха, не вой ли волка, но потомъ убѣдился, что это плачь человѣка; онъ велѣлъ каравану двинуться скорѣе впередъ въ ту сторону, гдѣ былъ слышенъ плачь. Подѣхавши, они увидѣли младенца, который лежалъ подъ тѣнью высокорастущаго исполинскаго дерева и при видѣ приближавшихся улыбался. Вожакъ каравана, какъ человѣкъ бездѣтный и нуждающійся въ наслѣдникѣ, съ радостью взялъ ребенка себѣ и, велѣвъ каравану двинуться впередъ, самъ съ младенцемъ отправился за караваномъ. Велика была радость вожака Ажу-Кожа, что Великій Богъ послалъ ему сына; отъ всей души онъ благодарилъ за это Всевышняго Создателя.

Когда караванъ прибылъ въ столицу хана этой страны, Ажу-Кожа представилъ найденнаго младенца хану; ханъ, увидѣвъ младенца, сказалъ, что этотъ младенецъ его, что его имя Эдигэ; что ханъ, будто-бы, нарочно велѣлъ положить ребенка на самую дорогу, чтобы путеводитель каравана Ажу-Кожа, услышавши голосъ ребенка еще издали, поскорѣе поспѣшилъ въ городъ. Конечно, Ажу-Кожа не повѣрилъ этому и они вдвоемъ должны были пойти для правосудія къ казію (судѣ). Въ это время во дворецъ къ хану является какой-то неизвѣстный странникъ, одѣтый весь въ бѣлое; на головѣ его чалма; самъ онъ изнуренный, какъ видно, человѣкъ, повидавшій на своемъ вѣку много хорошаго и худого. О приходѣ странника доложили хану; ханъ, разспросивъ, во что одѣтъ странникъ, счелъ долгомъ, по обычаю народа пригласить странника къ себѣ, какъ человѣка постранствовавшаго по свѣту и повидавшаго много добраго и худого. Когда странникъ вошелъ въ комнату хана, онъ увидѣлъ какого-то человѣка; это былъ вожакъ каравана Ажу-Кожа. По обычаю, стали спрашивать странника: откуда онъ, куда путь держать и съ какою цѣлью? Тогда странникъ говоритъ, что его зовутъ Шашъ-Тазы, что онъ потерялъ сына и странствуетъ по свѣту, ища потеряннаго сына. Ажу-Кожа и ханъ спрашиваютъ его, есть ли у отыскиваемого имъ младенца какія-нибудь примѣты на лицѣ или гдѣ-нибудь на тѣлѣ. Странникъ разсказалъ, какія должны находиться примѣты у мальчика, на лопаткѣ печать Азраила, на лбу печать Джебрайла. Тогда Ажу-Кожа и ханъ повѣрили ему и странникъ, взявши своего сына, отправился, довольный въ душѣ обратно домой, а ханъ и Ажу-Кожа остались не при чемъ.

Возвращаясь домой, Шашъ-Тазы дорогой остановился у бѣднаго старика со старухой, у которыхъ, кромѣ пяти козъ, ничего не было. Странникъ Шашъ-Тазы остановился у этого старика съ цѣлью помолиться Богу и покормить ребенка. Когда онъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ старику: «Послушай, старикъ? Вотъ мы съ тобой дожили, ты до семидесяти лѣтъ, я до шестидесяти, а дѣтей не имѣемъ. Попросимъ у этого святого странника, который, пожалуй, болѣе не посѣтитъ насъ при нашей жизни». Старикъ согласился на совѣтъ своей старухи. Когда странникъ вернулся въ юрту, старуха предложила ему, чтобы онъ оставилъ имъ своего сына. Странникъ сначала молчалъ; ему не хотѣлось своего сына оставить у чужихъ, но старикъ со старухой все упрасивали его, такъ что странникъ сталъ не радъ и, наконецъ, долженъ былъ уступить; онъ попросилъ только, чтобы они достали ему какую нибудь лошадь доѣхать до родины. Старикъ обрадовался, продалъ какую то вещь, досталъ лошадь и отправилъ странника поскорѣе въ путь. Шашъ-Тазы уѣхалъ на родину, а сынъ его Эдигэ остался у старика. Старуха только и дѣлала, что ухаживала за Эдигэ, а старикъ пасъ своихъ козловъ.

Когда мальчикъ выросъ и достигъ семи лѣтъ, то пасти козловъ началъ ужъ онъ; тогда старикъ со старухой дали ему другое имя Койчубай; койчи значитъ овечій пастухъ, бай—богатый хозяинъ. Какъ только началъ пасти козловъ Койчубай, козлы начали размножаться; черезъ немного лѣтъ козлиное стадо стало большое и старикъ со старухой стали жить лучше.

Въ то время, какъ Койчубай пасъ въ степи козловъ, другіе пастухи обращались къ нему въ случаѣ ссоры ихъ между собой и онъ разбиралъ ихъ и рѣшалъ споры. Потомъ къ нему стали обращаться уже не одни пастухи, а сосѣди и онъ сдѣлался между ними біемъ-вази, а самъ продолжалъ пасти козловъ. Въ той странѣ, гдѣ жилъ Эдигэ, т. е. Койчубай, народомъ управлялъ ханъ Тохтамышъ; у хана былъ великій визирь по имени Джамбай, который любилъ охоту, часто ѣздилъ на охоту и большую часть времени проводилъ въ ней. Однажды Джамбай убилъ зайца на горѣ одного владѣльца; владѣлецъ обидѣлся и потребовалъ себѣ зайца, убитаго на его землѣ; пришлось искать правосудія у біевъ-казіевъ; владѣлецъ горы приглашалъ Джамбая идти судиться къ Койчубаю, а Джамбай звалъ къ хану Тохтамышу. Наконецъ, согласились пойти къ Койчубаю. Койчубай (Эдигэ) дѣла свои разбиралъ въ степи; дома ему нельзя было это дѣлать, потому что некому было пасти козловъ. Спорившіе о зайцѣ пришли къ Койчубаю; онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они пришли и визирь рассказалъ ему свое, а владѣлецъ горы свое. Тогда Койчубай взялъ убитаго зайца, положилъ на

голову визирю Джамбаю и велѣлъ владѣльцу горы стрѣлять по зайцу; тотъ не согласился и испуганный бросилъ ружье. Тогда Койчубай убитаго зайца положилъ на голову владѣльца горы и велѣлъ стрѣлять визирю охотнику; визирь выстрѣлилъ и уронилъ зайца съ головы владѣльца горы. Койчубай взялъ зайца и отдалъ визирю Джамбаю, а его противнику велѣлъ идти въ свой домъ. Послѣ этого визирь Джамбай убѣдился въ правосудіи и находчивости Койчубая (Эдигэ), подружился съ нимъ и даже подарилъ ему саблю; дружбу свою они закрѣпили обрядомъ: подрѣзали у правой руки жилы, спустили въ чашку кровь и, смѣшавши ее, выпили оба. Въ другой разъ визирь опять выѣхалъ на охоту и увидѣлъ двухъ человекъ, которые ѣхали къ хану судиться; споръ между ними вышелъ изъ-за верблюженка; одинъ говорилъ, что верблюженокъ его, что онъ потерялъ его тогда-то, другой говорилъ, что его и что верблюдица скучаетъ. Тогда великій визирь повелъ ихъ къ казію Койчубаю; Койчубай сдѣлалъ такое рѣшеніе, велѣлъ привести верблюдицу; верблюженокъ, увидѣвши мать, сейчасъ и пошелъ къ ней; владѣлецъ верблюдицы увелъ верблюженка по рѣшенію Койчубая, а его противникъ остался не при чемъ. Однажды къ Койчубаю пришли двѣ матери со споромъ изъ-за ребенка младенца; одна увѣряетъ, что ребенокъ ея, а другая, что ея; одна говорила, что ребенокъ былъ ею потерянъ во время нападенія грабителей, другая, что она его запрятала въ яму. Чтобы разобрать, чья сторона правая, чья виновная, кази Койчубай велѣлъ обѣимъ матерямъ сѣсть на землю, потомъ взялъ подаренную визиремъ саблю и какъ только онъ замахнулся, чтобы напугать женщинъ и заставить ихъ сказать правду, одна изъ нихъ остановила его, закричавъ: «Пожалѣй насъ, мы страдаемъ изъ-за одного младенца!» Другая же въ это время сидѣла и молчала. Тогда бій-кази Койчубай-Эдигэ убѣдился, которой изъ женщинъ принадлежитъ ребенокъ и отдалъ той, которая молчала; она не жалѣла себя и готова была предать себя за ребенка.

Въ то время жили пятеро братьевъ; они жили очень бѣдно; изъ животныхъ у нихъ всего была одна коза и та хромая. Однажды они вздумали эту козу раздѣлить между собою. Такъ и сдѣлали, они закололи ее; одному досталась голова, другому и всѣмъ остальнымъ по ножкѣ, младшему изъ братьевъ досталась хромая нога; изъ этой козы образовалось пять козъ; у младшаго коза оказалась хромая. Каждый изъ братьевъ пасъ свою долю. Однажды козы старшихъ братьевъ потравили у сосѣдей ниву и всю вину свалили на младшаго. Владѣлецъ нивы пошелъ съ жалобой къ хану, и старшіе братья оправдались, а младшій былъ осужденъ пойти на четыре года въ работники къ владѣльцу нивы. Когда же братья возвращались отъ хана, старшіе были въ веселомъ настроеніи и пѣли пѣсни, только горе пало на долю младшаго.

Дорогой это увидѣлъ пастухъ, т. е. бій-кази Койчубай (Эдигэ) и спросилъ плачущаго парня: „О чемъ плачешь?“ Парень отвѣчалъ: „Какъ же мнѣ не плакать, когда ханъ не оправдалъ меня, безвиннаго, а оправдалъ моихъ братьевъ виновныхъ и мнѣ приходится за нихъ терпѣть горе и нужду, служить даромъ четыре года работникомъ“. Выслушавъ его разсказъ, Койчубай сказалъ ему: „Иди этой дорогой, тоже распѣвая свою пѣсню, а я пойду къ твоимъ братьямъ. Когда же твои братья спросятъ меня, почему ты пошелъ съ пѣсней, тогда я отвѣчу имъ: онъ оправданъ ханомъ Тохтамышемъ; если твои братья скажутъ тебѣ: мы были оправданы ханомъ, а не ты, пойдемъ опять къ хану и спросимъ его, на это ты отвѣчай имъ: согласенъ!“ Всѣ пятеро вмѣстѣ съ пастухомъ бѣгомъ-Койчубаемъ (Эдигэ) опять пошли къ хану Тохтамышу. Пришедши, братья спросили Тохтамыша, кого онъ оправдалъ. Послѣ отвѣта Тохтамыша Койчубай сказалъ: „Приказаніе ваше должно быть свято и не нарушимо; если это правда, то пусть такъ и будетъ“, сказалъ Койчубай и еще прибавилъ: бастанъ барганга тартсангъ бастынгъ іесинэ тартыръ басынъ барганга тартсангъ ушъ сау аякъ іесинэ тартыръ ауру аякдынгъ іеси апарунъ отъ коюппа, т. е., такъ какъ голова козла была отдана старшему, цѣлыя ноги тремъ другимъ братьямъ, а хромяя нога младшему, то должно быть такъ: если козлы пошли сами, то они своею головою думали, а если они пошли, то идти могли съ цѣлыми ножками; какимъ же образомъ хромоногая коза могла пойти на пашню и потравить хлѣбъ, когда она не въ состояніи была пойдти и питалась, подсакивая съ ноги на ногу?“ Тогда ханъ убѣдился, что это правда и вмѣсто младшаго отдалъ владѣльцу нивы четырехъ старшихъ братьевъ-работниковъ, младшій же былъ освобожденъ.

Тохтамышъ-ханъ объявилъ своему народу, чтобы Койчубая отдали ему въ сыновья. Когда объ этомъ объявили Койчубая, онъ не согласился быть сыномъ хана. Онъ сказалъ: „Если ханъ хочетъ взять меня за сына, то пусть моимъ отцу и матери заплатитъ за ихъ труды, т. е. за то, что воспитали меня, и пусть обезпечитъ ихъ на всю жизнь своимъ добромъ. Если ханъ на это согласится, то я могу быть сыномъ хана“. Ханъ согласился на это предложеніе и сказалъ: „Пусть такъ и будетъ, только отдайте мнѣ сына Койчубая!“

Когда Койчубай перешелъ на житье къ хану, ханъ сдѣлалъ его первымъ лицомъ въ своемъ владѣніи; тутъ ему перемѣнили имя изъ Койчубая въ Эдигэ, что значитъ: „человѣкъ, заботящійся о всѣхъ“. Такимъ образомъ, прошло сряду нѣсколько лѣтъ; ханъ любилъ Эдигэ, а Эдигэ хана. За это время дочь хана влюбилась въ Эдигэ; она постоянно уговаривала Эдигэ бѣжать съ нею вмѣстѣ къ сосѣднему хану Сатемиру, но Эдигэ не соглашался. Онъ говорилъ ей: „Какъ я стану наживать врага на своего отца?“ Ханъ Сатемиръ частенько дѣлалъ набѣги на хана Тохтамыша съ своими войсками,

когда же Эдигэ сдѣлался управителемъ, эти набѣги прекратились вслѣдствіе улучшения войскъ въ ханствѣ Тохтамыша. Дочь Тохтамыша не переставала уговаривать Эдигэ, но онъ на нее не обращалъ никакого вниманія, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, перешелъ изъ ханскаго дворца, въ которомъ жилъ вмѣстѣ съ ханомъ, въ особое помѣщеніе. Узнавши объ этомъ, ханъ спросилъ жену, почему Эдигэ отошелъ на другую половину дворца. Ханша, зная, что между Эдигэ и дочерью хана существуетъ связь, и питавшая къ Эдигэ злобу за то, что онъ, простой человѣкъ, только что выдвинувшійся на такую должность, не хочетъ жениться на ханской дочери, сказала хану слѣдующее: „Негодный человѣкъ твой великій визирь Эдигэ; онъ затѣваетъ дѣло, небывалое въ нашемъ родѣ; онъ хочетъ убѣжать къ твоему врагу Сатемиру и уговорить Сатемира, чтобы онъ пошелъ войной на тебя и тогда они вдвоемъ до тла уничтожатъ твое царство. Не прославится твое царство, мы съ тобой должны будемъ пойти въ рабство къ Эдигэ и умремъ подъ старость въ нищетѣ, а твоя любимая дочь будетъ скитаться по чужимъ дворамъ просить милостыни, чтобы пропитать насъ. Поэтому, если не желаешь быть рабомъ, уничтожай какъ можно скорѣе Эдигэ». Такъ закончила рѣчь злая жена Тохтамыша. Тохтамышъ повѣрилъ всему этому, потому что прежде она ни разу не обманывала его, и сталъ придумывать, какъ бы поскорѣе оставить его безъ должности и предать казни или другому наказанію. Съ этою цѣлью онъ собралъ народъ и спросилъ его, какимъ образомъ удалить Эдигэ. Тогда изъ среды народа выступилъ восьмидесятилѣтній старикъ, который сказалъ хану: „Если ты хочешь избавиться отъ Эдигэ, то поступи такъ. Прикажи своимъ подданнымъ, чтобы они на свою казну построили желѣзный домъ, сдѣлали въ этомъ домѣ три входа и пятнадцать желѣзныхъ печей; растопи эти печи и накали до-красна. Затѣмъ, вели набрать различныхъ сортовъ вина, вели эти вина соединить вмѣстѣ, а затѣмъ напои Эдигэ этимъ виномъ“. Все такъ и сдѣлали по словамъ восьмидесятилѣтняго старика. Эдигэ объ этомъ замыслѣ ничего не зналъ; онъ былъ извѣщенъ объ немъ своимъ другомъ визиремъ Джамбаемъ; послѣдній давалъ совѣты Эдигэ, чтобы онъ на время скрылся куда-нибудь, но Эдигэ, какъ повровитель народа, сказалъ: „Развѣ надо мною не сжалится народъ, о благосостояніи котораго я такъ заботился?“ Какъ человѣкъ твердый, онъ остался при своемъ рѣшеніи. Тогда Джамбай сказалъ ему: „Когда тебя напоютъ виномъ, отведутъ въ желѣзный домъ и поставятъ тамъ палачей, великій ханъ велитъ бить тебя; передъ этимъ я извѣщу тебя, а ты въ это время помолись Богу. Можетъ быть Онъ тебѣ въ этомъ случаѣ поможетъ“.

Ханъ пригласилъ Эдигэ и сталъ пировать вмѣстѣ; напоивши Эдигэ, далъ приказаніе визирямъ увести его въ желѣзный домъ, передъ тѣмъ только на-

каленный до-красна. Эдигэ, вошедши въ домъ, расхаживалъ взадъ и впередъ; жаръ на него не дѣйствовалъ нисколько.

Когда же онъ опьянѣлъ, отдано было приказаніе изсѣчь его на куски. Только что палачи хотѣли исполнить приказаніе хана, вдругъ невидимая сила все это уничтожила, желѣзный домъ развалился на мелкіе куски, а палачи остались подъ грудами обломковъ, Эдигэ же, невредимый ни чѣмъ вышелъ, улыбаясь, къ народу и сказалъ передъ всѣми: „Теперь вы всѣ убѣдились, кто правъ изъ насъ, ханъ или я! Поэтому, развѣ не справедлива пословица: правда свѣтлѣе солнца?“ Увидѣвъ это, ханъ Тохтамышъ подчинился Эдигэ; злая жена Тохтамыша была пресуждена ханомъ, ея мужемъ, къ казни, но Эдигэ простилъ ее и сказалъ: „зло должно уплачиваться добромъ“.

Въ скоромъ времени Тохтамышъ умеръ и управленіе народомъ перешло къ умному и дѣятельному человѣку и прославилось ханство Эдигэ.

2 вариантъ. Записанъ мною со словъ киргизскаго султана Д. Х. Султанъ-Газина, который слышалъ сказку на своей родинѣ, въ Семипалат. обл. на рѣкѣ Токрау и рассказалъ ее по воспоминаніямъ своего дѣтства.

Эдыгэ былъ сынъ святого Баба-Тукляса, который былъ женатъ на дочери пери (духа). Когда она забеременѣла, то отъ стыда удаляясь отъ Баба-Тукляса навсегда, она сообщила ему, что у нея родится сынъ, котораго онъ найдетъ на мѣстѣ пересѣченія девяти дорогъ. Но нашелъ его не Баба-Туклясъ, а поднялъ ребенка пастухъ, случайно пасній по той дорогѣ скотъ. У него и выросъ Эдыгэ.

Однажды Эдыгэ стоялъ, наблюдая за скотомъ. Мимо него прошли двѣ женщины, спорившія о ребенкѣ. Онъ спросилъ ихъ, въ чемъ ихъ дѣло? Каждая изъ нихъ утверждала, что ребенокъ принадлежитъ ей. Такъ какъ ни та, ни другая не желаетъ уступить ребенка добровольно, то онѣ ѣдутъ теперь судиться къ хану. Эдыгэ взялся рѣшить имъ споръ. Онѣ согласились, и Эдыгэ сказалъ имъ, что рѣшаетъ ихъ дѣло такъ; онъ разсѣчетъ ребенка на двое и дастъ каждой женщинѣ по части; тогда настоящая мать, обливаясь слезами, умоляла Эдыгэ не дѣлать этого; она уступаетъ ребенка другой женщинѣ. Тогда Эдыгэ убѣдился, что это и есть настоящая мать, отдалъ ей ребенка.

Еще Эдыгэ рѣшилъ дѣло двухъ лицъ, спорившихъ о верблюженкѣ. Онъ велѣлъ тяжущимся отвести своихъ верблюдицъ, выдаваемыхъ ими за матерей верблюженка, на нѣкоторое разстояніе и поставить за сопкою, и когда его приказаніе исполнили, сталъ мучить верблюженка. Тогда истинная мать верблюженка, услышавъ его крикъ, не могла удержаться на мѣстѣ и бросилась къ нему.

Нѣсколько времени спустя молва о мудромъ пастухѣ Эдыгѣ дошла до хана Тохтамышна; ханъ призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ табунщикомъ; Эдыгѣ сталъ пасти ханскихъ лошадей. Жена хана влюбилась въ Эдыгѣ и стала соблазнять его; Эдыгѣ не поддался на ея соблазнительныя рѣчи; тогда она рѣшила, во чтобы-то ни стало, отметить ему. Съ этою цѣлью она однажды сказала Тохтамышу, что звѣзда Эдыгѣ стоитъ выше звѣзды хана; она думаетъ такъ потому, что когда Эдыгѣ входитъ въ юрту хана, ханъ вздрагиваетъ. Чтобы убѣдить хана въ этомъ, ханыша воткнула на поверхности халата на ханѣ иголку; когда Эдыгѣ вошелъ въ юрту, иголка отлетѣла въ сторону. Замѣтивъ это, ханъ сталъ бояться Эдыгѣ и рѣшился убить его. Но открыто совершить убійство онъ не осмѣлился, потому что Эдыгѣ былъ большой силачъ и ловкій наѣздникъ. Поэтому, ханъ хотѣлъ погубить Эдыгѣ посредствомъ обмана; онъ объявилъ Эдыгѣ, будто онъ хочетъ выдать за него свою дочь и сталъ устраивать пиръ. Намѣреніе хана было—напоить Эдыгѣ виномъ и убить. Но объ этомъ ханскомъ намѣреніи Эдыгѣ предупредилъ его другъ Кекъ-Дженбай, сынъ Кенеса (Кенесдынъ-олы Кекъ-Дженбай); онъ привелъ осѣдланнаго коня для бѣгства Эдыгѣ. Эдыгѣ бросился изъ юрты и, стѣвъ на лошадь, сказалъ:.... ¹⁾.

Услышавъ угрозы Эдыгѣ, Тохтамышъ разсердился и крикнулъ: «Ловите единца!» именемъ «единца» ханъ хотѣлъ намекнуть, что Эдыгѣ былъ единственный сынъ или безродный. Въ числѣ Тохтамышевыхъ людей, находившихся тутъ же, кромѣ Эдыгѣ, было еще семь другихъ единцевъ, которые тоже могли принять слова хана на свой счетъ. Эдыгѣ пустился бѣжать; съ нимъ вмѣстѣ побѣжали и семеро другихъ единцевъ. Тохтамышъ умолялъ Кекъ-Джембая, Кенесова сына, остановить своего друга. Подкупленный ханомъ, Джембай догоняетъ Эдыгѣ и уговариваетъ его вернуться. Эдыгѣ не соглашается и говоритъ Джембаю: «Ты, Кенесовъ сынъ, Кекъ-Джембай, безумный Бекъ-Джембай, вернись-ка лучше обратно, а то сабля коснется твоей шеи и кровь обольетъ твою грудь!» ²⁾. Кекъ-Джембай вернулся, а Эдыгѣ поѣхалъ въ Са-Темиру.

Дорогой Эдыгѣ встрѣтилъ Чуюнь-вулакъ-дядя ³⁾, который увезъ у Са-Темиръ-хана дочь; у Чуюнь-вулакъ-дяди было сорокъ товарищей (крыкъ джулдасъ). Эдыгѣ подружился съ Чуюнь-гулакомъ и они разбили свои палатки рядомъ. Семь единцевъ, сопутествовавшихъ Эдыгѣ и сорокъ Чуюнь-гу-

¹⁾ Эта рѣчь Эдыгѣ изложена въ стихахъ, которые г. Султанъ-Газинъ забылъ. Эдыгѣ въ этой рѣчи говоритъ о зломъ, незаслуженномъ замыслѣ Тохтамышна; онъ говоритъ, что Тохтамышъ хочетъ убить его безъ всякой вины, и что онъ, Эдыгѣ, поѣдетъ въ Са-Темиру и съ помощью его убьетъ Тохтамышна.

²⁾ Эта рѣчь изложена въ стихахъ.

³⁾ Дядя—великанъ. Чуюнь-гулакъ,—„чугунное ухо“.

лаковыхъ товарищей гоняли вмѣстѣ лошадей на водопой. Однажды Эдыгэ спрашиваетъ у своихъ единцевъ: «Отчего, когда вы пригоните лошадей на водопой, оттуда бываетъ слышенъ шумъ и гамъ?» Тѣ отвѣтили, что, спустившись къ водопою, они играютъ съ сорока товарищами Чюнь-гулака, шутя воюютъ съ ними, и всякій разъ связываютъ ихъ. Эдыгэ сказалъ имъ: «Завтра свяжите ихъ какъ можно крѣпче и такъ оставьте, а мнѣ поймайте и приведите чубарую лошадь Чюнь-гулака!» Семеро товарищей Эдыгэ такъ и сдѣлали. Эдыгэ, сѣвъ на коня Чюнь-гулака, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ, подскочилъ къ его палаткѣ и громкимъ голосомъ вызвалъ его на бой. Чюнь-гулакъ выскочилъ и у входа въ палатку былъ застрѣленъ изъ лука; Эдыгэ попалъ ему въ горло, единственное мягкое мѣсто въ его тѣлѣ; остальное тѣло Чюнь-гулака было все желѣзное. Чюнь-гулакъ не сразу умеръ; онъ сталъ ловить Эдыгэ, но въ руки ему попался только конецъ хвоста чубарой лошади, который и оторвался. Вотъ оттого-то хвосты у чубарыхъ лошадей бываютъ короткіе.

Убивъ Чюнь-гулака, Эдыгэ взялъ дочь Са-Темира и доставилъ ее къ ея отцу. Са-Темиръ отдалъ ее за Эдыгэ замужъ. Эдыгэ, заслуживъ уваженіе у Са-Темира, отправился противъ Тохтамыша, раззорилъ его царство. Самъ Тохтамышъ былъ убитъ.

Отъ дочери Са-Темира у Эдыгэ родился сынъ Нуралы. Когда Тохтамышъ былъ убитъ, была взята въ плѣнъ его дочь; изъ за нея вышелъ споръ у Эдыгэ съ Нуралы, у отца съ сыномъ; Нуралы осердился и бросилъ въ отца находившеюся въ его рукахъ балалайкою; балалайка попала Эдыгэ въ руку и причинила переломъ руки, а тѣкъ (кобылка, подставка подъ струнами) выскочила и попала въ глазъ Эдыгэ, отчего онъ потерялъ зрѣніе.

Когда Эдыгэ раззорилъ ханство Тохтамыша и беспощадно убивалъ всѣхъ ближнихъ своего врага, онъ увидѣлъ одну рабыню Тохтамыша, пожалѣлъ убить ее и оставилъ ее живою на мѣстѣ стоянки аула. Рабыня эта была такая сильная, что когда мочилась, мочею размывала землю и дѣлала въ ней борозду. Она была съ зачатымъ отъ Тохтамыша ребенкомъ; она голодала въ степи и гдѣ-то въ пещерѣ родила сына Кей-Кувата, будущаго героя. Одновременно съ рожденіемъ его, кляча-кобыла, подобно рабынѣ, оставшаяся въ той-же степи, родила саврасаго жеребенка, будущаго знаменитаго Кудаша-атъ («саврасый конь»). На этомъ конѣ сражался Кей-Куватъ съ потомками Эдыгэ послѣ того, какъ убилъ самого Эдыгэ.

Дополненіе, записанное при содѣйствіи г. Султанъ-Газина отъ киргиза въ урочищѣ Серембетъ.

У Нуралы, сына Эдыгэ'я, родился сынъ Нурзеинъ. Мать мучила его, била. Нуралы стало жаль ребенка, онъ сталъ говорить, зачѣмъ она мучить ребенка. Она говоритъ ему, что она хочетъ, чтобы ребенокъ умеръ, потому что, если онъ выростетъ, онъ будетъ поступать съ своимъ отцемъ, Нуралы, такъ же, какъ Нуралы поступилъ съ своимъ отцемъ Эдыгэ. Тогда Нуралы одумался, раскаялся въ своемъ жестокомъ обращеніи съ отцемъ и рѣшился просить у него прощенія. Онъ велѣлъ зашить себя въ шкуру, навьючить на лошадь, вести къ отцу и дорогой бить по шкурѣ палками. Нуралы'я привезли зашитаго въ шкуру къ юртѣ Эдыгэ. Когда Эдыгэ вышелъ изъ юрты, Нуралы сталъ говорить ему: Прости меня отецъ за то, что я обидѣлъ тебя. Отцу сдѣлалось такъ жалко сына, что, не смотря на то, что у него не было уже глазъ, онъ заплакалъ.

3 вариантъ. Записанъ мною отъ киргиза Бійсенбе въ урочищѣ Серембетъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Акмол. обл. при содѣйствіи г. Султанъ-Газина, который перевелъ сказку съ киргизскаго на русскій.

Былъ бай ¹⁾ Толубай; у него былъ сынъ Исъ-тулѣ ²⁾. Этотъ Исъ-тулѣ охотился за птицами съ ловчей птицей. Однажды онъ шелъ по берегу рѣки и встрѣтилъ дѣвицу, сидѣвшую на берегу и чесавшую волосы. Онъ хотѣлъ поймать ее, но она окунулась въ воду. На другой день онъ опять пришелъ на то же мѣсто и опять ее увидѣлъ. Онъ подкрался къ ней пѣшій. Расчесывая волосы, она отбросила ихъ; они были въ десять кулашей ³⁾ длиной. Исъ-Тулѣ поймалъ ее; взялъ за волосы, намоталъ ихъ на руку, и когда она хотѣла окунуться въ воду, удержалъ ее. Она ушла въ воду и его увела съ собой. Онъ не помнитъ, сколько дней они пробыли подъ водой. Пришли въ юрту. Она говоритъ ему, что она выйдетъ за него замужъ, только съ условіемъ не смотрѣть ей на темя, подъ мышки и въ пятки. Она была дочь пери. Онъ женился на ней и живетъ съ ней подъ водой. Все тамъ было готово: пища и одежды, не было у него только лошади. Однажды утромъ послѣ утренней молитвы онъ рѣшился посмотрѣть на темя своей жены и увидѣлъ мозгъ, взглянулъ подъ мышки, увидѣлъ легкія, посмотрѣлъ на пятки, онъ какъ будто срублены. Жена узнала, что онъ смотрѣлъ и на темя, и подъ мышки, и на пятки, и говоритъ: „Ты не сдержалъ слова! У меня есть шестимѣсячный ребенокъ; ты найдешь его въ Египтѣ (Мысырѣ). И такъ, прощай!“ Сказавъ

¹⁾ Бай—„хозяйинъ“, „богатый человекъ“.

²⁾ Иногда рассказчикъ произносилъ Юсь-тулѣ.

³⁾ Кулашъ—„маховая сажень“.

это, дѣвица превратилась въ лебедя и взлетѣла на чангаракъ¹⁾). Исъ-тулѣ тогда сказалъ дѣвицѣ: „Я попалъ сюда съ тобой пзъ любви къ тебѣ. Какъ же я отсюда выйду?“ Дѣвица говоритъ ему: „Пока останься здѣсь. Потомъ самъ не замѣтишь, какъ будешь отсюда выброшенъ“. Она послѣ этого улетѣла, а онъ остался. Три дня онъ провелъ послѣ дѣвицы голодомъ; не было у него ни пищи, ни питья. Отъ голоду онъ лежалъ безъ чувствъ. Однажды онъ проснулся и увидѣлъ себя посреди степи; нѣтъ ни юрты, въ которой онъ спалъ, ни воды. Онъ всталъ и отправился на западъ. Шелъ, шелъ и пришелъ въ одинъ эль²⁾). Былъ тутъ одинъ бай, у котораго не было ни сына, ни дочери, а много было скота. Бай спросилъ его: „Откуда ты?“ „Нашей волости“, говоритъ тотъ; „моихъ родителей ограбили вражескіе люди, я остался одинокимъ мальчикомъ, питался дикими растеніями. Теперь вотъ пришелъ сюда. Я бы желалъ, чтобъ меня усыновили бездѣтные люди“. Бай усыновилъ его и поручилъ ему пасти лошадей. Однажды утромъ онъ проснулся и увидѣлъ черепъ лошади; онъ обнялъ черепъ и заплакалъ. Проснулись его товарищи, другіе табунщики. Когда они подѣхали къ нему, они слышатъ слова, которыя Исъ-тулѣ говоритъ черепу: „Кто тебя назоветъ черепомъ Тулпара, а меня кто назоветъ сыномъ Толубая, тотъ сынчи³⁾“. Табунщики рассказали объ этомъ бая, и тотъ не сталъ пускать его въ табунъ; онъ понялъ, что это мальчикъ хорошаго рода. Бай предоставилъ ему право осмотрѣть всѣ табуны всего эля, нѣтъ ли тутъ Тулпара. Исъ-тулѣ осмотрѣлъ табуны; не нашелъ въ нихъ Тулпаря. Исъ-тулѣ говоритъ бая: „Шесть дней спустя черезъ эти мѣста пройдетъ караванъ; въ этомъ караванѣ есть бурый мастэкъ (крупн мастэк)⁴⁾); это кляча, которая не можетъ везти телѣгу и потому идетъ простая; ты купи ее“. На шестой день послѣ этого разговора прибылъ караванъ. Караванные люди стали покупать лошадей, за одну сытую давали трехъ своихъ плохихъ. Бай увидѣлъ бурога мастэка; онъ везъ шестиколесную арбу; бай спрашиваетъ хозяина каравана, не продастъ ли онъ эту лошадь. Тотъ запросилъ шесть лошадей; бай отдалъ шесть лошадей и взялъ мастэка⁵⁾). Исъ-тулѣ велитъ бая купить еще трехъ мастэковъ; бай послушался и они вернулись отъ каравана домой съ четырьмя мастэками. Исъ-тулѣ говоритъ бая: „Дайте мнѣ этихъ четырехъ мастэковъ, я буду кормить ихъ“. Взялъ ихъ и увелъ на араль⁶⁾), а самъ вернулся домой. Черезъ три мѣсяца Исъ-тулѣ привелъ одного мастэка и зарѣзалъ; черезъ три мѣсяца опять привелъ одного

¹⁾ Чангаракъ—деревянный обручъ, образующій вершину юрты.

²⁾ Эль—„поколѣніе“, „родъ“.

³⁾ Сынчи—„знаюкъ“; сына—„узнай достоинства ястреба“.

⁴⁾ Мастэкъ—помѣсь киргизской породы лошади съ русской крестьянской.

⁵⁾ Тутъ какое-то противорѣчіе съ предыдущимъ.

⁶⁾ Араль—„островъ“ или „изгибъ рѣки“.

и тоже зарѣзалъ. Бай спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ рѣжетъ лошадей. Исъ-тулѣ говоритъ, что онъ хочетъ посмотрѣть на кости, побѣлѣли онѣ, или нѣтъ ¹⁾). Черезъ четыре мѣсяца Исъ-тулѣ зарѣзалъ еще одного мастака, третьяго. Потомъ привелъ четвертаго. У четвертаго кости побѣлѣли; теперь, думаетъ Исъ-тулѣ, его можно въ бѣгъ пускать. Это былъ Тулпаръ. Бай спрашиваетъ Исъ-тулѣ, зачѣмъ онъ дѣлалъ это. Если будутъ скачки, говоритъ Исъ-тулѣ, подъярую Тулпара и пушу въ бѣгъ. Бай говоритъ, что два мѣсяца спустя среди трехъ джюзовъ ²⁾ будетъ большая байга ³⁾). До того времени Исъ-тулѣ все готовилъ лошадь. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ устраивается байга. Бай спрашиваетъ, кто будетъ сѣдокомъ? Исъ-тулѣ говоритъ, что онъ самъ сядетъ на Тулпара. Собрался народъ на скачку, пустили лошадей. Исъ-тулѣ съ Тулпаромъ остался сначала сзади всѣхъ лошадей. Когда скакуны прибыли на середину разстоянія, Тулпаръ опередилъ половину лошадей. Въ то время Тулпаръ былъ завьюченъ двумя мѣшками съ пескомъ. Исъ-тулѣ пощупалъ одинъ мѣшокъ: песокъ былъ горячій; онъ разрѣзалъ мѣшокъ ножомъ и песокъ высыпался. Тогда Исъ-тулѣ былъ почти впереди всѣхъ лошадей. Онъ разрѣзалъ другой мѣшокъ и изъ него высыпалъ песокъ, и опередилъ всѣхъ лошадей. Опережая, протиснулся на скаку со всѣми товарищами и сказалъ имъ: „вы меня не догоните! отдайте призы (байги) безъ спора“. Въ призѣ было 50 лошадей, 100 барановъ и 50 верблюдовъ. Когда Исъ-тулѣ прибѣжалъ къ ауламъ, всѣ бросились ловить его, но не могли догнать. Кто-то сѣлъ на сѣрую кобылу, погнался и чуть было не догналъ его. Это была кобыла того бая, который усыновилъ Исъ-тулѣ. „Меня никто не догонитъ“, сказалъ Исъ-тулѣ. „Эта кобыла не „тулпаръ“, только въ утробѣ ея есть жеребенокъ „тулпаръ“. Пусть бай кормитъ ее хорошенько. Прощайте!“

Сказавши это, Исъ-тулѣ уѣхалъ. Отецъ его Толубай услышалъ топотъ Тулпара и сказалъ: „На Тулпарѣ можетъ сидѣть только мой сынъ или я“. Онъ собралъ весь свой народъ и велѣлъ плести веревки изъ шелка. Потомъ еще сказалъ: „Поймать Тулпара невозможно; нужно какъ-нибудь накинуть петлю на сѣдока“. У Исъ-тулѣ была сестра Гуль-джамилъ; она тоже была вѣщая. Она тоже услышала топотъ. Наконецъ, увидѣли пыль. Люди протянули шелковую веревку поперекъ дороги Тулпара, но не могли удержать лошадь, сняли съ нея сѣдока. Нѣсколько дней Исъ-тулѣ оставался безъ чувствъ, потомъ пришелъ въ чувство и остался жить у отца.

Пери, съ которою жилъ Исъ-тулѣ, родила сына. Въ царствѣ Тохтомыса была кэмпырь, ⁴⁾ у которой было пять коровъ. Она сама пасла ихъ. Она

¹⁾ Чѣмъ жирнѣе животное, тѣмъ кости дѣлаются бѣлѣе.

²⁾ Джюзъ—орда, собственно „сотня“.

³⁾ Байга—„скачки“.

⁴⁾ Кэмпырь „старуха“.

нашла мальчика, родившагося отъ пери, привела въ свой домъ, усыновила и заставила пасти ея коровъ. Ребенокъ выросъ у нея. Старуха отдала его муллѣ и подарила ему за ученье теленка. Черезъ пять лѣтъ сынъ сдѣлался муллою. Когда достигъ двѣнадцати лѣтъ, его назвали Эдыге. Мальчикъ продолжалъ пасти телятъ. Всѣхъ тутъ было сорокъ мальчиковъ (кыркъ-бала); Эдыге сказалъ имъ: „Давайте, выберемте одного изъ насъ ханомъ!“ Какимъ же способомъ изберемъ? спросили тѣ. Онъ сказалъ тогда: „Кто зарѣжетъ теленка, того и изберемъ“. Ни одинъ мальчикъ не рѣшился зарѣзать, всѣ боялись родителей. Эдыге сказалъ: „Я зарѣжу“, зарѣзалъ и накормилъ другихъ дѣтей. Кости собралъ, положилъ на шкуру и завернулъ въ нее, ударилъ палочкой по шкурѣ, теленокъ ожилъ и побѣжалъ. Послѣ этого мальчики признали Эдыге своимъ ханомъ. Эдыге каждый день рѣзалъ по теленку и каждый день воскрешалъ; послѣ и другіе стали рѣзать, а Эдыге оживлялъ зарѣзанныхъ и съѣденныхъ.

Въ то время у Тохтомыса былъ визирь Джанбай. Случилось такъ, что Джанбай со свитой долженъ былъ ѣхать мимо того мѣста, гдѣ сорокъ мальчиковъ пасли телятъ. Эдыге приказалъ дѣтямъ, чтобъ они не дѣлали поклона Джанбаю и его свитѣ, когда тѣ будутъ ѣхать мимо. Дѣти не дали поклона. Джанбай спросилъ у дѣтей: „Почему вы съ нами не поздоровались? Мы старше васъ“. Эдыге отвѣтилъ: „Насъ сорокъ, а васъ только двое; нашихъ лѣтъ вмѣстѣ болѣе, чѣмъ вашихъ“. Одинъ мальчикъ сказалъ Джанбаю: „У насъ есть ханъ, который не велитъ давать поклонъ“. Гдѣ же вашъ ханъ? спросилъ Джанбай. Мальчики показали на Эдыге. Джанбай спросилъ у Эдыге: „Почему ты не велишь своимъ подданнымъ давать намъ поклонъ?“ Я отвѣтъ уже далъ, сказалъ Эдыге. Обдумайте!

Джанбай пріѣхалъ къ Тохтамысъ-хану и рассказалъ ему, что встрѣтилъ сорокъ мальчиковъ, которые одного изъ своей среды избрали ханомъ, и что они, по приказанію своего хана, не дали ему поклона, а когда ихъ спросили о причинѣ, они сказали, что ихъ сорокъ и что число лѣтъ у нихъ больше. Тохтомысъ сказалъ: „Они правы, потому что по шаригату меньшее число должно отдавать поклонъ большому числу“.

Однажды мимо сорока дѣтей проѣхалъ какой-то человекъ, увидѣлъ лежащаго зайца, вернулся домой, взялъ ружье и ѣдетъ опять къ зайцу. Но во время его отсутствія подѣхалъ къ зайцу другой человекъ съ ружьемъ, убилъ зайца и взялъ его. Они встрѣтились. Первый увидѣлъ зайца въ рукахъ у второго и выхватилъ его. Заспорили, подрались и рѣшили поѣхать къ хану Тохтомысу судиться. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: „Не разсудитъ ли насъ кто-нибудь изъ этихъ сорока мальчиковъ?“ Они пришли къ сорока мальчикамъ и спрашиваютъ: „Нѣтъ ли между вами, кто бы рѣшилъ нашъ споръ, про-

испешій изъ-за зайца?“ Одинъ изъ мальчиковъ сказалъ: „Есть у насъ ханъ, онъ можетъ разсудить васъ“. Мальчики показали на Эдыге. „Если будете довольны нашимъ рѣшеніемъ, мы дадимъ вамъ правосудіе“, сказалъ имъ Эдыге. Спорившіе изъ-за зайца сказали: „Мы будемъ довольны (ризамыс)!“ Кто первый выстрѣлилъ въ зайца? спросилъ Эдыге. „Я выстрѣлилъ“, сказалъ тотъ, которой подѣхалъ къ зайцу послѣ. Зачѣмъ же спорите? спросилъ Эдыге у другого. Тотъ сказалъ: „Я увидѣлъ первый лежавшаго зайца, пошелъ домой за ружьемъ, а когда вернулся, другой человѣкъ уже убилъ его и взялъ“. Покуда ты несъ ружье, заяцъ развѣ не могъ уйти? спросилъ Эдыге. „Заяцъ лежалъ; онъ не убѣжалъ бы, если его никто не испугалъ“. Эдыге сказалъ: „Я рѣшу это дѣло. Принесите ребенка въ люлькѣ!“ Принесли ребенка; Эдыге велѣлъ положить зайца на ребенка и сказалъ первому стрѣлку (это былъ Джанбай). „Стрѣлай въ зайца. Если попадешь въ зайца, то возьмешь зайца; если угодишь въ ребенка, заплатишь стоимость ребенка“. Джанбай выстрѣлилъ; пуля попала въ зайца, не задѣвъ ребенка. Джанбай взялъ зайца. Спорившіе ушли, довольные мудрымъ рѣшеніемъ.

Два дня спустя послѣ того два человѣка заспорили о двухлѣтнемъ верблюженкѣ (тайлякѣ). Они сказали другъ другу: „Пойдемъ къ сорока мальчикамъ, что они скажутъ, то пусть и будетъ“. Два человѣка пришли къ дѣтямъ; одинъ говоритъ: „Этотъ верблюженокъ отъ моей верблюдицы“ и другой говоритъ: „отъ моей“. Одинъ изъ нихъ опять былъ Джанбай; на самомъ дѣлѣ, верблюженокъ былъ отъ верблюдицы его противника. Эдыге спросилъ: „Есть ли у верблюженка мать?“ и велѣлъ привести ее. Оба спорщика привели по верблюдицѣ. Эдыге велѣлъ положить ихъ. Потомъ, по приказанію Эдыге, свалили двухлѣтняго верблюженка, привязали къ его лашѣ въ веревку, стали за нее тянуть и, такимъ образомъ, заставили верблюженка кричать. Тогда верблюдица-мать вскочила и подбѣжала къ нему, а Джанбаева верблюдица осталась неподвижно лежащею. Эдыге отдалъ верблюженка настоящему его хозяину. Тогда Джанбай сказалъ Тохтомысу: „Я видѣлъ сына одной старухи, котораго я испыталъ (байкадым). Онъ достоинъ служить вамъ. Возьмите его!“ Джанбай пошелъ къ старухѣ передать повелѣніе хана, но старуха сказала, что это ея собственный сынъ, родившійся послѣ смерти мужа, и что она никому его не отдастъ, кромѣ Бога. Джанбай передалъ слова старухи Тохтомысу, что она не дастъ своего сына, что онъ кормитъ ее и пасетъ ея небольшой скотъ. Тохтомысъ опять посылаетъ Джанбая къ старухѣ, обѣщаетъ дать ей серебра и золота и отпустить Эдыге къ ней въ гости. Старуха отдала сына и сама прикочевала къ хану; ханъ далъ ей много скота, а Эдыге усыновилъ и далъ ему лошадь и сокола; каждый день по утрамъ Эдыге входилъ въ юрту къ хану.

Жена хана была вѣщая. Она сказала Тохтомысу, что духъ Эдыге выше Тохтомысова, потому что, когда онъ входитъ, Тохтомысъ трясется. Тохтомысъ говоритъ: „Неправда! духъ сына не можетъ быть выше духа отца“. Тогда жена притѣнула иголками подолъ ханскаго одѣянія къ ковру, на которомъ ханъ сидѣлъ. Когда утромъ Эдыге зашелъ къ хану сказать салямъ ¹⁾, ханъ всталъ съ мѣста; иголки всѣ сломались. Ханъ сѣлъ; немного побесѣдовали, поѣли и Эдыге ушелъ. Ханьша сказала хану: „Смотрите на иголки, если не вѣрите мнѣ“. Ханъ увидѣлъ, что всѣ иголки сломаны и сказалъ: „Ты правду говоришь. Что мнѣ съ нимъ дѣлать?“ Ханьша сказала: „Пускай такъ ходитъ“.

Эдыге занимался охотой, рѣдко ходилъ къ хану. Однажды, когда Эдыге вышелъ на охоту, за нимъ ханъ и самъ то же уѣхалъ. Эдыге раньше хана вернулся домой. Жена Тохтомыса зазвала его къ себѣ черезъ рабыню, угостила его и призналась ему въ своей любви. Эдыге сказалъ ей: „Мнѣ грѣхъ любить тебя, твой мужъ мнѣ отецъ“. Эдыге не согласился раздѣлить ея любовь и ушелъ. Черезъ день пріѣхалъ Тохтомысъ-ханъ. Ханьша наклеветала на Эдыге; она сказала: „Эдыге впоследствии отниметъ у васъ народъ и власть; необходимо найти средство уничтожить его“. „Какъ же его теперь убить?“ спрашиваетъ ханъ. „Знатные его любятъ, Джанбай его другъ“. Ханьша говоритъ: „Завтра, когда онъ придетъ утромъ сказать салямъ, нужно напоить его мочей, а потомъ медомъ. Если онъ выпьетъ мочу, то онъ умретъ съ горя, а если не умретъ съ горя, то его нельзя будетъ убить ничѣмъ, потому что онъ человѣкъ храбрый!“ Ханьша наполнила чашку своей собственной мочей, и когда утромъ Эдыге пришелъ къ хану, ему подали эту чашку. Онъ взялъ ее и выпилъ жидкость. Ханьша спросила, какъ онъ находитъ напитокъ. Онъ отвѣтилъ ей, что напитокъ пріятный, только посуда старая. Потомъ подали ему медъ. Эдыге провелъ на медѣ ножомъ крестъ на крестъ, выпилъ и вышелъ изъ юрты. Жена спросила Тохтомыса, понялъ ли онъ знаки Эдыге; тотъ сказалъ, что онъ ничего не понялъ. Ханьша объяснила ему, что если онъ выпилъ медъ, предварительно какъ бы разрѣзавъ его на четыре части, это значитъ, что онъ хочетъ весь народъ раздѣлить на четыре части и сдѣлать бунтъ. Она совѣтуетъ послать за нимъ Джанбая, позвать его и убить. Посланный ханомъ Джанбай догналъ Эдыге, но близко не могъ къ нему подѣхать. Эдыге ѣхалъ по другому берегу рѣки Эдиль; боясь близко подѣхать къ Эдыге, Джанбай съ другого берега говоритъ ему: „Вернись, Эдыге! будешь медъ пить. Тохтомысъ подаритъ тебѣ бѣлую лошадь“ (бозать). Эдыге отвѣтилъ ему, онъ не поѣдетъ. Джанбай говоритъ, что Тохтомысъ даетъ ему дѣвицу. Эдыге отвѣчаетъ, что все-таки не поѣдетъ. Джанбай говоритъ, что Тохтомысъ дастъ ему бѣлаго сокола. Тогда Эдыге разсердился и пропѣлъ:

¹⁾ Салямъ „привѣтствіе“.

Кенистынѣ олы кекъ Джанбай
Акылынѣ джокъ бокъ Джанбай
Камчи тѣеръ мойнынѣ
Канъ соргаларъ койнынѣ
Сень тертоу менъ джангызъ
Дамэнѣ боса кель Джанбай!

Т. е.

Джанбай, смѣлый сынъ Кениса,
Джанбай дрянъ, лишенный ума,
Плеть прикоснется къ твоей шеѣ,
Кровь заструится за твою пазуху!
Ты вчетверомъ, а я одинъ —
Если есть у тебя желаніе, подойди-ка, Джанбай!

Тогда Джанбай испугался и вернулся къ Тохтомысу.

Въ то время былъ одинокій старикъ по имени Именъ-джирау; щеки его были подвязаны, чтобъ не упала нижняя челюсть. Тохтомысъ послалъ его, чтобъ вернуть Эдыге. Именъ-джирау подѣхалъ къ рѣкѣ Эдилъ и приглашаетъ Эдыге переѣхать на эту сторону. Онъ рассказываетъ Эдыге, что на своемъ вѣку онъ много видѣлъ людей и царей. „Я видѣлъ, говорилъ онъ, хана Джаналы, который слушался моихъ совѣтовъ. Я видѣлъ Джангызъ-хана, и онъ меня слушалъ. Тауко-хана я видѣлъ, и онъ меня слушалъ. Исымъ-хана видѣлъ, и онъ меня слушалъ. Тасы-хана видѣлъ, всѣ они меня слушали. Тасемиръ-хана видѣлъ, и онъ меня слушалъ“. Эдыге хотѣлъ было уже переѣхать на тотъ берегъ, на которомъ стоялъ старикъ Именъ-джирау. Старикъ продолжалъ: „Тохтомысъ-хана видѣлъ, и тотъ меня слушалъ. Вернись къ хану, Эдыге!“ Какъ только онъ сказалъ эти послѣднія слова, у него развязалась повязка на щекахъ, нижняя челюсть повисла и онъ не могъ больше говорить. Эдыге чуть было не рѣшился послушаться, чуть было не вернулся къ Тохтомысу, но раздумалъ и сказалъ старику, что поѣдетъ къ Тасемиру, и если Тасемиръ дастъ войско, то ограбитъ Тохтомыса.

У Тасемира не было сыновей; была только одна дочь. Въ то время калмыцкій болванъ ¹⁾ Иръ-Джово хотѣлъ отнять эту дочь. Эдыге говоритъ Тасемиру: отдай мнѣ твою дочь! „Я бы радъ отдать“, говоритъ Тасемиръ, „свою дочь за мусульманина, но Иръ-Джово силой ее отнять“. Эдыге посоветовалъ поставить для Иръ-Джово отдѣльную юрту на дальнемъ разстояніи и научилъ Тасемира, чтобы онъ сказалъ калмыцкому болвану, что онъ желаетъ выдать за него дочь и выдаетъ, но только подъ условіемъ, если болванъ преодолѣетъ ханскаго силача въ борьбѣ и если калмыцкій бѣгунецъ

¹⁾ Болванъ—великанъ, силачъ.

опередить ханскаго бѣгунца. Если калмыцкій силачъ не побѣдитъ, то калмыкъ долженъ отказаться отъ дѣвицы. Калмыцкій болванъ согласился. Эдыге пустилъ свою лошадь въ бѣгъ съ лошадью калмыка; у калмыка сѣдокомъ была старуха, у Эдыге мальчикъ. Эдыге влезъ на воткнутую пиву и видитъ съ нея, что мальчикъ его спитъ, положивъ турсуку¹⁾ подъ голову. Эдыге выстрѣлилъ изъ лука въ турсуку и попалъ въ него; мальчикъ проснулся, сѣлъ на лошадь и хотѣлъ пуститься догонять старуху; лошадь его нейдетъ; посмотрѣлъ, ноги ея связаны. Мальчикъ разрѣзалъ путы, взялъ двѣ горсти земли (глины) и догналъ старуху. Старуха говоритъ: Приѣхалъ ли со мной? Эдыге бросилъ ей въ глаза землю и Эдыгева лошадь пришла первая, лошадь калмыка отстала. Потомъ Эдыге и Ирѣ-Джоко стали бороться. Они боролись три дня и, наконецъ, Эдыге побѣдилъ, изломалъ у Ирѣ-Джоко ребра. Ирѣ-Джоко съ товарищами уѣхали домой; на дочери Тасемиръ-хана женился Эдыге и остался жить у свекра.

Жена Эдыге забеременѣла и родила сына. Его назвали Нуралы. Пятнадцать лѣтъ Эдыге прожилъ у Тасемира; Нуралы достигъ пятнадцатилѣтняго возраста. Эдыге просилъ у Тасемира войска, чтобы ограбить Тохтомыса; тотъ далъ ему сорокъ тысячъ и Эдыге отправился. Онъ раздѣлилъ владѣнія Тохтомыса на четыре части и ограбилъ его. Тогда Тохтомысъ бѣжалъ. Однажды Тохтомысъ лежалъ около одного озера. Эдыге съ сыномъ искали его. Одна птица кызгышъ²⁾ парила надъ Тохтомысомъ; она одна только видѣла его. Нуралы замѣтилъ птицу, понялъ, что Тохтомысъ находится тутъ и они, отецъ съ сыномъ, пошли поближе. Въ то время они услышали, что Тохтомысъ плачетъ, прощаясь съ своимъ ружьемъ, пикой, съ землями, съ народомъ, съ саблей, и говоритъ пиголицѣ: «Пиголица, пиголица! Меня убьютъ, ты останешься. Ты меня не показывай! Ты останешься на мѣстѣ битвы, гдѣ я одинъ буду биться противъ Эдыге, который будетъ вдвоемъ; такимъ образомъ, успокоится моя душа—сердце» (Кызгышъ, кызгышъ! Меня улемень, сень каларсень! курсетпаякъ войсанчи! Идыге икеу, менъ джалгызъ атысканъ джердѣ каларсень! свйтубъ коуиҕымъ тынарсень)! Въ это время пришелъ Нуралы и закололъ Тохтомыса пикой. Эдыге съ сыномъ приѣхалъ въ орду³⁾ хана и весь народъ покорился ему.

Эдыге взялъ двухъ дочерей Тохтомыса и вернулся къ Тасемиръ-хану. Эдыге взялъ обѣихъ дочерей себѣ, такъ что у него стало три жены. Изъ-за этихъ двухъ дочерей Тохтомыса Эдыге поссорился съ сыномъ Нуралы; Нуралы ослѣпилъ отца.

¹⁾ Турсуку—кожаная посуда для кумыса съ узкимъ горломъ.

²⁾ Кызгышъ—пиголица.

³⁾ Орду—ханская ставка, ханская резиденція.

Отъ дочери Тохтомыса у Эдыге родился сынъ по имени Токкюй. Эдыге былъ сынъ Тасемиръ-хана и былъ очень близокъ къ нему. Иръ-Джоко пріѣхалъ къ владѣніямъ Тасемиръ-хана съ сорокатысячнымъ войскомъ и сталъ требовать дочь его. Три мѣсяца сражались; послѣ трехъ мѣсяцевъ все люди Иръ-Джоко были перебиты, остался одинъ только Иръ-Джоко. Вышли на поединокъ Эдыге съ Иръ-Джоко. Три дня они боролись, сидя верхомъ на лошадяхъ; Эдыге прокололъ противника пикой въ грудь, отрѣзалъ у Иръ-Джоко голову и отдалъ ее Тасемиру.

Между тѣмъ, Токкюй выросъ; ему дали лошадь Кулашъ-ать. Жена совѣтуетъ Токкюю, чтобы онъ вышелъ навстрѣчу занимавшемуся охотой Нуралы. Она говоритъ ему: Нуралы убилъ Тохтомыса, моего отца; нужно отметить за Тохтомыса. Кромѣ того, онъ ослѣпилъ Эдыге, твоего отца. Поѣзжай къ Нуралы, скажи ему: отомщу тебѣ за отца! и самъ тотчасъ же убѣгай! Послѣ того, вѣроятно Нуралы, самъ умереть съ горя. Токкюй такъ и сдѣлалъ, сказалъ: отомщу тебѣ за отца! и убѣжалъ. Нуралы не могъ догнать его. Токкюй пріѣхалъ къ матери и говоритъ ей: „Я сказалъ“. Тогда Нуралы сказалъ: „Если-бъ я зналъ, что Токкюй, родившійся отъ рабыни (куманъ), будетъ чужой, то убилъ бы его въ малолѣтствѣ“. Нуралы не могъ придти въ юрту Эдыге, потому что Токкюй жилъ вмѣстѣ съ Эдыге. Впослѣдствіи Нуралы съ горя умеръ, Токкюй остался при Эдыге.

4 вариантъ. Записанъ А. А. Калачовымъ отъ киргизки въ Алтайской станицѣ, въ долину Бухтармы (въ Алтай).

Эдыге жилъ у хана Тохтомыса въ работникахъ. Когда онъ, бывало, войдетъ къ нему въ юрту, Тохтомысъ не можетъ усидѣть на мѣстѣ, но самъ этого не замѣчаетъ; замѣчаетъ только его жена Тогай-бью-бю. Зачѣмъ ты встаешь съ мѣста? спрашиваетъ она, но Тохтомысъ самъ этого не замѣчаетъ и отпирается. Тогда она приткнула его одежду иглой. Когда на завтра Эдыге вошелъ въ юрту, ханъ всталъ, самъ того не замѣчая, и сломалъ иглу. Стали тогда все бояться Эдыге и задумали убить его. „Если не убьемъ, то сведетъ онъ насъ со свѣту“, думаютъ. Они догадались, что ножомъ не убить имъ его ни пѣшаго, ни на лошади; надумали напоить его пьянымъ. Когда стали его потчивать, онъ догадался; придралъ пузырь подъ одежду и сталъ туда лить вино. Въ то время, какъ Эдыге притворялся пьянымъ, его товарищъ обрѣзалъ лѣвыя стремяна у всѣхъ сѣделъ. Эдыге бросился бѣжать, погоня же попадала съ сѣделъ. Кромѣ Эдыге было семь одинокихъ человѣкъ; имъ приказали ловить Эдыге, но они отказались ловить такого же одинокаго, какъ и они сами. Когда Эдыге убѣжалъ, Джембай и Комбай, Тохто-

мысовы слуги, поѣхали догонять его и кричали ему: „Возвратись, Эдигэ, черезъ рѣку Эдилъ назадъ, хорошо вышитую золотомъ одежду надѣнетъ на тебя царь, золотымъ сѣдломъ велитъ осѣдлать коня“. „Дураки, отвѣчаетъ Эдиге, убирайтесь, а то задеру васъ плетью! Убирайтесь къ своему хану. Если я сейчасъ не поѣду и этого Сатимира ¹⁾ (богатыря хана) не убью и не стащу въ пропасть, если Тохтомысову жену не сдѣлаю сиротою, если его двухъ дочерей Атюкѣ и Тютихе не погоню вмѣсто лошадей и не сдѣлаю ихъ, какъ черные потники, не буду я Эдиге!“ И поѣхалъ къ Сатимру, собралъ всѣхъ киргизъ и съ этимъ войскомъ отправился противъ Тохтомыса. Эдиге разбилъ все царство Тохтомыса; Тохтомысь бѣжалъ; одежду его затоптали въ грязь, жену его Эдиге сдѣлалъ сиротою, а двухъ дѣвицъ за лошадей погнали, Тохтомыса хотѣли убить,—всѣхъ мертвыхъ перебрали, но его не нашли между ними. Когда Тохтомыса искали, Эдиге замѣтилъ, что птица все къ одному мѣсту летаетъ. Эдигэ пошелъ за ней и видитъ, краснѣетъ шуба Тохтомысѣ-хана; когда онъ его нашелъ, подѣхалъ и поднялъ на пикъ. Поднявши на пикъ, Эдиге спрашиваетъ его: „Ну, каково тебѣ, Тохтомысь?“ Все же на пикѣ выше тебя, отвѣтилъ ханъ. Эдигэ прокололъ его пикой, ханъ скатился по пикѣ до земли и сказалъ тогда: „теперь я ниже тебя, Эдиге!“ и умеръ. Все его имущество, жены и дѣвицы были забраны въ плѣнъ. Все рушилось; остался одинъ жеребенокъ и въ зыбкѣ одинъ ребенокъ. Когда жеребенокъ выросъ, когда и мальчикъ отъ Тохтомысовой страпки Кейкюватъ тоже выросъ, онъ сѣлъ на саврасаго коня и сталъ разыскивать Эдиге. У Эдигэ былъ сынъ Нурилай. Кейкюватъ сразился съ Нурилаемъ; подѣхалъ къ нему и три раза сказалъ ему: „умри, умри, умри!“ Тотъ разгорячился и умеръ отъ злости. Когда стали осматривать его сердце, увидѣли, что одна половина его изъ рога, другая изъ кошмы. Потомъ Эдиге убилъ Кейкювата и его саврасаго коня, и сталъ управлять всѣмъ народомъ. Эдигэ сначала былъ бродягой, а потомъ дошелъ до ханскаго званія.

Примѣчаніе.

Сказка объ Идыге распространена у тюрковъ западной Сибири, т. е. у киргизъ и у татаръ Тобольской и Томской губерній, по крайней мѣрѣ только у этихъ племенъ она была до сихъ поръ записана; именно, В. В. Радловъ слышалъ ее въ трехъ мѣстахъ: 1) у барабинскихъ татаръ племени Таганă на р. Каргатѣ, въ Томской губ. (Radloff, Proben, IV, 35), 2) у татаръ деревни Ulu-kan на Иртышѣ, въ Тобольской губ. (ibid., 164) и 3)

¹⁾ Вѣроятно, опшибка; вмѣсто Сатимира слѣдовало сказать: Тохтомыса.

у татаръ въ Саргатской волости при устьѣ Ишима, въ Тобольской губ. (ibid., 241). Первый вариантъ самый полный изъ записанныхъ г. Радловымъ; въ Саргатской волости записаны только стихи, которые произносятъ дѣйствующія лица сказки, Тохтамышъ, Мыратымъ и Ченбай. Въ томѣ Ргобен, который посвященъ киргизскому фольклору, сказки объ Идыге нѣтъ. Киргизскіе варианты ждутъ еще собирателя; у киргизъ ордынскій герой Идыге вѣроятно, еще болѣе популяренъ, чѣмъ у сибирскихъ татаръ; киргизы указываютъ въ своихъ степяхъ могилу Идыге; она находится на вершинѣ одной горы въ горной группѣ Улу-тау, лежащей между рѣками Ишимомъ и Сары-су; эта гора и сама слыветъ въ народѣ подъ именемъ Идыге ¹⁾.

Одинъ изъ киргизскихъ вариантовъ былъ записанъ покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ, по всей вѣроятности, въ Кокчетавскомъ округѣ; я помѣстилъ въ «Живой Старинѣ», 1891 г., вып. 4, стр. 156, извлечение изъ этой записи съ приложеніемъ записанныхъ Валихановымъ же киргизскихъ версій начала сказки. Въ настоящей статьѣ, въ самомъ ея началѣ, мы помѣстили четыре киргизскихъ варианта сказки объ Идыгѣ; такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ пять напечатанныхъ киргизскихъ вариантовъ; два изъ Кокчетавскаго округа (одинъ Валихановскій); третій съ рѣки Токрау, четвертый изъ Тарбагатайскаго хребта, и пятый изъ Бухтарминской долины въ Алтаѣ.

Для полноты ознакомленія читателей со сказкой объ Идыге, мы передадимъ здѣсь въ краткомъ изложеніи также и варианты г. Радлова.

1) Барабинскій вариантъ. Въ народѣ Тохтамышъ-хана жилъ старикъ; онъ поѣхалъ утромъ смотрѣть свой скотъ и услышалъ голосъ ребенка, искалъ и нашелъ его спрятаннымъ въ высокой травѣ. Старикъ не имѣлъ дѣтей и взялъ его, чтобы воспитать. Это былъ мальчикъ. Онъ повезъ его своей женой, положивъ за пазуху; но такъ вести оказалось неудобнымъ и

¹⁾ Мы сомнѣваемся, чтобы то, что киргизамъ извѣстно подъ именемъ Идыге, было дѣйствительно могила. Могилы устраивались въ степяхъ обыкновенно или въ открытой степи, на перекресткахъ дорогъ и у переправъ черезъ рѣки, или при подошвѣ горъ, но на горахъ, на ихъ вершинахъ или на горныхъ перевалахъ складывались только „обо“, священныя кучи камней, а не могилы. Не такое ли „обо“ принято киргизами за могилу? За такое мнѣніе говоритъ и то, что сами киргизы называютъ кучу камней на вершинѣ горы Идыгѣ не мола, „могила“, а оба (Идыгѣнынъгъ обасы); см. Ж. Стар., 1891, в. 4, стр. 157. Первое извѣстіе объ этой горѣ еще въ прошломъ столѣтіи записалъ Стралленбергъ: «Русскіе въ Сибири рассказывали мнѣ, что на горѣ Игикѣ, лежащей между рѣками Ишимомъ и Иртышемъ, находится пирамида, на которой будто бы, и теперь еще видны письмена... Это мѣсто находится въ дикой степи, гдѣ безпрестанно снуютъ казачья орда (В. Радловъ, Сибирскія древности, 1891, т. I, в. I, стр. 40). Впрочемъ, киргизы примѣняютъ слово „оба“, если не къ современнымъ, то къ древнимъ (чуждымъ) могиламъ; то же дѣлаютъ и татары Минусинскаго округа, Енис. губ.

онъ засунулъ его въ свой сапогъ. Когда онъ привезъ его домой, жена сказала: «Мы не имѣли сына, теперь имѣемъ!» и стала кормить его молокомъ. Когда вздумали дать ему имя, собрали сосѣдей. Тѣ, выслушавъ рассказъ о томъ, какъ дитя было найдено, сказали: «Онъ былъ привезенъ въ сапогѣ (итугѣ), такъ пусть же имя его будетъ Идыгэ-пи (Idägä-pi)!» Когда Идыгэ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ сталъ играть съ мальчиками въ коньки, ѣздить на палочкахъ (Stekenpferd); въ играхъ участвовало 50—60 мальчиковъ; одинъ мальчикъ укралъ конька (Steckenpferd). Воръ былъ открытъ, но товарищи простили ему его вину. Онъ сдѣлалъ это во второй разъ, и во второй разъ ему простили. Въ третій разъ рѣшили выбрать изъ своей среды князя и судить. Былъ выбранъ Идыгэ; онъ присудилъ вора къ смерти и приговоръ былъ исполненъ. Родители казненнаго узнали, какъ это случилось и донесли Тохтамышъ-хану. Ханъ призвалъ Идыгэ; тотъ сказалъ царю, что онъ не одинъ, что у него есть подданные. Позвали къ царю дѣтей. Царь выслушалъ ихъ рассказъ и нашелъ приговоръ правильнымъ. Казненнаго похоронили, а Идыгэ воротился къ родителямъ. Они сказали ему: «Оставь, дитя, игру въ пари. Кто пасетъ скотъ, тотъ питается пищей, кто пасетъ народъ, тотъ питается кровью». Идыгэ вернулся къ домашнимъ занятіямъ.

Однажды онъ пасъ скотъ; ѣдутъ два человѣка на верблюдахъ и при нихъ верблюженовъ. Одинъ изъ этихъ проѣзжавшихъ былъ Цанъ-пай (Tsan-pai), который дѣлалъ для Тохтамыша кумысъ и вино. Цанъ-пай сказалъ: «Ты умѣешь судить. Разсуди. Этотъ верблюженовъ родился отъ моей верблудицы, а вотъ онъ говоритъ, что онъ отъ его верблудицы». Идыгэ велѣлъ привязать верблудицъ къ колыямъ, верблюженка между ними и бить его. Когда верблюженовъ заревѣлъ, Цанъ-паева верблудица продолжала ѣсть траву, а другая повернула къ кричащему верблюженку свою голову. Идыгэ сказалъ: «Цанъ-пай! это не твоя верблудица!»

Когда Идыгэ было семь лѣтъ, Тохтамышъ сказалъ Цанъ-паю: «У меня есть соколъ и ястребъ, но я не имѣю ловчаго и нѣтъ у меня дитяти». Цанъ-пай сказалъ царю, что у одного старика есть пригодный мальчикъ. Тохтамышъ велѣлъ позвать его. Когда Идыгэ пришелъ, царь одѣлъ его въ хорошее платье, далъ ему лошадь и (ловчихъ) птицъ. Идыгэ сталъ охотиться за гусями на рѣкѣ Акъ-Адилъ ¹⁾. Утромъ онъ приходилъ къ царю и получалъ пищу и чашку вина и уходилъ. Потомъ, онъ²⁾ приносилъ добычу и выкладывалъ передъ царемъ. Утромъ при входѣ въ юрту онъ всегда откашливался и только послѣ этого входилъ. Когда Идыгэ откашливался, царь

¹⁾ Адиль—тюркское имя Волги; акъ—по-тюркски бѣлый.

всегда вставалъ съ трона, но онъ самъ не замѣчалъ этого. Царь имѣлъ двухъ женъ; онѣ говорятъ ему, что онъ всегда встаетъ передъ приходомъ Идыгэ; царь не вѣритъ этому. Онѣ, чтобъ убѣдить царя, принесли подушку, на которой онъ сидѣлъ, къ его платью; когда Идыгэ пришелъ, царь всталъ и когда онъ снова сѣлъ, подушка повисла. Тогда Тохтамышъ убѣдился, что жены говорятъ правду, и запечалился. Онъ думаетъ: «Моя душа передъ нимъ трепещетъ; онъ сниметъ съ меня голову». Царь призвалъ народъ на совѣтъ, всѣ промолчали. Въ теченіи пѣлаго года царь собиралъ народъ по утрамъ, спрашивалъ, но всѣ молчали. Одинъ только человекъ посовѣтовалъ привести Цанъ-пая. Цанъ-пай сказалъ: «Про то знаетъ Кипчакъ-пи». А Кипчакъ-пи сказалъ: «Надо привести двадцатилѣтняго старика Сафардау, у котораго голова посѣдѣла, какъ у бобра, у котораго зубы стали желты, какъ у выдры».

Послали за Сафардау, но Сафардау не поднялся съ ложа. Тогда послали за нимъ карету съ подушками. Сафардау подвязалъ платкомъ отвисавшую нижнюю челюсть и поѣхалъ. Приѣхавъ къ царю, онъ держитъ къ нему рѣчь. Онъ напоминаетъ, что видѣлъ вѣвъ Jān-bāk'a на Adil'фъ и Jajik'фъ, видѣлъ вѣкъ Üsü-bāk'a и вѣкъ Asyl-bāk'a. Потомъ онъ предсказываетъ Тохтамышу о Идыгэ: «Одинъ изъ двухъ придворныхъ юношей вырѣжетъ изъ ивы уврюкъ и угонитъ твой скотъ, твою красавицу Kösükä, твою прелесть Jānākä уведетъ въ плѣнъ, источитъ кровь изъ твоей груди, отрубитъ мечемъ твою голову». Сафардау отослалъ домой.

Тохтамышъ велитъ убить Идыгэ; напоить его виномъ, а подлѣ царской юрты поставить сорокъ человекъ съ ножами. Пришелъ Идыгэ; ему подали вино, онъ выпилъ и опьянѣлъ. Цанъ-пай въ это время былъ вѣвъ юрты. Думаетъ, какъ дать знать ему о предстоящей опасности? Онъ разорвалъ шелковый платокъ, связалъ половину его въ узелъ, опустил сначала въ воду, а потомъ бросилъ въ Идыгэ. Оглянувшись Идыгэ, видитъ, у Цанъ-пая слезы текутъ по бородѣ. Идыгэ понялъ, увидѣлъ засаду и убѣжалъ не черезъ дверь, за которой стояло сорокъ человекъ съ ножами, а черезъ войлочную кровлю юрты; онъ бѣжалъ съ сорока товарищами. Бывшіе въ юртѣ, замѣтивъ исчезновеніе Идыгэ, бросились въ двери; ихъ встрѣтила засада ножами и перебила. Тохтамышъ велѣлъ искать между убитыми трупъ Идыгэ, но его не нашли. Пуще опечалился царь, велѣлъ ѣхать въ погоню за Идыгэ. Ему сказали, лучше всего послать Цанъ-пая, онъ другъ его; его Идыгэ лучше послушаетъ.

Цанъ-пай приѣхалъ къ рѣкѣ Эдилю; Идыгэ уже на той сторонѣ съ сорока товарищами, варятъ въ котлѣ пищу подъ густымъ тополомъ. Цанъ-пай, стоя на другомъ берегу, поетъ: «Воротись, другъ Идыгэ, ханъ тебя

зоветь; есть для тебя желтая чашка пить кумысь, края которой тонки, какъ губы княгини, вернись и выпей!» Идыгэ отвѣчаетъ: «Не вернусь за Эдиль; я не хочу пить изъ желтой чашки, края которой тонки, какъ губы княгини; у меня на губѣ прыщъ!» Цанъ-пай опять поетъ: «Князь даетъ тебѣ коня, зубы котораго какъ луковицы, чолка украшена, какъ (коса) у дѣвицы, хвостъ гребнемъ, какъ у тигра; вернись!» Идыгэ отвѣчаетъ: «Не вернусь; не могу поѣхать на конѣ, у котораго зубы какъ луковицы и пр.; у меня сзади на тѣлѣ вскочилъ прыщъ!» Цанъ-пай продолжаетъ: «Тебѣ суждена въ жены дочь Sat-Timir-kan'a; она по тебѣ отъ тоски пожелтѣетъ; вернись!» Идыгэ отвѣчаетъ: «Пусть она пожелтѣетъ, я объ этомъ не печалюсь!» Цанъ-пай вернулся въ Тохтамышу. Идыгэ съ сорока товарищами поѣхалъ къ Сатъ-timiру. Дорогой онъ наѣхалъ на слѣды; поѣхалъ ими и наѣхалъ на русскаго богатыря Анисима, который увезъ дочь Сатъ-timiра. Ты что умѣешь дѣлать? спрашиваетъ Анисимъ у Идыгэ. Умѣю варить, говоритъ тотъ. Началъ Идыгэ варить, а Анисимовы люди приносятъ ему воду. Однажды Анисимъ спитъ; Идыгэ послалъ сорокъ Анисимовыхъ людей за водой, а самъ, приподнявъ подолъ палатки, натянулъ лукъ и убилъ Анисима. Пошелъ посмотрѣть, почему замедлили водоносы; они раздѣлились на двѣ партіи и дерутся, одна за Идыгэ, другая за Анисима. Идыгэ перебилъ сторонниковъ Анисима и повезъ дѣвицу, находившуюся въ плѣну у Анисима, къ ея отцу Сатъ-timiру. Сатъ-timiръ отдалъ ее замужъ за Идыгэ. Она говоритъ Идыгэ, что она три мѣсяца жила съ Анисимомъ и беременна, возьметъ ли ее Идыгэ послѣ этого. «Распорите брюхо у моей верблюдицы, сказала она, и вы убѣдитесь!» Убили верблюдицу, нашли въ ней трехмѣсячнаго верблюженка и повѣрили царевнѣ; Идыгэ взялъ ее замужъ. Она родила сына; дали ему имя Мырадыль (Myradyl). Идыгэ сдѣлалъ колыбель, выложилъ ее шелкомъ, обернулъ ребенка соболями. Когда мальчику стало десять лѣтъ, Идыгэ поѣхалъ съ нимъ мстить Тохтамышу. Сдѣлали сорокъ знаменъ и обставили ими палатку хана. Ханъ, проснувшись утромъ, увидѣлъ знамена, подумалъ, что сорокъ князей подступило и убѣжалъ на конѣ Коянъ-посѣ (Kojan-Pos). У Тохтамыша было двѣ дочери; старшую изъ нихъ взялъ себѣ Идыгэ. Мырадыль спросилъ, есть ли хорошая лошадь. Ему указали на кобылу, мать коня Коянъ-поса. Мырадыль сѣлъ на нее и поѣхалъ преслѣдовать Тохтамыша. Тохтамышъ, одолѣваемый жаждой во время бѣгства, захотѣлъ пить; онъ увидѣлъ старика и старуху, жившихъ на берегу рѣки и попросилъ у нихъ напиться. Они сказали, что у нихъ есть немного кумыса. Тохтамышъ вошелъ въ юрту; выпилъ одну чашку, потомъ другую, а потомъ и третью; ему стало жарко и онъ снялъ кольчугу. Тогда старикъ увидѣлъ ѣдущаго Мырадыля и сказалъ объ этомъ хану. Тотъ схватился, сѣлъ на

Коянъ-поса и убѣжалъ. Пріѣхалъ къ юртѣ старика Мырадыль, выпилъ три чашки, увидѣлъ ханскую кольчугу и погнался за Тохтамышемъ. Когда онъ догналъ хана, стали биться копьями, и Мырадыль убилъ Тохтамыша. Потомъ онъ отрубилъ у хана голову, привезъ ее къ его женамъ и спросилъ ихъ: «Это не Тохтамыша ли, вашего мужа, голова?» Жены узнали голову и похоронили ее. Мырадыль вернулся къ отцу, Идыгэ обѣихъ дочерей Тохтамыша сдѣлалъ своими женами. Мырадыль сказалъ: «Младшую изъ сестеръ я хотѣлъ взять», взялъ домбру ¹⁾, заигралъ на ней и ударилъ домброй отца въ глазъ: Идыгэ окривѣлъ. Тогда Идыгэ сказалъ: «Мырадыль, Мырадыль! когда ты родился я сдѣлалъ желѣзную колыбель; боковыя ея доски я сдѣлалъ изъ серебра; самого тебя оболекъ въ шелковыя пеленки; подумавши, что шелковыя будутъ жестки, чернымъ соболемъ повилъ тебя. Теперь ты вышибъ глазъ своему отцу, подобному Меккѣ! Какъ ты смоешь свой грѣхъ?» Мырадыль отвѣчалъ: «Хотя я и вышибъ Меккоподобному отцу своему глазъ, но я этотъ грѣхъ трижды переверну и смою его!» Мырадыль сталъ княземъ вмѣсто Тохтамыша. У Тохтамыша была еще дочь; у нея былъ сынъ Исмаиль, выкормленный въ городѣ другого народа. Исмаиль поѣхалъ мстить Мырадылю за своего отца. Онъ заказалъ сковать сорокъ ножей; острія ихъ были отравлены. Онъ пріѣхалъ подъ видомъ купца, разослалъ коверъ, подъ которымъ скрылъ ножи и пригласилъ Мырадыла. Мырадыль сѣлъ на коверъ; ножи вошли въ его тѣло, но онъ молчитъ. Ядъ сталъ дѣйствовать, Мырадыль сталъ слабѣть. Исмаиль спрашиваетъ Мырадыла, какъ онъ убилъ его отца. Мырадыль разсказалъ, какъ онъ преслѣдовалъ и убилъ Тохтамыша въ мѣстности Töschök, какъ отрубилъ ему голову и привязалъ ее сзади сѣдла, но началъ бояться, чтобъ она не упала, взялъ ее въ руки и привезъ въ подарокъ ханьшамъ. Исмаиль отрубилъ Мырадылю голову, взялъ ее въ руки и поднесъ въ подарокъ своимъ бабушкамъ. Ее похоронили вмѣстѣ съ головой Тохтамыша.

2) Вариантъ изъ дер. Улуканъ. Былъ князь Тохтамышъ. Онъ пошелъ въ мечеть и на пути нашелъ въ сапогѣ мальчика. Онъ далъ ему имя Идыгэ (Idägä). Когда мальчику минуло семь лѣтъ, его отдали въ школу. Когда онъ приходилъ домой и привѣтствовалъ, ханъ вставалъ, чтобъ отдать привѣтствіе, но онъ самъ не зналъ, что дѣлаетъ это. Жена замѣтила это и сказала ему. Ханъ повѣрилъ ей только послѣ того, какъ жена пришила подушку къ его платью. Ханъ спросилъ своихъ вельможъ, что бы это значило, что онъ передъ Идыгэ встаетъ; одинъ предсказатель объяснилъ хану значеніе этого явленія— „это дитя убьетъ тебя“, сказалъ онъ. Ханъ задумалъ погубить Идыгэ, но онъ боится, что его люди не справятся съ Идыгэ,

¹⁾ Домбра—балайка.

поэтому, онъ придумалъ отравить его. Токтамышъ имѣлъ слугу Джанъ-бая (Jan-bai); Джанъ-бай предупредилъ мальчика; онъ сказалъ ему: „Ханъ хочетъ убить тебя. Когда тебѣ подадутъ ядъ, я ударю тебя по рукѣ и ты бѣги!“ Ханъ собралъ людей на пиръ; начали пить. Подали и Идыгѣ вино съ ядомъ. Джанъ-бай ударилъ его. Идыгѣ не сталъ пить и убѣжалъ. Онъ прибылъ въ городъ Чингиса (Tschyngys) и женился на его дочери; у него родился сынъ Мырадымъ (Myradym). Мырадымъ поѣхалъ къ Токтамышу и влюбился въ его дочь. Послѣ поединка съ Мырадымомъ Токтамышъ бѣжалъ; Мырадымъ отвезъ свою невѣсту къ своему отцу, а самъ погнался за Токтамышемъ, убилъ его, взялъ Джанъ-бая и вернулся домой; во время его отсутствія его отецъ Идыгѣ женился на дочери Токтамыша. Мырадымъ, не сходя съ лошади, дождался, когда отецъ выйдетъ изъ юрты, выстрѣлилъ по нему и вышибъ ему глазъ. Испугавшись своего поступка, онъ бѣжалъ къ Аксакъ-Темиру (Aksak Temir) и прожилъ у него два года. Джанъ-бай совѣтуетъ Идыгѣ примириться съ сыномъ. «Если будетъ война, говоритъ онъ, ты одинъ куда годишься?» Идыгѣ согласился и посылаетъ къ сыну пять пословъ, въ томъ числѣ и Джанъ-бая. Послы приглашаютъ Мырадыма вернуться къ отцу. Мырадымъ говоритъ: «Когда я сержусь, я не говорю дурныхъ словъ. Изъ желтой чашки съ тонкими краями я не ѣмъ оставшуюся пищу»... Послы уговариваютъ его: «Если ты подожжешь сухую траву ¹⁾, гдѣ найдешь стоянку? Если въ воду напустишь крови, гдѣ найдешь воды напиться? Если опозоришь Кăникă, какъ можешь обнять ее? Выбивши отцу глазъ, куда пойдешь, чтобы смыть свой грѣхъ?» Мырадымъ отвѣчаетъ, что онъ поѣдетъ въ Мекку и проживетъ тамъ три года. Послы задаютъ вопросъ: какое первое зло? и сами же отвѣчаютъ: не знать Бога. Такъ слѣдуютъ одинъ за другимъ десять вопросовъ. Девятое зло: оставить дитя птицы Туръ-бала въ гнѣздѣ плачущимъ. Десятое зло: оставить въ слезахъ дѣвицу Кăникă. Послѣ этого Мырадымъ возвращается къ отцу. Отецъ встрѣчаетъ сына упреками; сынъ съ покорностью выслушиваетъ ихъ.

3) Саргатскій вариантъ. Тутъ записаны, какъ сказано выше, только одни стихи, которые говорятъ Токтамышъ, Мыратымъ и Ченбай (Tschänbai). Разговоръ кончается словами Мыратыма (Myratym): «Если я испортилъ лошадь, я другую лошадь найду! Если я въ Idil ²⁾ крови напустилъ, я выпью меду! Если я обрасилъ мечъ кровью, я обмою его молокомъ! Если заставилъ Кăникăи плакать, другую красавицу обойму! Если я глазъ отцу вышибъ, я отправлюсь къ Каабъ!»

¹⁾ То-есть—еслипустишьпалъ,стеннойпожаръ.

²⁾ Idil—Волга.

Съ разселеиёмъ тюркской орды на западъ сказка объ Идыге должна была появиться въ степяхъ южной Россіи, и, въ самомъ дѣлѣ, если мы здѣсь не находимъ ее записанною въ полномъ составѣ, то встрѣчаемся съ отголосками ея.

Кундровскіе татары (въ Астраханской губ.) считаютъ своимъ древнѣйшимъ правителемъ Эдыге (Вѣст. Русск. Геогр. Общ., 1851, т. 2, стр. 4). Ногайцы, кочевавшіе къ востоку отъ Волги, въ XVI стол. дѣлились на три орды, изъ которыхъ каждая имѣла во главѣ своей одного изъ трехъ братьевъ, потомковъ Едигея (Перетятковичъ, „Поволожье въ XV и XVI вѣкахъ“. М. 1877. Стр. 135). У ногайцевъ, кочующихъ при сѣверной подошвѣ Кавказа, сохранилось болѣе полное преданіе о Идыге. Ногайцы помнятъ, что отецъ его назывался Кутлукай; мать его была албасты ¹⁾. Женитьба Кутлукай на албасты состоялась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Кутлукай застрѣлилъ въ лѣсу человѣка; это былъ мужъ албасты, по имени Агачъ-ангы (такъ называются мужья у албасты). Идя по слѣду крови, Кутлукай пришелъ къ скалѣ, у которой албасты плакала надъ убитымъ мужемъ. Послѣ этого Кутлукай и албасты стали жить вмѣстѣ. У всѣхъ албасты въ правомъ боку есть отверстіе, въ которое видна вся внутренность тѣла; албасты запретила Кутлукаю смотрѣть на ея тѣло; но онъ не удержался и у спящей взглянулъ на ея правый бокъ; послѣ этого онъ долженъ былъ оставить ее у скалы и вернуться въ аулъ. Впослѣдствіи албасты родила мальчика, принесла его въ аулъ, положила его на землю, произнесла его имя Идыге и удалилась въ лѣсъ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, т. XVII, отд. II. Статья М. Алейникова: „Повѣрья ногайцевъ“, стр. 7—9). Это, очевидно, только начало сказки объ Идыге. Можетъ быть, впослѣдствіи кто-нибудь запишетъ у ногайцевъ и полный сюжетъ сказки объ Идыге ²⁾.

¹⁾ Въ Киргизскихъ версіяхъ, собранныхъ Чоканомъ Валихановымъ («Живая Старина», 1891, в. 4, стр. 157—162), отецъ Идыгея или святой Баба-тоқты-чакты-азизъ (Баба-тақты-чаклы-азизъ), или потомокъ этого святого въ девятомъ колѣнѣ Кутлукиа (въ хрестоматіи Хальфина, изданной въ Казани въ 1822 г., Кутлукеба); въ послѣднемъ случаѣ сынъ Баба-Тукласа называется Термеулъ или Термы. Башкирскія извѣстія о Баба-Тукласѣ сообщилъ недавно г. Юдинъ въ ст. «Развалины древняго города въ Уфимской губ.» (Историческій Вѣстн., 1895, т. LXI, стр. 151). На р. Ислакѣ, близъ дер. Нижніе Термы, есть развалины; по преданію башкиръ это дворецъ Тура-хана, потомка Чингисъ-хана, который сюда прикочевалъ изъ царства сибирскаго Кучума. У Рычкова въ его «Оренб. Топогр.», изд. 1887 г., стр. 373. Задолго до покоренія Казани, здѣсь (т. е. на Ислакѣ) былъ городъ; послѣдній владѣлецъ его Тиря-баба ту Ключовъ жилъ въ немъ зимой. Въ дѣлахъ Оренбург. центрального архива, добавляетъ г. Юдинъ, онъ называется Искуръ Бабату Кулясовъ.

²⁾ Изъ Туркестана имѣемъ такое извѣстіе, сообщенное г. Радловымъ (Зап. Рус. Геогр. Общ. по этногр., VII, 67): «въ числѣ поколѣній близъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана есть поколѣніе Куруласъ, народъ героя Идэгэ-би, побѣдившаго Тохтамышъ-хана».

Кромѣ этихъ преданій о Идыге, мы за отголоски той же сказки принимаемъ преданіе о ногайскомъ ханѣ Тохтѣ, сохранившееся въ лѣтописяхъ. См. объ этомъ въ нашей статьѣ: „Тема объ усѣченной головѣ въ ордѣ“ (Этногр. Обзор., кн. XVI, стр. 90). Тохта ведетъ войну съ Ногаемъ; Погай убитъ въ 1300 г. и голова его привезена къ Тохтѣ. Тутъ мы видимъ перестановку именъ; не у Ногай слѣдовало бы отрубить голову, а у Тохты, имя котораго можно принять за имя Тохтамышъ, лишенное конца.

Позже въ степяхъ юго-восточной Россіи мы встрѣчаемся съ историческими именами: Тохтамышъ и Идыге. Эти лица стоятъ въ томъ же отношеніи, какъ и въ сказкѣ. Тохтамышъ ханъ Золотой орды (1378—1396); Идыге его военначальникъ. При сличеніи историческихъ данныхъ съ сюжетомъ сказки неизбѣженъ вопросъ, какъ объяснить появленіе тѣхъ же именъ въ соответственныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ въ сказкѣ, также и въ исторіи? Не будетъ-ли простымъ отвѣтомъ на него предположеніе, что сказка заимствовала свои имена у исторіи? Въ первоначальной своей редакціи сказка могла имѣть другія имена, которыя подставились потомъ историческими именами Тохтамышъ и Идыге. Однако, разборъ относящихся сюда данныхъ не позволяетъ такъ просто рѣшить этотъ вопросъ. Ниже мы вернемся къ этому вопросу.

Въ статьѣ: „По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынѣ“ (въ Этногр. Обзор., кн. XXII, стр. 56—60), я указалъ уже на параллели, встрѣчающіяся въ сказкѣ, во-первыхъ, съ исторіей Саула и Давида, во-вторыхъ, съ лѣтописнымъ преданіемъ о Чингисъ-ханѣ. Здѣсь излишне будетъ подробно повторять сказанное тамъ; достаточно вкратцѣ напомнить сдѣланныя сближенія. Идыге соответствуетъ Давиду библейскаго разсказа; онъ такой же овечій пастушокъ, приглашенный на службу къ царю. Въ турецкой сказкѣ отсутствуетъ только мотивъ этого приглашенія—болѣзнь Саула, припадки бѣшенства и способъ лѣченія отъ этой болѣзни, игра на струнномъ инструментѣ. Тохтамышъ отвѣчаетъ Саулу, Сафардау—Самуилу, а Джанбай—Ионафану. Тохтамышъ также тайно собирается убить Идыге, какъ Саулъ Давида; ему такъ-же, какъ и Саулу отрублена голова; дряхлый Сафардау, подобно престарѣлому Самуилу, предсказываетъ гибель царя, а Джанбай предупреждаетъ Идыге объ опасности такъ-же, какъ Ионафанъ предупреждаетъ Давида. Подобно Давиду, Идыге спасается бѣгствомъ ¹⁾; Давидъ выскакиваетъ изъ своего дома въ окно;

¹⁾ Джанбай, подобно Ионафану, предупреждаетъ своего друга объ опасности не рѣчью, а условными знаками; онъ бросаетъ въ него тряпку, Идыге обращаетъ къ нему свои глаза, видитъ слезы, текущія по его лицу и догадывается объ опасности. Сходный инцидентъ въ сказкѣ качинскихъ татаръ. На лѣвой сторонѣ р. Абакава жило семь братьевъ богатырей; родители завѣщали имъ жениться поочередно, начиная со старшаго; у братьевъ потерялся конь (это, можетъ быть, сказка о семи звѣздахъ Больш. Медвѣдицы; ср. съ разсказомъ объ этомъ созвѣздіи, записаннымъ г. Бигловымъ и на-

Идыге вылетаетъ въ дымовое отверстіе юрты. Отклоненіе тюркской сказки отъ библейскаго разсказа замѣчается, между прочимъ, въ томъ, что сказка убіеніе Тохтамыша приписываетъ сыну Идыге; въ библейскомъ разсказѣ смерть Саула приписывается не сыну Давида, а постороннему лицу. Темы, связанныя съ сыномъ Давида, Соломономъ все-таки включены въ сказку, но приурочены не къ сыну Идыге, Мырадылу, а къ самому Идыге. Мы разумѣемъ „мудрые суды“ Соломона. Разсказъ о двухъ матеряхъ, оспаривающихъ одного ребенка, въ барабинскомъ вариантѣ замѣненъ разсказомъ о верблюженкѣ, а въ киргизскомъ сохраняетъ библейскую редакцію. Эта послѣдняя тема, повидимому, была распространена въ средней Азіи; отголоски ея встрѣчаются въ одной якутской сказкѣ и въ одной тибетской легендѣ.

Въ якутской сказкѣ этотъ мотивъ измѣнился въ оспариваніе жены; два челоѵка предъявляютъ свое право на одну и ту же женщину; мужу дѣлается предложеніе разрубить женщину пополамъ; онъ отказывается (Очерки сѣверо-западной Монголіи IV, 639). Лжепретендентъ на женщину носитъ имя Арджиманъ-Джарджаманъ. Первые слоги этихъ членовъ: арджи-джарджа напоминаютъ монгольское имя Арджи-борджи, связанное съ соломоновскими темами (см. А. Н. Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ, Спб. 1872 г.). Въ тибетскомъ преданіи о Лассѣ т.-е. въ тибетской обработкѣ сюжета о построеніи храма (съ подробностями изъ саги о Соломонѣ), записанномъ мною въ послѣднее путешествіе, оспаривается ребенокъ двумя женщинами, т. е. такъ-же, какъ и въ библейскомъ разсказѣ, но нѣтъ предложенія разрубить спорный предметъ пополамъ, какъ въ якутской сказкѣ. Рѣшается вопросъ предложеніемъ дать ребенку чашу съ виномъ; онъ поднесетъ вино своему родному отцу.

Эпизодъ барабинской сказки о Цанъ-паѣ съ двумя верблюдницами можетъ быть сочтенъ за видоизмѣненіе апокрифическаго разсказа о поискахъ исчезнувшаго изъ дворца Соломона. Подобно тому, какъ дядька Ачкиль, отыскивая Соломона, испытываетъ мудрость встрѣчающихся юношей, такъ, можетъ быть, оспариваніе верблюженка было первоначально не что другое, какъ придуманный Цанъ-паемъ способъ испробовать мудрость Идыге. Дѣтство Идыге напоминаетъ апокрифическую исторію Соломона; Соломонъ былъ осужденъ своей

печатаннымъ мною въ Танг.—тиб. окраинѣ Китая, II, 319). Старшій братъ поѵхалъ искать коня, заѵхалъ въ гости къ какому-то князю, увидѣлъ красавицу княжну, засмотрѣлся и былъ брошенъ въ подземелье; подобная участь постигла и всѣхъ другихъ братьевъ, кромѣ младшаго; этого дѣвица полюбила, сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею и велѣла ему скрыться, иначе она не будетъ его женою. Онъ спрятался въ волчью нору. Братья потомъ освобождены; младшій братъ женился на дѣвицѣ и за то, что нарушилъ отцовское завѣщаніе, обращается въ камень (Изв. Русск. Геогр. Общ. XX, в. 6 (1884), стр. 635—639, ст. Каратанова, «Черты внѣшня быта качинскихъ татаръ»).

матерью на смерть, но онъ не убить, а только выброшенъ въ поле. По одной записки онъ былъ найденъ подброшеннымъ на гумнѣ въ солому, откуда и имя его Соломонъ (Очерки сѣв.-запад. Монголіи, IV, 888; „Живая Старина“, 1895 г. вып. 2, стр. 212); въ татарской сказкѣ у г. Радлова (Radloff, Proben, IV, 358) подобное рассказывается о мальчикѣ, который отъ соломы получаетъ названіе Саламджа. Вѣроятно, и барабинская сказка первоначально рассказывала, что Идыге былъ выброшенъ въ поле или врагомъ его матери, или ея самою. Подобныя версіи и въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ преданіяхъ объ Идыге. Въ ногайской сказкѣ, какъ мы видѣли, мать подбрасываетъ ребенка въ аулъ, въ которомъ живетъ ея мужъ, отецъ ребенка. Въ киргизской версіи, записанной Чоканомъ-Валихановымъ, удаляющаяся мать бросаетъ ребенка подъ стѣнами города Кумъ-кента; находитъ его отецъ по указанію матери („Живая Старина, 1891 г. в. 4, стр. 158“).

По ногайской версіи брошеннаго ребенка находитъ отецъ (Кутлукай)¹⁾. Въ барабинскомъ вариантѣ какой-то старикъ, не состоящій въ родствѣ съ ребенкомъ. Въ вариантѣ изъ татарской деревни Улуканъ ребенокъ найденъ самимъ ханомъ Токтамышемъ. Сводя этотъ вариантъ съ ногайскимъ, можно сдѣлать заключеніе, что Токтамышъ былъ отецъ Идыге. На это намекаетъ, пожалуй, и имя отца въ нѣкоторыхъ киргизскихъ вариантахъ: Тухты.

Эти соображенія расчищаютъ путь къ догадкѣ, что въ исторіи дѣтства Идыге мы имѣемъ сюжетъ вродѣ апокрифическаго рассказа о дѣтствѣ Соломона. Подобно Соломону—такъ можно предполагать—Идыге, сынъ Токтамыша, былъ выброшенъ матерью въ поле. Онъ подобранъ чужимъ человекомъ²⁾; Токтамышъ, отецъ, посылаетъ Цанъ-пая отыскивать сына. Цанъ-пай подобно Ачкилу, открываетъ Идыге по признакамъ его мудрости³⁾.

¹⁾ Отецъ же находитъ брошеннаго ребенка и въ бурятскомъ сказаніи о предкѣ Булагатѣ (отецъ Буха-ноень, „быкъ-князь“) и въ калмыцкой о предкѣ Цоросѣ (отецъ Бо-ханъ, „шаманъ-царь“). Литература о Буха-ноенѣ указана мною въ книгѣ: Тангуты-тибетск. окраина Китая. Спб., 1893 г., т. II, стр. 255; о Бо-ханѣ и Цоросѣ см. у Палласа, Sammlungen, I, 32.

²⁾ Параллели къ этой темѣ находимъ въ Гэсэриадѣ: Гэсэръ въ бурятскомъ вариантѣ (Танг. тиб. окраина Китая, II, 67) брошенъ матерью въ степи; его находитъ Сарагалъ-ноень-ханъ и везетъ его домой; дорогой Гэсэръ ведетъ себя дурно и пачкаетъ платье хана, такъ что ханъ замучился съ нимъ, не знаетъ, какъ его держать и гдѣ его помѣстить. Не тѣ ли же самыя краски были и въ барабинской сказкѣ, но опущены рассказомъ ради опрятности; старикъ сначала помѣстилъ Идыге за пазухой, но нашель это неудобнымъ, и сунулъ ребенка въ сапогъ (подальше отъ своего носа?)

³⁾ Розыскиваніе заброшеннаго мальчика рассказывается въ преданіи о Чандрагуптѣ (Минаевъ, „Индійскія сказки“, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1874 г., ноябрь, стр. 77—78). „Когда Чандрагуптѣ было восемь лѣтъ, онъ игралъ съ малолѣтками, самъ былъ царемъ и раздавалъ кому деревню, кому цѣлую страну, кому начальство надъ крѣпостями“. Чанакиа, который за то, что доставилъ беременной матери Чан-

Мы уже говорили въ упомянутой статьѣ, что находженіе библейскихъ темъ въ тюркскомъ фольклорѣ можно объяснить заносомъ ихъ въ Сибирь съ мусульманской письменностью. Но сопоставленіе тюркскихъ сказокъ объ Идыге съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Чингисѣ, кажется, должно отодвинуть дату нѣсколько дальше. Правда, мусульманство во владѣніяхъ Чингиса древнѣе XIII столѣтія, въ которомъ жилъ этотъ монгольскій ханъ, но едва ли сказаніе о Чингисѣ-ханѣ сложилось такъ поздно; вѣроятно оно уже существовало задолго до появленія въ исторіи этой личности и только перенесено на него послѣ того, какъ онъ выдвинулся изъ рядовъ обыкновенныхъ людей. Но если устранить мусульманскую гипотезу, все-таки можно выводить эти темы изъ библейскаго источника; онѣ могли быть принесены на востокъ съ несторіанствомъ, которое существовало въ Китаѣ уже при Танской династіи въ VI—VIII вѣкахъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ изъ этого сюжета, особенно тѣхъ, которыя могутъ быть сближаемы съ христіанскими апокрифами, возможно допустить и независимое отъ христіанскаго и мусульманскаго вліянія происхожденіе.

Сопоставленіемъ сказки объ Идыге съ сказаніемъ о Чингисѣ мы займемся подробнѣе.

Оба, и Идыге и Чингисъ найденыши въ полѣ. О Чингисѣ народное, устное, живущее теперь въ степяхъ преданіе говоритъ, что онъ былъ найденъ младенцемъ, лежащимъ въ степи подъ деревомъ. Книжное сказаніе не знаетъ этого, но можно слѣды такой темы видѣть въ занесенныхъ въ лѣтопись о походахъ Чингисѣ-хана разсказахъ о найденныхъ, подобранныхъ въ степи. Лѣтопись Юань-чао-ми-ши знаетъ четыре такихъ случая: 1) Когда

драгунты возможность „выпить луну“ (молоко, въ которомъ отразилась луна), получилъ обѣщаніе, что ожидаемый ребенокъ будетъ отданъ ему, странствовалъ, отыскивая родившагося мальчика. Увидавъ мальчика, играющаго въ царіи, онъ проситъ подарить ему что-нибудь. Тотъ говоритъ: „Дарю тебѣ всѣхъ этихъ коровъ!“ Эти коровы чужія, какъ же я могу ихъ взять, возражаетъ Чанакія. „Кто способенъ, тому принадлежитъ земля“, отвѣтилъ ему Чандрагута (луной хранимый). Чанакія, пораженный этимъ отвѣтомъ, догадывается, кто такой этотъ мальчикъ, беретъ его и начинаетъ борьбу съ царемъ Нанда, отцомъ мальчика, по повелѣнію котораго мальчикъ былъ выброшенъ и долженъ былъ погибнуть. Сличеніемъ съ тюркской сказкой и съ монгольскимъ сказаніемъ о Чингисѣ-ханѣ, Чанакія приравнивается къ Цанпаю, Чандрагута къ Идыге и Чингису, а царь Нанда къ Токтамышу и Ванъ-хану кирейскому. Розыскиваніе мудрой личности мы находимъ также въ тюркскихъ сказкахъ о Джиренше, который отыскиваетъ мудрую невѣсту для своего сына (Radloff, Proben. I, 197; IV, 201). Имя Джиренше киргизы ставятъ въ связь съ ханомъ Джани-бекомъ; это былъ мудрый визирь при Джани-бекѣ. (Очерки с. з. Монголіи, в. I, стр. 158). Не стояли ли эти имена, Джиренше и Джани-бекъ, въ иномъ отношеніи другъ къ другу? Именно, не было ли разсказа о томъ, что Джани-бекъ служилъ при Джиренше и доставалъ для него невѣсту вродѣ того, какъ въ тибетской легендѣ Гвардамбо добывалъ невѣсту для царя Сронцзона?

Мэргиты бѣжали, то покинули въ своемъ становищѣ пятилѣтняго мальчика по имени Кюйчу, въ собольей шапкѣ и въ сапогахъ изъ оленьихъ лапъ; ратники прибрали этого мальчика и подарили матери (Чингисъ-хана) Хоэлунь (Труды Пекинск. дух. миссіи, IV, 57). 2) Когда Чингисъ проходилъ черезъ кочевье Дайичутовъ, послѣдніе, испугавшись, поднялись съ мѣста и въ ту-же ночь ушли. Въ становищѣ они покинули одного мальчика по имени Кокочу; ратники Чингиса взяли его и отдали Хоэлунь на воспитаніе (ibid., 59). 3) Когда войско Чингиса овладѣло лагеремъ Татаръ, то подобрали въ немъ одного мальчика съ золотымъ кольцомъ въ носу и, собольимъ набрюшникомъ съ золотыми кистями; его отдали матери Хоэлунь; она сказала: „вѣрно онъ изъ какого нибудь знатнаго дома“. Давъ ему имя Шигиканъ-худуху, она сдѣлала его своимъ сыномъ (ibid., 67). 4) Одинъ изъ ратниковъ нашелъ въ лагерѣ племени Чжурки мальчика по имени Бороулъ и отдалъ матери Хоэлунь (ibid., 68). Всѣ четыре разсказа кончаются одинаково; ратники передаютъ найденнаго мальчика матери Хо-Элунь; такое однообразіе можетъ быть объяснено предположеніемъ, что всѣ четыре разсказа повтореніе одной и той же сказочной темы; всѣ они представляютъ начало сказки вродѣ Идыге; въ тюркской сказкѣ старикъ находитъ въ степи Идыге и отвозитъ его къ своей женѣ на воспитаніе; въ разсказахъ монгольской лѣтописи „мать Хоэлунь“ отвѣчаетъ этой женѣ старика. Можетъ быть даже эти четыре разсказа подъ именемъ Кокочу, Кюйчу, Шигиканъ-худуху и Бороулъ разумѣютъ самого Чингисъ-хана; они не что иное, какъ четыре варианта начала той сказки о Чингисъ-ханѣ, въ дальнѣйшемъ изложеніи которой о Чингисѣ передавалось то-же, что тюркская сказка разсказываетъ объ Идыге ¹⁾.

Имя Кокочу встрѣчается и еще разъ въ монгольской лѣтописи; его носитъ шаманъ, соперникъ Чингисъ-хана, имѣющій еще и другое имя: Тубуть-тэнгри. На смѣшеніе этихъ персонажей—Чингисъ-хана и Тубуть-тэнгри мы уже указывали въ статьѣ: «Легенды объ Асокѣ и преданіе о Чингисъ-ханѣ» (Этн. Обзор., кн. XXIII). Можно думать, что подобный же обмѣнъ былъ и съ именами Чингисъ-ханъ и Кокочу ²⁾.

Отецъ у Идыгэ въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки называется Баба-Тукласъ или Баба-Тукты; мы выше высказали догадку, что Тохтамышъ,

¹⁾ Одна изъ четырехъ формъ, именно Кюйчу, кажется, и теперь еще сохраняется въ тюркской сказкѣ объ Идыге; въ тарбагатайскомъ вариантѣ, который мы здѣсь печатаемъ, Идыге носитъ еще другое имя Койчу-бай (см. выше, стр. 297).

²⁾ Подобная форма связывается съ темой о покинутомъ ребенкѣ и въ одномъ киргизскомъ преданіи, именно о Ерь-Гокчу, предкѣ поколѣнія Уакъ. Онъ былъ во время бѣгства племени забитъ въ золѣ очага и потомъ найденъ (Очерки, II, 158). Ерь-Гокче встрѣчается и въ Гэсэриадѣ; это соперникъ Гэсэра (Schmidt, Die Thaten, 258).

при дворѣ котораго служить Идыгэ, не кто иной, какъ его отецъ, т. е., что Баба-Туеты и Тохтамышъ одно и то-же лицо. Сказаніе о Чингисѣ называетъ его отца Есугаемъ (Есугай, Исуге, Исунке); эсэгэ, эцэгэ, по-монгольски «отецъ»; можно подумать, что Есугай не собственное имя, а нарицательное, и что отецъ Чингиса носилъ какое-то другое имя, и именно, болѣе похожее на имя отца Идыге. И, въ самомъ дѣлѣ, форма, сходная съ именемъ отца Идыге, встрѣчается въ преданіяхъ о Чингисѣ; такъ, напримѣръ, въ киргизской сказкѣ мать Шингыса (т. е. Чингиса), беременная имъ, заточенная въ ящикъ, была опущена въ море; братья Тохтугуль и Дондугуль причаливаютъ ящикъ къ берегу; освобожденная женщина достается Тохтугулу; она родитъ ему сына Шингыса (Radlof, Proben, III, 86). Такимъ образомъ мы находимъ форму «тохту» въ имени отчима Чингиса. Въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ эта форма также встрѣчается; мы имѣемъ тутъ имя Тухта-бики; такъ называется ханъ меркитовъ, врагъ Чингисъ-хана.

Такъ какъ сказаніе о Чингисъ-ханѣ имѣетъ аналогію со сказкой о Идыге, то можно догадываться, что Тухта-бики въ нѣкоторыхъ древнихъ сказкахъ о Чингисѣ игралъ ту роль, которая въ тюркскихъ сказкахъ принадлежитъ Тохтамышу, а въ дошедшемъ до насъ преданіи о Чингисѣ этотъ персонажъ замѣщенъ Ванъ-ханомъ кирейскимъ. И если Тохтамышъ дѣйствительно отецъ Идыге, то тѣже отношенія нужно перенести и въ сказаніе о Чингисѣ. Чингисъ былъ сынъ хана Тухта-бики по одному варианту и Ванъ-хана кирейскаго по другому.

Вторую параллель между сказкой о Идыге и преданіемъ о Чингисѣ представляетъ рассказъ преданія о заговорѣ Вана на жизнь Чингиса. Тохтамышъ затѣваетъ убить Идыге; Ванъ кирейскій хочетъ заманить къ себѣ Чингиса съ цѣлью убить его. Идыге предупрежденъ объ опасности челоѡкомъ, который приготовлялъ для хана кумысъ и вино; Чингису выдана дворцовая тайна челоѡкомъ, который ее подслушалъ, когда вносилъ къ заговорщикамъ кумысъ (Юань-чао-миши въ «Трудахъ Пекинск. духовн. миссіи», IV, 86). Предупрежденный Идыге ускользаетъ незамѣтно изъ юрты черезъ верхнее дымовое отверстіе ея; съ Чингисъ-ханомъ дѣло было иначе. Онъ получилъ извѣстіе объ опасности, когда ѣхалъ къ Ванъ-хану по его приглашенію, и вернулся съ полупути домой; это спасло его. Но намекъ на другую редакцію, болѣе близкую къ тюркской сказкѣ, какъ намъ кажется, остался таки въ монгольскомъ преданіи. Мы видимъ его въ рассказѣ о шаманѣ Тубуть-тэнгри; онъ былъ убитъ по приказанію Чингиса и положенъ въ скутанную юрту, но тѣло его исчезло изъ юрты, хотя двери остались запертыми. Можетъ быть, въ этомъ эпизодѣ не только имя шамана пере-

несено на него съ Чингисъ-хана, о чемъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (см. выше ¹), но и тема.

За побѣгомъ Идыге сказка рассказываетъ о Цзанъ-паѣ или Джанбаѣ, догоняющемъ Идыге и вступающемъ съ нимъ въ разговоръ. Бесѣда эта передана стихами; благодаря этому обстоятельству разговоръ этотъ долженъ былъ лучше сохраниться въ памяти рассказчиковъ. Въ сказаніи о Чингисѣ рассказа о погонѣ нѣтъ. Чингисъ удаляется и прячется, но потомъ собираетъ свои силы и переходитъ въ наступательное движеніе. Но въ лѣтописи Юань-чао-ми-ши («Труды Пекинск. дух. миссіи», IV, 86) все-таки сохранился рассказъ о переговорахъ Чингисъ-хана съ Ваномъ, который какъ будто стоитъ на мѣстѣ рассказа о переговорахъ Идыге съ Джанбаемъ. Разница однако въ томъ, что въ монгольскомъ рассказѣ не Ванъ посылаетъ посла къ Чингису, какъ бы слѣдовало для совпаденія съ тюркской сказкой, а Чингисъ посылаетъ двухъ пословъ (Архай-Хасара и Сюегэгай-чжэуня) къ Вану. Характеръ рѣчей тоже другой; въ тюркской сказкѣ Джанбай старается примирить Идыге съ Тохтамышемъ заманчивыми обѣщаніями; въ монгольскомъ рассказѣ послы Чингисъ-хана осыпаютъ Вана жалобами на его несправедливость къ Чингису. Въ обоихъ рассказахъ посольство оканчивается ничѣмъ. Хотя Ванъ торжественно раскаивается въ своемъ поведеніи, сознается, что онъ поступилъ неблагодарно и клянется, что не будетъ вредить Чингису ²), послѣдній все-таки неожиданно нападаетъ на него и заставляетъ бѣжать.

Въ тюркской сказкѣ первые страхи Тохтамыша передъ будущимъ превосходствомъ Идыге возбуждены его женами; въ преданіи о Чингисъ-ханѣ этой темы нѣтъ; но и здѣсь недовѣріе Ванъ-хана къ Чингису навѣяно со стороны; оно возникло сначала въ головѣ сына Ванъ-хана, Санкуня, который потомъ уговариваетъ своего отца заблаговременно погубить Чингиса. Не перенесена ли эта роль на Санкуня съ жены Вана ³)? По совѣту Санкуня

¹) О существованіи преданій о какомъ то знаменитомъ шаманѣ Чингисѣ (Хад-жпръ Чингисъ-тэнгри, «сынъ неба»), см. Банзарова, Черная вѣра. 1891 г. стр. 12 и 78.

²) Тутъ въ Юань-чао-ми-ши интересная подробность. Выслушавъ упреки пословъ Чингиса, Ванъ сказалъ: «Я не долженъ былъ бы расходиться съ сыномъ моимъ Тѣмучжинемъ (т. е. Чингисомъ), а разошелся» и затѣмъ, порѣзавъ ножомъ мизинецъ на своей рукѣ, текшею изъ него кровью наполнилъ маленькій берестяной бурачокъ и сказалъ: «Когда я буду лиходѣить сыну моему Тѣмучжиню, то пусть буду такъ пеклологъ». Съ этими словами онъ отдалъ эту кровь посланцамъ, которые и принесли ее къ Чингису. Въ тарбагатайскомъ вариантѣ сказки объ Идыге визирь Тохтамыша Джанбай и Элигэ заключаютъ дружбу и совершаютъ сходный обрядъ: надрѣзаютъ жилы на рукахъ, спускаютъ кровь въ чашку и эту смѣшанную кровь выпиваютъ (см. выше стр. 11).

³) Въ одной монгольской сказкѣ есть женское имя Санхони-чечець («Очерки с.-з. Монголіи», IV, 386).

Вань-ханъ хочетъ обманомъ зазвать Чингиса къ себѣ въ гости; онъ притворяется, будто хочетъ выдать за него свою дочь замужъ, и пригласилъ его пріѣхать. Когда пріѣдетъ, ханскіе слуги убьютъ его. Въ тюркской сказкѣ такого оборота нѣтъ; въ библейскомъ разсказѣ то же нѣтъ, но Саулъ выдалъ дочь за Давида; Чингисъ тоже женился на дочери Вана, но уже послѣ его смерти.

Убѣжавшій Идыге спасся за какой то рѣкой: Джанбай догналъ его, но за рѣку не поѣхалъ; онъ обратился къ Идыге съ рѣчью, оставаясь на другомъ берегу рѣки; странно, почему онъ не переѣхалъ на другую сторону; объясненіе нужно искать или въ томъ, что тутъ что-то не досказано и что въ полной редакціи или рѣка прибыла къ тому часу, когда подѣхалъ Джанбай или она внезапно явилась; такія покровительствующія рѣки встрѣчаются въ сказкахъ и легендахъ. Орхонъ пропускаетъ убѣгающихъ халхасцевъ, но поднимаетъ свои воды, когда черезъ него хотятъ двинуться преслѣдующіе халхасцевъ олеты (см. «Жив. Старина», 1891 г., в. III, стр. 238; «Очерки с.-з. Монголіи», IV, 410; «Танг.-тиб. окраина Китая», II, 310). Въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ, отголоски котораго мы находимъ въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ «Шиддикуръ», когда Анпу или Анебу гнался за своимъ братомъ (Битью или Сату) ¹⁾, вдругъ ихъ раздѣлила внезапно явившаяся рѣка. Можетъ быть, и въ сказкѣ объ Идыге было что-нибудь подобное; рѣка, которая отдѣляла Цанпая или Джанбая отъ Идыге, можетъ быть, возникла въ моментъ приближенія Джанбая.

Времени отъ бѣгства Идыге до возвращенія его съ цѣлью отомстить Тохтамышу въ сказаніи о Чингисѣ отвѣчаетъ время, проведенное Чингисъ-ханомъ на озерѣ Балчжуна (Труды Пекинской дух. миссіи, IV, 95). Въ монгольской лѣтописи смѣна событій такая. Чингисъ, получивъ извѣстіе объ угрожающей ему опасности, бросивъ домашній скарбъ, бѣжалъ къ горѣ Маоунь-дурь. Здѣсь происходитъ битва съ Ваномъ; Чингисъ одерживаетъ побѣду, но уходитъ съ поля сраженія. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о послахъ Чингиса. Потомъ Чингисъ откочевываетъ къ озеру Бальчжуна и здѣсь, по-видимому, выжидаетъ удобный моментъ для нападенія на Вана. Получивъ извѣстіе, что Ванъ пируетъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ предосторожности, Чингисъ-ханъ ѣдетъ противъ него съ войскомъ безостановочно день и ночь въ теченіе трехъ сутокъ и внезапно нападаетъ на становище Вана («Труды Пекинской дух. миссіи», IV, 95). Бальчжуна (у Рашидъ-эддина Балджіуна) было вѣроятно пустынное мѣсто, мало доступное для большого

¹⁾ Въ «Очеркахъ с.-з. Монголіи», IV, 237, одинъ изъ братьевъ называется Бамба-Шигу, другой Дзулдзукъ.

войска вслѣдствіе недостатка воды. Здѣсь къ Чингисъ-хану собрались его сторонники; Рашидъ-эддинъ говоритъ (II, 133) «община ихъ была малая»; очевидно, немногіе рѣшились раздѣлить съ Чингисъ-ханомъ это печальное скитаніе въ пустынь. За то впослѣдствіи участники кочеванья въ этой мѣстности, пившіе вмѣстѣ съ Чингисомъ «грязь озера Балчжуны», пользовались у него особой благосклонностью и въ отличіе отъ другихъ сподвижниковъ назывались «балчжунту». Идыге во время своего скитанія въ степи женится. Онъ встрѣчаетъ русскаго богатыря Анысима (или Чуюнь-гулака), который увезъ дочь Сатъ-Тимира. Идыге поступаетъ въ кашевары къ Анысиму, потомъ убиваетъ его и отвозитъ плѣнную дѣвицу къ ея отцу Сатъ-Тимиру, а отецъ отдаетъ ее замужъ за Идыге. Этотъ эпизодъ въ сказаніи о Чингисѣ приравнять не къ чему; о Чингисѣ нѣтъ разказа, чтобы онъ во время пребыванія на озерѣ Балчжуна женился. Тѣмъ не менѣе, въ эпизодѣ объ Идыге на Адилѣ можно указать на отношенія тюркской сказки къ монгольскому сказанію. Сказка даетъ намъ двухъ соперниковъ: Идыге и Анысима; первый убиваетъ второго. Идыге мы отождествляемъ съ Чингисомъ, а противникомъ Чингиса является Ванъ-ханъ. Отсюда вытекаетъ тожество Анысима съ Ванъ-ханомъ. Покойный Березинъ, переводчикъ «Исторіи Монголовъ» Рашидъ-эдина, сдѣлалъ сближеніе между Ванъ-ханомъ, современникомъ Чингиса, и Онъ-сомомъ сибирскихъ лѣтописей («Труды Вост. Отд. Археолог. Общ.», ч. XIII, стр. 313). Сибирская лѣтопись говоритъ, что простой татаринъ Чинчій убилъ сибирскаго хана Онъ-сома; Березинъ видитъ въ этомъ разказѣ эпизодъ изъ монгольской исторіи—Чинчій это Чингисъ, Онъ-сомъ—Ванъ-ханъ. Этотъ-то Онъ-сомъ, какъ мы уже въ другихъ случаяхъ высказывали предположеніе, и явился въ тюркской сказкѣ подъ именемъ Анысима. При такомъ толкованіи женитьба Идыге на вдовѣ убитаго Анысима должна бы въ монгольскомъ сказаніи явиться въ видѣ разказа о женитьбѣ Чингиса на вдовѣ Ванъ-хана; Чингисъ женится на дочери Ванъ-хана, а не на вдовѣ; но въ томъ же разказѣ (т. е. въ Юань-чао-ми-ши) Чингисъ воюетъ съ другимъ ханомъ, Таянь-ханомъ, и, одержавъ надъ нимъ верхъ, беретъ за себя его жену Гурбесу. По нашему мнѣнію Таянь-ханъ сказочная личность и исторія его можетъ быть принята за повтореніе исторіи о Ванъ-ханѣ. Поддержка предположенію, что о Чингисѣ былъ разказъ, что онъ женился на вдовѣ Вана, можетъ быть заключается въ преданіи о томъ, какъ Чингисъ насильственно овладѣлъ женой царя Шидургу, по имени Гурбельджинъ-гоа. Въ статьѣ: «Акирь повѣсти и Акирь легенды» (Этногр. Обзор., кн. XXV, стр. 123) мы указали на отношенія къ Шидургу устныхъ монгольскихъ преданій о Шидырванѣ. Эти, послѣднія можетъ быть, представляютъ разказы о Шидургу, не попавшіе въ письменные памятники.

Сюжетъ же, соединенный съ именемъ Шидырвана, напоминаетъ Вана кирейскаго; Шидырванъ, подобно Вану, составляетъ заговоръ, который выданъ измѣнникомъ, и Шидырванъ, подобно Вану кирейскому, поплатился жизнью. Если Шидургу дѣйствительно тождественъ съ Шидырваномъ и Ванъ-ханомъ, то въ исторіи Шидургу мы имѣемъ повтореніе разсказа о Чингисъ-ханѣ, отбирающемъ жену у Ванъ-хана.

Конецъ сказанія о Чингисъ-ханѣ и Ванѣ также представляетъ сходныя черты съ тюркской сказкой.

Идыге, послѣ нѣсколькихъ дѣтъ, проведенныхъ за р. Идиль, возвращается въ Тохтамышу, чтобы отомстить ему. Тохтамышъ обращается въ бѣгство, сходитъ съ лошади, чтобы утолить свою жажду, и влѣдѣ за тѣмъ его убиваютъ; отрубленная голова его отвезена къ его женамъ. Чингисъ-ханъ, послѣ скитанія въ пустынѣ, идетъ противъ Ванъ-хана; Ванъ-ханъ убѣгаетъ, во время бѣгства сходитъ съ лошади, чтобы утолить жажду, и тутъ его убиваютъ; отрубленная голова его отвезена къ Таянъ-хану или подана его женѣ Гурбесу. Въ сказкѣ не самъ Идыге убиваетъ Тохтамыша, а его сынъ Мырадыль; въ монгольскомъ сказаніи также не самъ Чингисъ убиваетъ Вана, а какой то найманъ Хорису. По аналогіи съ тюркской сказкой въ этомъ Хорису слѣдовало бы видѣть сына Чингиса.

Въ тюркской сказкѣ голова Тохтамыша привезена его женамъ; въ книжномъ монгольскомъ сказаніи она доставлена Таянъ-хану или подана царицѣ Гурбесу, женѣ Таяна. Намъ кажется, тюркская редакція первоначальнѣе. Происхожденіе сбивчивости въ монгольской редакціи мы объясняемъ такъ: было два варианта, въ одномъ соперникъ Вана назывался Чингисомъ, въ другомъ Таянъ; въ обоихъ былъ разсказъ о томъ, что Ванъ былъ убитъ и голова его доставлена его врагу, въ одномъ Чингису, въ другомъ Таяну. Монгольское книжное сказаніе есть вариантъ съ именемъ Чингиса, какъ соперника Вана, но редакція конецъ этого варианта отбросила и замѣнила его концомъ варианта съ именемъ Таянъ.

Въ трехъ сравниваемыхъ версіяхъ гонителей царей: Сауда, Тохтамыша и Вана убиваетъ не центральное лицо сюжета, не Давидъ, не Идыге, не Чингисъ, а постороннее лицо: амалектянинъ, Мырадыль, найманъ Хорису. Если наше предположеніе вѣрно, что преданіе о ханѣ Тухтѣ и Ногаѣ есть отголосокъ монгольскаго сказанія объ отрубленной головѣ Тухта-бика или Вана, то убійцѣ Хорису въ степномъ преданіи южной Россіи будетъ отвѣчать русскій, т. е. по тюркскому произношенію урусъ. Подъ этимъ терминомъ можетъ быть скрывается личное собственное имя Урусъ, и только позднѣе этотъ терминъ понятъ, какъ имя народа. Такое же объясненіе, можетъ быть, слѣдуетъ дать и появленію эпитета „русскій“ при имени Анысима; это было

собственное имя; „русскій богатырь Анысимъ“ есть позднѣйшее пониманіе; вначалѣ было парное: Урусъ-Анысимъ. Мы въ другомъ мѣстѣ уже указывали, что „русскій“ нѣсколько разъ встрѣтилось въ устныхъ народныхъ сказаніяхъ о Чингисѣ; мы возлѣ него находимъ: 1) „русскаго охотника“, урусъ гуречинъ, 2) дочь, которая становится „русской“ царицей. Такія находенія этого термина рядомъ съ Чингисомъ и здѣсь могутъ быть объяснены тѣмъ, что персонажъ, стоящій возлѣ Чингиса, носилъ собственное имя Урусъ. Мы уже высказали свое подозрѣніе, что этимъ именемъ назывался сынъ Чингиса („Этногр. Обзоръ,“ кн. XVI, стр. 93). Если въ сюжетѣ о ханѣ гонителѣ месть дѣйствительно совершается сыномъ гонимаго, какъ мы предположили нѣсколько строкъ выше, то мстителю за Чингиса долженъ носить имя Урусъ вмѣсто Хорису, какъ къ книжномъ связаніи.

Мы указывали уже на то, что тема о найденнышѣ въ степи подъ деревомъ одинаково приурочивается и къ Чингису, и къ Цоросу или Чоросу („Этногр. Обзоръ,“ кн. XVI, стр. 94), что ведетъ къ догадкѣ, что имя Чингисъ замѣщалось именемъ Цоросъ и въ другихъ сюжетахъ. Если съ одной стороны Цоросъ или Чоросъ фонетическія версіи имени Урусъ, если съ другой смерть Вана приписывалась не сыну Чингиса Урусу, а самому Чингису (носившему имена Цоросъ, Урусъ, Хорису), то умерщвленіе Вана будетъ отцеубійствомъ. Такое толкованіе совпадетъ съ нашей догадкой, что и въ преданіи о Шидургу (Шидырванѣ?) нужно подозрѣвать болѣе полный сюжетъ. Шидургу былъ отецъ Чингиса, Чингисъ убилъ его, своего отца, и женился на его женѣ, своей матери. Жена Шидургу оскотпляетъ Чингиса и сама бросается въ рѣку. Монгольское сказаніе забыло мотивы такой спеціальной казни; это обычный конецъ матери, признавшей въ новомъ своемъ мужѣ, въ Чингисѣ, своего сына.

Пересмотримъ вкратцѣ сдѣланныя нами сближенія.

Сказка объ Идыге и сказаніе о Чингисѣ представляютъ слѣдующія параллели: 1) И Идыге и Чингисъ найденныши; они найдены младенцами въ степи. 2) Оба потомъ находятся на службѣ у царя, Идыге у Тохтамышя, Чингисъ у Вана. И Тохтамышъ и Ванъ мучимы подозрѣніями о будущемъ торжествѣ ихъ раба; подозрѣнія эти внушены стороннимъ лицомъ (женщинами). И Тохтамышъ и Ванъ оба замышляють умертвить противника, но дворцовый секретъ открытъ челоувкомъ, вносившимъ кумысь. 3) И Тохтамышу и Вану отрублена голова. Къ этимъ тремъ параллелямъ можетъ быть слѣдуетъ еще присоединить одну, если можно къ посольству Цанъ-пая къ Идыге приравнять пословъ Чингиса къ Вану.

Идыгею отвѣчаетъ Чингисъ, Тохтамышу—Ванъ (и Мырадыму, Хорису, Цанъ-пая два персонажа Бадай и Кишликъ).

Въ сказаніяхъ о Чингисѣ есть имена, сходныя съ Тохтамышемъ, какъ

это было уже указано выше: въ киргизскомъ Тохту-гуль, въ книжномъ монгольскомъ Тухта-бики. Форма Идыге, которую въ тюркской сказкѣ замѣняетъ Чингисъ, въ монгольскихъ сказаніяхъ не встрѣчается; въ нихъ есть имя Джиданойонъ; можетъ быть, первую половину этого имени Джиданойонъ можно сопоставить съ началомъ тюркскаго имени: Иды, и окончаніе ге почтеть замѣненнымъ вторымъ членомъ „нойонъ“. Въ преданіяхъ объ этомъ Джиданойонѣ есть сходныя черты съ Чингисъ-ханомъ; подобно послѣднему, въ дѣтствѣ онъ былъ гонимъ; какъ Чингисъ-хана прятали въ телѣгу подъ шерсть, такъ Джиданойона прятали подъ шерсть (Записки Русск. Археол. Общ., XIV, 190); о другихъ сходныхъ чертахъ см. Танг. тиб. окраину Китая, II, 274. Намъ кажется, что преданія о Джиданойонѣ есть слѣды того, что и въ Монголіи существовалъ сюжетъ объ обезглавленномъ царѣ-гонимѣ и его врагѣ съ именемъ одного корня съ Идыге ¹⁾).

Для нѣкоторыхъ темъ тюркской сказки и монгольскаго преданія не находится параллелей; такъ, въ монгольскомъ преданіи есть рассказъ о томъ, какъ плѣнному Чингисъ-хану были набиты колодки на шею и на ноги, и какъ онъ бѣжалъ и спрятался въ водѣ; этому рассказу нѣтъ отвѣчающаго въ тюркской сказкѣ; въ свою очередь, въ монгольскомъ преданіи нѣтъ игры въ цари.

Мы облизали сказаніе о Чингисъ-ханѣ съ тюркской сказкой объ Идыге, а эту послѣднюю (въ статьѣ „По поводу новыхъ привлеченій въ былинѣ о Добрынѣ“ въ Этн. Обзор., кн. XII, стр. 58) съ библейскимъ рассказомъ о Саулѣ и Давидѣ. Параллели тюркской сказки съ библейскимъ рассказомъ многочисленны; монгольское преданіе бѣднѣе библейскими темами. Дѣтство Чингиса совсѣмъ не находитъ параллелей въ библейскомъ рассказѣ. Онъ является только въ періодъ службы у царя; эпизодъ о замыслѣ Вана убить Чингиса отвѣчаетъ подобному же умыслу Саула въ отношеніи Давида; исторія Вана кончается сходно съ исторіей Саула; онъ убитъ въ полѣ, и ему отрублена голова, какъ и Сауду. Есть вѣроятіе думать, что ордынскія преданія о Чингисѣ въ старину передавались полнѣе и число совпаденій его съ библейскимъ рассказомъ было больше. Такъ, на примѣръ, въ нихъ вставлялся вѣроятно рассказъ о порицаніи убійцы, поднявшаго руку на царя, вродѣ того, какое приписывается Давиду. Въ ордынскомъ сказаніи эта рѣчь вложена въ уста Таянъ-хана, а не Чингиса ²⁾);

¹⁾ Въ монгольскомъ книжномъ, къ корню Иды прибавленъ только инициалъ дж. Примѣръ этого можно видѣть въ варіаціяхъ тюркскаго имени созвѣздія Большой Медвѣдицы: Едиганъ, Жидиганъ, Еджиганъ, Джетыганъ, Четтыканъ, Чедыганъ, Тъедеганъ, Тъэтыганъ и т. п. (Очерки с. з. Монголіи, II, 125; IV, 137, 711; Тангуты-тиб. окраина Китая, II, 318).

²⁾ „Такого великаго старика-государя зачѣмъ убили вы? Слѣдовало привезти живымъ!“ Вотъ были слова Таяна («Труды Вост. Отд. Русск. Археол. Общ.», т. XIII, стр. 146).

гораздо ближе къ библейскому разсказу она сохранилась въ преданіи южно-русскихъ степей о ханѣ Тухтѣ. Другія детали библейскаго разсказа попали въ преданія, еще болѣе отдаленныя отъ сказанія о Чингисѣ. Такъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ намъ кажется, можно найти въ легендахъ о построеніи храма въ Ласеѣ. Нѣкоторыя темы этой легенды—неоднократное разрушеніе построеннаго, невозможность довести постройку до конца безъ помощи вѣщаго человѣка, и другія (см. въ ст. «Акирь повѣсти и Акирь легенды» въ «Этногр. Обзор.», кн. XXV, стр. 106)—встрѣчаются въ талмудической легендѣ о построеніи храма Соломономъ; тема о царѣ-насилъникѣ, убитомъ выстрѣломъ, можетъ быть, отраженіе разсказа о поединкѣ Давида съ Голиафомъ ¹⁾. Бѣгство человѣка, убившаго царя-насилъника, и его укрываніе въ пещерѣ мы уже сближали въ вышеупомянутой статьѣ съ бѣгствомъ и укрываньемъ въ пещерѣ Давида ²⁾. Въ исторіи Саула есть одна тема о семи отрубленныхъ головахъ; не она ли же въ сказаніи о Гэсэрѣ, гдѣ также есть семь отрубленныхъ головъ ³⁾, и гдѣ также есть тема о построеніи храма въ честь Арья-Бало (т. е. того же бога, въ честь котораго строился и ласскій храмъ)? Былъ голодъ на землѣ при Давидѣ три года. Давидъ спросилъ Бога и узналъ, что это въ наказаніе за то, что Саулъ умертвилъ Гаваонитянъ. Давидъ призвалъ Гаваонитянъ и спросилъ, чѣмъ ихъ можно примирить. Тѣ потребовали изъ потомства ихъ истребителя семь человѣкъ. Давидъ взялъ двухъ сыновей Рипцы, жены или наложницы Саула, и пять сыновей Мелхолы, дочери Саула, которая была за сыномъ Верзеллія, и отдалъ. Тѣ повѣсили ихъ (на солнцѣ) на горѣ предъ Господомъ въ первые

¹⁾ Тибетская легенда не говоритъ о мѣстѣ, въ которое былъ пораженъ царь-насилъникъ (царь съ бычьими рогами); ударъ въ лобъ находится въ бурятской легендѣ о первомъ шаманѣ; шаманъ поражаетъ въ лобъ царя неба Эсэгэ-малана, чтобы отнять у него похищенную имъ душу человѣка и тѣмъ возратить послѣдняго къ жизни.

²⁾ Убійца царя-насилъника, чтобы удачно совершить свое предпріятіе, одѣлся въ мантию, въ родѣ тѣхъ мантий, въ какихъ пляшутъ монахи въ храмовыхъ хоровахъ, и вышелъ плясать на городскую площадь («Танг.-тиб. окраина Китая», II, 199). Я уже указалъ на сходство этой сцены съ XXIII главой монгольскаго сборника „Шиддикуръ“, въ которой безымянный герой, за костюмированный въ какой-то сорочій яр-гакъ, также пляшетъ передъ царемъ и царицей; царица улыбнулась, увидѣвъ пляшущаго (это былъ ея старый другъ) и получила за это упрекъ своего мужа—какъ будто намекъ на Мелхолу, которая смѣялась при видѣ пляшущаго Давида. Убійца царя-насилъника, совершивъ убійство, спасается бѣгствомъ; за нимъ погоня; убійца прячется въ пещеру и принимаетъ видъ статуи сидящаго бога. Гнавшіеся заглянули въ пещеру, приняли бѣглеца за статую и не потрогали его—то же какъ будто намекъ на статую, которую люди Саула нашли въ постели вмѣсто Давида и которую положила туда Мелхола.

³⁾ Въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ семь головъ потребовалось для того, чтобы вывести царство Гуменъ-хана изъ омертвѣлаго состоянія, въ которое оно впало.

дни жатвы ячменя. Ридца сѣла на вретиче на горѣ и сидѣла, пока не полились воды съ неба (III кн. Царствъ, гл. XXI).

Выше мы сказали, что для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ изъ этого сюжета, особенно тѣхъ, которыя могутъ быть сближены съ христіанскими апокрифами, возможно допустить происхожденіе, независимое отъ христіанскаго и мусульманскаго вліянія. Эти черты или темы могли зародиться на дальнемъ Востокаѣ и зайти оттуда въ Палестину въ очень раннюю пору, даже до начала ассирійской цивилизаціи, если вѣрить нѣкоторой части ассиріологовъ, утверждающихъ, что ассирійской цивилизаціи на Тигрѣ и Евфратѣ предшествовала цивилизація туранская, точнѣе аккадійская или сумерская; вѣрованія этихъ аккадійцевъ напоминаютъ ассиріологамъ сибирское шаманство. Можно допустить, что и въ сюжетахъ аккадійскихъ легендъ были сходныя черты съ шаманскими легендами. Нѣкоторыя темы могли зайти изъ дальняго востока Азіи въ Вавилонъ и Ассирію, а отсюда передаться въ Палестину. Имена библейскихъ лицъ, упоминаемыхъ въ занимающемъ насъ въ этой статьѣ сюжетѣ, а именно: Саула, Давида и Соломона, по мнѣнію Sayce'a (The Hibbert lectures, 1887 г. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religion of the ancient Babilonians, by A. H. Sayce. Lond., 1887, p. 52—58) аккадійскія; еврейскія же имена Давида и Соломона были El-hanan и Jedidiah; Саулъ, Давидъ и Соломонъ—это имена аккадійскихъ боговъ, которыя были перенесены на лица еврейской исторіи. Нѣкоторыя темы, связанныя теперь съ этими именами въ христіанскихъ апокрифахъ, въ талмудическихъ и мусульманскихъ легендахъ могли быть приурочены къ нимъ еще ранѣе, чѣмъ эти темы были принесены въ Переднюю Азію ¹⁾.

¹⁾ Сейсъ говоритъ: „Нѣсколько лѣтъ назадъ я старался на страницахъ Modern Review (January, 1884) показать, что имена, подъ которыми извѣстны три еврейскіе царя, Саулъ, Давидъ и Соломонъ, не были именами, полученными въ дѣтствѣ, а были именами, впоследствии имъ усвоенными народомъ“. Относительно Соломона это такъ и было; подлинное его имя, данное ему Богомъ, черезъ Нафана, было Jedidiah; оно было измѣнено въ Соломонъ, „исполненный мира“ (the peaceful one), когда отецъ его примирился со всѣми своими врагами. Что подлинное имя Давида было El-hanan (или Bal-hanan) это давно подозрѣвали, имѣя въ виду мѣсто, гдѣ упоминается, что Ель-хананъ, сынъ вилеемлянина, убилъ Голиафа гиттита, древнокопья котораго было подобно челноку ткача (2 Sam. XII, 24, 25), дѣло, которое въ другомъ мѣстѣ приписывается Давиду. Подъ именемъ Javul или Sawul былъ въ Вавилонѣ извѣстенъ богъ солнца. Sallimmanu (Соломонъ) былъ „богъ мира“, который почитался особенно въ Ассиріи. Имя Давида Сейсъ сближаетъ съ Додо; во главѣ тридцати силачей Давида поставленъ Ель-гананъ, сынъ Додо изъ Вилеема (2 Sam. XXIII, 24), что мы, вѣроятно, должны, говорить Сейсъ, читать: „Ель-гананъ, который есть Додо“, т. е. Давидъ. Додо есть мужская форма финикійскаго божества; женская форма была извѣстна римскимъ писателямъ подъ именемъ Дидо. Это была подруга бога солнца, отождествляемая въ Карфагенѣ съ Элиссой, основательницей города.

Въ заключеніе нашей статьи намъ необходимо еще разъ остановиться на отъшеніяхъ сказки объ Идыге къ историческому Едигею, съ которымъ вышшіе ордынцы отождествляютъ своего сказочнаго героя. Какъ въ сказкѣ являются два имени: Идыге и Тохтамышъ рядомъ, такъ и въ исторіи, и притомъ въ одинаковомъ взаимномъ положеніи—въ обоихъ случаяхъ Тохтамышъ ханъ, а Идыге его подданный, придворный. Шаблонное разрѣшеніе вопроса о совпаденіи этихъ именъ будетъ такое: были двѣ историческія личности, могущественный ханъ Тохтамышъ и его приближенный Едигей, прославившіея своими военными подвигами и вліяніемъ на дѣла въ государствѣ. Объ Едигеѣ ходило много разказовъ въ ордѣ; со временемъ эти разказы могли сложиться въ стройную сказку или, въ виду указанныхъ въ этой статьѣ параллелей, разказы о дѣйствительной жизни Едигея могли быть вытѣснены библейскимъ сюжетомъ о пророкѣ Давидѣ. Исторія о Саулѣ и Давидѣ зашла въ орду и потомъ библейскія имена замѣстились въ ней именами историческихъ личностей хана Тохтамыша и его темника Едигея. На такомъ объясненіи можно было бы успокоиться, еслибъ была полная увѣренность, что ни имена Тохтамышъ и Идыге,

Сэйсъ сближаетъ Додо также съ ассирійскимъ Дад; это вѣроятно, говоритъ онъ, то же самое, что Давидъ евреевъ и Дидо финикіянь. Мать этого персонажа Jamlah „изъ земли вина“ Сэйсъ отождествляетъ съ Семелой греческой мифологіи, матерью Діониса, бога вина (Saussu, Lectures. p. 181). Последнее сближеніе Сэйса особенно интересно; черезъ Семелу-Jamlah Давидъ отождествляется съ Діонисомъ; въ своей книгѣ Тангутъ тибетская окраина Китая, Спб., II, на стр. 276, мы привели параллели между предавіями о Чингисъ-ханѣ и мифомъ о Діонисѣ, а въ статьѣ „По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынь“ (Этногр. Обзор. кн. XXII, стр. 60) мы указали на черты въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, сходныя съ исторіей царя Давида. Нельзя не обратить вниманія на замѣчательное совпаденіе Давида съ Діонисомъ, открываемое на двухъ такихъ отдаленныхъ точкахъ Сэйсомъ на почвѣ Передней Азии и нами въ центральной Азии. На западѣ еврейскій Давидъ, (т. е. персонажъ съ сюжетомъ о заговорѣ царя противъ своего слуги) Сэйсомъ сближается съ Діонисомъ, богомъ вина; на востокѣ Чингиса, о которомъ, по нашей догадкѣ, разказывалась та же сказка, какъ и о Идыге, т. е. тотъ же сюжетъ о заговорѣ царя противъ своего слуги, мы сближали съ греческимъ богомъ Діонисомъ, отчасти на томъ основаніи, что Чингисъ также изобрѣтатель вина (см. Тангутъ-тибетская окраина Китая. Спб., 889, II, 276).

Если сюжетъ о Давидѣ (въ видѣ сказанія о Чингисѣ) въ Монголію занесли несторіане, то они не могли принести вмѣстѣ съ библейскимъ разказомъ и языческую тему о Діонисѣ. Это удивительное совпаденіе (на востокѣ Чингисъ, къ которому приуроченъ Діонисъ, на западѣ Давидъ, въ которомъ Сэйсъ видитъ Діониса, оба одинаково играютъ одну роль въ разказѣ о царѣ, составляющемъ заговоръ своего слуги)—можетъ быть объяснено или тѣмъ, что монгольскіе разказы о Чингисѣ (о Чингисѣ-Давидѣ и о Чингисѣ-Діонисѣ) были привнесены въ Монголію задолго раньше христіанства, когда еще на западѣ было въ ясной памяти тожество Давида и Діониса, или что оба эти сюжета давно въ Монголіи приурочивались къ одному лицу Чингису (другое его имя можетъ быть было Губуть) и уже отсюда были унесены въ Палестину, гдѣ эти сюжеты разъединились на отдѣльные разказы: разказъ о Діонисѣ и разказъ о Давидѣ.

ни формы, съ ними сходныя, не встрѣчаются въ другихъ тюркскихъ сказкахъ и преданіяхъ. Между тѣмъ, этой увѣренности у насъ нѣтъ. Въ числѣ тюркскихъ преданій изъ исторіи южной Россіи мы находимъ разсказъ о царѣ Тухтѣ, имя котораго напоминаетъ имя Тохтамышъ; Ногаю, который велъ войну съ Тухтой, отрублена голова и привезена къ Тухтѣ; хотя этотъ конецъ разсказа не соответствуетъ тюркской сказкѣ, голова отрублена Ногаю, а не Тухтѣ, какъ бы слѣдовало ожидать по сходству имени, но на принадлежность этого разсказа къ одной группѣ съ тюркской сказкой указываетъ одна черта, именно упреки убійцѣ, которые высказываетъ Тохта; поразительное сходство этого мѣста съ библейскимъ разсказомъ о Давидѣ, которому принесена голова Саула, уже отмѣчено давно, именно Юлемъ въ его комментаріяхъ къ Марко Поло (см. мою ст.: „По поводу новыхъ привлеченій къ быліи о Добрыѣ“). Если разсказъ о Тухтѣ дѣйствительно есть отголосокъ библейскаго разсказа, то значить исторія о Давидѣ и Саулѣ разсказывалась ранѣе конца XIV вѣка, въ которомъ жилъ Тохтамышъ, и уже въ началѣ этого вѣка была связана съ именемъ Тухта. Этого мало; въ указанной выше статьѣ я высказалъ подозрѣніе, что тотъ же персонажъ скрывается въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ подъ именемъ Тухта-бики; слѣдуетъ вспомнить также, что, по киргизскому преданію Шингисъ, т. е. Чингисъ-ханъ былъ пріемышъ Тохтугула; здѣсь опять мы слышимъ форму Тохту. Родственное отношеніе, въ которое киргизское преданіе ставитъ Чингиса къ Тохтугулу, совпадаетъ, хотя и не вполне, съ приведенными нами выше въ этой же статьѣ соображеніями о сыновнихъ отношеніяхъ Идыге къ Тохтамышу и Чингисъ-хана къ Вану кирейскому. Если эти соображенія не лишены основанія, то значить сюжетъ о Давидѣ и Саулѣ уже въ XIII ст. приурочивался къ формѣ Тухта или Тохту. Очень рано этотъ сюжетъ изъ Средней Азіи зашелъ въ южную Россію и можетъ быть, персонажъ, соответствующій Сауду, назывался въ немъ Тохтамышемъ. Впоследствии, когда на исторической сценѣ появился другой Тохтамышъ, къ нему была привязана сказка о древнемъ, сказочномъ Тохтамышѣ, а на персонажъ, соответствующій Давиду, было перенесено имя Тохтамышева темника Едигея. Такое объясненіе можно принять подъ условіемъ, что имя Едигей или Идыге въ тюркскихъ сказкахъ до временъ Тохтамышъ, хана Золотой Орды, не стояло рядомъ съ именемъ Тохтамышъ. Выше мы высказали мнѣніе, что тотъ же библейскій сюжетъ былъ приуроченъ и къ Чингисъ-хану; Сауду въ монгольскомъ сказаніи отвѣчаетъ Ванъ кирейскій, а Давиду Чингисъ. Это можно понять такъ, что въ степяхъ Монголіи жила прежде сказка, совершенно сходная съ тюркской объ Идыге и Тохтамышѣ, и что въ ней ханъ иногда назывался Ваномъ, иногда Тухтубики или Тохтугуломъ (можетъ быть, даже и Тохтамышемъ), а вмѣсто имени Идыге стояло Чингисъ. Такъ это имя

могло въ ордынской сказкѣ дожить и до историческаго Идыге, и только съ появленіемъ послѣдняго исчезло изъ сказки имя Чингисъ. Но, повторяемъ, если бы оказалось, что имя Чингиса уже въ старое время замѣнялось иногда именемъ Едигей или Идыге, тогда мы встрѣтили бы большое затрудненіе примирить сказку съ исторіей посредствомъ того предположенія, которое мы сдѣлали, именно, что имя Едигей изъ исторіи попало въ сказку. А между тѣмъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ имя Джиданойонъ, первый членъ котораго можно принять за фонетическое измѣненіе первой половины имени Идыге; съ другой стороны, съ именемъ Джиданойонъ соединена тема, сходная съ темой о Чингисъ-ханѣ; его въ дѣтствѣ прячутъ подъ шерсть, какъ и Чингисъ-хана; напрашивается, такимъ образомъ догадка, что тотъ же сюжетъ рассказывался съ другими именами, вмѣсто Чингисъ-хана стоялъ Джиданойонъ, т. е. Джиданойону приписывалась та роль, которую въ тюркской сказкѣ играетъ Идыге; словомъ связь имени Идыге съ сюжетомъ какъ будто древнѣе, чѣмъ время Тохтамыша, хана Золотой Орды.

На древность существованія имени Идыге на востокъ указываетъ также одно бурятское преданіе о предкѣхъ родовъ Шарятъ и Харятъ. На озеро Алтынъ-норъ летали купаться три дочери неба подъ видомъ лебедей. Шаманъ Одыгэ-хогоръ-бѣ (хогоръ-кривой, бѣ-шаманъ), когда дѣвицы вошли въ воду, укралъ платье младшей изъ сестеръ и она должна была стать женой шамана. Этой же темой, какъ видно изъ нашей статьи, начинаются и киргизскія сказки объ Идыге; только женитьба на дѣвѣ-лебеди отнесена не къ Идыге, какъ слѣдовало бы ожидать по сходству именъ Одыгэ и Идыге, а къ его отцу. Но намъ кажется несомнѣннымъ, что бурятское имя Одыгэ тотъ же тюркскій Идыге; вмѣсто тюркскаго опредѣленія би, „судья“ въ бурятскомъ преданіи стоитъ бѣ „шаманъ“, что, должно быть, первоначальнѣе; другое опредѣленіе „кривой“ заставляетъ припомнить, что въ тюркской сказкѣ у Идыге былъ вышибленъ глазъ. По нашему мнѣнію, это бурятское преданіе убѣждаетъ, что форма Одыгэ-Идыге была давно извѣстна на востокѣ (около Байкала), что она была приурочена къ тѣмъ же темамъ, какъ и въ тюркскихъ сказкахъ, и что была связь этихъ сказаній объ Одыгэ съ сказаніями о Чингисъ-ханѣ, потому что тема о дѣвахъ-лебедяхъ вообще приурочивается къ преданію о предкѣхъ, а Чингисъ считается предкомъ и, кромѣ того, въ другихъ бурятскихъ вариантахъ о дѣвахъ-лебедяхъ мѣсто Одыгэ занимаетъ Хоридой, имя одного изъ предковъ Чингисъ-хана (см. нашу ст. „Греческій эпосъ и ордынскій фольклоръ“ въ Этногр. Обзор., кн. XXII, стр. 35). Собранные отрывки сказаній о Хоридой и Чингисѣ, намъ кажется, представляютъ обломки сказки, которая начиналась такъ: Хоридой (вмѣсто Баба-Тувласа) женится на дѣвѣ

лебеди; отъ нея родится сынъ Одыгэ (вмѣсто Идыге); мать бросаетъ ребенка подъ деревомъ и сама улетаетъ. Ребенокъ найденъ (темы о Чингисѣ, Одынъ-Бодунѣ и пр.). Разстояніе между бурятской территоріей и областью, въ которой распространены тюркскія сказки объ Идыге такъ велико, что позднѣйшее заимствованіе бурятами отъ тюрковъ допустить нельзя. Бурятское преданіе несомнѣнно реликвія отъ болѣе широкаго на востокъ распространенія сказки объ Одыгэ. Примирить въ данномъ случаѣ нахожденіе обѣихъ формъ: Тухта и Иды-Джида и въ сказкѣ, и въ исторіи можно только предположеніемъ, что темникъ Тохтамышъ не назывался Едигеемъ отъ рожденія и что онъ получилъ это имя только впоследствии; когда онъ прославился своими подвигами, на него народъ перенесъ имя извѣстнаго ему изъ сказокъ визиря хана, который носилъ общее имя съ ханомъ, современникомъ темника ¹⁾).

Немного позже при составленіи лѣтописей составители ихъ не могли избѣгнуть вторженія сказочныхъ мотивовъ въ лѣтопись или, по крайней мѣрѣ, вліянія ихъ на лѣтописный рассказъ. Исторія объ Идику (Едигеѣ) рассказана, между прочимъ, по-арабски въ сочиненіи Ибнарабшаха „Чудеса предопредѣленія въ судьбахъ Тимура“ (В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 458 и слѣд.). Эмиръ Идику былъ у Тохтамышъ однимъ изъ главныхъ эмировъ, рассказываетъ Ибнарабшахъ, однимъ изъ вельможъ, избравшихся во время бѣдствій для устраненія ихъ. Замѣтивъ въ своемъ владыкѣ перемѣну въ расположеніи къ нему, Идику сталъ бояться за себя, и такъ какъ Тохтамышъ былъ свирѣпаго нрава, то Идику приготовился бѣжать. Онъ сталъ наблюдать за ханомъ, притворно ухаживая за нимъ. Однажды во время пира Тохтамышъ сказалъ Идику: „настанетъ день, когда бѣда ввергнетъ тебя въ нищету“. Идику привинулся покорнымъ, но потомъ, улучивъ минуту, быстро проскользнулъ между свитою и слугами въ смущеніи, какъ будто хотѣлъ исполнить нужное дѣло, прошелъ въ ханскую конюшню, сѣлъ на осѣдланнаго коня, и, сказавъ своимъ приверженцамъ: „ищите меня у Тимура“, убѣжалъ къ Тимуру (т. е. къ Тамерлану или Аксагъ-Тимуру). Здѣсь онъ сталъ подговаривать Тимура напасть и погромить Тохтамышъ; этимъ и было вызвано нашествіе

¹⁾ Въ историческихъ намятникахъ есть намеки на восточный обычай давать прозвища выдающимся лицамъ. Такъ армянскій лѣтописецъ Магакія рассказываетъ, что за удачливость въ битвахъ давалось прозвище: „золотой столбъ“ (Паткановъ, Исторія монголовъ инока Магакія, Спб., стр. 20). Золотымъ столбомъ у монголовъ и у древнихъ уйгуровъ называлась Полярная звѣзда (по монгольски алтынъ хатасынь, по-бурятски алтынъ хатаганъ). Рашидъ Эдинъ сохранилъ намъ извѣстіе, что людей съ выдающимся умомъ называли алтанъ-ходого; Рашидъ-Эдинъ переводить: „золотой горшокъ“ (Труды Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., XIV, 154); вѣроятно это тотъ же алтынъ-хатаганъ или алтынъ-хатасынь.

Тимура на владѣнія Токтамыша. Впослѣдствіи Идику бѣжалъ отъ Тимура на сѣверъ, собралъ своихъ приверженцевъ и началъ войну съ Токтамышемъ, въ которой послѣдній былъ убитъ.

Лѣтописный разсказъ о замыслѣ Токтамыша противъ Едыгея совпадаетъ съ сказкой. Конечно, можно истолковать это обстоятельство и такъ, что въ лѣтописи описано дѣйствительное событіе и преданіе о немъ повліяло на сказку, но ничто не мѣшаетъ представить ходъ дѣла въ противоположномъ смыслѣ, то есть ничто не мѣшаетъ посмотрѣть на лѣтописный разсказъ, какъ на вторженіе сказки въ лѣтопись. Разсказъ лѣтописи неопредѣленный, не отличающійся отъ сказочнаго изложенія; ни какія мелкія подробности или точныя обозначенія не придаютъ ему характера разсказа о несомнѣнно дѣйствительномъ происшествіи.

Киргизскій вариантъ г. Султанъ-Газина даетъ поводъ къ сближенію этой тюркской сказки съ извѣстнымъ древнимъ египетскимъ романомъ о двухъ братьяхъ Анпу и Битью, или Бата. Идыге такой же пастухъ, какъ и Бата; жена Тохтамыша соблазняетъ Идыге, подобно тому, какъ жена Анпу ищетъ любви у Бата; Идыге, какъ и Бата, отказывается отъ ея ласокъ; жена Тохтамыша посредствомъ выдумки старается вызвать у мужа гнѣвъ¹⁾, подобно женѣ Анпу, которая оговариваетъ Бата. Анпу гонится за братомъ; въ тюркской для совпаденія слѣдовало бы Тохтамышу гнаться за Идыге, но гонится за нимъ другое лицо—Джанбай; имя это близко къ египетскому Анпу; можно допустить, что въ другихъ редакціяхъ это имя и стояло на мѣстѣ Тохтамыша то есть разсказъ начинался съ того, что Идыге пасъ скотъ у Джанбая, былъ оклеветанъ женою Джанбая и Джанбай гнался за Идыге²⁾. Внезапно возникающая рѣка разъединяетъ братьевъ Анпу и Бата; и въ тюркской сказкѣ, намъ кажется, случилось тоже; Джанбай догналъ Идыге, но близко подѣхавъ къ нему мѣшаетъ рѣка Идиль; я думаю, что рѣка, сдѣлавшись мелкой,

¹⁾ Варианты съ подобной темой были извѣстны и Чокану Валиханову; см. „Живая Старина“, 1891 г., в. IV, стр. 163.

²⁾ Имя Джанбай ср. съ Шянба, Жамба, тибетскимъ именемъ бога Майдари, который въ легендахъ изображается лудоѣдомъ или мясникомъ, обagrившимъ руки своимъ ремесломъ, и только впослѣдствіи покаявшимся (см. Тангутто-тиб. окраина Китая, II, 235); есть легенды, рассказывающія о спорѣ Майдари съ Бурханомъ-бакши (Буддой) объ управленіи міромъ; въ одномъ вариантѣ богъ убѣгаетъ со знакомъ міродержавничества, другой за нимъ гонится; подъ первымъ надо разумѣть Бурхана-бакши (Будду), подъ вторымъ Майдари (Жамба) (Очерки с. з. Монголіи, IV, 330). Другая легенда о Буддѣ: Царевичъ Ясода (Будда) убѣгаетъ изъ дворца; ворота сами передъ нимъ растворяются безъ шума; рѣка дѣлается мелкою. Отецъ царевича бѣжитъ за нимъ слѣдомъ; но Будда держитъ къ нему рѣчь и убѣждаетъ его возвратиться (Beal, The romantic legend of Sakya Buddha, Lond., 1875. p. 261.).

пропустила Идыге, а при приближеніи Джанбая воды ея поднялись или даже ея ранѣе не было, а она вдругъ возникла ¹⁾).

Джанбай, подобно Анпу, возвращается домой. Оставшемуся за рѣкой Бата семь боговъ Natzog создаютъ жену; въ турецкой сказкѣ вмѣсто семи боговъ семь единцовъ; они помогаютъ Идыге отнять у богатыря Анысіма дѣвицу, дочь Са-темиръ-хана ²⁾).

Въ киргизскихъ преданіяхъ извѣстенъ персонажъ Осъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ; не этотъ ли Джанибекъ стоялъ нѣкогда на мѣстѣ Тохтомыша въ турецкой сказкѣ и на мѣстѣ Ванъ-хана въ монгольской, и теперь сохранился подъ видомъ Джанбай? Джанибекъ въ легендѣ объ озерѣ Иссыкъ-булъ изображается нечестивымъ царемъ, который имѣлъ ослиныя уши или бычьи рога, слѣдовательно, соответствуетъ Ельджигенъ-чикту-хану, „царю съ ослиными ушами“ монгольскихъ сказокъ ³⁾ и Ландармѣ, царю съ бычьими рогами тибетскаго сказанія. Можетъ быть, подобно тому, какъ въ египетскомъ романѣ Анпу и Битью стоятъ въ родственномъ отношеніи другъ къ другу, и тутъ также Идыге и Джанбай (Тохтомышъ?) были братья: Тохтомышъ или Джанбай старшій, Идыге младшій.

Въ киргизскихъ разсказахъ возлѣ Джанибека ставится иногда визирь Джиренше-шешенъ, „мудрый Джиренше“; если дѣйствительно Тохтомышъ и Ванъ-ханъ лица тождественныя съ Джанибекомъ ⁴⁾, то возлѣ нихъ можно искать лицо, отвѣчающее Джиренше-шешену. И, въ самомъ дѣлѣ, около Ванъ-

¹⁾ Сюжетъ египетскаго романа не чуждъ Монголіи; разсказъ о женщинѣ, которую отнимаетъ у мужа царь, узнавшій о ея существованіи по волосамъ, свесеннымъ рѣкой, содержится въ монгольскомъ Сборникѣ Шиддикуръ, въ XXIII главѣ. Мною въ Монголіи записанъ устный разсказъ о двухъ братьяхъ. (Очерки, IV, 237).

²⁾ Тутъ, можетъ быть, въ двухъ, трехъ строкахъ заключается сокращенный разсказъ о семи или шести товарищахъ, помогающихъ добыть женщину или возвратить увезенную жену. Въ монгольскихъ сказкахъ о женщинѣ, увезенной царемъ, узнавшимъ о ея существованіи по волосамъ, свесеннымъ рѣкой, прежнему мужу возвратить жену помогаютъ шесть названныхъ братьевъ. Гэсэру нѣсколько товарищей помогаютъ убить морское чудовище и овладѣть его женой (Benj. Bergman, Nomad. Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1864, Th. III, s. 276). Джиртушлюку 6 товарищей помогаютъ добыть дочь Барса-Кильмэса; по дорогѣ къ этому Барса-Кильмэсу Джиртушлюкъ встрѣчаетъ сначала одну старуху, потомъ другую, и т. д.; у каждой есть сынъ, который и примыкаетъ къ Джиртушлюку (Radloff, Proben, IV, 453); повидимому, всѣ они также единицы, т. е. однородные сыновья своихъ матерей.

³⁾ Чикту, чикиту отъ чикинъ, „ухо“; объ Ельджигенъ-чикту-ханѣ говорится иногда, что это былъ глупый или сумасшедшій ханъ: цокту. Въ связи съ этой формой можетъ быть и форма Цоктай (Цоктай-хану приписывается истребленіе дѣтей, см. Тангутто-тиб. окраина Китая, II, 284), а также Тохта въ сложныхъ Тохтамышъ или Тохтомышъ, Тохтугуль, Тохтубики и пр. Окончанія мышъ и мысъ можетъ быть тюркомонгольское мангысъ или мангушъ, „многоголовый змѣй“, потерявшее свой носовой звукъ нг.

⁴⁾ Въ именахъ Ванъ-ханъ и Джанибекъ вторые члены: ханъ и бекъ означаютъ „царь“, „князь“.

хана упоминается сходное имя; это Така-Джаранъ у Рашидъ-эддина и Ъкѣ-Черянь въ Юань-чао-ми-ши. Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что Така-Джаранъ былъ „бекъ изъ бековъ“ у Ванъ-хана (Записки Русск. Археолог. Общ., XIV, 166). Въ Юань-чао-ми-ши Ъкѣ-Черяню приписано косвенное участіе въ выдачѣ заговора Ванъ-хана противъ Чингисъ-хана. Въ то время, какъ слуга вносилъ въ юрту кумысъ, Ъкѣ-Черянь повѣрялъ своимъ домашнимъ дворцовый секретъ; слуга подслушалъ разговоръ и догадался, что ему выгодно будетъ дать объ этомъ знать Чингису (Труды Пекинской дух. мисси, IV, 124). Въ этихъ парныхъ именахъ члены Джаранъ и Черянь стоятъ на мѣстѣ Джиренше (въ алтайскихъ вариантахъ сказокъ о Джиренше это имя замѣняется формой Ерень-шешень), а члены Така и Ъкѣ отвѣчаютъ эпитету шешень¹⁾.

Тибетская легенда о построеніи храма въ городѣ Ласеѣ, заключающая въ себѣ рассказъ о царѣ Ландармѣ, состоитъ изъ двухъ частей, искусственно соединенныхъ. Въ первой содержится рассказъ о мудромъ царѣ Сронцзанъ-Гамбо и его мудромъ совѣтникѣ Гари, который сватаетъ для царя китайскую царевну, привозитъ ее, но заподозривается въ ея присвоеніи. Здѣсь Гари какъ будто на мѣстѣ Битью, заподозрѣннаго въ связи съ женой его старшаго брата; Сронцзанъ-Гамбо это старшій братъ; второй членъ Гамбо напоминаетъ Анпу, имя старшаго брата въ египетскомъ романѣ; первый членъ Сронцзанъ можетъ быть искаженное тибетскимъ произношеніемъ тюркское Джиренше. Вторая половина тибетской легенды рассказываетъ о томъ, что родился нечестивый царь Ландарма съ бычьими рогами (потомокъ Сронцзана) и что онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ лука. Этотъ царь былъ не кто другой, какъ тотъ быкъ, на которомъ подвозили матеріалъ для постройки храма, безъ котораго не могла бы завершиться постройка и о которомъ забыли, когда постройка была окончена; недовольный такой невнимательностью, быкъ пообѣщаль отмстить и возродился царемъ-гонителемъ. Этотъ быкъ отвѣчаетъ тому быку египетскаго романа, въ котораго обратился Битью и который также является мстителемъ за обиду. Схема у египетскаго романа и у тибетской легенды одна и та же: 1) подозрѣніе въ любовной связи и преслѣдованіе мнимаго преступника, и 2) быкъ-мститель, съ тою, однако, разницею, что, во-первыхъ въ египетскомъ романѣ лицо, заподозрѣнное въ связи съ женщиной, и ея мужъ поставлены въ родственную связь, они братья; тибетская легенда не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ отвѣчающихъ персонажей; во-вторыхъ, въ египетскомъ романѣ вторая его половина связана съ первой тѣмъ, что быкъ, являющійся во второй половинѣ, есть обращенный Битью, дѣйствующее лицо изъ первой половины романа; въ тибетской легендѣ связи быка съ гонимымъ

¹⁾ Шешень—„мудрецъ“.

персонажемъ первой ея половины не установлено. Принимая тибетскую легенду за версію египетскаго романа, мы можемъ взглянуть на персонажи Сронцзанъ-Гамбо и Гари, какъ на братьевъ, и на быка, какъ на воплощеніе Гари, мстящаго за свою обиду. Полному совпаденію въ этомъ послѣднемъ пунктѣ мѣшается, однако, то положеніе, которое быкъ, или точнѣе, царь съ бычьими рогами, занимаетъ въ концѣ легенды. Это нечестивый царь родѣ Джанибека киргизской сказки, отличающагося сходными или даже тождественными тератологическими признаками, ослиными ушами или бычьими рогами. Джанибекъ же, какъ мы выше видѣли, отвѣчаетъ не младшему брату Битью, а старшему Анпу; такъ что эпизодъ объ убіеніи царя Ландармы можно понять какъ разсказъ о мести младшаго брата: Ландарма это старшій братъ, гонитель; его убійца это гонимый младшій братъ. Въ египетскомъ романѣ Битью мститъ только своей измѣнницѣ женѣ; и фараонъ, отнявшій ее у него и Анпу, несправедливый братъ, остались безъ отмщенія; тибетская легенда, повидимому, представляетъ особую версію, въ которой старшій братъ получилъ возмездіе. Нечестивый быкъ-царь, въ тюркскихъ редакціяхъ носившій имя Джанибека (или Джанбая?), это и былъ старшій братъ.

Вторая половина египетскаго романа находитъ себѣ параллель въ русской сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ. Въ цѣломъ составѣ сюжетъ этой сказки такой: У Германа сынъ Иванъ; онъ отбиваетъ у турецкаго салтана дѣвицу, дочь царя Алистрога и женится на ней; турецкій салтанъ снова является подъ видомъ нишаго и проситъ царевну показать мечъ Ивана; та выноситъ мечъ; этимъ мечемъ салтанъ убиваетъ Ивана и увозитъ его жену¹⁾. Конь Ивана привозитъ Германа, который оживляетъ сына. Иванъ обращается въ коня и предлагаетъ крестьянину продать себя; салтанъ купилъ коня и безпрестанно ходитъ въ конюшню смотрѣть на него. Жена его, бывшая жена Ивана, говоритъ, что это не конь, а прежній ея мужъ Иванъ. Конь убитъ, но дѣвушка чернавка по совѣту коня бросила кровь отъ головы коня быкамъ; родился среди нихъ золотошерстый быкъ; царица опять указываетъ, что это Иванъ; быка убиваютъ; на мѣстѣ, гдѣ зарыта его голова, вырастаетъ яблоня; по требованію царицы рубятъ яблоню, щепка падаетъ въ озеро и обращается въ селезня; царь снимаетъ свое платье и плыветъ за селезнемъ; селезень

¹⁾ Въ записанной мною отъ монгола передачѣ сюжета о двухъ братьяхъ (см. Очерки с. з. Монголіи, IV, 240) жена младшаго брата (названная тутъ его матерью) также сама выдаетъ секретъ, какъ погубить ея мужа; царь, соотвѣтствующій фараону, подослалъ служанку, чтобы она подлучила юношу спросить у женщины, съ которою онъ живетъ, гдѣ ихъ богъ. Женщина сказала, что ихъ божество заключается въ черномъ четвероугольникѣ на вершинѣ юрты. По совѣту подосланной служанки юноша бросилъ въ огонь этотъ талисманъ и отъ этого умеръ.

выпорхнулъ изъ воды и обратился въ Ивана; Иванъ одѣлся въ царское платье и приказалъ казнить и царя и царицу.

Здѣсь на мѣстѣ старшаго брата Анпу стоитъ отецъ Германъ; подобно тому, какъ Анпу воскрешаетъ убитаго брата Битью, здѣсь Германъ воскрешаетъ сына. Иванъ обращается сначала въ коня, но потомъ и въ быка, какъ и Битью; изъ быка Битью обращается въ дерево *Mimusops Shimperi*; здѣсь вмѣсто этого дерева яблоня; въ египетскомъ романѣ щепка попадаетъ въ ротъ царицы, она проглатываетъ ее, зачинаетъ и родитъ царевича, который есть воплощеніе Битью. Тутъ русская сказка расходится съ египетскимъ романомъ. Кончается сказка не только казнью царицы, но и казнью царя.

Какая-то связь замѣчается между сюжетомъ ласской легенды и шаманскими легендами бурятъ. Этотъ фактъ можетъ найти различное объясненіе: или шаманскія легенды будутъ признаны за отраженія книжныхъ легендъ, принесенныхъ съ юга, или, наоборотъ, въ шаманскихъ легендахъ увидятъ элементарные матеріалы, изъ которыхъ сложилась ласская легенда. Рѣшить этотъ вопросъ могутъ только ориенталисты. Мы позволимъ себѣ однако изложить сопоставленіе замѣченныхъ параллелей въ видѣ гипотезы въ смыслѣ шаманскаго приоритета.

Въ центрѣ шаманскаго культа у бурятъ стоитъ Эсэгэ-маланъ; это тоже, что Хормуста у монголовъ, Индра у индійцевъ.

Одна изъ легендъ рассказываетъ, что Эсэгэ-маланъ строилъ дворецъ, но стѣны его многократно разрушались и укрѣпились только послѣ совѣта одного мудраго старца (Извѣст. Восточно-сибирск. Отдѣла Русск. Географич. Общества, т. XIX, № 3, стр. 22) то есть въ нему пріурочена та же тема, что и къ тибетскому царю Сронцзону или Сронцзану. Если бурятская редакція древнѣе, то, значить, бурятскій царь неба въ тибетской легендѣ превратился въ земного царя Сронцзана.

Слѣдующая легенда рассказываетъ о другомъ затруднительномъ положеніи Эсэгэ-малана, изъ котораго бога выручаетъ также мудрый человѣкъ. Эсэгэ-маланъ хочетъ женить своего сына, но никакъ не можетъ; только увезетъ сына къ невѣстѣ по обычаю того времени, сынъ сейчасъ же убѣжитъ домой. Это продолжалось бы такъ же безконечно, какъ и постройка дворца, если бы не совѣтъ мудраго Заря (Извѣст. Восточно-сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 21 и 22; Записки того же Отдѣла по этн., т. I, в. I, стр. 130).

Въ тюркскихъ сказкахъ объ Ерень-чиченѣ мы видимъ дополнительный матеріалъ къ сюжету о сватаньи невѣсты за сына Эсэгэ-малана. Ерень-чиченъ алтайскихъ сказокъ или Джиренше-шешенъ киргизскихъ ищетъ умную жену своему сыну. Этотъ Ерень-чиченъ какъ будто тотъ же Зара; оба они являются

помощниками въ устройствѣ брака; въ бурятской сказкѣ Зара даетъ совѣтъ, какъ закрѣпить бракъ; въ тюркскихъ сказкахъ Ерень-чичень или Джиреншешень является сватомъ; онъ сватаетъ умную дѣву за своего сына; былъ, можетъ быть, и такой вариантъ, въ которомъ онъ сваталъ дѣвицу за сына царя и въ которомъ этотъ царь носилъ имя Эсэгэ-малана. За то, что были варианты, въ которыхъ имена Эсэгэ-маланъ и Ерень-чичень или Джиреншешень стояли рядомъ, можетъ быть, говорить то, что шаманскія легенды знаютъ формы Юрюнь-хатунъ (Очерки с.-з. Монгол., IV, 264, 821) или Шеше-хатунъ (Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 11); такъ называется, будто бы, жена Эсэгэ-малана.

Изъ этихъ тюрко-монгольскихъ сказокъ составилаь ласская легенда. Царь Сронцанъ хочетъ жениться; вельможа Гари отправляется сватать для него дѣвицу; этотъ вельможа отличается такою же мудростью, какъ Ерень-чичень тюркской сказки и какъ Зара бурятской.

Ласская легенда кончается разсказомъ о царѣ-насильникѣ, который убить плясуномъ Балъ-дорджи, одѣтымъ въ мантию съ широкими рукавами; въ такія мантии буддійскіе монахи одѣваются, когда пляшутъ въ обрядовыхъ танцахъ, въ такъ называемомъ цамѣ. Въ параллель этому эпизоду есть бурятская шаманская легенда о Эсэгэ-маланѣ и первомъ шаманѣ. Эсэгэ-маланъ царь неба; онъ властвуетъ надъ жизнью на землѣ; хотя непосредственнымъ виновникомъ смерти людей является Ерликъ, но въ случаѣ, когда законъ смертности нарушается, Ерликъ жалуется Эсэгэ-малану. Можетъ быть Эсэгэ-маланъ и Ерликъ есть раздвоеніе одного и того же, нѣкогда цѣльнаго персонажа. Шаманская легенда разсказываетъ: Дошла вѣсть до Эсэгэ-малана, что появился такой всемогущій человекъ (первый по времени шаманъ), что всѣхъ людей, обреченныхъ къ смерти, возвращаетъ къ жизни, и тамъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, люди перестали умирать. Эсэгэ-маланъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ этого извѣстія, вынулъ изъ одного человека душу и спряталъ ее у себя. Шаманъ, призванный родственниками того человека, началъ камлать, т. е. плясать и бить въ бубенъ, и открылъ, что душа спрятана у Эсэгэ-малана; онъ обратился въ осу, ударилъ бога въ лобъ и, воспользовавшись его замѣшательствомъ, перебралъ душу и спасъ обреченнаго къ смерти человека.

Въ тибетской легендѣ Эсэгэ-маланъ обратился въ царя-насильника ¹⁾);

¹⁾ Типъ насильника въ бурятской и тибетской легендахъ очерченъ сходными чертами. Тибетскій Ландарма призываетъ поочередно людей брить ему голову, и чтобы въ народѣ не разгласилось, что его голова украшена рогами, онъ приказываетъ всякаго брившаго его казнить. Очередь доходить до сироты, единственнаго сына матери. Спасаетъ отъ казни материнское молоко т. е. материнская любовь. Бурятскій Эсэгэ-маланъ строитъ дворецъ и по очереди призываетъ людей и спрашиваетъ: готово ли? Всѣ замѣчаютъ одинъ уголь недостроеннымъ и отвѣчаютъ: не

пляшущій шаманъ явился подъ видомъ Балъ-дорчжи, который также пляшетъ передъ царемъ; специальный шаманскій костюмъ замѣненъ въ тибетской легендѣ цамской мантией.

Исторія Балъ-дорчжи кончается тѣмъ, что онъ, совершивъ убійство, убѣгаетъ отъ погони, прячется въ пещеру и тутъ обращается въ неподвижно сидящую фигуру, которую гнавшіеся принимаютъ за статую. И теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго Тибета указываютъ на статую, въ которую обратился Балъ-дорчжи; это даетъ понять, что Балъ-дорчжи по народному вѣрованію обратился въ камень. Этотъ мотивъ данъ уже въ шаманскихъ легендахъ. Шаманъ, оскорбившій бога и перекравшій у него душу, осужденъ Эсэгэ-маланомъ вѣчно прыгать (плясать) на вершинѣ высокой горы, т. е. осужденъ на пребываніе на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ изъ вариантовъ этой легенды шаманъ носитъ имя Бохоли (Очерки с.-з. Монголіи, IV, 845). Въ другихъ легендахъ первый шаманъ увозитъ дочь хана или жену его; именно въ алтайскомъ преданіи шаманъ Дайнъ-тере-тарханъ-бѣ (тере сокращенное изъ тенгре — „небо“, тарханъ — „кузнецъ“, бѣ — „шаманъ“) похищаетъ царевну, въ халхаскомъ шаманъ Дайнъ-тирхинъ похищаетъ жену Чингисъ-хана; оба шамана обратились въ камень (*ibid.*, 291). Въ бурятскомъ преданіи сынъ неба спустился на землю, принявъ видъ быка, и похитилъ царевну, а потомъ окаменѣлъ; онъ извѣстенъ подъ именемъ Буха-ноинъ (быхъ-господинъ) (*ibid.*, 264, 823). Въ калмыцкомъ преданіи, которое повидимому есть только версія сказанія о Буха-ноинѣ, Бо-ханъ (шаманъ-царь) присвоилъ чужую жену; въ Иркутской губ. есть гора Бо-ханъ, возлѣ которой по преданію жилъ могущественный шаманъ, который прекратилъ моръ въ своей странѣ; вѣроятно, это все тотъ же первый шаманъ, и сама гора, вѣроятно, представляется не чѣмъ инымъ, какъ окаменѣвшимъ шаманомъ (Зап. Вост. Сибирск. Отдѣла Русск. Геогр. Общ. по этнограф., т. I, в. 2, стр. 146). Въ алтайской сказкѣ сынъ неба Темиръ-боко (железный силачъ) прикованъ къ стѣнѣ въ аду; за что, не сказано; по аналогіи съ предъидущими рассказами, вѣроятно, за похищеніе чего-то, можетъ быть, женщины (Очерки с.-з. Монгол., IV, 689). Въ дюрбютской сказкѣ тотъ же, вѣроятно, Темиръ-боко является подъ именемъ сына неба Темиръ-бось (железная вошь; *ibid.*, 476). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ встрѣчается одна и таже форма въ варіаціяхъ: бѣ, боко, буха, бохо; бѣ, пишется бугэ, значитъ „шаманъ“; вѣроятно, варіаціи боко, бохо, буха — домышленія и первоначально на ихъ мѣстахъ также стояло бугэ — „шаманъ“.

готово! Постройка разрушается и царь казнить всѣхъ до тѣхъ поръ, пока очередь не выпала человѣку, который былъ единственный сынъ у отца. По совѣту отца, онъ сказалъ: готово! Разсказу правданъ конецъ въ такомъ смыслѣ, что спасаетъ любовь сына къ отцу.

Через взаимное сопоставленіе этихъ легендъ персонажъ, о которомъ онѣ рассказываютъ, обобщается; это все одинъ и тотъ же шаманъ, преданія о которомъ находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ сказаніями о Чингисъ-ханѣ; въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ, какъ мы видѣли, связь эта ясно выступаетъ; шаманъ похитилъ жену Чингисъ-хана.

Въ ласской легендѣ и ея вариантахъ является на сцену быкъ. Такъ въ тибетской редакціи быкъ понадобился, какъ неизбѣжный помощникъ при постройкѣ храма, а потомъ онъ же возмущается въ видѣ мстителя за обиду, въ видѣ царя-насилъника съ бычьими рогами на головѣ; въ монгольскомъ вариантѣ на быкѣ ѣдетъ погоня за похитителемъ святыни; египетскій романъ о двухъ братьяхъ представляетъ какъ будто сліяніе этихъ двухъ версій; тутъ человекъ возрождается въ видѣ быка и въ этомъ видѣ мститъ фараону за обиду; Анну, ѣдущій на этомъ быкѣ, напоминаетъ монгольскій вариантъ, гдѣ на быкѣ ѣдетъ погоня за похитителемъ.

Въ бурятскихъ легендахъ объ Эсэгэ-маланѣ также является быкъ. Сынъ Эсэгэ-малана спускается на землю подъ видомъ быка; его имя Буха-ноинъ (быкъ—князь) было уже приведено выше. Онъ живетъ тайно съ царской дочерью или похищаетъ ее и перевозитъ черезъ Байкалъ; въ другомъ легендарномъ отрывкѣ содержится рассказъ о томъ, что соперникъ гонится за Буха-ноинемъ, Буха-ноинъ убѣгаетъ на другую сторону Байкала и здѣсь окаменѣваетъ. При сведеніи этихъ отрывковъ въ цѣльный сюжетъ исторія могла бы принять такой видъ: Буха-ноинъ похищаетъ царевну, переноситъ на сѣверную сторону Байкала; за нимъ гонится погоня; догоняетъ, но Буха-ноинъ превращается въ камень. Такова и была, вѣроятно, первоначальная схема ласской легенды.

Можно дополнить этотъ сюжетъ еще одной подробностью; въ бурятскомъ преданіи объ озерѣ Байкалѣ говорится, что оно образовалось отъ изліянія подземныхъ водъ черезъ отверстіе, которое сдѣлалъ въ скалѣ сынъ неба (т. е. сынъ Эсэгэ-малана), ударивъ по ней своей плетью. Эта подробность, мы думаемъ, входила въ рассказъ о Буха-ноинѣ или могла войти въ него; Буха-ноинъ убѣгалъ съ похищенной царевной; въ это время за нимъ гнались; погоня ударила плетью по скалѣ и на пути похитителя возникло озеро Байкалъ. Эта подробность въ монгольской версіи ласской легенды сохранилась въ сѣверной редакціи: похитившій святыню убѣгаетъ со своей ношей; за нимъ гонится погоня на быкѣ; погонщикъ втыкаетъ свой посохъ въ землю и изъ образовавшагося отверстія изливается вода, образующая море, которое преграждаетъ путь похитителю, но онъ переѣзжаетъ черезъ море благополучно подобно Буха-ноину (см. Этногр. Обзор., кн. XXV, стр. 124).

Въ тибетской версіи эта подробность уже утратила значеніе препятствія

на пути похитителя; озеро изливается изъ отверстія колодезя какъ бы въ наказаніе за неумѣнье держать секретъ втайнѣ.

Въ бурятскихъ и монгольскихъ легендахъ можно найти намеки на связь вышеприведенныхъ сюжетовъ съ Чингисъ-ханомъ. Выше уже было указано, что монгольская легенда о шаманѣ Таинъ-тирхинѣ приписываетъ ему похищеніе жены Чингисъ-хана (Очерки С. З. Монг., II, 157, IV, 835); бурятская легенда вводитъ имя Чингисъ-хана въ разсказъ о Буха-ноинѣ, сынѣ Эсэгэ-малана, и о происхожденіи озера Байкала (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла Русск. Географ. Общ., т. I, в. 1, стр., 108). Это народное воззрѣніе на близость преданій о Чингисъ-ханѣ къ сказаніямъ объ Эсэгэ-маланѣ и первомъ шаманѣ, кажется, можетъ быть усвоено и наукѣ.

Народное повѣрье монголовъ и бурятъ Чингисъ-хана называетъ сыномъ неба, по монгольскимъ легендамъ онъ сынъ Хормусты; при переводѣ на бурятскую терминологію онъ будетъ, слѣдовательно, сынъ Эсэгэ-малана; монгольскія лѣтописи тоже даютъ отцу Чингисъ-хана сходное имя: Есуге или Есугай. Собранныя монголубурятскія устныя и книжныя преданія свидѣтельствуютъ, что сюжетъ о похитителѣ женщины или святыни былъ не чуждъ Чингисъ-хану. Иногда Чингисъ-ханъ занималъ въ этомъ сюжетѣ мѣсто царя, у котораго совершалось похищеніе; такъ, шаманъ Таинъ-тирхинъ похищалъ у него жену; въ другихъ разсказахъ у него похищалось знамя, золотой приколъ или мутовка. Иногда онъ занималъ мѣсто царя, для котораго совершалось похищеніе; такъ, есть разсказы о насильственномъ добываніи жены для Чингисъ-хана. Иногда, наконецъ, самъ Чингисъ-ханъ, повидимому игралъ роль похитителя-шамана; есть указаніе въ легендахъ на какого-то шамана, который назывался будто бы Хаджиръ-Чингисъ и котораго легенды называютъ сыномъ неба (Банзаровъ, Черная вѣра, Спб. 1891 г., стр. 12 и 78); этотъ сынъ неба Чингисъ, по нашему мнѣнію есть никто иной, какъ Чингисъ-ханъ, сынъ неба или сынъ Хормусты. Народное преданіе, живущее еще теперь въ Монголіи, называетъ Чингисъ-хана „тарханомъ“ *); это сближаетъ его съ именемъ тюркскаго шамана Даинъ-тере-тарханъ-бо. Словомъ, Чингисъ-ханъ это былъ тотъ первый шаманъ, который у бурятъ теперь извѣстенъ подъ именемъ Бохоли, Хара-моргона и Хара-гыргена, а у алтайцевъ подъ именемъ Даинъ-тере или Джарканата и который обладалъ необыкновенной вѣщей силой, имѣлъ способность спускаться на дно морское, подниматься на небо и торжествовалъ надъ смертью.

Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ рядомъ съ нимъ упоминается шаманъ Тубуть-тэнгри; онъ выставляется соперникомъ Чингисъ-хана. Пови-

*) Тарханъ по монгольски „кузнецъ“.

димому, письменные памятники сохранили только обрывки изъ преданія о Тубутѣ; мы подозрѣваемъ, что этому Тубуту приписывалось, какъ и Таинь-тирхину, похищеніе жены Чингисъ-хана. На это подозрѣніе наводитъ лѣтописное извѣстіе, что Тубуть увелъ за собой много народа, для возвращенія котораго былъ посланъ Сохоръ. Бурятское преданіе сохранило память о какомъ-то Бохакѣ, который жилъ съ дочерью монгольскаго хана и бѣжалъ; для возвращенія его былъ посланъ Сохоръ. Я думаю, что бурятское преданіе есть повтореніе лѣтописнаго разсказа, что бурятскій Сохоръ тождественъ съ лѣтописнымъ Сохоромъ, и что имя Бохакъ нужно исправить въ Бо-ханъ, «шаманъ-царь», которому дѣйствительно легендой приписывается присвоеніе чужой жены. Сохоръ вмѣсто Бохака нападаетъ на какого-то шамана Гурте и убиваетъ его; тутъ, кажется, бурятскимъ преданіемъ забыто, что этотъ-то шаманъ Гурте и есть тотъ Боханъ, или, какъ оно переименовалось,—Бохакъ, за которымъ посланъ Сохоръ. Подробности о его смерти сближаютъ это преданіе со сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; см. объ этихъ легендахъ въ нашихъ статьяхъ: Легенды объ Ашокѣ и преданіе о Чингисъ-ханѣ (Этн. Обзор., кн. XXIII, стр. 92;) Дочь моря въ степномъ фольклорѣ (Этн. Обзор., кн. XII, стр. 60).

Имя Гурте только инициаломъ отличается отъ Бурте, имени одной изъ женъ Чингисъ-хана; такой обмѣнъ *г* на *б* въ бурятскомъ обыкновененъ. Сличенія этого бурятскаго преданія съ преданіями о Чингисъ-ханѣ даютъ поводъ къ постройкѣ такой схемы: У монгольскаго хана Чингиса шаманъ увезъ жену; за похитителемъ былъ посланъ Сохоръ, и шаманъ былъ убитъ; жена называлась Бурте или Гурте; иногда же это имя давалось шаману, который въ другихъ вариантахъ назывался еще именами Бо-ханъ и Тубуть.

Имя Тубуть въ измѣненномъ видѣ, кажется и теперь извѣстно бурятскому фольклору. По преданію баргузинскихъ бурятъ былъ какой-то Дебедей или Дегедей; у него была собака Бурте; это былъ пастухъ Цолмона (т. е. звѣзды Венеры). Имя Бурте указываетъ на сказанія о Чингисъ-ханѣ, возлѣ котораго оно не разъ встрѣчается; во-первыхъ, такъ называлась одна изъ его женъ, во-вторыхъ, такое имя носилъ самый древній предокъ Чингиса «волеъ Бурте», Бурте-чоно. Къ сожалѣнію, подробной легенды объ этихъ Дебедей и Цолмонѣ не записано, и мы не можемъ судить, можно-ли проводить параллель между Цолмономъ и Эсэгэ-маланомъ (строителемъ храма, который много разъ разрушался ¹⁾).

¹⁾ По одному бурятскому показанію хозяинъ скота звѣзда Цолмонъ, а пастухъ Дебедей; по другому звѣзда Цолмонъ или Уха-Солбонъ выставляется пастухомъ, а хозяиномъ скота является Эсэгэ-маланъ (ст. Шашкова въ „Живописномъ Обзорѣніи“, 1879 г., № 19, стр. 411). Такое смѣшеніе Эсэгэ-малана съ Цолмономъ нужно ли объяснять одной случайностью, произволомъ разсказчика, или оно коренится въ

Съ первымъ шаманомъ, повидимому, соединялась вѣра въ его возрожденіе или въ его новое появленіе на землѣ. О статуѣ Даинь-тирхина (т. е. о каменной бабѣ, которая принимается за его окаменѣвшее тѣло) рассказываютъ, что вскорѣ наступитъ его оживленіе; что камень развиваетъ внутри себя животную теплоту, почему въ морозные дни зимой покрывается инеемъ, и что изъ прежняго лежачаго положенія она приходитъ въ вертикальное; словомъ ожидается его воскресеніе. Бурятское преданіе о первомъ шаманѣ Бохолихара ²⁾ увѣряетъ, что скала, на которой онъ осужденъ вѣчно скакать (т. е. плясать), стирается, и когда изотрется въ конецъ, снова шаманы сдѣлаются такими же могущественными, т. е. будутъ торжествовать надъ смертью. Эти мессіанскія надежды были, очевидно, связаны и съ именемъ шамана Чингисъ-хаджира, т. е. Чингисъ-хана, и дошли до насъ въ видѣ ожиданій, которыя теперь живутъ въ монгольскомъ народѣ. Монголы ждутъ, что Чингисъ-ханъ снова явится на землѣ; тарханы, особые потомственные чины, которые охраняютъ его останки, по рассказамъ, ежегодно совершаютъ обрядъ разыскванія, не родился ли Чингисъ гдѣ нибудь въ монгольскихъ кочевьяхъ. Если имя Чингиса замѣшалось въ легендахъ и повѣрьяхъ именемъ Тубуть, какъ мы думаемъ, то тѣ же мессіанскія надежды были, конечно, приурочены и въ имени Тубуть.

Монголы, наводнившіе въ XIII в. Переднюю Азію, конечно, принесли сюда свои легенды и повѣрья о Чингисъ-ханѣ или Тубутѣ; эти рассказы о монгольскомъ мессіи встрѣтились здѣсь съ мессіанскими идеями евреевъ, которыя, можетъ быть, раздѣляли съ ними и другіе жители Передней Азіи; мы разумѣемъ средневѣковыхъ евреевъ, ожидавшихъ пришествія царя Давида, который возобновитъ будто бы Іерусалимъ, соберетъ всѣхъ евреевъ и будетъ царствовать (Г. Халатъянцъ, «Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго», М. 1896, стр. 316, со ссылкой на армянскаго писателя Езника Клопскаго). Этимъ объясняется, между прочимъ, то странное обстоятельство, что христіане Передней Азіи завоевателя Чингисъ-хана приняли за пришедшаго вновь царя Давида.

Объ отождествленіи Чингисъ-хана съ царемъ Давидомъ см. въ статьѣ академ. Куника: «Историческіе матеріалы и изысканія» (Учен. Записки Импер. Акад. Наукъ по I и III отд., т. II, Спб., 1858, стр. 761 и слѣд.). Крестоносцы воображали, что Чингисъ-ханъ, христіанинъ, придетъ освободить Святой Гробъ. Монголовъ принимали за христіанъ; первое нашествіе монголовъ въ одномъ латинскомъ источникѣ приписывается Regi David, qui pres-

генезисъ легенды, рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ накопленія вариантовъ легенды.

²⁾ Извѣст. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 87.

biter Iohannes appellatur. По одному свидѣтельству, какой-то Давидъ причисляется внукомъ царю Іоанну, а съ 1219 или 1221 латинскіе источники самого Чингисъ-хана выдаютъ за внука Іоанна. Куникъ говоритъ: Послѣдній кераитскій ханъ христіанскаго исповѣданія былъ Тогрулъ, который самъ или сынъ его сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Давида. Акад. Куникъ не признаетъ правильнымъ толкованіе, что пресвитеръ Іоаннъ или попъ Иванъ есть испорченное китайское ванъ (Ванъ-ханъ). «По этому толкованію кераитскій князь Тогрулъ, убитый въ началѣ XIII в., долженъ бы былъ получить свое китайское почетное имя Ванъ-ханъ уже въ XI столѣтіи!» (Къ этому столѣтію приурочено первое извѣстіе о пресвитерѣ Іоаннѣ; впервые оно упоминается у Вильгельма Трипольскаго въ разсказѣ о завоеваніи Антіохіи крестоносцами). Если въ Ванъ-ханѣ видѣть историческое лицо, жившее въ началѣ XIII в., то, конечно, возраженіе акад. Куника имѣетъ то значеніе, которое онъ ему придаетъ; но значеніе его уничтожается, если подъ Ванъ-ханомъ разумѣть легендарную личность, разсказы о которой могли жить въ ордѣ задолго до XIII в., въ XI-мъ и даже ранѣе. Ванъ можетъ быть не китайское ванъ, «царь», а архаическое ордынское. Вотъ его варіаціи: сложное Шидырванъ у алтайскихъ тюрковъ произносится Шидыръ-убанъ, у бурятъ Шудурманъ; Ванъ-ханъ кирейскій у Марка Поло—Унгъ-ханъ; въ сибирскихъ лѣтописяхъ Онъ-ханъ или Онъ-сомъ.

Ассириологъ Оппертъ думаетъ, что поводъ къ представленію, будто въ лицѣ Чингисъ-хана возродился царь-пророкъ Давидъ, rex David, подало жителямъ Передней Азіи имя шамана Тубуть-тэнгри, которое, по мнѣнію Опперта, относилось къ самому Чингисъ-хану (Oppert, Presbyter Iohannes, 1864, Berlin, S. 66). Изъ приведенныхъ въ нашей статьѣ данныхъ оказывается, что, кромѣ имени, къ такому отождествленію вели также во-первыхъ связанные съ именемъ Чингисъ-хана сюжеты 1) о царѣ, замышляющемъ заговоръ противъ своего слуги и 2) о царѣ, отнимающемъ чужую жену т. е. сюжетъ объ Уріѣ (см. ст. «По поводу новыхъ привлеченій къ былинѣ о Добрынь», Этн. Об., кн. XXII, стр. 55), и во-вторыхъ мессіанскія надежды.

Г. Потанинъ.

Сказанія о поѣздкахъ остяцкихъ князей къ русскимъ царямъ.

Вскорѣ послѣ покоренія Сибирскаго царства въ русской станъ стали являться инородческіе князьки изъ окрестныхъ странъ съ изъявленіемъ покорности. Русскіе правители и губернаторы принимали ихъ ласково, одаривали ихъ, и, наложивъ на подвластные имъ народы ясакъ, съ почетомъ отправляли ихъ домой. Нѣкоторые изъ такихъ князьковъ пожелали передать себя и свой народъ во власть Россіи не иначе, какъ при посредствѣ самого государя, что имъ не возбранялось. Таковъ былъ остяцкій князекъ Лугуй, который въ 1586 г. ѣздилъ въ Москву, чтобы въ первопрестольной столицѣ принять русское подданство. Ѳеодоръ Іоанновичъ принялъ его ласково и далъ ему охранительную грамоту. Его примѣру послѣдовали и другіе князьки. Такъ, въ 1600 г. въ Москву пріѣзжалъ жаловаться на грабежи остяцкаго князька Игичея и его союзниковъ—русскихъ—правитель Кондинскихъ вогульцевъ Курманакъ Танаевъ, а нѣсколько лѣтъ раньше туда же былъ отправленъ плѣненный вогульскій князекъ Агай съ сыномъ. Поѣздки остяцкихъ и другихъ князьковъ по разнымъ обстоятельствамъ въ столицы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе періоды времени. Нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось посѣтить Петербургъ два раза (напр. Ив. Матв. Тайшину).

Само собою разумѣется, что эти поѣздки въ многолюдныя блестящія столицы, гдѣ князьки иногда удостоивались приема во дворцѣ, не могли не оставить глубокаго слѣда въ умахъ такихъ дѣтей природы, какими въ прежнее время были остяки и вогулы. Въ длинныя зимніе вечера, когда старъ и младъ собираются въ тѣсной юртѣ у пылающаго огонька, старики, уступая настоятельнымъ просьбамъ молодежи, начинаютъ свои безконечныя рассказы о прежнихъ людяхъ, о богатыряхъ и князькахъ. Не забываютъ они при этомъ и о путешествіяхъ послѣднихъ къ Бѣлому царю. Передаваясь изъ устъ въ уста, подобные рассказы съ теченіемъ времени изукрасились народной фантазіей и приняли въ большей или меньшей степени сказочный характеръ.

Къ числу такихъ рассказовъ принадлежатъ и ниже приведенные два сказанія о посѣщеніяхъ остяцкими князьками и богатырями русскихъ царей, записанныя въ 1887 г. въ Тобольскомъ округѣ.

1. Лѣтъ триста тому назадъ, когда въ краѣ было еще очень мало русскихъ, вся земля всецѣло принадлежала остякамъ, которые управлялись своими князьками. Лѣса тогда изобиловали пушниной и дичью, а воды—рыбой, въ виду чего остякамъ жилось недурно. Они не только могли исправно вносить ясакъ царю, но и дѣлать хорошіе подарки своимъ князькамъ, нѣкоторые изъ которыхъ, накапливая изъ года въ годъ пушнину и вымѣненные на нее серебро, шелковыя ткани и деньги, приобрѣли значительныя богатства.

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились: русское населеніе стало расти, остяцкое бѣднѣть и убывать. Пушнины уже добывалось меньше, и князьки не только не получали болѣе подарковъ, но то и дѣло должны были выручать обнищавшихъ недоимщиковъ. Къ тому же стали ходить слухи, что то тотъ, то другой изъ амбарчиковъ, посвященныхъ весьма почитаемымъ остяцкимъ богамъ, подвергся ограбленію со стороны русскихъ вольныхъ людей.

Видя, что сохранить свои богатства при такихъ обстоятельствахъ не представляется возможнымъ, многіе изъ остяцкихъ и вогульскихъ князьковъ приняли рѣшеніе закопать ихъ въ землю. Такъ же поступилъ между прочимъ и одинъ князекъ, имя котораго не сохранило преданіе, правившій надъ Чиликанскими и сосѣдними остяками. Про этого князька рассказываютъ, что онъ не только былъ мудрымъ правителемъ, но и отличался замѣчательной физической красотой: на лбу у него сверкала звѣзда, а на затылкѣ свѣтилъ ясный мѣсяцъ. Но подданные его объ этомъ ничего не знали, потому что онъ, не желая смущать ихъ этимъ чудомъ, постоянно носилъ на головѣ большую шапку.

Желая привести въ исполненіе задуманную имъ мысль, онъ нанялъ русскихъ крестьянъ, которые должны были совершить всю указанную работу съ завязанными глазами. Они выкопали въ одномъ бору 40 погребовъ, въ которые самъ князекъ опустилъ 40 ящиковъ съ драгоценностями. Затѣмъ ямы были засыпаны и сравнены съ землей. Крестьяне получили право развязать глаза лишь тогда, когда они прибыли въ юрты. Такимъ образомъ, никто кромѣ самого князька не зналъ, гдѣ закопанъ кладъ.

Это произошло въ ту эпоху, когда указанный князекъ былъ еще язычникомъ или по выраженію остяковъ: „повлажнялся шайтанамъ“. Приходя однако съ теченіемъ времени въ болѣе близкое соприкосновеніе съ русскими, онъ возымѣлъ желаніе креститься. Своимъ богамъ онъ уже мало довѣрялъ. Дѣйствительно, онъ постоянно дѣлалъ имъ богатые «приклады», въ надеждѣ, что они даруютъ ему удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ, но весьма часто случалось, что они не исполняли своихъ обѣщаній. Но что еще болѣе убѣдило его въ ихъ беспиліи, это что они не были въ состояніи отомстить русскимъ

людямъ за оскверненіе своей святыни: святотатцы не только не были поражены громомъ, но у нихъ даже руки не отсохли послѣ этого.

Будучи знатнаго рода, князекъ однако желалъ имѣть крестнымъ отцемъ какого нибудь русскаго столь же знаменитаго происхожденія, какъ и онъ. Такихъ же лицъ въ тѣ времена, не смотря на его поиски, нельзя было найти въ цѣломъ краѣ, и князекъ по совѣту стариковъ рѣшилъ обратиться по этому поводу къ Бѣлому царю, къ которому по слухамъ уже ѣздило двое князьковъ. Но осуществить эту заманчивую мысль оказалось дѣломъ нелегкимъ: въѣдъ царь его конечно не станетъ крестить даромъ, а богатствъ у него болѣе не имѣлось, онъ даже забылъ мѣсто, гдѣ были закопаны его драгоценности. Какъ быть? Онъ думалъ три дня и три ночи и ничего не могъ придумать. Тогда онъ, будучи хорошимъ «промышленникомъ» (охотникомъ), рѣшилъ испытать свое счастье на охотѣ. Богъ, должно быть, русскій, ему помогъ: ему посчастливилось найти гнѣздо съ молодыми лисицами, одна изъ которыхъ оказалась совсѣмъ необыкновенной. Шерсть у нея была золотистая и имѣла такой ослѣпительно яркій блескъ, что его съ трудомъ могъ выносить глазъ. Вотъ эту лисицу онъ и приготовилъ въ подарокъ царю. Бережно содравъ съ нея шкуру, онъ завернулъ ее въ чистый бѣлый платокъ и въ радостномъ настроеніи отправился домой.

Черезъ день онъ былъ уже въ пути, а мѣсяца черезъ два въ столицѣ. Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, онъ прямо направился ко дворцу. Здѣсь его встрѣтила старушка, которую онъ просилъ доложить царю, что къ нему пріѣхалъ издали гость. Старушка не рѣшилась исполнить его просьбу и онъ рискнулъ пойти безъ доклада. У первыхъ дверей его встрѣтилъ часовой, который его окликнулъ. Князекъ ему сказалъ, что идетъ къ Бѣлому царю по важному дѣлу, и тотъ его пропустилъ. Онъ прошелъ три комнаты и у четвертой опять наткнулся на часового, который его опять спросилъ, кто онъ и зачѣмъ идетъ во дворецъ. Князекъ отвѣтилъ, какъ раньше, и часовой его пропустилъ. Пройдя мимо послѣдняго часового, князекъ вошелъ въ большую и богато убранную горницу, въ которой находился царь, и отвѣсилъ послѣднему низкій поклонъ, не снявши шапки. Государь съ нимъ поздоровался и спросилъ: „ты что за человекъ будешь и отчего предо мной шапки не снимаешь?“ Онъ отвѣчалъ: „я остяцкій князь, пріѣхавшій къ тебѣ изъ далекой Сибири по небольшому дѣлу. А что я шапки передъ тобой не снялъ, то это, чтобы тебя не испугать, Ваше Императорское Величество“. Царь усмѣхнулся и сказалъ: „Я не изъ трусливыхъ, можешь смѣло снять шапку“. Остякъ повиновался и свѣтъ, исходившій съ его лба и затылка, внезапно озарилъ всю комнату. Государь смекнулъ, что передъ нимъ человекъ необыкновенный, и сталъ съ нимъ еще ласковѣе. Онъ его усадилъ за свой столъ и сталъ

угощать заморскими кушаніями. По окончаніи пира остякъ началъ ему излагать причину своего прїѣзда: „Видишь ли, Ваше Императорское Величество, мнѣ теперь 35 лѣтъ, и я по сейчасъ не крещенъ. Прїѣхалъ я сюда, чтобы принять святое крещеніе и просить твою милость быть моимъ крестнымъ отцемъ“. — „Что-жь это можно“, отвѣтилъ Государь. Тогда остякъ вытащилъ изъ подъ „гуся“ платокъ, въ которомъ была завернута лисья шкурка съ золотымъ руномъ, и подалъ ее царю. Царь охотно принялъ подарокъ, „подивовался“ на диковинку и поблагодарилъ остяка. „Что-же тебѣ дать вза-мѣнъ?“ спросилъ онъ. „Дай мнѣ три куска золота, Ваше Императорское Величество“, отвѣчалъ остякъ. Государь велѣлъ принести три куска золота и передать гостю, который взялъ себѣ лишь одинъ, возвративъ царю остальные два въ видѣ обратнаго дара.

Государь крестилъ князка и по своей фамиліи нарекъ ему имя Романъ. Послѣ онъ его женилъ, давъ ему въ жены одну изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ дѣвокъ. Послѣ знатной свадьбы, которая была устроена во дворцѣ, молодые отправились въ Сибирь. По дорогѣ молодуха стала тосковать, что ей придется всю жизнь проводить въ глуши, среди лѣсовъ и болотъ. Она рѣшила избавиться отъ своего мужа и отравила его сулемой, послѣ чего вернулась въ Питеръ.

Въ память погибшаго князка Романа родственники его, также принявшіе крещеніе, выстроили возлѣ своихъ юртъ церковь, вокругъ которой впоследствии выросло большое село, названное по имени остякаго князка—Романовскимъ. Оно находится въ южной части Деньчиковской волости (Тоб. окр. и губ.)*). Отъ прежнихъ же остяцкихъ юртъ сохранились лишь два дома, въ которыхъ проживаютъ обрусѣлые остяки, считающіе себя потомками княжеской фамиліи. Эти, такъ называемыя, Романовскія юрты расположены у самаго села и принадлежатъ къ Верх.-Демьянской волости.

2. Въ далеко прошедшее время близъ Троицкихъ юртъ, на Оби, проживало два великихъ богатыря, прозванныхъ по мѣсту, откуда они происходили, „Стариками съ вершины рѣчки“ (Ега-тей-игѣнгенъ). Одинъ изъ нихъ носилъ имя „Старшаго богатыря“ (Энэ-уртъ), другой „Младшаго богатыря“ (Ай-уртъ). Когда русскіе завоевали край и стали крестить народъ, этихъ бога-

*) Замѣтимъ здѣсь къ слову, что факты, сообщаемые исторіей относительно возникновенія с. Романовскаго, близко подходятъ къ событіямъ, изложеннымъ въ нашемъ сказаніи. Остяцкій князекъ Романъ, давшій имя означенному селу, правилъ вмѣстѣ съ князькомъ Нимньяномъ надъ Демьянской волостью, расположенной около устья р. Демьянки. По взятіи казаками ихъ городка, онъ, какъ гласитъ исторія, ушелъ на Конду. Невыясненнымъ въ исторіи однако остается вопросъ, какимъ образомъ воглавъ незавоеванной волости языческихъ остяковъ могъ находиться князекъ, носившій христіанское имя,—обстоятельство, на которое обратили вниманіе и сами историки.

тырей уже не было въ живыхъ, но на мѣстѣ ихъ жительства благочестивыми остояками были выстроены амбарчики, въ которыхъ хранились ихъ изображенія.

Съ этихъ идоловъ или, по выраженію инородцевъ, „ликовъ“ попъ и хотѣлъ начать крещеніе народа, но, несмотря на всѣ старанія, не могъ ихъ розыскать. Они внезапно скрылись неизвѣстно куда. Черезъ нѣкоторое время однако пронесся слухъ, что эти высокочтимые боги хранятся гдѣ то по близости у одного остояка.

Посланные въ числѣ 10 человекъ, придя въ указанныя юрты, розыскали амбарчики, въ которыхъ хранились изображенія боговъ, и хотѣли отвезти ихъ въ церковь для совершенія надъ ними таинства крещенія. Но они не только не были въ состояніи захватить съ собой „лики“, но даже сдвинуть ихъ съ мѣста. Послали еще за людьми, но и тѣ ничего не могли сдѣлать. Въ этомъ безвыходномъ положеніи русскіе обратились къ ихъ хозяину и попросили его помочь имъ исполнить приказаніе царя. Остоякъ былъ повладистый и одинъ съ легкостью вынулъ ихъ изъ амбарчиковъ и передалъ имъ.

Когда царь услышалъ объ этомъ чудѣ, то повелѣлъ привести эти лики къ себѣ, не взирая ни на какія препятствія. Посланные запрягли большія сани и съ помощью остояка положили на нихъ этихъ боговъ, но, не смотря на всѣ свои старанія, нѣсколько людей и десять лошадей не были въ состояніи сдвинуть саней съ мѣста. Побились, побились и опять принуждены были обратиться къ содѣйствию ихъ хозяина, который за небольшое вознагражденіе взялся доставить боговъ къ самому царю. Онъ хлыстнулъ лошадей, и онѣ помчали сани съ быстротою вѣтра.

Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ, но онъ прибылъ въ столицу и подѣхалъ прямо ко крыльцу дворца. Царь принялъ гостей въ своихъ хоромахъ и первымъ дѣломъ снялъ съ нихъ портреть. Самихъ боговъ царь пожелалъ оставить у себя въ комнатѣ. Узнавъ изъ разговора съ остоякомъ, что они еще не крещены, онъ „осерчалъ“ и рѣшилъ ихъ сжечь, а ихъ хозяина казнить. Не теряя времени, онъ сѣлъ за столъ и сталъ писать приказъ объ этомъ. Онъ писалъ, писалъ, но скоро его начала одолѣвать дремота, и онъ, не окончивъ бумаги, положилъ ее подъ подушку и заснулъ.

На другой день Государь вспомнилъ о бумагѣ и рѣшилъ ее окончить. Но каково было его изумленіе, когда вмѣсто написанныхъ имъ строкъ онъ прочелъ слѣдующее: „ты насъ не жги, такъ какъ повредишь черезъ это себѣ самому: ты царь и все равно что русскій Богъ, а мы остояцкіе богатыри и боги. Если ты насъ обидишь, то мы пойдемъ къ другимъ царямъ и будемъ съ ними въ союзѣ. Мы нашьлемъ на твое войско каменныхъ и желѣзныхъ волковъ, которые его истребятъ. Если же ты насъ не тронешь, мы всегда будемъ стоять за тебя“.

Царь прочелъ бумагу, протеръ глаза и, убѣдившись, что онъ не спитъ, опять сѣлъ писать бумагу въ прежнемъ духѣ. И этотъ разъ онъ задремалъ, не успѣвши ее окончить, и опять на другое утро нашелъ, что вмѣсто приказа о казни у него подъ подушкой лежитъ бумага съ разными предостереженіями въ родѣ вышеприведенныхъ. Собравшись со всѣми силами, царь сталъ писать третій приговоръ и, несмотря на сильную дремоту, дописалъ его до конца, но тутъ же свалился отъ усталости и крѣпко уснулъ. Посреди ночи онъ какъ бы во снѣ услышалъ звонъ колокольчика и затѣмъ громовой ударъ. Онъ внезапно пробудился и увидѣлъ какъ бы молнію, сверкнувшую въ комнатѣ и ушедшую черезъ разверзшіяся потолокъ и крышу на небо. Государь осмотрѣлся вокругъ и замѣтилъ, что „лики“ остяцкихъ боговъ исчезли. Онъ сунулъ руку подъ подушку, чтобы разорвать ненужный теперь приказъ, но вмѣсто приказа нашелъ бумагу, на которой было написано: „ты, Государь, не казни нашего хозяина, иначе ты не будешь имѣть счастья въ бою, вспомни наши слова!“ Царь подумалъ, подумалъ и, рѣшивъ, что въ предстоящихъ войнахъ помощь остяцкихъ богатырей ему можетъ пригодиться, отпустилъ инородца съ миромъ.

Богатыри Ега-тей-игѣнгенъ улетѣли въ родную Сибирь и поселились гдѣ-то на Оби, хотя по временамъ показывались и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Нахрачахъ, священномъ селеніи Кондинскихъ вогульцевъ. Вѣрные своему слову они принимаютъ участіе во всѣхъ войнахъ, которые ведутъ русскіе, истребляя ихъ враговъ въ видѣ желѣзныхъ и каменныхъ волковъ. За эти заслуги остяцкихъ богатырей русскіе цари освободили всѣхъ остяковъ отъ воинской повинности.

С. Паткановъ.

Данная для народнаго календаря Смоленской губерні въ связи съ народными вѣрованіями.

До сихъ поръ народъ живетъ, сообразуясь не съ писаннымъ, а со своимъ календаремъ, завѣщаннымъ ему глубокой стариной и переходящимъ отъ предковъ къ потомкамъ. Содержаніе этого календаря обширно и разнообразно; въ составъ его входятъ: народная поэзія и сопутствующіе ей обряды; обычаи полуязыческаго, полухристіанскаго характера, приуроченные къ большимъ праздникамъ, языческія молитвы или заговоры, произносимые въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ, различныя примѣты и гаданія относительно погоды, урожая, уборки хлѣба, наблюденія надъ царствомъ животнымъ и растительнымъ, не лишены часто поэтическаго характера. Источниками народнаго календаря служатъ съ одной стороны мѣстныя преданія, которыя видоизмѣнились подъ вліяніемъ христіанства и получили характеръ апокрифическій, характеръ полувѣрія; съ другой стороны, народъ черпаетъ данныя для своего календаря изъ непосредственныхъ наблюденій надъ природой.

Ведя земледѣльческій и пастушескій образъ жизни, занимаясь то пчеловодствомъ, то рыболовствомъ, то охотой, народъ близко соприкасается съ природой и является тонкимъ наблюдателемъ природы: самыя незамѣтныя ея явленія часто не ускользаютъ отъ зоркаго глаза мужика. Природа для простаго человѣка—живая и притомъ сельскохозяйственная справочная книга, сельскохозяйственный календарь: по своему онъ читаетъ ее, находитъ для себя полезныхъ агрономическихъ и метеорологическихъ указателей въ птицахъ, звѣряхъ, деревьяхъ, насѣкомыхъ.

Своеобразно объясняя происхожденіе животныхъ, звукоподражая голосамъ ихъ и толкуя значеніе голосовъ, простой человѣкъ иногда совершенно произвольно устанавливаетъ связь между мельчайшими явленіями природы, сосуществующими въ пространствѣ и времени.

Крестьянинъ рѣдко высказываетъ свое восхищеніе по поводу красоты природы, да и ему, углубленному въ свои занятія, некогда интересоваться эстетической стороной ея. Но свѣжее поэтическое чутье и горячая любовь къ природѣ просвѣчи-

вають сами собою въ календарныхъ наблюденіяхъ надъ природою, а особенно въ звукоподражаніяхъ.

Звукоподражанія голосамъ животныхъ, помимо того, что они отлично улавливаютъ звуки птицъ посредствомъ одного слова, предложенія или пѣсни (ими пользовались извѣстные поэты и орнитологи),—звукоподражанія знакомятъ насъ съ субъективнымъ настроеніемъ человѣка, съ душевнымъ настроеніемъ земледѣльца, пастуха, пчеловода, охотника или рыболова, когда онъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстную пору года, мѣсяца, слышитъ голосъ звѣря, птицы, лягушки.

Жужжанье пчелъ, жуковъ и комаровъ для мужика не мертвый и не непонятный звукъ; у мужика и травка, и овесъ пищитъ послѣ майскаго дождика и припара,—дерѣтся, тянется изъ земли и пищитъ.

Звукоподражанія, различныя хозяйственныя метеорологическія наблюденія и замѣчанія часто пополняются легендами и разсказами о происхожденіи того или другого животнаго, всякаго рода повѣрьями.

Появленіе животныхъ въ извѣстное время года, а также исчезновеніе ихъ, имѣетъ для крестьянина знаменательное значеніе; онъ по своему истолковываетъ, по своему понимаетъ голоса звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, обращается особенно къ весеннимъ прилетѣвшимъ птицамъ «въірямъ» съ пѣснями, съ разными поэтическими присловіями. Во время прилета птицъ крестьянскими дѣтьми выполняются особыя игры. Самыя клички и названія животныхъ часто представляютъ собою имена звукоподражательныя и стоятъ въ связи со звуками, издаваемыми животными. Много различныхъ повѣрій мѣстческаго и апокрифическаго характера приурочивается народнымъ календаремъ къ большимъ праздникамъ и извѣстнымъ днямъ года.

Къ календарнымъ примѣтамъ и повѣрьямъ, сопровождающимся часто различными обычаями, обрядами, играми, народъ относится съ глубокимъ уваженіемъ; онъ твердо ихъ помнитъ, завѣщаетъ ихъ потомкамъ, считаетъ грѣхомъ подвергать своей критикѣ. Поэтому, многіе предрасудки поддерживаются даже тогда, когда внутренній ихъ смыслъ утраченъ и позабылось ихъ мѣологическое основаніе. Запрещено, напримѣръ, производить нѣкоторыя работы во время такъ называемыхъ кривыхъ недѣль. Народъ не старается докопаться, откуда вышло такое запрещеніе, и не знаетъ, кто будетъ преслѣдовать его за извѣстную работу въ недозволенное время. Но народъ увѣренъ, что отступившій отъ общепринятаго обычая будетъ наказанъ нешпрѣмѣнно и притомъ наказанъ опредѣленнымъ образомъ.

Обо многихъ повѣрьяхъ народъ знаетъ больше и приводитъ ихъ въ связь съ сказаніями о мѣологическихъ существахъ, и сейчасъ существующихъ. Народъ ясно себѣ представляетъ и внѣшній обликъ, и внутренній характеръ

этихъ существъ; онъ знаетъ ихъ желанія, знаетъ, за что они наказываютъ, знаетъ, за что поощряютъ; ему извѣстно и то, съ какими молитвами и дарами слѣдуетъ къ нимъ обращаться, умилостивлять ихъ, если они разгнѣваются.

Вѣра въ существованіе демоническихъ существъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на народную психологію и народное творчество.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя извѣстный опредѣленный типъ мѣстическихъ существъ завѣщанъ, такъ сказать, преданіемъ, однако, разъ такія существа живутъ и вмѣшиваются въ различныя дѣла людей и людскія отношенія и даже воочію являются различнымъ лицамъ, понятно, лица, имѣвшія-де съ ними дѣло и рассказывающія, что видѣли ихъ, въ характеристику ихъ вносятъ нѣкоторыя черты индивидуальнаго творчества.

Мѣстологическія вѣрованія играютъ большую роль въ народной психологіи и народной жизни. Благодаря, быть можетъ, этимъ вѣрованіямъ, психическія болѣзни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выражаются преимущественно въ однихъ и тѣхъ же формахъ помѣшательства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ельнинскаго и Рославльскаго уѣзда населеніе иногда склонно думать, что стремленіе къ поджогамъ, убійствамъ внушаются какою-то нечистою силою, и видимые демонами люди посягали на самоубійство.

По повѣрью крестьянъ Рославльскаго уѣзда (около Рославля), если повѣсившійся стоитъ на колѣняхъ, онъ повѣсился въ слѣдствіе внушенія домового или лѣсового. По мнѣнію крестьянъ деревни Рудни, Ельнинскаго уѣзда, грѣхъ отцѣпить повѣсившагося и избавить его отъ смерти; за это кто-то во снѣ не даетъ покою; слышится голосъ. «Зачѣмъ ты отцѣпилъ его! Зачѣмъ ты увѣлъ отъ насъ?»

Посредниками между обыкновенными смертными и существами мѣстическими являются знахари и колдуны. Они то насылаютъ, то прогоняютъ злыхъ духовъ и различныя болѣзни, входятъ въ сношенія съ міромъ сверхъестественнымъ и получаютъ свое вдохновеніе изъ міра сверхъестественнаго, отъ лѣсовыхъ и домовыхъ. Колдуны являются носителями языческихъ преданій и, въ знакъ этого, отрекаются отъ христіанства. Заговоры знахарей имѣютъ характеръ апокрифическій; знахари слывятся часто въ народѣ людьми набожными, благочестивыми и доброжелательными. То, что знаютъ знахари, отъ людей они не таятъ и даже считаютъ своею обязанностью передавать свое званіе младшимъ себя; свѣдѣнія знахарей раздѣляются въ извѣстной степени толпою и составляютъ особаго рода дополненіе къ тому, что знаетъ по своей профессіи опытный пастухъ, земледѣлецъ, пчеловодъ: всѣ эти спе-

ціалісты являюцца какъ бы жрецамі въ сваёмъ дѣлѣ, и дѣдаты и колдуюць пастухи по преимуществу.

Но и окаменѣлыя народныя вѣрованія оказываюць вліяніе на народную жизнь и народную психологію. Они не такъ заразительны, не такъ легко сообщаются другимъ людямъ велѣдствіе нервнаго сочувствія, но порождаюць извѣстнаго рода мнительность, сопровождающуюся дурными послѣдствіями, особливо у женщинъ въ періодъ беременности.

Въ составъ народнаго календаря входятъ данныя, опирающіяся на живыя болѣе или менѣе обоснованныя народныя вѣрованія и данныя (повѣрья, обычаи, обряды), принимаемыя безусловно, ключъ къ объясненію которыхъ затерялся въ современномъ сознаніи народа.

Изложенію тѣхъ и другихъ данныхъ народнаго календаря я предпошлю статью о колдунахъ и демоническихъ существахъ, признаваемыхъ и нынѣ, и укажу, такимъ образомъ, на какое мифическое основаніе опираются нѣкоторыя повѣрья и заговоры, къ которымъ они поддерживаются и распространяются, на какую среду и какъ именно они воздѣйствуютъ.

Домовой.

По мѣннію народа, существуютъ и сейчасъ домовые, домовицы или домахи, гуменные, банные, лѣсовые, моховые, водяные, русалки.

Они и теперь живутъ и вмѣшиваются въ людскія дѣла и отношенія.

О происхожденіи этихъ духовъ народъ сообщаетъ различныя легенды.

Ноею ¹⁾ Богъ приказалъ показать Ему всѣхъ своихъ дѣтей; Ной утаилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: «совѣстно было тащить къ Богу большую араву». Скрытыя Ноемъ дѣти сдѣлались темною силой: домовыми, полевыми, лѣсовыми, водяными.

По другому мѣннію, домовые, лѣсовые и др. падшіе духи, низвергнутые Богомъ съ неба: «были они очень надоедливы, ходили по пятамъ Бога — Богъ ихъ и турнулъ съ неба».

По повѣрью крестьянъ Спасъ-Волженской волости, Вяземскаго уѣзда, Господь назвалъ всѣхъ невѣрныхъ ангеловъ агелами и велѣлъ Михаилу архангелу посогнать ихъ съ неба. Сверженные летѣли съ неба сорокъ дней и сорокъ ночей: кто попалъ во дворъ, кто въ лѣсъ, иные на гумно, иные въ баню, иные въ поле, иные въ мохъ: кто куда попалъ, тотъ тамъ и остался хозяиномъ.

¹⁾ По другой легендѣ Адаму.

По повѣрью крестьянъ с. Богоявленя Сычевскаго уѣзда, бѣсы ²⁾ похожи на человѣка, но только покрыты длинными, косматыми черными волосами и живутъ въ разныхъ мѣстахъ: домахъ, лѣсахъ, водахъ, овинахъ, баняхъ, и называются лѣсовиками, домовниками, банниками, овинниками. Въ лѣтнее время, въ двѣнадцатомъ часу дня, всѣ бѣсы сходятся вмѣстѣ на берега рѣкъ, озеръ; поэтому, народъ въ упомянутый часъ дня боится купаться въ рѣкахъ и мыться въ баняхъ изъ опасенія, чтобы не погибнуть отъ бѣсовъ.

Домовые съ виду похожи на людей; нѣкоторые полагаютъ, что у нихъ есть сходство съ хозяиномъ дома.

Домахами или домовихами называются супруги домовыхъ; у домовыхъ бывають и дѣти.

Домовые и домахи являютя въ бѣлой одеждѣ; у домахъ на головѣ древне-бѣлорусскій уборъ намѣтка.

Незримо отъ людей, въ людскихъ жильяхъ, ведутъ домовые свое существованіе, пьютъ, ѣдятъ, скорбятъ и радуются, рождаются и умираютъ.

Главное мѣстопребываніе домового—въ хатѣ за припечкомъ; онъ же бываетъ и подъ печкой въ печурѣ. „Вылѣзь, какъ чура изъ печуры“. Народная поговорка.

Домовые насъ видятъ, а мы ихъ нѣтъ.

Прежде люди часто видѣли домовыхъ, потому что были достойнѣе, и теперь достойнымъ людямъ показываются домовые, только большею частію въ полночь, въ минуту всеобщей тишины, всеобщаго спокойствія.

Бывають случаи, что домовые вступаютъ въ незаконную связь съ женщинами; отъ такихъ то связей рождаются колдуны.

У домахи такія же наклонности и занятія, какія у домовитой хозяйки-крестьянки: она трудолюбива и хозяйственна, любитъ чистоту и отъ всей души ненавидитъ грязь, лѣнь и беспорядокъ; она прядетъ, тчетъ, вышиваетъ и ухаживаетъ за скотомъ.

Въ осенній вечерокъ баба спряталась отъ проливного дождя въ баню; идетъ послѣ нея въ полночь домаха, простоволосая, вся въ бѣломъ и въ бѣлой намѣткѣ. Баба забралась на самый верхъ и вершокъ открыла, чтобы все-таки не такъ страшно было, чтобъ свѣтъ Божій видѣть. А домаха рас-

²⁾ По мнѣнію крестьянъ села Богоявленя, бѣсы раздѣляются на старшихъ и младшихъ. Старшіе посылаютъ младшихъ къ людямъ собирать дань за грѣхи. Крестьяне, какъ и мѣщане, какъ бѣдный народъ, не могутъ уплатить бѣсамъ большой дани за свои грѣхи, потому они, по желанію бѣсовъ, часто замерзають, опиваются и подвергаются многимъ другимъ наказаніямъ. Дворяне, купцы и духовные весьма мало наказываются бѣсами, такъ какъ первые выкупають свои грѣхи деньгами, а послѣдніе, т. е. духовные—молитвами.

положилась внизу, на нижней полочкѣ и принялась ткать, дѣлала свое дѣло, словно не замѣчая бабы; откуда и красны у нея явились, загремѣли, застучали—и пошла работа.

— „Что ты видишь въ вершокъ, баба?“

Спросила, наконецъ, домаха.

— Вижу я дуброву; слышу: шумить дуброва и чьи-то дѣти плачуть.

— „Такъ это мои дѣти“,—воскликнула домаха; порывисто поднялась съ мѣста, подхватила красна и побѣжала къ дубровѣ. Баба отъ души была рада.

Другой бабѣ случилось своимъ платьемъ прикрыть ребенка домахи; она же угодила домахѣ и тѣмъ, что попарила ее въ банѣ; за все это крестьянка получила отъ „хозяйки“ длинную трубку полотна. Баба рѣзала полотно, сколько хотѣла, а трубокъ все конца не было.

Но въ дарахъ домовыхъ есть непремѣнно какая нибудь закавыка.

Домаха приказала бабѣ пользоваться трубкой полотна, не развертывая ее. А баба пожелала удовлетворить свое любопытство. Какъ развернула баба полотно, такъ и трубка исчезла, словно не бывало ея.

Домовые и домахи ведутъ знакомство съ гуменными, полевыми и лѣсовыми; они же состоятъ нерѣдко во взаимномъ сродствѣ или свойствахъ. Встрѣчается жнея съ какою-то простоволосой, въ бѣлой одеждѣ, женщиной (вѣроятно, лѣсовихой), и та проситъ жнею передать домахѣ, что умерла поляха.

Баба идетъ домой, ужинаетъ и за ужиномъ передаетъ семьѣ, что какая-то бѣлая женщина велѣла ей передать домахѣ, что умерла ея знакомая поляха. Въ это время всѣмъ присутствующимъ въ хатѣ стало жутко отъ страха, попритихли всѣ; кто-то всплеснулъ ладонками, и подъ печью жалобно застонало и завывало.

Старый дѣдушка домовый (онъ представляется многимъ очень старымъ почтеннымъ старичкомъ и съ длиною бородою) радѣетъ о хозяйскомъ добрѣ и близко къ сердцу принимаетъ всѣ хозяйскіе интересы; онъ всюду суетъ свой носъ, до всего ему дѣло.

Ночью онъ ухаживаетъ за лошадьми и рогатымъ скотомъ, раздаетъ имъ сѣно, овесъ, заплетаетъ лошадямъ гривы, гладитъ любимую лошадку по спинѣ, отчего та съ пріятностію вытягиваетъ шею, становится на колѣни и ложится.

Но надо задабривать домового, надо сообразоваться съ его вкусами. Чтوبъ домовому понравилась скотина, она должна быть извѣстной масти.

Полагаютъ нѣкоторые, что хозяинъ долженъ пріобрѣтать лошадей и коровъ по масти, напоминающей цвѣтъ собственной бороды—это домовому по вкусу, и такія коровы и лошади придутся по двору и поведутся.

Домовой любитъ хозяевъ и хозяекъ трудолюбивыхъ, кроткихъ и трезвыхъ; замѣчено, что всѣ дѣйствія ихъ ему нравятся.

Домовой бываетъ золь и невыносимо капризенъ.

Нелюбимыхъ лошадей онъ замучиваетъ, раскатываетъ на нихъ верхомъ цѣлую ночь да путаетъ имъ гриву. Подойдя къ хлѣву или къ конюшнѣ ночью, сразу можно замѣтить, сердитъ ли домовой или живетъ въ ладу съ хозяиномъ. Въ первомъ случаѣ лошади стоятъ непокойно, фыркаютъ и стучать копытами; видъ у нихъ изнуренный, испуганный; онѣ подъ потомъ.

Разсерженный „хозяинъ“ насылаетъ падежъ на скоть, червей на огородъ, въ закомы крысъ и производитъ полнѣйшее разстройство во всѣхъ дѣлахъ нелюбимаго мужика, поселяетъ разладъ въ семейныхъ и общественныхъ его отношеніяхъ.

Слѣдствіемъ немилости домового считается неурожай въ полѣ и несогласіе въ семьѣ.

Вѣдь бываетъ же такъ, что въ ряду смежныхъ крестьянскихъ полосокъ на однихъ нивкахъ прекрасный урожай, а на другихъ изъ рукъ вонъ плохъ? Если кто изъ членовъ семьи не полюбитъ домовому, домовый нагоняетъ на него тоску, уныніе, нелюбимецъ заболѣваетъ, сохнетъ, какъ говорятъ „отъ стня“ на былинку, наконецъ умираетъ, такъ какъ пришлось не по двору. Такъ знахари, пользовавшіе больного, объясняютъ роднымъ причину его смерти.

А то на домового нападаетъ духъ рѣзвости и дикой шалости. Въ одномъ крестьянскомъ дворѣ домовый разбросалъ на дворѣ всѣ вещи и до того распалился, что мальчика, спавшаго въ телѣгѣ, закинулъ въ ближній оврагъ и хворостомъ забросалъ; а, впрочемъ, сдѣлалъ это весьма осторожно: мальчика нашли въ хворостѣ спавшимъ преспокойно.

Такъ какъ домовой очень капризенъ, то трудно объяснить причину его симпатій и антипатій, трудно понравиться ему и легко бываетъ, наоборотъ, разсердить его до крайности и нажать въ немъ опаснаго врага.

Но есть вещи, которыхъ домовой положительно не любитъ.

Домовой терпѣть не можетъ шума и брани, неряшливости, нечистоплотности, нечистоты, небрежной неаккуратности въ работѣ. Особенно надо осторожно держать себя въ хлѣвѣ, на смятѣ, на дорожкахъ, и въ полдень слѣдуетъ остерегаться брани, крупнаго разговора, клятвы въ особенности. Въ полдень сбывается клятва матери. Не отъ того ли это, что въ полдень домовой почиваетъ вѣршкимъ сномъ, а если разбудить его и потревожить, то онъ не въ духѣ и злится?

Иногда домовой бываетъ очень обидчивъ: не понравится ему какое-нибудь слово, онъ въ потьмахъ, въ опасномъ мѣстѣ, пихаетъ подъ колѣно, спшибаетъ съ ногъ и дѣлаетъ калѣжкой. Хотя молитвы къ домовому никогда не сопровождаются крестнымъ знаменіемъ, домовый терпѣть не можетъ, чтобы его называли чернымъ именемъ „чортомъ“.

Вотъ случай. Крестьянинъ, выходя изъ дому по первой порошѣ, замѣтилъ огромный слѣдъ, отпечатавшійся на снѣжку. Идя слѣдомъ, крестьянинъ пришелъ прямо къ рѣчкѣ. Слѣдъ дальше не пошелъ. Идущій точно спрятался въ воду, точно потонулъ. Призадумался крестьянинъ, почесалъ затылокъ: „ти домового, ти чорта якого понесло въ воду?“ Тутъ же крестьянинъ почувствовалъ себя нехорошо и расхворался.

Болѣзнь прошла только тогда, когда знахарь обсыпалъ больного овсомъ и хмелемъ и сдѣлалъ относъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ незаслуженно оскорбленъ домовый и названъ чернымъ именемъ.

Вотъ молитва отъ болѣзни, отъ брани происшедшей, пѣлительная и для скотины и для человѣка.

Хазяинъ батюшка домовый и хазяюшка матушка домовая! Хазяинъ батюшка лѣсовой и хазяюшка матушка лѣсовая! Хазяинъ батюшка водяной и хазяюшка матушка водяная! Хазяинъ батюшка палевой и хазяюшка матушка палевая!

Простите мене, грѣшную и недостойную.

(Кланяются на всѣ четыре стороны).

Помогите и пособите отъ внутреннихъ наносныхъ и отъ нудныхъ переговоровныхъ; дайте добраго здоровья (Больного умываютъ наговорною водою).

Принося относъ домовому (крайчикъ хлѣба и соль въ бѣлой тряпочкѣ) становятся на колѣни и говорятъ:

„Хазяинъ батюшка частной дамавой! Хазяюшка матушка частная дамавая! Вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принесъ—примитя. Можить іонъ сказалъ глупыя слова, можить іонъ (больной) васъ унизиў, можить іонъ призвѣў ничистату у хлѣви. Праститя яму! Примитя хлѣбъ-соль и биригитя стѣтѣъ и падворья“.

Относъ домовымъ кладутъ на ворота, на шула, подъ повѣтъ.

Не только бранью можно обидѣть домового, но совершенно случайно его можно оскорбить и дѣйствиємъ. У одного крестьянина отлично велись лошади, потому что по ночамъ за ними ухаживалъ домовый. Сосѣдъ завидовалъ крестьянину и, зная, что домовый виновникъ его счастья, посоветовалъ сосѣду подстеречь вора, который ночью бродитъ по его хлѣвамъ.

Крестьянинъ засѣлъ въ уголку хлѣва и, замѣтивъ домового, хлопотавшаго около лошадей угодилъ ему полѣномъ въ бокъ. Разобиженный домовый пересталъ быть радѣтелемъ хозяйскаго добра и во всемъ вредилъ мужику: лошади и коровы стади хворать, начался падежь телятъ и пошли разныя неудачи по хозяйству.

Мѣстопробываніемъ домовыхъ-хлѣвниковъ считаются сметыгица и дорожки;

поэтому на этих мѣстахъ рекомендую быть въ особенности осторожнымъ: не браниться, наблюдать чистоту.

Одна баба вышла изъ хаты въ полночь, постояла на смятьѣ и вернулась въ хату, чувствуя ужасную боль въ поясницѣ и лому во всемъ тѣлѣ. Боль все усиливалась, и баба обратилась за помощью къ Руднянскому дѣду Родькѣ. Дѣдъ Родька первымъ дѣломъ спросилъ: „Не пристоила ли ты, Малашка, на смятьѣ?“

— Ну, да виновата, дѣдичка!

Дѣдъ погрозилъ пальчикомъ и таинственнымъ шепотомъ съ значительной важностью произнесъ:

„Етыга, братъ-мыладухъ, хозяйнѣ надужа-то любить: на то іость глушки. Ну, пайдемъ са мной на дарожку“.

Дѣдъ захватилъ съ собой отнесь: краюшку хлѣба, завернутую въ чистую тряпочку. Отнесь дѣдъ положилъ на шуло, бабу поставилъ лицомъ къ востоку, а самъ сталъ на колѣнки на мѣстѣ, оскверненномъ бабою, билъ челомъ и усердно упрашивалъ хозяина-домового больше не гнѣваться и простить неразумную по ея глупости. Послѣ этого бабѣ какъ будто стало лучше.

Домовые иногда наказываютъ самоувѣренныхъ людей, которые хвалятся, что не боятся никакого страха. Это задѣваетъ гордость домового, и онъ какую нибудь выходкою напоминаетъ о своемъ существованіи и смиряетъ зазнавшихся.

Крестьянка деревни Рудни, Авдотья Тимоѣева, хвалилась, что не боится домовыхъ и утверждала, что домовые не существуютъ.

Въ ту ночь Авдотью Тимоѣеву кто-то рванулъ за грудь очень больно, чуть сосокъ не отвинтилъ, даже грудь почернѣла; Авдотья Тимоѣева „съ папугу“ и отъ боли съ мѣсяць прохворала.

Надъ одной почтенной женщиной зло подшутилъ домовый, хотя она за собой и не знала никакой вины: ночью во время сна домовый рванулъ ее за волосы и такъ больно, что она проснулась. На слѣдующій день старушка принялась чесать волосы и вычесала двѣ трети волосъ, по ея мнѣнію, выдернутыя домовымъ.

Вообще, многія болѣзненные и непріятныя ощущенія во время сна приписываются вліянію и дѣйствіямъ домовыхъ.

Одна дѣвушка подъ Ельней имѣла смѣлость спать одна въ клѣтѣ. За таковую смѣлость она была похищена домовымъ; къ тому же еще, быть можетъ, она домовому и понравилась. Съ дѣвушкой домовый захватилъ ей принадлежавшій сундукъ съ добромъ. Вереть за тридцать домовый увезъ дѣвушку, сундукъ поставилъ около дуба, а плѣнницу все водилъ на одномъ мѣстѣ

около дерева. Дѣвушка черезъ нѣсколько дней найдена была цѣлою и невредимою, и изъ сундука ничего не было похищено.

Нельзя винить своего домового во всѣхъ непріятностяхъ, во всѣхъ внезапныхъ убыткахъ и потеряхъ, „пошастяхъ“, какъ выражается народъ; нельзя приписывать своему домовому всѣ шалости и проказы во дворѣ, Богъ знаетъ, отчего происходящія, однако, подчасъ очень непріятныя и ошутительныя: свой домовый бываетъ часто тутъ не при чемъ.

Домовые, какъ и люди, дерутся и ведутъ между собою отчаянную борьбу.

Какая причина борьбы домовыхъ, ихъ взаимныхъ ссоръ и дракъ? Дѣло въ томъ, что въ каждомъ домѣ, въ каждомъ подпечкѣ избы можетъ жить только одинъ домовый; если же задумаетъ въ этомъ домѣ поселиться другой, то между ними всегда происходитъ борьба, которая кончается тѣмъ, что побѣжденный чужой домовый уходитъ изъ дому во-свося, или же чужакъ, вытѣснивъ мѣстнаго домового, поселяется жить въ чужомъ домѣ, не забывая и своего хозяйства.

Наброжій домовый или хлѣвникъ, такъ сказать, насильникъ, не бываетъ прочителемъ и радѣтелемъ чужого двора, въ которомъ чаще всего онъ ставитъ все кверху дномъ. А напуганный безпорядками въ домѣ хозяинъ обыкновенно не рѣшается объявить открытую войну наброжему домовому или хлѣвнику изъ опасенія всякихъ непріятныхъ случайностей, болѣзни и даже смерти; онъ обращается за совѣтомъ и непосредственною помощію къ знахарю, посвященному въ тайны бытія домовыхъ, лѣсовыхъ, полевыхъ и водяныхъ, хорошо понимающему ихъ взаимныя отношенія и отношенія этихъ „хозяиновъ“ къ людямъ.

Привожу молитву знахарей, чтобы хозяинъ домовый и хозяйюшка домовая сохранили скотъ отъ наброжихъ хлѣвниковъ и хлѣвницъ.

„Дамавой хазяинъ и дамавая хазяюшка, прашу васъ—упрашиваю, малю васъ—умаливаю, што у етымъ доми живитя и животныхъ ни абиждайтя: коней и кароў,—кармита, паятя и приглядаятя, а нахожихъ и наброжихъ хлѣвниковъ и хляўницъ, и дамавиковъ и дамавицъ да етыва хлѣва ни дапускайтя—и вѣдьмыў калмыкыў и калдуноў чаріўникоў, вѣдьмыў калмыцыў и калдуницъ чараўницыў да етыва дома ни дапускайтя, што яны падносы падносють и падкады падкадають и ў благачастивымъ доми скотъ умаляють.

Вы, вѣдьмы калмыки, калдуны чаріўники, выбирайтя зъ благачастивыга дому свае падносы паднасяціи и падкады падкадаціи.

Вѣдьмы калмыки и калдуны чарыўники, выхадитя изъ благачастивыга дому у шары бары, на тямны лясы, за мхи, за балоты, за ржаўцы-болоты— а у етымъ доми ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на сходи витаха, ни на пирякрою мѣсица—ни бытъ имъ атрыгу, ни бытъ имъ пакрату“.

Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда. Заговоръ изъ „Смол. Сборника“, стр. 213.

Вотъ приходитъ знахарь или колдунъ къ крестьянину въ неблагополучный домъ, съ важнымъ видомъ обходитъ усадьбу, хлѣва и всѣ закаютки построекъ, вглядывается, прислушивается, обдумываетъ что-то, беретъ сосудъ съ водою; пошептавши на воду и посмотрѣвши въ нее, объявляетъ, что въ домѣ хозяйничаетъ чужой домовый; онъ-то причина всѣхъ несчастій, онъ-то прогналъ мѣстнаго домового, который отдалился въ настоящую минуту и горько плачетъ, задивается горячими слезами по своему пепелищу. Его надо немедленно вернуть — и непременно.

Для этого колдунъ беретъ у хозяина дома край хлѣба, кусокъ сала и пару вареныхъ яицъ на отнoсь домовому; все это относится на распутье трехъ дорогъ. Домовой, отвѣдавши приношенія со своего двора, возвращается домой; подкрѣпившись пищей, онъ осиливаетъ наброжаго домового и прогоняетъ его; послѣ этого скотина начинаетъ поправляться и всѣ дѣла по хозяйству принимаютъ для хозяина благопріятный поворотъ. Если отнoсь не помогаетъ, колдунъ объясняетъ это тѣмъ, что приношеніе было слишкомъ мало, — надо отнести еще. А то знахарь беретъ воду изъ трехъ ключей и окропляетъ съ нашептываніемъ хлѣва, сообщая силы своему домовому и тѣмъ давая перевѣсъ надъ чужимъ, или просятъ сосѣда-хозяина положить на шулъ хлѣва отнoсь и отманить назадъ домового-насилъника.

Если въ полночь, во время всеобщей тишины и спокойствія, забраться въ хлѣвъ или овинъ, можно быть свидѣтелемъ драки домовыхъ, можно, пожалуй, принять активное участіе въ ихъ борьбѣ, только надо стараться не ошибиться и стать на сторону не чужого, а своего домового; а то, если обидишь хозяина, онъ воздастъ тебѣ сторицей.

Одинъ крестьянинъ ночью сидѣлъ въ овинѣ и разводилъ „теплѠ“, чтобы къ завтраму высушить хлѣбъ для молотьбы. Пригрѣвшись отъ огня онъ немного вздремнулъ. Вдругъ сквозь сонъ мужикъ услышалъ страшную возню на току и открылъ глаза. Тамъ дрались двѣ кошки. Крестьянинъ швырнулъ въ нихъ метлой; но въ ту же минуту кто-то ударилъ его по спинѣ лопатой. Боль ощущалась такъ сильно, что крестьянинъ еле-еле живой дотащился домой и съ тѣхъ поръ сталъ больнымъ человѣкомъ.

Кто же это нанесъ ударъ крестьянину?

Конечно, домовый, обернувшійся кошкой и обидившійся, что хозяинъ попалъ въ него метлой въ то время, когда онъ хотѣлъ побѣдить сосѣднаго домового.

И сами домовые любятъ вмѣшиваться въ людскую драку и ссору, принимая большею частію сторону хозяина. „Въ своемъ домѣ углы помогаютъ“, говоритъ пословица.

Бываетъ, что по ошибкѣ домовый беретъ сторону чужого. Иногда въ толкотнѣ, въ случаѣ паденія одного изъ толпящихся, и въ драгѣ, въ случаѣ неуспѣха и пораженія, домашніе съ неудовольствіемъ замѣчаютъ, пеня на домового: „Чортъ суиъ усѣ нашими, а ни чужими“.

Домовой вступается также за право старшаго во дворѣ: „идѣ старый варчить, тамъ богъ тарчить“; „Старага пубранка двару пупраўка“.

Брань старика, какъ мы видимъ изъ послѣдней пословицы, идетъ не во вредъ, а на пользу двору.

Домовой весьма чутко относится къ несчастью хозяина двора; кромѣ того, онъ дальнорокъ, ясновидящъ, и потому онъ часто предупреждаетъ домохозяевъ о всевозможнаго рода несчастьяхъ.

Передъ крупною бѣдой домовый плачетъ, стонетъ; въ полночь, среди всеобщей тишины, можно слышать такіе стоны; они служатъ печальнымъ предвѣстіемъ.

Домовой часто предсказываетъ будущее, извѣщая стукомъ въ дверь или стѣну избы; онъ же является передъ бѣдой или переселеніемъ хозяину или близкимъ его: роднымъ, слугамъ.

Иногда домовый-предсказатель душитъ спящаго, пребольно сжимая горло, а то онъ владетъ на него свою руку; если рука косматая и теплая—это къ счастью, прикосновеніе голой и холодной рукой предвѣщаетъ бѣду.

„Только что я легла“, рассказываетъ одна женщина: „и, помню хорошо, не спала; вдругъ слышу—отворяется дверь, и кто-то потихоньку пробирается къ постели, навалился на меня и начинаетъ душить. Я почему-то не испугалась и спросила у него, доброе или нехорошее предвѣщаетъ его появленіе—такъ совѣтовали мнѣ поступить—и получила отвѣтъ: недоброе! Вскорѣ послѣ этого у меня умеръ мужъ“.

Женщина страдала главною болѣзнію. Ночью видитъ: вошелъ въ избу старый другъ и прямо идетъ къ ней. Та, угадавъ, что это домовый, спросила его: „къ добру ты это пришоль или къ худу?“ Домовой отвѣтилъ: „къ худу!“ И вотъ глаза начали болѣть день ото дня все сильнѣе и сильнѣе. Теперь она сдѣлалась совѣмъ слѣпая и сама рассказывала про случившееся съ ней лѣтъ десять тому назадъ.

Если домовый молчитъ и не сообщаетъ человѣку ничего о предстоящей ему участи, домового можно допросить и узнать отъ него истину,—только стоитъ прибѣгнуть къ слѣдующему приему.

Если больной долго не выздоравливаетъ, и роднымъ хочется узнать, умретъ онъ или нѣтъ, то колдунъ совѣтуетъ сдѣлать такъ: самый близкій больного долженъ, садясь вечеромъ ужинать, взять небольшой кусокъ хлѣба и, откусивъ одинъ разъ, держать его въ крѣпко сжатомъ кулакѣ лѣвой руки

цѣлый ужинъ, а потомъ пойти на распутъе двухъ дорогъ и прилечь къ землѣ: если послышится плачь, то больной умретъ, а если веселое пѣніе, то, значитъ, больной будетъ здоровъ.

Есть натуры въ особенности склонныя къ предчувствіямъ. Анастасія Наумовна, Наѹмиха, какъ ее зовутъ мужики, женщина очень нервная. Наумиха увѣряетъ, что передъ смертью знакомаго или родственника ей часто является кто-то, стучится подъ окно и увѣдомляетъ о смерти родственника.

Разъ, сообщила мнѣ Наумовна, слышу сквозь сонъ: стучить въ окно кто-то, будто моя племянница:

— Тѣть, а, тѣть! атвари!

— Сейчасъ!—говорю.

Потомъ я спохватилась, что не надо неизвѣстному ничего ночью отвѣчать.

Можетъ быть, это видѣніе какое, подумалось мнѣ, я и замолчала. Потомъ сейчасъ послѣ этого стоять, наклонясь ко мнѣ, Арина Почкавиха (все, замѣтьте, присдавалось мнѣ):

„Кума Анастасья! Уставай: святыхъ несутъ“.

Я спрашиваю:

„Гдѣ? Что? Что ты это говоришь!“

А черезъ полчаса стучится въ дверь Софья Егорушкина и оповѣщаетъ, что Артемова жена приспала дѣвочку. Другой разъ тоже во снѣ стучится ко мнѣ женщина:

„Теть, отвори!“ Я молчу и не открываю. „А если не отворишь, другимъ разомъ найду“. Черезъ недѣлю заѣзжаетъ прохожій десятникъ и привозитъ больную женщину, а черезъ нѣсколько дней больная умерла. Послѣ стука въ окно мнѣ казалось, что должна умереть моя внучка, которая сильно хворала; умерла, да не та, на которую думалось.

Еще я жила на старомъ дворѣ. Дѣвочка моя была очень больна. Была темная осенняя ночь. Я пошла въ амбаръ за перинкой. Темно ни зги не видно. Вижу, что стоитъ среди двора кто-то такой бѣлый. Я не могла разглядѣть, женщина или муцина, только онъ стоялъ въ бѣломъ. Какъ будто морознымъ (вѣянемъ) потянуло на меня, ошибъ страхъ. Пришла въ хатку. И страшно мнѣ, и въ сонъ клонить. Сижу около больной дѣвочки и боюсь въ окно смотрѣть, а гляну случайно: все тотъ бѣлый стоитъ. Самой до смерти страшно, а дочери, небольшой дѣвочкѣ, сидѣвшей со мною, боюсь напугать ее. А она сама спрашиваетъ:

— „Мамъ, кто это въ бѣломъ стоитъ?“

Меня винуло въ сонъ. Передъ свѣтомъ его не стало. Дѣвочка моя, больная оспою, разъ утромъ взглянула, тѣмъ и жизнь кончила“.

Наклонность къ видѣніямъ Анастасіи сообщилась ея супругу Макару, Анастасія и Макаръ—натуры, представляющія полный контрастъ.

Анастасія женщина очень впечатлительная и тонко чувствующая. Характеръ у нея сильный и очень сосредоточенный; даромъ она слова не скажетъ. Съ дѣтства Анастасія прислуживала у господъ, ея языкъ и способъ выраженія нѣсколько отличенъ отъ крестьянскаго; рѣзкихъ выраженій она никогда не употребляетъ—стыдится. Никакихъ суевѣрій у нея нѣтъ, только передъ смертью родного или сосѣда ей кто-то въ бѣломъ приседаетъ и въ окно стучитъ, и заговариваетъ, точно знакомый человѣкъ. Мужъ Анастасіи Макаръ получилъ за свой характеръ прозваніе „шалѣный“. Макаръ смѣлъ и никакимъ суевѣріямъ не вѣритъ, называя ихъ прихотями и бабскими забабнами. Онъ страстный охотникъ и отличный ѣздокъ: его рысиные небольшіе сѣрые глаза и ночью въ темнотѣ дорогу разбираютъ. Жизнь обоихъ супруговъ сложилась сносно лишь благодаря настойчивости Анастасіи, умѣющей сдерживать порывы Макара и сумѣвшей мало-по-малу пересоздать буйный, почти сумасшедшій характеръ мужа. Теперь Макаръ не бьетъ Анастасью, чувствуетъ къ ней большое уваженіе и называетъ ее Синодчицей. Суевѣріе Анастасіи немного сообщилося Макару.

Макаръ, въ качествѣ ямщика, ѣхалъ порожнякомъ къ станціи. Не доѣзжая версты три, на мѣстѣ, называемомъ „половинникомъ“, онъ увидѣлъ женщину въ ослѣпительно бѣлой одеждѣ, „нельзя со снѣгомъ разобрать“.

Не только Макаръ, но и лошадь его испугалась—споткнулась отъ испуга, а у Макара отъ страха шапка съ головы свалилась. Макаръ окончательно поддался страху и гвалъ лошадей такъ сильно, что у нихъ ноотлетѣли подковы. На другой день около половинника нашли Макарову шапку. Объ этомъ Макаръ вспоминать не любитъ и очень сердится, когда обратятся къ нему съ вопросомъ:

«Макаръ, а что ты видѣлъ на половинникѣ?»

Крестьянка села Данькова Оекла Марковна, старуха лѣтъ шестидесяти, служить няней въ одномъ знакомомъ помѣщичьемъ семействѣ. Однажды вечеромъ Марковна подняла тревогу: какой-то человѣкъ, какъ ей показалось, стоялъ на крыльцѣ дома. По набраннымъ свѣдѣніямъ никто къ крыльцу не подходилъ—слѣда никакого около крыльца не было (дѣло было зимою) и всѣ домашніе въ то время были въ комнатѣ. Черезъ недѣли три въ томъ домѣ былъ покойникъ, Марковна тогда замѣтила, что тревогу она поднимала недаромъ, что дѣйствительно она видѣла, видѣла его (домового) передъ смертью одного изъ жильцевъ дома.

Та самая почтенная старушка, которая, какъ я писалъ выше, полагаетъ, что она по милости домового лишилась доброй части волосъ, эта старушка

видѣла другой разъ домового или, выразимся вѣрнѣе, испытала прикосновеніе его руки. Подошелъ онъ къ ней во время сна и положилъ на плечо руку, рука была теплая. Старушка невольно спросила: „къ добру или къ худу?“ Домовой отвѣтилъ: „Къ добру, къ добру, къ добру!“ Послѣ этого въ жизни старушки произошло много перемѣнъ.

Домовой является также передъ переселеніемъ хозяину или кому-нибудь изъ близкихъ его. Приводятъ примѣръ. Кучеру показалось, что хозяинъ его ходитъ по конюшнѣ, а хозяина въ то время и дома не было. Скоро хозяинъ переселился.

У народа существуетъ оригинальный взглядъ на присыпанье. Присыпанье младенцевъ народъ объясняетъ тѣмъ, что приспаннаго похищаетъ домовый, а вмѣсто него кладетъ чурбанъ. Женщина должна особенно опасаться седьмой и семнадцатой недѣли послѣ родовъ: если она въ это время ложась спать забудетъ перекрестить ребенка или, по неосторожности, произнесетъ слово „чортъ“, то черти возьмутъ ребенка, а вмѣсто него положатъ въ люльку „болванъ“ (обрубокъ дерева). Унесенные домовыми возвращаются тогда, когда на домовыхъ повліяютъ отнoсы и усердныя молитвы. И неохотно домовые возвращаютъ похищенныхъ. Присыпанье въ слѣдствіе такого взгляда на него не считается зависящимъ отъ неловкости матерей; въ немъ, по мнѣнію народа, есть что-то роковое, неизбѣжное. Одна крестьянка была несчастлива тѣмъ, что все присыпала своихъ дѣтей. Чтобъ не приспать свою старшую дочь, она не ложилась спать съ нею даже тогда, когда та спала уже взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, пріѣхала въ гости къ своей матери, которая ей и говоритъ:—“Дочушка, ни разу я съ тобой не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ!“ Та согласилась; къ несчастью, она и эту дочь приспала.

Похоронили ее, и мать долгое время была безутѣшна. Какъ-то, проливая слезы, она пошла въ поле и слышитъ голосъ: „Поди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣсню, стань въ притвори у дверей; въ это время будутъ выходить изъ храма всѣ черти, между ними будетъ стоять и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать. Женщина сдѣлала такъ, какъ повелѣлъ ей голосъ, и привела дочь свою невредимую“.

Въ вышеприведенной сказкѣ мы встрѣчаемъ безсознательное смѣшеніе домовыхъ съ чертями, хотя, какъ мы выше говорили, домового нельзя называть чортомъ и домовый мститъ, если называть его „чернымъ именемъ“.

Мнѣ случилось встрѣтить въ нашей мѣстности такой же взглядъ на смерть, какъ и на присыпанье. Взрослая дѣвушка, указывая дѣтямъ на тѣло

умершаго сказала имъ: „вашею родноу украли, а вмѣсто него покойника положили“. Чортъ или домовоу кладеть своихъ дѣтей въ пустую люльку. Считається грѣхомъ колебать пустую люльку; кто это дѣлаеть, тотъ колышетъ чорта. Кто, сидя, трясеть колѣномъ, тотъ тоже дѣлаеть нехорошо: „чорта тѣшитъ“, „чорта колышетъ“.

По мнѣнію народа, умершіе въ домѣ становятся домовыми этого дома. А такъ какъ домъ не можетъ быть безъ домового, то въ каждомъ ново-построенномъ домѣ кто нибудь да долженъ умереть и въ скоромъ времени: домъ безъ покойника не бываетъ. Люди пожилые не любятъ строиться, слѣдующа примѣтѣ: „какъ начнешь подъ старость строиться, такъ и помрешь, домъ обновить“.

Думаютъ нѣкоторые, что недавно умершій живетъ на кладбищѣ и сторожитъ кладбище, пока кого-нибудь не похоронятъ послѣ него; эти-то недавно умершіе и являются въ дома, гдѣ есть кандидаты, готовые смѣнить ихъ.

Около старыхъ крестьянскихъ усадебъ часто растутъ огромныя сосны, липы, березы и дубы; крестьяне берегутъ такія деревья изъ боязни навлечь гнѣвъ какого-то сверхъестественнаго существа, вѣроятно, домового, которому не нравится вырубка вѣковыхъ „подселибныхъ“ деревьевъ, измѣняющая видъ усадьбы. Въ селѣ Даньковѣ и деревнѣ Шаталовѣ ни одинъ крестьянинъ не рѣшится срубить старое дерево подлѣ дома или гумна, ибо многіе, рѣшившіеся на это, по преданію, или поумирали или долго были больны. См. «Смоленскій Сборникъ».

Не одними старинными усадебными деревьями дорожили крестьяне Смоленской губерніи. Какъ пишетъ Цебриковъ (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ). Они дорожили также огнемъ домашняго очага и его принадлежностями и связывали съ ними свое благополучіе:

„При устройствѣ новаго жилья, огонь переносится непременно со стараго очага: безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ и т. д., какъ это дѣлають переселенцы изъ Смоленской въ многоземельныя губерніи. При свадьбахъ, когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны вѣхаться въ домъ чрезъ огонь, который разводится предъ воротами, стр. 262.

На свадебныхъ булкахъ „курникахъ“, Сычевскаго и Бѣльскаго уѣзда дѣлается изображеніе пѣтуха, символа свѣта и огня, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, огня домашняго очага, прогоняющаго злыхъ духовъ мрака.

Я слышалъ также, что при переселеніяхъ крестьяне Смоленской губер-

ни запасались родной земелькой, взятой изъ усадьбы, и возили ее въ пла-точкахъ на чужбину.

— „Что это у васъ въ узелочкѣ?“

— Земелька, со двора земелька?

— „Для чего-жъ вамъ она?“

— Для здоровья спользительна. Переѣдешь въ другую сторонушку чужую—тамъ инѣи климаты, тамъ и вода для нашего брата большую уряджу можетъ дѣлать; а какъ всыпишь родной земельки въ воду, такъ никакая вода тебѣ ни почѣмъ.

Изумительная любовь у крестьянина Смоленскаго уѣзда къ своему домику, къ своей мѣстности, къ своей деревенькѣ. Ко мнѣ приходитъ часто по дѣламъ и такъ по знакомству мой кумъ и пріятель крестьянинъ деревни Самохатовки Яковъ Наливочкинъ. Мой кумъ очень любознателенъ; онъ часто разспрашиваетъ меня какъ живутъ въ Сибири, на югѣ Россіи и въ другихъ земляхъ. Чтò читалъ и чтò слышалъ, я рассказываю—рассказываю о земляхъ богатыхъ, съ климатомъ хорошимъ и теплымъ. Разговоръ обыкновенно оканчивается замѣчаніемъ кума:

— А усѣтаки, кумъ, я думаю, что супрати нашей земельки, супрати нашей мѣстности нїйдѣ во всемъ мірѣ ни найдешь.

Высшее счастье для домовитаго мужика нашей мѣстности орать свою земельку, водить пчелишекъ, да честно поминать своихъ предковъ, своихъ домовыхъ, справляя тризну на ихъ могилкахъ, съ краснымъ яичкомъ и доброй выпивкой, принося по достатку и горѣлочку и медокъ, пироги, лепешки, блины, кисель съ молокомъ, кашу гречкую, кашу просяную, лапшу, яешню, поросятину жареную, говядину отварную, кутью, квасъ, табачекъ, если предки были табаконюхи.

Перехожу къ описанію тѣхъ явленій, связанныхъ съ именемъ домовыхъ, которыя совершаются въ домѣ тогда, когда въ немъ есть покойникъ.

Иной разъ домовою, какъ будто помимо своей воли, причиняетъ людямъ безпокойство: въ домѣ ночью слышатся звуки, необъяснимые естественными причинами, происходятъ странныя свѣтотыя явленія: вдругъ покажется огонекъ, мигнетъ и исчезнетъ; нѣкоторымъ этотъ огонекъ виденъ, а другимъ нѣтъ.

Вотъ недавно Максимъ Антоновъ, крестьянинъ с. Данькова, слышалъ ночью подлѣ своей кровати шелестъ вѣника—мететъ кто-то подлѣ него хату, а никого не видно: луна въ достаточной степени, чтобъ разобрать свѣтила. Максимъ Антоновъ тотчасъ понялъ, что это домовою; однако, ему непріятно стало, будить домашнихъ не хотѣлось и стыдно было, онъ помялся, помялся на боку, почесалъ затылокъ, закурилъ трубочку и пошелъ на гумно.

Необыкновенныя явленія въ хатѣ происходятъ въ особенности тогда, когда въ ней лежитъ покойникъ, скоропостижно умершій, удавленникъ, убитый;—такіе покойники свята и чужимъ, и близкимъ, выясняя причину своей смерти, обиду или неудовольствіе на кого-либо. Это наводитъ страхъ на людей, находящихся вблизи мертвого тѣла.

Приказчикъ одного сосѣдняго имѣнія захотѣлъ на славу угостить своихъ рабочихъ. Одинъ работникъ до того напился, что замертво упалъ ницъ и больше уже не проснулся; такъ его и оставили лежать до прїѣзда становаго. Объ мертвомъ и забыли, продолжали пировать; раздавались веселые голоса подгулявшихъ.

Вдругъ послышался какой-то звукъ, „фурчанье“. На средину стола вылѣтаетъ къ сотрапезникамъ какая-то темная птичка и стала порхать возлѣ стола. Всѣ переглянулись; кто-то сказалъ, что это Масейки Иванова душа, хотя это и безъ того подразумѣвалось. Нашедся смѣльчакъ ловить эту странную птичку; нашлись другіе, которые стали ловить ее съ большимъ ожесточеніемъ. Птичка фуркнула подъ лавку и пропала безъ слѣда, а куда—неизвѣстно, хотя и щели, повидимому, никакой не было.

— „Вить ега кажанъ!“ (Летучая мышь).

— Какой те кажанъ—падъ пузымъ у яго свѣтлинъка!

Работники продолжали обѣдать, однако, безъ шума и веселаго оживленія.

Самоубійцы еще безпокойнѣе—тѣ не даютъ покою близкимъ, свята, а если ихъ оживить, какъ это иногда случается съ удавленниками, то за это мститъ, надобѣдаетъ лицу, спасшему удавленника, какая-то сверхъестественная сила, во свѣ говоритъ какой-то голосъ:

„Зачѣмъ ты его спасъ? Зачѣмъ ты его увелъ отъ насъ?“

Самоубійцы изъ народа часто лишаютъ себя жизни около гуменъ и бань, ближайшихъ къ двору построекъ, которыя народное воображеніе населяетъ хлѣвниками, домовыми, гуманными. Объ самоубійцахъ народъ говоритъ: „чорту баранъ!“ называя ихъ жертвой какой-то демонической силы, будто водимые демономъ они и наложили на себя руку. По мнѣнію крестьянъ Рославльскаго уѣзда, если повѣсившійся достаетъ ногами землю, то это значитъ, что чертъ веревку затянулъ.

Колдуны при жизни получаютъ вдохновеніе отъ домовыхъ. Послѣ смерти они не перестаютъ заявлять о себѣ и не даютъ близкимъ покою: вещи въ хатѣ сами двигаются, происходитъ какой-то странный шумъ, повидимому, безъ всякой причины.

Чтобы избавиться отъ прудѣлокъ хотя и близкаго домового, дсмашніе и родичи рѣшались проткнуть осиновымъ коломъ тѣло мнимаго колдуна во гробъ—послѣ этой мѣры хожденія домового по хатѣ прекращались. Покойная

вѣдьма Дундучиха изъ митюлей не давала житья невѣткамъ: тѣ застелютъ на ночь столъ скатертью и хлѣбъ положить, а въ утру все это очутится на землѣ; пробовала ужъ вѣдьма и на шеяхъ домашнихъ ѣздить.

Стали наблюдать ночью, кто дѣлаетъ безпорядокъ, и пришли въ заключенію, что это пошаливаетъ умершая хозяйка дома, вѣдьма, извѣстная во всемъ околоткѣ; она была похоронена на Шаталовскѣмъ кладбищѣ; пришли туда и съ заклятіемъ пробили вѣдьмѣ грудь осиновымъ коломъ. Тогда Дундучиха перестала шалить.

Умираетъ ли ребенокъ или старикъ въ крестьянскомъ семействѣ, умершаго безразлично называютъ „родителемъ“.

„Родителю“ оказываютъ такое же почтеніе, какъ и домовому и также боятся его.

„Родитель“, по вѣрованіямъ бѣлоруссовъ, принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбахъ потомка: въ дѣлахъ, въ жизни, даже въ малѣйшихъ мелочахъ его хозяйства. Но все равно, какъ и домового, бѣда разгнѣвать родителя.

Положимъ, у крестьянина пропалъ топоръ, околѣла скотина; все это, быть можетъ, произошло отъ того, что мужикъ подъ пьяную руку оскорбилъ родителя дурнымъ словомъ или поступкомъ, или на раданицу справилъ ему плохой поминъ.

У крестьянъ Порѣчскаго уѣзда существуетъ такого рода повѣрье: если крестьяне не почтутъ раданицы или другого какого поминовеннаго дня, то родители (т. е. покойники) разгнѣваются на такихъ хозяевъ и наплюютъ на ихъ дома различныя напасти: падежъ на скотъ, пожаръ и проч. По поводу этого у крестьянъ сложилась даже поговорка: „покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ“.

Домовые часто упоминаются въ народныхъ сказкахъ и разсказахъ, въ заговорахъ и пословицахъ; они играютъ большую роль въ обычаяхъ и обрядахъ; имъ отведено мѣсто и въ народномъ календарѣ.

Мнѣ не приходилось слышать обширныхъ сказокъ о домовыхъ; мнѣ сообщались коротенькіе разсказы и сказочки, якобы о дѣйствительно случившемся, и часто лицами, которыя будто самолично видѣли домовыхъ и знакомы съ ихъ продѣлками.

Но въ нѣкоторыхъ сказкахъ, записанныхъ мною, черти являются съ характеромъ домовыхъ: они награждаютъ добродѣтельныхъ и наказываютъ порочныхъ. Не позднѣйшая ли это замѣна домовыхъ?

Болѣзни скота по преимуществу и нѣкоторыя болѣзни человѣка гнѣчатся относами домовымъ.

Молятся домовому, когда человѣкъ заболѣетъ отъ притки. Приткой въ народѣ называется нечаянная случайность, отъ которой произошло заболѣваніе

человѣка, причѣмъ, большею частію разумѣется случай психическаго характера. Притка часто дѣлается отъ гнѣва, испуга, вліянія глаза, смѣха, переговора—отъ всего этого можетъ, какъ выражаются, попричиться. Человѣкъ вспылитъ, а потомъ ему совѣстно за сказанное или сдѣланное; послѣ повышеннаго состоянія духа является пониженное, является страхъ, тоска, уныніе—иной расхварывается, считая, что за брань и за неосторожныя слова домовые посылаютъ на него болѣзнь. О заболѣвшемъ параличемъ отъ горя или какогонибудь внезапнаго потрясенія говорятъ, что онъ захворалъ отъ притки.

При сильномъ испугѣ, слѣдствіемъ котораго является злокачественная горячка, бредъ, больного лѣчатъ относами. Для этого наговариваютъ хлѣбъ, катаютъ этимъ хлѣбомъ по тѣлу больного и въ полночь отправляются съ хлѣбомъ въ глушь или на перекрестокъ; тамъ бросаютъ хлѣбъ и, возвращаясь обратно, по возможности стараются не оглядываться.

Вообще тѣ болѣзни лѣчатся относами домовымъ, при которыхъ замѣчается бредъ, болѣзненное состояніе духа, когда больной, по бѣлорусскому выраженію, „трызнитъ“, т. е. бредитъ.

На горячки и лихорадки существуетъ особое воззрѣніе. Горячки и лихорадки олицетворяются, представляются въ видѣ существъ живыхъ; имъ приписываются нѣкоторыя свойства домовыхъ.

Это особыя существа, которыя ходятъ по свѣту и поражаютъ людей. Выбранную жертву они называютъ по имени. Бѣда, если кто, проснувшись, откликнется на этотъ зовъ, непременно заболѣетъ (Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи Соловьева).

И домовые, по обще-распространенному мнѣнію, окликаютъ спящихъ передъ бѣдой, передъ болѣзнью; отвѣчаютъ имъ что нибудь опасно,—можно только предложить вопросъ: „къ добру или къ худу?“

Считается безнадежнымъ такое состояніе больного, когда въ груди у него играетъ „колоколець“ (сильная хрипота), и когда больному въ бреду представляются умершіе родичи. „Затрызнилъ ужъ покойниками, покойниковъ сталъ пригукивать, скоро самъ отправится къ родителямъ; знать, надо готовиться къ похоронамъ—шить рубаху“.

Лишайную сыпь, коросту лѣчатъ относами домовымъ. При чемъ замѣчено, что тотъ, кто поднимаетъ на перекресткѣ относимую вещь, неизбежно переноситъ на себя и болѣзнь. Въ Краснинскомъ уѣздѣ на перекресткахъ приходилось видѣть: горшки, узелочки съ наговореннымъ хлѣбомъ, вѣники, брошенные при проносѣ покойниковъ, старыя мѣдныя кольца, бѣрки, т. е. кусочки дерева съ вырѣзанными значками. Рѣдкій человѣкъ отважится взять въ руки эти вещи.

Объ исцѣленіи отъ ревматизма также упрасиваютъ домовыхъ. Въ сельцѣ

Кучеровѣ, Ельнинскаго уѣзда, если человѣкъ заболѣваетъ вдругъ ломотой, то это находятъ, что онъ попалъ въ слѣдъ домового или лѣсового. Эту болѣзнь крестьяне с. Кучерова называютъ приткой. Лѣченіемъ отъ внезапной ломоты, отъ остраго ревматизма служить нашептанная знахаремъ вода, иногда и зерна разныхъ хлѣбовъ.

Это дѣлается такъ: больному даютъ мыться нашептанной водой нѣсколько зорь, напр., три, шесть, девять и двѣнадцать, иногда и обсѣваетъ его знахарь съ извѣстными словами. Мѣстомъ обсѣванья служить берегъ рѣки или ручья. Относять отnose, небольшой краецъ хлѣба, посыпанный солью и завернутый въ чистую вѣтѣшку.

Относы домовымъ, лѣсовымъ, полевымъ, моховымъ и водянымъ кладутся на перекресткахъ дорогъ: въ полѣ, на лугу или въ лѣсу; по мнѣнію народа, около этихъ пунктовъ собираются всѣ дѣхи, боясь двигаться впередъ, не рѣшаясь перешагнуть крестное знаменіе. Если идетъ по дорогѣ человѣкъ съ мыслями суетными, въ него входятъ домовые, лѣсовые или черти (домовыхъ, лѣсовыхъ часто называютъ народъ чертами) и слѣдуютъ далѣе, куда имъ нужно.

Въ южной части Рославльскаго уѣзда, къ Черниговской губерніи, въ Прыщевской волости, на перекресткахъ дорогъ становятся деревянные кресты, въ которые вдѣлываются иконы.

Кресты воздвигаются, по общаю, лицами, избавившимися отъ тяжкаго недуга или какой нибудь опасной случайности.

Въ народныхъ календарныхъ обрядахъ домовые играютъ большую роль.

Во всей Смоленской губерніи, особенно передъ постами во время заговинъ, домовыхъ призываютъ, кладутъ имъ относы, приношенія, называя ихъ и домовыми, и родителями.

У нѣкоторыхъ, особенно старыхъ хозяевъ Порѣчскаго уѣзда, существуетъ такой обычай. На заговинны, передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ ужинать, хозяинъ съ хозяйкою идутъ на дворъ, становятся у воротъ и говорятъ:

— „Царь домовый, царица домовица, съ малыми дѣтками, милости просимъ съ нами заговлять“.

При этомъ, не крестясь, кланяются до земли на всѣ четыре стороны и возвращаются въ хату ужинать. Поужинавъ, оставляютъ на столѣ кушанье и посуду, покрываютъ все это скатертью, для того, чтобы домовому съ домовихой было чѣмъ заговѣть. Нѣкоторые хозяева также поступаютъ и на Христовъ день и на Рождество.

Въ селѣ Тесовѣ, Сычевскаго уѣзда, 14 ноября, на заговинны выносятъ на дворъ закуску домовому, для того, чтобъ водился скотъ. Въ селѣ Даньковѣ, Смоленскаго уѣзда, угощеніе домовому ставится на верѣ, на шулъ, поддерживающемъ ворота.

Какъ мы уже сказали выше, чужой домовой вытѣсняетъ иногда своего, а домъ безъ своего домового существовать не можетъ, по крайней мѣрѣ, хозяйство не можетъ идти успѣшно. Чтобы приманить изгнаннаго домового и оградить хлѣвъ или домъ отъ наброжаго хлѣвника, знахари кропятъ дворъ водою, а на воротахъ ставятъ дѣдовникъ; это обыкновенно дѣлается наканунѣ Ивана Купала.

Нѣкоторые хозяева села Данькова, въ старину, вѣшали на углахъ хлѣва или конюшни различные амулеты: медвѣжью шерсть, медвѣжьи когти, головы, для того, чтобы скотъ велся хорошо, былъ сытъ и гладокъ, чужого глаза и насыльныхъ домовиковъ не боялся. Медвѣдники, водившіе медвѣдей въ старину, предлагали домохозяйевамъ поскуеть Мишку и воспользоваться его шерстью, какъ отличнымъ симпатическимъ средствомъ, а въ замѣнъ выпрашивали у хозяевъ для себя и Мишки угощенія: меда и хлѣба.

Есть безпкойные дворы, въ которыхъ, по милости насыльныхъ домовиковъ, и хозяйничать, и жить нельзя.

Я спрашивалъ у крестьянъ, могутъ ли знахари водворить спокойствіе въ такихъ домахъ. „Иногда могутъ, а иногда нѣтъ. Вотъ, если хозяинъ не отдастъ плотникамъ заслуженной платы, и они подшутятъ надъ домомъ, такъ ничего ужъ нельзя подѣлать: въ домѣ томъ никто жить не будетъ“.

Отъ г. Пряжевскаго, въ Смоленскѣ, я узналъ, въ чемъ состоитъ заклятіе плотниковъ.

Плотники, разгнѣвавшіеся на хозяина, вырубаютъ деревянную куколку и владутъ на третій вѣнецъ со словами:

„Титивинь, титивинь! Кто здѣсь будетъ жить, не давай ни днемъ, ни ночью покою, покажѣтъ тебя не одѣнутъ, не обуютъ и въ воду не пустятъ“.

У народа еще есть повѣрье, что хлѣвъ не можетъ существовать безъ змѣи. Часто скотники жалуются, что скотину укусила змѣя, и заявляютъ, что надо позвать знахаря. Иногда скотники жалуются, что ихъ самихъ укусила змѣя, когда они поворачивали солому и давали кормъ скоту; это не своя змѣя укусила, а чужая; а своя дворовая змѣя, та своего скотника и свой скотъ ни за что не укусятъ.

Главные домовые, царь домовой и царица домовица, распоряжаются не только дома, но и въ хлѣву, и въ банѣ, и на гумнѣ; но есть подчиненные имъ второстепенные домовые: банный, хлѣвникъ, гуменный (объ нихъ я буду говорить ниже).

Домовой любитъ мыться въ банѣ и париться вѣнникомъ. Въ полночь можно услышать иногда, какъ онъ крехтитъ на полѣв и сѣчетъ себя вѣнникомъ; въ это же время онъ дѣлаетъ замѣчанія относительно хозяйства, которыя хозяину не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію.

Издревле въ Смоленской губерніи существовалъ обычай, приуроченный къ чистому четвергу Страстной недѣли. Моются въ банѣ до восхожденія солнца, говоря, что и воронъ передъ этимъ днемъ купаетъ своихъ дѣтей. Нѣкоторые, отправляясь въ баню (лазню), берутъ съ собою маленькій камушекъ и становятся на него правою ногою во время обдаванья, камень этотъ сохраняютъ иногда до будущаго года. Выходя на полокъ, приговариваютъ: „хрещеный на полокъ, нехрещеный съ полка“. Выходя изъ бани, оставляютъ на полкѣ ведро воды и вѣнчикъ для „хозяина“ и, перекрестившись, произносятъ: „цебѣ, баня, на стоянье, а намъ на здоровье“.

Не разъ, бродя по живописнымъ берегамъ Хмары и Сожа, я находилъ курганы и городки, довольно большія возвышенія, имѣющія форму треугольника.

Въ курганахъ и городкахъ откапывали кости павшихъ воиновъ и военныя принадлежности: копья и стрѣлы.

Въ нѣкоторыхъ городкахъ жили и, по мнѣнію народа, сейчасъ живутъ богатыри. Богатырь Руднянскаго кургана—другъ и пріятель Городчанскому богатырю, своему ближайшему сосѣду; сосѣди перебрасываются табачными рожками. Руднянскій богатырь понюхаетъ табачку изъ рога и бросаетъ рожекъ съ табакомъ Городчанскому богатырю; Городчанскій отвѣчаетъ Руднянскому тѣмъ же. Акулинскій и Холощевскій богатыри—сосѣди и друзья-пріятели; они перебрасываются топорами.

Въ разговорномъ языкѣ народъ часто упоминаетъ имя домового, водяного, лѣсового, мохового и полевого.

О человѣкѣ, который самъ не спитъ и людямъ спать не даетъ, говорятъ: „ходить какъ домовый, ходить какъ не прикаянный!“

Охотникъ подходилъ къ вятютнямъ, сидѣвшимъ за копою хлѣба, и неожиданно показался и выстрѣдилъ около бабы, жавшей рожь и не замѣчавшей стрѣлка.

— „Ахъ, ты домовый! Какъ перепужалъ ты меня!“ —жаловалась испуганная баба.

Съ бабой случилась бѣда; она разсуждаетъ со своей подругой о постигшемъ ее горѣ.

— „И за что это на меня такая бѣда „навѣдilisъ?“ Ти домового, ти водяного, ти лѣсового ти мохового я разгнѣвала?“

Другая баба отвѣчаетъ: „Да, кумушка, роптаться не слѣдуетъ; коли живется, такъ модѣй и модѣй (живи понемногу); а прогонишь бога ти въ лѣсъ, ти въ мохъ, ти въ болото, не скоро его упросишь, не скоро его замолишь“...

— „Да ти ропталась же я, кумушка?..“
(и т. д.).

Разказы, слышанные въ дѣтствѣ, сообщаютъ суевѣрное направленіе уму, отъ котораго въ послѣдствіи трудно отдѣлаться. Одинъ семинаристъ сообщилъ своимъ товарищамъ, что онъ видѣлъ домового въ образѣ отца своего, несшаго мѣшокъ съ овсомъ кормить лошадей.

Общераспространенное повѣрье или, какъ выражаются, симпатія, если потеряешь какую нибудь вещь въ домѣ, чтобы найти ее, надо завязать черту (вѣрно домовому) бороду; завязать узелокъ въ платкѣ.

Вѣрованія въ домового принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ и крѣпкимъ вѣрованіямъ народа.

Многія суевѣрія и обряды, сопровождающіе домашнія и полевые занятія крестьянина тѣсно связаны съ именемъ домового.

Въ своихъ отношеніяхъ къ роднымъ, сосѣдямъ, чужимъ, крестьянинъ сообразовался съ извѣстною моралью, боясь разгнѣвать домового, насылающаго разнаго рода болѣзни и подающаго исцѣленіе отъ нихъ.

Не смотря на капризы и надоѣдливость домового, крестьянинъ полагаетъ, что безъ его присутствія въ домѣ порядка не будетъ, и хозяйство успѣшно вестись не можетъ.

Подъ вліяніемъ христіанства домовые постепенно изглаживались изъ народныхъ воззрѣній и становились силой темной, „чертами“; съ другой стороны, характеръ ихъ пересоздавался и приспособлялся къ новымъ апокрифическимъ воззрѣніямъ.

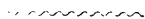
Въ сказаніяхъ о домовыхъ мы встрѣчаемся съ противорѣчіями. Домовые являются только набожнымъ и кроткимъ людямъ; отъ нихъ получаютъ свое вдохновеніе и творятъ свои добрыя дѣла знахари.

Другое о домовыхъ мнѣніе. Домовые—черти; съ ними водятся и при помощи ихъ колдуютъ колдуны, запродавшіе душу черту, отрекшіеся отъ христіанства и всего добраго. Домовые принадлежатъ къ непокорнымъ ангеламъ, низвергнутымъ Богомъ съ неба.

Домовые ходили на небѣ по пятамъ Бога, во все мѣшались—Богъ ихъ и прогналъ съ неба.

Но не по хорошему милъ, а по милому хорошъ, говоритъ пословица;—въ народѣ постоянно жило стремленіе облѣпить домового и избавить его отъ нареканій. Не этимъ ли объясняется его двойственный характеръ?

В. Н. Добровольскій.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ по народной медицинѣ

Ужурекской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ.

СБОРНИКЪ

народно-медицинскихъ средствъ.

Той же волости.

Внезапный случай недомоганія ребенка, его якобы безпричинныя безпокойства, выражающіяся въ рѣзкомъ и перемежномъ или безпрестанно ноющемъ крикѣ, безсонницѣ, непріятіи груди и проч., по мнѣнію деревенскихъ бабушекъ-повитухъ и лѣкарокъ, происходятъ вслѣдствіе испуга, дурного глаза, озѣвица и т. п. побочныхъ явленій, которымъ, онѣ полагаютъ, такъ часто и легко подвергаются дѣти въ младенческомъ періодѣ.

Все дѣло заключается въ томъ, что въ окружающей средѣ всегда найдется не мало людей съ явными физическими недостатками, въ родѣ «косоглазыхъ», «двоглазыхъ», «двоезубыхъ»..., упоминаемыхъ въ наговорахъ, которые какъ-то фатально, вопреки своимъ желаніямъ, одной встрѣчей или присутствіемъ наводятъ страхъ, урочать и портятъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Они являются, такимъ образомъ, невольными разносителями признаваемыхъ народомъ «уроковъ, страховъ, призоровъ, переполоховъ и всѣхъ людскихъ озѣвищей», что передается ими ближнимъ своимъ и даже животнымъ какимъ то непостижимымъ путемъ. Они растраниваютъ сватовства, портятъ «свадебныя поѣзда» и вообще вызываютъ всѣ житейскія невзгоды.

Къ этой категоріи «недобрыхъ людей» относятся народомъ субъекты, которые, будучи по внѣшнему обличью вполне нормальными, способны, однако, завидывать всему на свѣтѣ, выражая зависть или недовольство, смотря по натурѣ, то громогласно, то про себя, нѣмымъ выраженіемъ глазъ, во взглядѣ которыхъ засвѣтитса что-то такое неулловимо-непріятное, отъ чего у другого, обратившаго на это вниманіе, «передернѣтъ какъ-ту, панѣтъ не добрымъ на мысли, заползетъ гадinou на сердце; человекъ раздумается и размножится. Отъ такого «нецутяго, недобраго глаза» человека, равно какъ и отъ «косоглазаго» или «колдуна и колдуницы» и прочихъ преднамѣренныхъ и ненамѣренныхъ губителей людскихъ «не жди добра: перейдетъ-ли кто изъ нихъ дорогу, когда проходишь, ѣдешь-ли куда по дѣлу, озѣвать ли тебя, ну ужъ быть бѣдѣ»... И далѣе обыкновенно присовокупляется цѣлый рядъ подобающихъ иримѣровъ, перенесен-

танных сампмъ или слышанныхъ разсказчикомъ, которые подтверждаютъ, якобы, справедливость нареканій на неприятныя и опасныя встрѣчи съ «недобрыми людьми».

Такъ какъ, по поговоркѣ,—«не влѣзешь въ душу каждаго»,—признается не всегда возможнымъ опредѣлить, что думаетъ о тебѣ или что затѣваетъ противъ тебя другой кто, то неизбежно приходится къ такого рода заключенію: во 1-хъ) не слѣдуетъ громко хвалиться удачей въ дѣлахъ, хорошимъ здоровьемъ и т. д., чтобы не вызвать въ слушателяхъ дурныхъ страстей; во 2-хъ) не должно переходить дорогу или перѣзжать съ пустымъ возомъ, когда видишь, что ѣдутъ на пашню сѣять, везутъ кладъ, идутъ свататься и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ отношеніи нарушителей второго пункта вѣками освященнаго обычая дозволяются болѣе вразумительнаго свойства мѣры, чѣмъ простое напоминаніе о немъ окрикомъ, крѣпкимъ словомъ, можно пускаться въ ходъ «бичикъ» (кнутъ) и творить кулачныя и палочныя расправы, отъ которыхъ остается «память надолго». Слѣдуетъ также избѣгать встрѣчь съ завѣдомо «недобрымъ человекомъ» или виѣшне-сходнымъ съ тѣмъ, кто относится къ разряду таящихъ въ себѣ дурныя свойства порчи, уроковъ и другихъ людскихъ озвѣщій; слѣдуетъ выворять ихъ изъ своего круга: при свадебныхъ пиришествахъ, роженъ и т. п. обычныхъ житейскихъ дѣлахъ и чрезвычайныхъ событіяхъ; самое удаленіе производить безъ явнаго насилія и грубаго слова; лучше же «уотчивать какъ слѣдъ» (угостить), чтобы не раздражить и не навлечь на себя ихъ мести.

Существуютъ, кромѣ того, еще такіе «знатки люди»,—колдуны и колдунницы,—что въ силахъ «испортитъ каждаго однимъ наговоромъ, либо нитьемъ, како изладить (приготовить), отъ котораго все можетъ приключиться; не уважь-ко ихъ, попробуй, спованься, да поздно,—полѣзешь на стѣну, либо какъ иноко» (Смъ «порча», отд. I).

Средства борьбы крестьянства съ невидимымъ и видимымъ зломъ, принимаемымъ всѣми «недобрыми и знатными людьми», болѣею частью симпатическаго характера и выливаются въ форму «наговоровъ». Эги, въ свою очередь, подраздѣляются на: а) наговоры отъ «уроковъ и т. п. озвѣщій», в) заговоры крови и т. п., с) порчи, д) приговоры, е) присушки, f) отвороты, g) отпуски и на все проч., что составляетъ плоть оригинальныхъ измышлений деревенскихъ «шептухъ» и «шептунювъ».

Каждый наговоръ, будь онъ отъ урока, или чего другого изъ числа «людскихъ озвѣщій», заговоръ-ли и т. д., заисключеніемъ такъ называемыхъ «приговоровъ» выговариваемыхъ вслухъ, произносятся лѣкарями и лѣкарками тихо-шепоткомъ. Отдѣльно взятая шептанья или нашептыванья, органически отличнаго отъ наговора не имѣется: шептанье или нашептыванье—это шепотомъ произносимый наговоръ. Онъ составляетъ содержаніе всякаго шептанья. Эту нераздѣльность содержанія наговора отъ единственнаго способа произношенія его, именно шепотомъ, признають сами лѣкаря и лѣкарки, именуемые довольно часто шептунами и шептухами *). Тѣ и другія въ видахъ соблюденія интересовъ своихъ и для поддержанія своего «духтарскаго» престижа стараются облечь свои лѣченія по возможности болѣею таинственностью, которая такъ неотразимо-внушительно дѣйствуетъ на темныя умы народа. Разумѣется, они не станутъ наговоръ, самую существенную часть своихъ лѣченій, обнаруживать передъ ушами больной и окружающихъ его, не станутъ произносить громко гласно: больной и присутствующіе (изъ семейныхъ кто или постороннихъ), слыша, запоминали бы наговоръ—учили бы. Между ними могутъ оказаться старше лѣтами самой лѣщащей, которыхъ не полагается обучать этому словесному искусству. Въ такомъ случаѣ, цѣлебная сила ея наговора пропадетъ, больной не получитъ облегченія недуга на общемъ основаніи, что, какъ говорится, «польги не будетъ отъ наговора, коему научишь старше себя».

Нашептывать наговоръ шептухъ приходится еще и по другой необходимости, какую надлежитъ ей строго выполнять, иначе она рискуетъ «все позабыть». По общепринятому правилу, передавая—уча наговору, кромѣ соблюденія вышесказанной предосторожности, она обязана, во избѣжаніе печальнаго исхода «все позабыть» брать въ ротъ

*) Обладатели большого запаса наговоровъ, которыми сопровождаютъ свои лѣченія.

щепочку или соломинку—«отговоръ», чего ни одинъ лѣкаръ, ни лѣкарица не практикуютъ, когда наговариваютъ больнымъ или надъ надобьями. Нашептыванье—шептанье наговора—дѣлаютъ излишней и эту предохранительную мѣру и легко спасаетъ щепухъ отъ неизбѣжной участи «все позабыть».

«Ежели упанѣтъ и испужатся дитѣ малое, говорить Ал. Ананьина, то принесутъ и просятъ: «Дѣва пошончи! Убилося, можь». Шопчешь—наговоръ наговаривашь. Отъ уроковъ полѣчить просятъ: «Дѣва поладь! Чего-то не спить, куксится»... Ладишь на воду, либо на что друго шопчешь—наговаривашь».

Примѣръ старшихъ убѣдительно дѣйствуетъ на подрастающее поколѣвие деревни. Любой мальчикъ, любая дѣвочка, спрошенные на этотъ счетъ, расскажутъ, что ихъ лѣчили отъ уроковъ, цвѣта и т. п. при помощи наговоровъ, разноколиберныхъ надобьевъ и другого прочаго. Ежедневно они видятъ, какъ разныя старухи «ладать» и «шепчуть» надъ ихъ братьями и сестрами; что и отцы и матери во время своихъ «болѣстей» то и дѣло прибѣгаютъ къ содѣйствию такихъ же «знаткихъ людей»¹⁾.—Когда мальчикъ выростетъ и станетъ отцемъ семейства, не будетъ ли соглашаться съ утверждениемъ жены, что «ребенокъ разгорѣлъ и не спить съ глазу недобраго человѣка» и пр.? И развѣ мать не повторяетъ слова и мнѣнія, запечатлѣвшіяся въ ея памяти еще съ дѣтства, какія, поддерживаясь подобнаго рода увѣреніями окружающихъ и собственными совѣщаніями ея съ «знаткими людьми», наконецъ окрѣпли и вылились въ твердую увѣренность, непоколебимое убѣжденіе, обоснованное понятными для нея причинностью и доказательствами?

«Наговорами научать можно только моложе себя, иначе польги (пользы) не станетъ отъ тебя; а учишь, надо надѣтъ себѣ на шею крестъ, ежели его не было, въ ротъ взять щепочку либо селименку отговоръ, започить, иначе все позабудешь».

Повѣрье Ужурской вол.

Запретительная система, касающаяся передачи подобныхъ знаній, видимая въ этомъ повѣрѣ, мнѣ кажется, есть ничто иное, какъ простая отговорка, въ глубокой древности оставленная въ народѣ кѣмъ нибудь изъ «знаткихъ людей» ради корыстолобиваго расчета, или подъ давленіемъ общихъ стѣсненій и преслѣдованій, какимъ подвергались нѣкогда всѣ, имѣвшіе несчастье выдать себя за знахаря или знахарку. Ненависть народа къ «колдунамъ и колдунницамъ», съ которыми отождествлялись часто самыя безобидныя собиратели лѣчебныхъ травъ, строгость административныхъ взыска-

¹⁾ Дворянская среда и та не свободна отъ совѣщаній съ деревенскими «знаткими людьми». Даже бывають примѣры, что кто нибудь изъ ея членовъ принимаетъ на себя роль «знахаря» и лѣчить своихъ привилегированныхъ пациентовъ далеко не привилегированными медикаментами по всѣмъ правиламъ, позаимствованнымъ отъ знакомыхъ деревенскихъ лѣкаря или лѣкарицы.

Въ равнѣмъ дѣтствѣ, напр., оставленный безъ присмотра сидящимъ на столѣ, я упалъ на полъ и довольно тяжело ушибъ грудь. Меня возили къ знахаркѣ одной прѣгородней деревнюшки, и та «выливала переполохъ» изъ меня. Нѣсколько поздѣе сердобольная хохлуша,—хозяйка крестьянина д. Жихоръ (въ 8 вер. отъ г. Харькова), у котораго я гостилъ, водила меня къ другой знахаркѣ, когда у меня болѣли зубы; эта очерчивала ножемъ голову и скулы, а на большой зубъ положила затѣмъ кусочекъ ладоны, предварительно пошептавъ на него.

Въ половинѣ 70 годовъ, въ д. Войтова, по Богуновскому переулку, г. Харькова, жила г-жа Бондарева, родовитая дворянка. Она наговаривала на воду, которой лѣчила отъ лихорадки. Докторъ Зарубный, нынѣ, кажется, профессоръ Харьковского университета, въ одну изъ своихъ поѣздокъ на Кавкаскія минеральныя воды бралъ съ собой бутылки съ наговоной водой отъ г-жи Бондаревой. Съ какой цѣлью уже не помню?

(Изъ лич. воспоминаній и знакомствъ).

ній того времени, примѣнявшихся къ послѣднимъ по поводу малѣйшаго намека на сношенія ихъ, якобы, съ нечистой силой, заставляли разношерстную толпу знахарей, чародѣевъ, кудесниковъ и т. п. «знатныхъ людей» скрываться по лѣснымъ трущобамъ въ избушкахъ на «куриныхъ ножкахъ», а свои занятія, наговоры и зелья-надобья содержать въ строгой тайнѣ.

Прошлое не сравнишь съ настоящимъ. Многія преданія старины отошли въ вѣчность. Если и повторяется одно изъ нихъ, имѣющее отношеніе къ условіямъ передачи наговоровъ, то безъ особой вѣры въ его значеніе, можно сказать, чисто механически, и всегда уступаетъ ничтожному вознагражденію, въ другомъ случаѣ чувству дружескаго расположенія и сознательному сочувствію дѣлу собиранія наговоровъ и прочаго. Матеріалы по народной медицинѣ со сборникомъ включительно могутъ служить лучшей иллюстраціей высказаннаго сейчасъ положенія.

Наговоры обладаютъ жизненностью, имѣя въ лицѣ шептухъ, неизмѣнныхъ хранительницъ своихъ, вербующихъ среди молодого поколѣнія постоянныхъ и надежныхъ адептовъ. Ихъ будущее, такимъ образомъ, обезпечено. Они лишаются своей притягательной силы, когда истинное просвѣщеніе войдетъ могучимъ потокомъ въ жизнь «темной массы» и предоставитъ ей положительныя знанія взамѣнъ нынѣшнихъ суевѣрій и предрассудковъ, которыми не мало таки связывается свободное направленіе мысли нашего народа. Освѣженный умственно, онъ стряхнетъ съ себя вѣковую рутину и навсегда потеряетъ интересъ къ наговорамъ и т. п. бабушкинымъ сказкамъ.

Теперь нѣсколько словъ о самыхъ рачителяхъ народнаго здоровья.

Бабушка-повитуха,—женщина, занимающаяся народнымъ акушерствомъ,—обязательно должна быть и на самомъ дѣлѣ бываетъ лѣкаркой; но не каждая лѣкарка можетъ «бабничать»,—быть въ одно и то же время повитухой. Бабничанье есть какъ бы своего рода призваніе, которому слѣдуютъ немногія изъ крестьянокъ. Зато повитуха занимаетъ самое почетное мѣсто въ крестьянскомъ обществѣ; ея званіе и родъ занятій совершенно отличны отъ званія и дѣятельности обыкновенной лѣкарки. Въ свою очередь, лѣкарки имѣютъ подраздѣленія сообразно роду болѣзней и основнымъ приемамъ лѣченій. Одна «добрая шептуха» и наговариваетъ отъ «всѣхъ людскихъ озѣвищей»; другая «ладитъ на воду» или «носитъ на зорю» только отъ одного изъ нихъ—урока, переполоха и т. п.; та очерчиваетъ горло; иная востоправкой является, или «хорошо ищетъ языкомъ» соринны въ глазахъ; есть такія, что лѣчатъ отъ «опасной боли», «желтуницы», «волоса» и т. п. «болѣстей».

Надо замѣтить, лѣкарей сравнительно меньше, чѣмъ лѣкарокъ. Въ общемъ они составляютъ тотъ наличный медицинскій персоналъ историческо-народнаго происхожденія, которымъ крестьянство обходится въ своемъ домашнемъ обиходѣ.

Большинство деревенскихъ «духтаровъ» и «духтарокъ», какъ часто именуютъ ихъ въ шутку, безъ сомнѣнія, люди добрые, обходительные и словоохотливые. Это живыя книги деревенскихъ новостей и разнообразныхъ примѣровъ изъ прошлаго и настоящаго людской жизни. Имъ лѣкарка, напр., охотно дѣлится съ своими взрослыми паціентами и домочадцами ихъ. Она передастъ массу подходящихъ фактовъ заболѣваній и необычныхъ выздоровленій, приводящихъ больного къ мысли, что его болѣзнь не есть исключительно его собственная принадлежность; что подобной напасти, связанной съ неизбѣжными физическими страданіями, подвержены всѣ вообще люди, живущіе на бѣломъ свѣтѣ; что «печаловаться» все же нечего, такъ какъ тому-то «полегчало» отъ того-то, а тотъ-то совсѣмъ «оздоровѣлъ». Слушатель или слушательница смиряются передъ «обчимъ горемъ». Въ ихъ души заронена искра надежды... Они съ сердечнымъ замираніемъ начинаютъ слѣдить за подготовительными манипуляціями лѣкарки, шепчущей наговоръ надъ водой, масломъ и т. п. Пьютъ приготовленные ею надобья, смазываются мазями, лежатъ съ накинутымъ на путь горшкомъ... проникнутые вѣрою въ скорое избавленіе отъ своей болѣзни. Но какое множество бываетъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ!

Деревенскіе эскулапы по своему ревностны въ своихъ занятіяхъ.

Лѣкарка Степанида Ананьина, лѣчащая наговорами отъ уроковъ и цвѣта, всегда послѣ лѣченія сама хварать день-другой; зато, по общему признанію, «зався отъ нея польга бывать робятамъ». Михайла Ананьина, который водитъ на зорю отъ 2-хъ лихорадокъ, «самого трясеть, потомъ и загоняетъ на печь». Эти увѣренія, переданныя Ал. Ананьиной, и другія подобныя имъ, дали поводъ населенію вывести, между прочимъ заключеніе, что «болѣсть иногда переходитъ на того, кто лѣчитъ».

Ихъ лѣкарскія услуги дешевы въ смыслѣ малой величины мзды, взимаемой ими за свои труды.

За пособіе, напр., родильницѣ и младенцу, которымъ повитуха топить три бани, править и моетъ ихъ, а подчасъ замѣняетъ родильницу, при ея «одиночествѣ», въ стряпнѣ и вдобавокъ моетъ пеленки, она остается довольна, если получить за свои хлопоты три аршина ситцу на рукава, что на деньги составитъ 45—60 коп.; за менѣе сложныя услуги лѣкарка возьметъ сито муки и прочее, что найдется въ крестьянскомъ хозяйствѣ; сносить на зорю за одно угощеніе чаемъ, а то просто за спасибо, да еще спустя время прибѣжить «попровѣдать» больного, принесть вѣсточку и успокоить. Часто слово ласковое для больного бываетъ дороже лѣкарства, какъ говорится.

Возможны, конечно, исключенія изъ общаго правила, и бывають примѣры заправскаго шарлатанства и злостнаго обираія народа ихъ лѣкарями. Но въ руки шарлатановъ попадаетъ не одинъ темный людъ. Они обирають и низводятъ въ могилы людей съ наилучшими жизненными средствами и стоящихъ нерѣдко на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, доказательствомъ чего можетъ служить надѣлавшая въ свое время столько шума смерть петербургскаго градоначальника Грессера.—За этими исключениями, все же остается вѣрнымъ утвержденіе, что личныя человѣческія достоинства присущи большинству «знаткихъ людей» деревни. Вкратцѣ обрисованныя выше положительныя качества простонародныхъ лѣкарей и лѣкарицъ, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ благородствѣ побужденій ихъ, между тѣмъ, упускаются какъ-то изъ виду, когда принципиально рѣшается вопросъ о цѣлесообразности существованія этихъ добровольныхъ и нетребовательныхъ слугъ страждущаго крестьянства ¹⁾.

С. Казачинское.
16 Апрѣля 1895 г.

¹⁾ Свои поясненія, относящіяся къ нижеслѣдующимъ «наговорамъ», я помѣтилъ гodomъ и числомъ. Въ ноябрѣ того же 1895 г. мнѣ довелось прочитать статью Вл. Бирюковича—«Народная медицина» («Руск. Мысль», кн. IV, 1893 г.). Черезъ нее я познакомился со взглядами на народную медицину проф. Рейна и д-ра Кондратовича. Мнѣ пріятно, что по существу вопросовъ объ извѣстной дои цѣлесообразности народно-медицинскихъ средствъ и чистотѣ нравственныхъ побужденій практикующаго большинства народныхъ лѣкарей и лѣкарокъ, я совершенно случайно приблизился къ ихъ обобщенному призванію перваго и втораго вопроса въ положительномъ смыслѣ. И думается, что внимательное и серьезное изученіе жизненнаго явленія всегда должно привести изслѣдователей приблизительно къ однородному выводу, по крайней мѣрѣ, въ основной идеѣ они сойдутся на почвѣ общаго для нихъ критерія, который дастъ возникшему вопросу болѣе одинаковое освѣщеніе и натолкнетъ на единство практическихъ мѣръ.

О Т Д Ъ Л Ъ VI.

Наговоры ¹⁾

Лѣкарки Александры Афанасьевны Ананьиной.

(с. Ужуръ).

1. Наговоръ отъ уроковъ, страха и т. п. «Ладншь на воду, говоритъ Ананьиная. Налієшь въ чайную чашечку чистенькой воды, становишься у цела печки, а то поставишь на лавку и говоришь попоткомъ»:

«Стану я, раба божья Александра, благословесь, пойду перекрестесь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, на окіанъ-море. На окіанъ-морѣ стоитъ престолъ, на престолѣ стоитъ Мать Пресвята Богородица, Дѣва Марей. Подойду я поближе, поклонюсь пониже: Матушка Пресвята Богородица, Дѣва Марей! возьми ножницы булатныя (позевывашъ), выстрижи, вырѣжи у рабы божьей Татьяны (у раба-ли) уроки, призоры, страхи, переполохи изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ могучихъ плечей, изъ алой крови, изъ желчи зеленой, изъ 77 жилъ, изъ 77 суставовъ,—отъ бѣлаго, отъ чернаго-черемнаго, отъ русаго, отъ бабы головолоски, отъ дѣвки пуствоволоски, отъ косоглазаго-двоеглазаго, отъ двоезубаго-троезубаго, отъ еретика и еретицы, отъ колдуна и колдунцы.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Будте мои слова крѣпки и лѣпки!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Будте мои слова крѣпки и лѣпки!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Будте мои слова крѣпки и лѣпки!

Затѣмъ, наговорной водой поятъ съ ложечки или съ чашки же до 3-хъ разъ.

«Если робенку не полегчатъ, на другой день его умывашъ такою же наговорной водой на шосткѣ, куды положишь спервоначалу заслонку дужвой внизъ и приговаривашъ тихоцько»:

«Падите уроки, призоры, страхи, переполохи на сордкѣ да на воронѣ; рабу божью Татьяну на сонѣ да на угомонѣ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Будте мои слова крѣпки и лѣпки».

Въ этомъ же состоитъ лѣченіе призоровъ, страховъ и др. людскихъ озѣвищей, только на мѣсто слова «уроки» читается первоначально—«призоры» или другое слово, соответствующее роду болѣзни.

2. Отъ полуношника. Закутавъ дитя, Ананьиная беретъ его на лѣвую руку и становится на углу дома; она сначала кланяется утренней зорѣ (собственно въ ту сторону, гдѣ предполагается быть утренней звѣздѣ), обернувшись лицомъ къ вечерней—кланяется ей, потомъ поворачивается опять къ утренней зорѣ, затѣмъ къ вечерней и такъ до 3-хъ разъ и уже съ перваго поклона наговариваетъ до—трое:

а) Наговоръ на вечернюю зорю (для дѣвочкѣ). Вечерняя зоря Маримьяна, утренняя Марей! Зоря-зорница, красна дѣвица! посватамся, побрякамся: у меня дочь Татьяна, у тебя сынъ Мартымьянъ (произносится три раза). Установившись за третьимъ разомъ противъ вечерней зори, слегка покачиваясь впередъ и назадъ и, ударяя по ребенку свободной рукой, продолжаетъ... Возьми на своего сына Мартымьяна съ моей дочери Татьяны полуношницы: полуденницы, неугомонницы: дай моей дочери

¹⁾ Въ текстахъ наговоровъ сохранена орфографія народнаго говора.

Татьянѣ сонъ, покой, угомонъ во-полуночи, во-полудни, во всякомъ часу, во всякой минутѣ.

Будте мои слова крѣпки, лѣпки. Аминь, Аминь.

Съ послѣдними словами, повторяя ихъ до трехъ разъ, дуетъ на дитя и плюетъ въ сторону, послѣ чего кладетъ его бережно въ зыбку.

Это называется—«носить на вечерню зорю».

Нося на утреннюю зорю, Ананьина становится и кланяется сперва вечерней зорѣ, затѣмъ утренней и читаетъ наговоръ въ вышепоказанномъ порядкѣ. Для мальчика этотъ наговоръ нѣсколько видоизмѣняется, а именно:

в) Наговоръ на утреннюю зорю (для мальчика). «Утренняя зоря Марен, вечерна Маримьяна! Зоря-зорница, красна дѣвица! посватамся, побрякамся: у меня сынъ Василій, у тебя дочь Маримьяна (до 3-хъ разъ). Останавливается передъ утренней зорей и продолжаетъ... Возьми на свою дочь Маримьяну съ моего сына Василія полуношницы, полуденницы, неугомонницы: дай моему сыну Василію сонъ покой, угомонъ во-полуночи, во-полудни, во всякомъ часу, во всякой минутѣ.

Будте мои слова крѣпки, лѣпки. Аминь, Аминь».

3. Отъ чекотухи. (См. отд. IV—«чекотуха»). Нашептывается до трехъ разъ:

«Чекотуха-чикота! на те (тебѣ) деготь-смола, тѣсто-нестье; до рабы божьей Татьяны тѣла—нѣтъ Чекотухѣ дѣла».

4. Отъ зубного ноя. Лѣчение состоитъ въ слѣдующемъ. Вмѣстѣ съ больнымъ Ананьина идетъ на задворки или въ поле; отыскиваетъ тамъ черепъ конской головы и заставляетъ больного взять его въ руки, не подымая, однако, отъ земли; съ конской головой въ рукахъ тотъ остается нѣкоторое время въ наклонномъ положеніи; Ананьина, взявъ его сзади за локти, «читаетъ наговоръ», повторяя до-трое:

Наговоръ. (До 3-хъ разъ). «Голова моя, голова конска-кобыля! Я тебя подыму отъ земного ноя, а ты раба Вожьяго (рабу-ли, имя рекъ) отъ зубного ноя.

За послѣднимъ разомъ заставляетъ больного приподнять не высоко конскую голову, затѣмъ продолжаетъ:

(До 3-хъ разъ). Голова моя, голова конска-кобыля! Я тебя подыму отъ земного ноя, а ты раба божьяго (имя рекъ) отъ зубного ноя».

Съ каждымъ разомъ голову поднимаютъ выше и выше; за послѣдними словами: «я тебя подымаю отъ земного ноя» и т. д. поднимаются съ нею окончательно и кладутъ ее на заплоть, на пень-ли или на что другое, что будетъ стоять подъ рукой.

5. Приговоръ отъ ячменя на глазу. Взирая на ячмень, приговаривается: «На тебѣ печь, ячмень и кукишь: на кукишь топорикъ купишь, на топорикъ печь и ячмень срубить. Будте мои слова крѣпки, лѣпки!»

(Шлутесья помимо).

Большую часть, читая приговоръ, держать передъ глазомъ кукишку.

6. Отъ грудницы-забрусенья грудей. Наговаривается сперва на порховку или гладышь (камушекъ).

«Единъ, Единъ Богъ, Самъ Исусъ Христосъ! У мураша было 9 женъ; отъ 9 до 8, отъ 8 до 7, отъ 7 до 6, отъ 6 до 5, отъ 5 до 4, отъ 4 до 3, отъ 3 до 2, отъ 2 до 1, отъ одного ни одного. Какъ порховица мягка, пышна, такъ у моей рабы божьей (имя рекъ) груди были бы мягки, пышны, продойчики просасывались, прососники просасывались».

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Будте мои слова крѣпки, лѣпки».

Послѣ чего наговоръ читается до-трое надъ больной и каждый разъ при словахъ «отъ одного ни одного»... Ананьина обводитъ, очерчиваетъ, по солнцу порховкой по грудямъ; а съ заключительнымъ восклицаніемъ—«Во имя Отца» и т. д. порховкой же чертитъ по солнцу крестъ на крестъ.

Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, этотъ наговоръ употребляется въ «народной ветеринаріи» при лѣченіи «продоевъ и прососовъ» у коровы и др.

7. Причичкиванье летучаго огня. Ударяя огнивомъ о камень передъ лицомъ больного, Ананьина громко произноситъ:

«Чикъ-чикъ летучій огонь!»

«Что съчешь?»—спрашиваетъ больной.

«Летучій огонь»,—отвѣчаетъ та и сейчасъ добавляетъ: «Съки, съки гораздне, чтобъ его вѣкъ-по-вѣкъ не было!»

Если отъ причиванья не замѣчается «польги», Ананьина прибѣгаетъ къ другому приему. Садитъ больного подѣ столѣ, беретъ 3×9 лучинокъ, зажигаетъ каждую девитку въ отдѣльности, и черезъ ея огонь брызжетъ водой на лицо сидящаго безъ всякаго наговора.

8. Отъ банной притки. Ананьина ведетъ больную въ баню, укладываетъ на полокъ, раздѣтой, и, обмокнувъ пальцы въ колоду съ водой, брызжетъ съ нухъ на больную со словами:

«Господи Исусе! Отъ волосу, отъ зуду, отъ банной притки. Будте мои слова крѣпки, лѣпки».

Весь текстъ повторяется до шести разъ. Послѣ еще три раза слѣдующее.

«Господи Исусе! Отъ волосу, отъ зуду, отъ щелоку, отъ банной притки, отъ думы, отъ озѣвица. Будте мои слова крѣпки, лѣпки».

9. Защелкиванье чирея. См. золотуха, отд. I.

Лѣнarki Палагеи Васильевны Ананьиной.

(д. Темря, Шарыповской вол.).

10. Отъ вѣтрянаго перелома у. Наговаривается на масло.

«Встану я, раба Божья Палагея, благословесь, пойду перекрестесь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чисто поле, подѣ восточну сторону; на встрѣчу мнѣ, рабѣ Божьей Палагѣ, желѣзный мужъ; подойду я къ нему поближе, поклонюсь пониже... И какъ ты, желѣзный мужъ, ходишь по бѣлу свѣту отъ батюшки отъ истиннаго Христа, матушки Пресвятой Богородицы, отъ Кирика-Улиты, отъ бабушки Соломоницы, отъ Христовой мучельницы Катерины, собираешь, сожираешь воду съ востоку до западу,—изъ рѣкъ, изъ озеръ, изъ ключей, изъ болотъ,—такъ сожри, собери съ рабы Божьей, младенца Настосы (раба-ли), всѣ уроки-призорища, всѣ страхи, всѣ переполохи, всѣ младенца скорби и болѣзни, всѣ шепоты, всѣ ломотища, всѣ «вѣтряны переломы»; которы съ вѣтру пришли и на вѣтеръ пойдите, на пусты лѣса, на высоки горы, гдѣ добры люди не ходять,—изъ бѣлаго лица, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ 77 жилъ, изъ 77 суставовъ.

(До 3-хъ разъ). И 77 суставовъ съ суставамъ, и 77 жилъ съ жиламъ. И будте мои наговоры крѣпки—емки! Ключъ въ нѣбо, замокъ въ море! Ключъ въ нѣбо, замокъ въ море!»

Этотъ придатокъ повторяетъ Ананьина три раза и все время помѣшываетъ масло ложечкой или ножемъ. Послѣ чего креститъ посудину съ масломъ, нашептывая:

«Будте мои наговоры трое апостольскимъ крестомъ перекрещены!»

Наговорнымъ масломъ Ананьина лѣчитъ отъ простуднаго колотья, намазывая имъ бока, грудь, поясницу (См. колотья и простуда, отд. I); а также употребляетъ при забрусеньи грудей, или вымени у коровы.

Этотъ же наговоръ она «читатъ» на воду, поитъ ею и умываетъ отъ уроковъ.

Его наговариваетъ надъ отваромъ сбора № 144, который приготовляетъ Ананьина для лѣченія «желтуницы», замѣняя слова—«вѣтряны переломы», выраженіемъ—«и желту желтуницу».

11. Наговоръ при онуханіи горла, грудницы, забрусеньи вымени. На брусокъ (гладышъ) «читатся»:

«Бдитъ единъ господиный, у единого господина 9 женъ, отъ 9 женъ—8 женъ,

отъ 8 женъ—7 женъ, отъ 7 женъ—6 женъ, отъ 6 женъ—5 женъ, отъ 5 женъ—4 жены, отъ 4 женъ—3 жены, отъ 3 женъ—2 жены, отъ 2 женъ—1 жена, отъ одной жены—ни одной жены, отъ одной жены—ни одной жены»,—повторяетъ Ананьина, обводи по солнцу безмяннымъ пальцемъ брусокъ; за третьимъ разомъ перекрепчиваетъ тѣмъ же пальцемъ; затѣмъ, читаетъ снова весь наговоръ передъ больнымъ, и при словахъ—«отъ одной жены—ни одной жены»... брускомъ очерчиваетъ горло, грудь, вымя, за третьимъ повтореніемъ—окрепчиваетъ имъ-же.

12. Наговоры для новорожденнаго. Читаются Ананьиной, когда моетъ и правитъ его въ банѣ.

а) «Парила и правила сама Мать Пресвята Богородица своимъ мягкимъ рукавъ, шелковымъ вѣникомъ раба Божьяго младенца (имя рекъ) отъ чекотуна-полуношника,— вотъ тебѣ вѣничекъ, парься и дрочися; не тронь, не шевели раба Божьяго младенца (имя рекъ) ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ, ни утренней зарей, ни вечерней зарей, ни въ котору пору; спи по ночамъ, расти по часамъ во всяку пору»,—говоритъ Ананьина, паря младенца вѣникомъ.

Этимъ наговоромъ она дѣлаетъ особо отъ «чекотуна-полуношника». (См. отдѣлъ дѣтскихъ болѣзней).

б) «Какъ бѣлая береза стоитъ и не боится ни вѣтру, ни вихорю, ни уроковъ, ни призоровъ, ни страховъ, ни переполоховъ, ни озѣвницей младенческихъ, такъ пусть рабъ Божій младенецъ (имя рекъ) не боится ни вѣтру, ни вихорю, ни уроковъ, ни озѣвницей младенческихъ».

Съ помощью этого наговора А—на дѣлаетъ особо отъ уроковъ и т. п. «младенческихъ озѣвницей».

с) «Одѣвала, оболокала сама мать Пресвята Богородица въ свою нетлѣнну ризу, въ целену Господню раба Божьяго младенца (имя рекъ) на сонъ, на угомонъ, на Божью милость».

Читается Ананьиной до-трое всякій разъ, когда «оболокаты» (одѣваетъ) младенца послѣ мытья и купанья.

Наговоры отъ разныхъ лицъ.

13. Отъ полуношника. Съ ребенкомъ на рукахъ говорится на вечернюю зорю: «Три зори-зорницы, три красны дѣвницы!—произносится до 3-хъ разъ, кланяясь съ младенцемъ попеременно утреней, полуденной и вечерней зорямъ. Становясь противъ вечерней, говорится:

Вечерна Марина, утрення Марья, полуденна Маримьяна подходятъ подъ день, подъ глухую полночь. Выйдете, выступите изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, пойдите во чисто поле, въ сине море, лежитъ тамъ бѣль-Латарь камень. Какъ камень не всплывать, такъ бы скорби и болѣзни не всплывали, не вставали ни подъ день, ни подъ ночь, ни подъ глухую полночь. Будте мои слова всѣ крѣпки, дѣпки, крѣпче камня бѣль-Латаря».

На утреннюю зорю говорится тоже самое, только предварительно отдается поклонъ сперва вечерней.

Н. С. Ананьина.

14. Отъ чекотухи. Дегтемъ съ обуха топора, поддѣтымъ на пятку веретешка, мажутся ладони рученокъ и пятки ножекъ младенца, съ наговоромъ:

«Чекотуха-ропотуха! на те деготь-смола, третья сулема, до раба Божьяго Микола тѣла нѣтъ тебѣ дѣла».

Лѣкарка Н. А. Клейменова.

15. Наговоръ въ повседневныхъ случаяхъ. Читается дѣтямъ, когда моютъ въ банѣ, какъ бы желая застраховать ихъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней. Паря вѣникомъ, наговариваютъ:

«Не я парю, парить бабушка Соломонида, котора мыла и парила самого истиннаго Иисуса Христа на сонъ, на угомонъ, на Божью милость; спи по ночамъ, расти по часамъ, не слушай, гдѣ собаки лаютъ, слушай, гдѣ люди баютъ». Стучать три раза въ-никомъ о прилавокъ и продолжаютъ: «Какъ на вѣникѣ листочки не держатся,—такъ пусть на рабѣ Божьемъ (имя рекъ) уроки, приворы, страхи, переполохи не держатся».

Анна Дан. Ананьина.

16. Для задавливанья чирея. Ал. Дм. Трофимова очерчиваетъ сперва сукъ мезинцемъ и нашептываетъ до 3-хъ разъ (см. ниже); этимъ сукомъ чертитъ по чирею до 3-хъ разъ съ тѣмъ же наговоромъ, и, задавливая ногтемъ чирей, тихо произноситъ, одинаково для всѣхъ трехъ случаевъ:

(По 3 раза). «Какъ сукъ сохнетъ, такъ пусть и чирей сохнетъ».

17. Приговоръ при загрызываніи пупка. Хавронія Лук. Ананьиной.
(См. «грызь пупка», отд. IV).

18. Для причикиванья летучаго огня. Подыскиваютъ ребятъ (можно и об. пола), чтобы одинъ былъ первенцемъ, другой—последышемъ отъ другой матери; первому даютъ въ руки огниво и кремь; онъ вычикиваетъ огонь передъ лицомъ больного; последышь спрашиваетъ:

— Что выскашь?

— Огонь!—отвѣчаетъ первенецъ.

— Стки, стки гораздне, чтобы его вѣкъ-по-вѣкъ не было!—закачиваетъ последышь.

Такъ практикуется въ дер. Чернавкѣ,—говоритъ Осипъ Клейменовъ.

19. Зовъ осипы. См. «восна», отд. I.

З а г о в о р ы .

20. Кр о в и. «Шла красная дѣвка, вела быка на веревочкѣ; веревка порвалась у меня, раба Божьяго (имя рекъ), кровь унялась. Стала на камень, кровь не канеть».

Василій Бормота.

21. Кр о в и: а) «Встану я благословесь, пойду перекрестесь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на востокъ, подъ восточну сторону, на море-окианъ, на островъ Буянгъ. На островѣ Буянгѣ, на Латарѣ-камнѣ стоитъ золотъ престолъ; на золотомъ престолѣ Мать Пресвита Богородица, держитъ въ рукахъ золоту иглу, шелкову нитку; хочетъ сживлять, сшивать у раба Божьяго (имя рекъ) кроваву рану крѣпко на крѣпко, плотно на плотно, чтобы кровь не шла, не канула».

Борисъ Ананьинъ.

б) «Летѣлъ воронъ, держалъ въ зубахъ кусокъ мяса лебединаго, хочетъ затыкать у раба Божьяго (имя рекъ) кроваву рану крѣпко на крѣпко, чтобы кровь не шла, не канула. Будте мои слова всѣ крѣпки, лѣпки». Онъ-же.

22. П о х о р о н ы з у б о в ѣ. См. приговоръ въ I отд.—«Зубной пой».

П о р ч и .

23. Чтобы чирей расселились. Желая, чтобы у кого нибудь размножились чирей, скажи про себя, замѣтивъ у него чирей:

«Чирей-вередь, вокругъ его девять, вокругъ девяти еще шесть».

Чирей, будто бы, расселятся.

Маланья Ананьина.

24. Порча рѣпы. Когда увидишь, что съюгъ рѣпу, промолви только про себя:
«Мышій хвостъ, тараканій глазъ!»—ну, и родится рѣпа по больше тараканяго глаза.

Василій Бормота.

25. Порча ружья. Увидишь охотника съ ружьемъ, говори:

«Не стрѣлецъ ѣдетъ, а чернецъ; не стрѣлять ѣдетъ, а кадитъ; кремень-щепя, порохъ-земля».

Въ табунъ козъ или птицъ стрѣляеть пусть—не убьеть.

Онъ-же.

26. Смывка порченнаго ружья. Слѣдуетъ промыть съ наговоромъ:

«Встану я благословесь, пойду перекрестесь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чисто поле, къ батюшку Ужуру-рѣкѣ. Какъ ты, батюшко Ужуръ-рѣчка моешь, полощешь берега,—такъ и смой-сплощи съ новаго желѣза, съ моего ружья всѣ порчи и наговоры, чтобы оно било и ранило бѣлку перескочу, звѣря бѣгучаго противу сердца».

Онъ-же.

Наговоры

Василія Бормоты.

27. Присушка. Чтобы приворотить чью либо любовь, читается черезъ трубу печи:

«Встану не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни дверью, ни воротами, ни путемъ, ни дорогою, а мышинными норомъ и змѣиными тронами. Окину я своими ясными очами на всѣ четыре стороны, на море-окіанъ. Попадутся мнѣ въ полудорогѣ 77 бѣсенковъ, съ полу-бѣсенкомъ и посреди ихъ самъ сатана. Подойду я къ нимъ близешенько поклонюсь низешенько: взвейтеса 77 бѣсенковъ, съ полу-бѣсенкомъ и самъ сатана, полетите на море-окіанъ, на островъ Буянъ; на островъ на Буянѣ лежитъ желѣзная доска подъ этой доской лежитъ тоска,—тоска-тоскуча, горе-горюче; доску подымите, тоску возьмите въ свои ручки, несите, не уроните; на землю уроните—земля загоритъ, на воду уроните—вода загоритъ... Вложите ее рабѣ Божьей, красной дѣвицѣ (имя рекъ) въ хожалыя ножки, въ махалыя ручки, въ черныя брови, въ ясныя очи, въ ретивое сердце, чтобы она, красная дѣвица (имя рекъ), въ ѣдѣ не заѣдала, меня въ питѣе не заливала, чтобы она меня на умѣ держала; казался бы я (имя рекъ) ей краше краснаго солнца, милѣе отца-матери, всего роду-племени; чтобы она, красная дѣвица (имя рекъ), въ пляснѣ не заплясала меня, въ гульбѣ не загуляла.

Будте мои слова всѣ остры и быстры, крѣпче камню-сѣраго!

Которы слова переговорить—будте назадъ, которы не договорить—будте впередъ. Монъе словамъ ключъ въ небо и замокъ. Свои слова замкну, а ключъ въ море-окіанъ опуцу.

Кто можетъ красной дѣвицѣ пособить отъ этого заговору, тому за щеки щепота, за ноги ломота, изъ себя кровь сосать, на себѣ одежду рвать».

См. «порча», отд. I.

28. Отворотъ. Наговоръ, посредствомъ котораго, увѣряеть Бормота, можно отворотить чью-либо любовь или отдѣлаться отъ присушки.

Взявъ протошку (иглу безъ ушка) и со словами:

«Какъ не найти тебѣ (имя рекъ) ушко этой иглки, такъ не присушить тебѣ меня, красной дѣвицы (имя рекъ)»—слѣдуетъ воткнуть въ становинку своей рубашки, когда узнаешь, что такой-то, вотъ, намѣренъ присушить. Никакой заговоръ не воздѣйствуетъ тогда.

29. Отпускъ. Дружко наговариваетъ жениху, когда помогутся въ банѣ накаунѣ отъѣзда къ невѣстѣ, и всему свадебному поѣзду передъ общимъ отваломъ въ дорогу. Отпускомъ желаютъ отвратить отъ жениха и «кляженецкаго поѣзда» всѣ «болѣсти», задержки въ пути и проч.

Стоя вмѣстѣ съ женихомъ передъ зажженными восковыми свѣчами, дружка шепчетъ:
«Встану я, рабъ Божій (имя жениха), благословесь, пойду перекрестесь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, на востокъ, подъ восточную сторону, оболокусь походячимъ оболокомъ, онаясь бѣлой зарей, обычусь частыми звѣздами; часты звѣзды по косицамъ. Кто можетъ часты звѣзды пересчитать, тотъ можетъ меня, раба Божьяго (имя жениха) взять; кто можетъ мѣсяцъ снять, тотъ можетъ меня, раба Божьяго (имя жениха) взять, кто можетъ красное солнце переглядѣть, тотъ можетъ меня, раба Божьяго (имя жениха) взять».

Бздиль батюшко Михаилъ Архангелъ со своей силой небесной, къ Кирикомъ-Улитой, съ Югоріемъ храбрымъ. Стерегите, берегите меня (имя жениха) на всякій день, на всякій часъ отъ колдуна-колдунницы, отъ еретика-еретницы, отъ одноглазаго, отъ разноглазаго, отъ рѣдкозубаго, отъ косозубаго, отъ беззубаго, отъ безволосаго, отъ рѣдковолосаго, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы головолоски. Сѣките, рубите, до меня, раба Божьяго (имя жениха), близъ не допущайте. Аминь».

30. Наговоръ отъ уроковъ и т. п. Василій водить взрослыхъ, носить дѣтей на рѣку, утромъ или вечеромъ; почерпнувъ ковшъ воды противъ теченія, наговариваетъ надъ ней:

«Встану я, благословесь, пойду перекрестесь (крестить воду) изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, пойду подъ востокъ, подъ восточную сторону; тамъ стоитъ желѣзный мужъ, какъ ты, желѣзный мужъ, ходишь отъ батюшка, отъ истиннаго Иисуса Христа, отъ Матушки Пресвятой Богородицы, отъ востока до западу, собираешь и сожиралъ воду изъ горъ, изъ загоръ, изъ рѣкъ, изъ бодотъ,—такъ собери отъ раба Божьяго (имя рекъ) уроки-урочища, призоры-призорища изъ 77 суставовъ, изъ 77 жилъ, изъ подкожныхъ, изъ легкаго, изъ печени, изъ горячей крови, изъ ретиваго сердца, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ блага тѣла (зѣваетъ).

Будте мои слова крѣпки, лѣпки!» (до 3-хъ разъ).

Оборачиваясь назадъ, дуетъ и плюетъ, послѣ чего поить дитя съ ковша или взбрызгиваетъ.

Взрослый, при питъѣ, не долженъ дышать,—лѣченіе, по мнѣнію Василія, не пойдетъ впрокъ.

Этимъ наговоромъ лѣчить отъ уроковъ гусятъ и др. животныхъ.

І. Н а д о б њ я

(растительнаго свойства).

Растенія и ихъ части,—большею частью мѣстнаго происхожденія,—дикорастущія и культурныя.

1) Алыи плакунъ. *Lythrum* spec. б. м. *Dianthus*. Наваръ одного или вмѣстѣ съ алымъ, или синимъ плакуномъ дается внутр. взрослымъ (по чашкѣ раза по три въ день) и дѣтямъ (по $\frac{1}{2}$ ч. въ день) отъ «цвѣту», являющагося результатомъ испуга. Въ поясненіе цѣлебнаго свойства плакуна въ этомъ отношеніи Н. С. Ананьина, объяснившая его примѣненіе, привела слѣдующій эпизодъ изъ жизни ея тетки.

«Тетка наша, Фадеевна, помню, захворала чѣмъ-то, боязнъ кака-то напала на нее: самой малости испужатся и почнетъ ее, бывало, бить, и почнетъ это крикомъ кричать. Сказывали, «цвѣтъ» ее билъ. Лѣчилась она всякой всячиной, лучше не было. Слышитъ, татарина нахваливаютъ, лѣчить, будто, хорошо отъ такой хвори. Покучилась (попросила) домашнимъ; привезли. Татаринъ велѣлъ достать алаго и бѣлаго плакуна; ими-то и поилъ. Тетка съ того потишея стала. А когда натакалась на «сабуръ», начала ѣсть его безперечь—и вовсе оздоровѣла».

Наваръ алаго плакуна пьютъ отъ «красокъ». Д. Чернавка.

Растетъ по ложбицамъ, имѣетъ высокую дудочку, рѣдко усаженную изогнутыми отростками съ алыми маленькими цвѣточками; цвѣтетъ въ Петровки. Попадаетъ изрѣдка и не каждый годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вокругъ дер. Парной, Ужур., вол., водится въ изобиліи.

2) Барашки. См. №№ 27 и 130.

3) Вархатинникъ. Свѣжій его сокъ или просто листья снаружи при порѣзахъ, какъ кровоостанавливающее. С. Ужуръ, д. Чернавка и др.

Если сохнетъ и трескается кожа на рукахъ,—не «заусеница»,—на тѣ мѣста прикладываютъ листья, распаренные въ кипяткѣ. С. Ужуръ Ал. Аф. Ананьина.

4) Батунье сѣмя. *Sem. Allii*. Отъ зубной боли. С. Ужуръ, д. Чернавка и пр. «Накаленные камушки кладутся на сковородку, обязательно холодную. На нее льется немного воды или квасу; на камушки сыпится сѣмя. Отъ квасу со сковороды подымается паръ, отъ горящихъ сѣмянъ—дымъ. Это будетъ то, что называютъ «куревомъ». Надъ нимъ сидятъ, укутавшись съ головой однорядкой, съ «открытымъ ртомъ, не дыша, не глотая слюны, пока хватить духу». Н. С. А—на.

5) Береза. *Betula alb. L.* Угли изъ нея пережигаются на пепелъ; имъ засыпаются мокнушіе струщья ожоговъ и легкой формы гнойныя ранки. Общее средство.

6) Березовая мочка. *Gemma Betulae*. Въ видѣ настойки на водкѣ снаружи при порѣзахъ, какъ кровоостанавливающее; при ушибахъ, какъ смягчающее опухоль; при ожогахъ, какъ превращающее образованіе волдырей и какъ заживляющее.

Средство повсемѣстное.

7) Береста. *Cortex Betulae*. Кора березовая—примѣняется для наложенія повязокъ при изломахъ костей.

8) Вобы. *Vica Sabae L.* См. № 144.

Огородное.

9) Богородская трава (большая). Наварь, внутрь от ревматической головной боли. *Origanum vulgare* L. Растет по залежамъ. Цвететъ передъ Ильинимъ днемъ.

10) Богородская малая-душица. Нав. вн. отъ кашля. Изъ нея приготавливаютъ ванны, принимаемыя при «сухомъ волосѣ»; черезъ нее обливаютъ целокомъ язвы «мокраго волоса».

Thymus serpyllum L. Ею окуриваютъ людей, животныхъ и т. п., когда съ ними приключится что нибудь «не ладное».

Растетъ по мыскамъ.

11) Борецъ синій (мѣстный). *Aconitum volubile* Pall. Зелье. Растетъ по логамъ и у кустовъ. Цвететъ въ Петровки.

Наварь или настойка на водѣ (на бутылку 2—3 коренка) внутрь—когда «давление на серцѣ» ощущается и отъ нутра при надсадѣ. Молотый для засыпки ранъ.

12) Борецъ таежный. *Aconitum volubile* Pall.—кѣриче.

Употребленіе того и другого малое.

«Дядюшка Моисей, передавала Н. С. А—на, молодымъ еще былъ. Приѣдетъ, бывало, съ паници; вотъ хоть бы лѣтомъ то будь, блевать примется, похолодѣтъ и совсѣмъ заумирать... Принялись мы понтъ его этой травой, рѣже и рѣже случаться стало. Теперь вовсе выхворался».

Мартыановъ 4 и 11; Кытмановъ 168.

13) Бѣлоглазникъ. *Spiraea Ulmaria* L. Собранный изъ подъ снѣга, въ наварѣ вн. при тихомъ помѣшательствѣ: «шумъ утиснать въ головѣ и мысли яснѣе становятся». Ал. А—на.

Вмѣстѣ съ черноглазникомъ служитъ для ваннъ, коими пользуются при «простудной ломотѣ», ощущаемой въ конечностяхъ.

Растетъ вездѣ.

Мартыановъ 4; Горсть 360; Черневскій 39; Гандельсманъ 26.

14) Бѣлый плакунъ. Нав. отъ грыжи пьютъ. См. также № 1. Сообщено Лукою Боровыхъ—д. Чернавка.

15) Бѣлена. Свѣжіе или распаренные въ кипятокъ листья (сухіе)—снаружи въ видѣ припарокъ отъ «ногтоѣдки»; при «забрусеніи грудей», какъ способствующее провалу; какъ заживляющее при «начаянномъ укусѣ» собакой. Ал. Аф. А—на.

16) Бѣленное сѣмя. *Semen Hyoscyami* L. Бѣлена растетъ по пустошамъ и у дворовъ. Принятое внутрь вызываетъ одурѣніе.

При «зубномъ боѣ» (боли) примѣняется одинаково съ батуннымъ сѣмемъ, какъ указано въ № 4.

Кытмановъ 155.

17) Водяной ладонъ. *Caltha palustris* L. et *Ranunculus scelleratus*. Нав. понтъ ребятишекъ отъ «цвету» (съ наговоромъ). С. Ужурь, д. Логунова, Шарып. волости. Нав. вн. отъ «кумушки». Д. Чернавка.

Болотное.

Горсть 342.

18) Волчье лыко. *Daphne mezereum*. Кладется на большой зубъ. Позанимствовано Ф. Ананьинимъ отъ Черноярченскихъ крестьянъ въ 1893 г.

Мартыановъ 5; Аргуновъ 61; Андреевскій 431 (cortex mezerei).

19) Волосынка-женская. *Veratrum nigrum* L. Отваръ вн. отъ «бѣлой и красной грыжи». С. Ужурь, д. Логунова и др.

Вн. отваръ отъ «порченной рѣзачки». Д. Чернавка.

20) Волосынка-мужская. *Veratrum nigrum* L. Настойка на водѣ вн. отъ «нутра» (по $\frac{1}{2}$ рюмки два—три раза въ сутки).

Тотъ и другой видъ волосынки въ употребленіи въ д. Скрипачахъ, Шарып. вол. Оба экземпляра получены отъ Анны Д. А—ной.

Считаются зельемъ. Употребленіе малое.

Корешочки волособразны и кучечкой сидятъ въ землѣ; женская—выходитъ одними листьями, мужская—дудкой. Раст. по сухимъ мѣстамъ.

Кытмановъ 162.

21) Воробьиное сѣмя. *Lithospermum officinale* L.—Зерна закатываются въ мякишъ хлѣба и даются роженицамъ для усиленія родовыхъ потугъ. Ал. Трофимова.

Въ с. Ужурѣ растетъ по «Ягннской» дорогѣ; въ Назаровской вол.—на тк. наз. «Змѣиной горѣ», лежащей въ 60 верстахъ отъ д. Дороховой, откуда и доставлено дочерью Ал. Дм. Трофимовой.—Мартыановъ 5.

22) Воронежъ. Листья, поддержанные немного въ теплой водѣ, какъ припарокъ, разрыхляющій нарывы, являющіеся на грудяхъ. Евфрос. Кокорина.

Корни свѣжіе, или сухіе жуются и прикладываются къгноевиднымъ ранамъ. Ал. А.—на.

Наваръ стебля съ ягодками внутрь отъ «сердца». Н. А.—на.

23) Воронежъ гнѣздо. Отваръ внутрь—отъ «цвѣту» (съ наговоромъ). Н. С. А.—на. Собирается съ деревьевъ.

24) Вѣники березовые. Вяжутся (въ Борисовъ день) изъ березовыхъ вѣточекъ съ листьями. Въ обыкновенное время ими парятся въ баняхъ. Листочками «выскребаютъ» изо рта младенцевъ, когда «творожокъ цвѣтеть» (плесневѣть).

Трехгодовалымъ вѣникомъ—«чтобъ три года сохъ»—парятся, лѣчасъ отъ желтухи. Входитъ въ составъ сбора № 144.

Какъ помело, которымъ выметають печь передъ посадкой хлѣба, заставляютъ бременныхъ топтать еще горячее, когда «судороги сводятъ ноги». Листки горячаго помела прикладываются къ «мокрому лишаю».

25) Вѣтренки. Самоотдѣляющіеся тончайшіе слои бересты. Смазанные коровьимъ масломъ снаружи на чирьи, какъ разрыхляющее.

26) Гаснички таежныя. *Lycorodium Alpinum* L. Въ видѣ настойки на водкѣ вн. послѣ родинъ отъ «нтра». Получены отъ Ал. Дм. Т—вой.

Растетъ въ Ачинской тайгѣ.

27) Гаснички—барашки—пѣтушки желтые. *Primula officinalis* L. См. №—2—130.

Мартыановъ 7.

28) Гвоздика. *Dianthus Sinensis* Fisch. Наваромъ поятъ ребятшекъ отъ «родимчику». Входитъ въ составъ сбора, составляющагося, кромѣ того, изъ травъ отъ «12-ти родимцевъ» и изверѣдной. Наваръ этого сбора внутрь отъ родимца. Сидоровы.

Растетъ по мыскамъ.

29) Гнилушки березовыя. Части истлѣвшей березы, высушенные, истолченныя и просѣяныя,—какъ дѣтская присыпка;—какъ дымокуръ для окраски нагольныхъ бѣлыхъ шубъ.

30) Головки мака. *Capita Papaveris. Papaver Somniferum* L. Одна-двѣ головки краснаго или чернаго мака (рвутся, когда онѣ еще въ прозелени) парятся въ молокѣ. Наваръ цѣдится черезъ сито и дается внутрь ребятшкамъ отъ бессонницы. Отъ 3 до 9 головокъ дается взрослымъ. Сидоровы; Ал. А.—на.

Наваръ отъ «цвѣту» въ д. Чернавкѣ.

Родится макъ въ огородахъ и на пашнѣ.

Мартыановъ 13; Кытмановъ 160.

31) Горлянка. *Androsace septentrionalis* L. Настой внутрь при горловой боли, когда «глотать больно», или «голосъ перехватить». Распаренная въ видѣ припарокъ при «отекахъ глотки». С. Ужуръ и д. Чернавка, д. Кулунь.

Сообщено Н. С. А—ной, А. З. В—хъ, Пол. А—ной.

Растетъ у дорогъ, ближе къ мыскамъ. Имѣющійся экземпляръ привезенъ мной съ «Божьяго озера», Кзыльской степной думы.

Мартыановъ, 5.

32) Горохъ сырой. *Pisum sativum*. Жеванный снаружи при ознобахъ. Н. А.—на. Разводится на пашняхъ и въ огородахъ.

33) Горькая трава. *Gentiana Amarella* L. Настойка на водкѣ (на косушку по желанію) внутрь отъ «кумушки на сердѣ».

Растетъ въ дубровахъ и по залежамъ.

Мартыановъ 15; Кытмановъ 164.

34) Г р а н а т н и к ъ. *Libanotis Sibirica* L. Отваръ вн.: а) отъ «кумушки на сердцѣ», б) отъ удущья, с) когда «поносить брюхо» (прихоть въ фѣд во время беременности) и при спазмахъ. Ал. А—на.

Растеть вездѣ.

Мартыановъ 6.

35) Г р и б ѣ к и, растущіе на назвѣ. *Agaricus* spес. Изъ этихъ маленькихъ грибовъ, съ грязновато-сѣрыми шляпками, на тоненькихъ ножкахъ, натапливается масло (желтаго цвѣта), которое принимается внутрь отъ «брюшной водянки».

«Набравъ грибовъ, ставить въ блюдечкѣ на шестокъ печи, чтобы было ни жарко, ни холодно, а тепло только. Тогда грибки дадутъ изъ себя желтоватое масло, а къ восходу солнца черное; черное надо слить, желтое оставить. Его то и пьютъ».

Изъ нам. кн. Пешекерова С. Ужуръ.

О сборѣ грибовъ передавали слѣдующее:

Замѣтивъ еще съ вечера мѣсто на грядкѣ огуречника (дѣлаются изъ назва), гдѣ сидятъ грибки, идутъ собирать уже на зорькѣ въ бѣльѣ, въ какомъ сплш, избѣгая возможности встрѣтиться, или увидѣть посторонняго свидѣтеля. Подходятъ къ нимъ, будучи въ огуречникѣ, въ заятки, рвутъ и уходятъ, не оборачиваясь. Со словъ бабушки Мавры Род. А—ной д. Марьясовой (на рч. Черешѣ), Ужур. вол.

36) Г р у з д и. *Agaricus deliciosus*. Въ груздяномъ рассолѣ въ старину мылись отъ чесотки. Н. А—на.

37) Д в о е л и с т ѣ к а. Наваръ отъ «серца». Д. Яга.

У Горста встрѣчается (371) подъ наименованіемъ «*Majanthemum bifolium*». «Даютъ, говоритъ, въ видѣ навару отъ грыжи».

38) Д в о е ц в ѣ т н а я. *Linaria vulgaris* Mill. Наваромъ поятъ грудныхъ дѣтей отъ «родимчика» (съ наговоромъ). Сидоровы.

Растеть по свѣжимъ залежамъ.

39) Д е в я т и л ѣ н н и к ъ. *Tanacetum vulgare* L. Наваръ, или въ видѣ настойки на водкѣ одного, или съ частью основной коры, вн.: а) отъ «кумушки», б) при «болѣткахъ» преимущественно женщинами. Входитъ въ составъ сбора. Сидоровы, Ал. А—на. См. № 144.

Растеть по сырмъ залежамъ.

40) Д и к і й п е р е ц ъ. *Daphne mezereum* L. Пьютъ отваръ, или фѣдятъ ягоды, въ кусочкѣ хлѣбнаго мякиша, отъ кашля. Входитъ въ составъ «кладу» для лошадей, когда «прискудается» и кашляетъ. С. Казачинское, Енис. окр.

Кытмановъ 161; Ордынскій; «Спб. Газ», № 40, 1888 г.

Доставленъ изъ д. Дороховой, Назаров. вол. См. № 20.

41) Д и к і й х м е л ь. *Atragea alpina* L. Употребленіе одинаковое съ покуснымъ хмелемъ.

42) Д у р м а н ѣ в ѣ. Нав. вн., какъ усыпляющее. Три шишечки съ дудѣй на чайникъ для взрослыхъ больныхъ, по $\frac{1}{4}$ ч. чашки сперва; для малолѣтнихъ 1 шишечка на чайникъ, по $\frac{1}{4}$ ч. ложки. Н. С. А—на.

Отъ «цвѣту». Дер. Чернавка.

Сѣтся въ огородахъ, «тихо, молча».

Служить зельемъ. Для этого сѣтся съ «гикомъ и пляской». Когда то употреблялся для опаиванія присковыхъ рабочихъ, являвшихся съ заработковъ и др. лицъ, представлявшихъ предметъ наживы. Жители дер. Изыкчуль, лежащей въ 20 в. отъ Ужура, даже составили себѣ печальную славу въ этомъ отношеніи.

Со словъ Н. С. А—ной.

43) Е г о р ь е в о к о п ѣ е. *Geranium pratense* L. Наваръ пьютъ отъ колотья въ боку (по чайной чашкѣ, разъ въ день). Парится вмѣстѣ со стародубомъ, и этотъ наваръ дается внутрь при «верховомъ хомутѣ» (распуханіе члена). Ал. Аф. А—на и Сидоровы.

Растеть по залежамъ и остожьямъ.

Мартыановъ 7; Кытмановъ 155, 164.

44) Ж а р к и ц в ѣ т к и. *Trollius asiaticus* L. Наваръ цвѣтковъ внутрь дѣтямъ отъ грыжи. Наваръ изъ корней вмѣстѣ съ цвѣтками жерновцевъ и корнями телегура вн. отъ «красной грыжи». Сидоровы; Ал. А—на.

Растетъ по лѣжкамъ. Красящее.

Мартыановъ 7; Кытмановъ 165.

45) Жерновца. *Phlomis tuberosa* L. См. предъд. Отваръ корней, называемыхъ «картошками», вн. а) дѣтямъ отъ «нутряной грыжи» и в) при образованіи килы, наваръ всей дудки. С. Ужуръ, д. Чернавка, г. Ачинскъ.

Растетъ вездѣ. Цвѣтки входятъ въ составъ сбора № 44.

Кытмановъ 158, 160; Мартыановъ 9; Горсть 353.

46) Звѣробой крестовой, луговой, *Gentiana macrophylla* Pall. Настойка на водкѣ внутрь при «болѣткахъ». Наваръ вн. дѣтямъ отъ поноса. Свѣжіе листья (поплевавъ только на нихъ) отъ «ногтоѣдки». Вся дудка свѣженарваннаго, или сушенаго звѣробоя, облитая предварительно горячей водой, въ видѣ припарокъ—при «забрусеніи грудей» (мягчить и образуетъ провалъ). Настасья Ал. Клейменова; при ожогахъ, Ал. Аф. А—на и Н. С. А—на.

Наваръ отъ «красной грыжи». Д. Чернавка.

Растетъ по логамъ.

Мартыановъ 13; Кытмановъ 158.

47) Зеленая полынь. *Artemisia lufifolia* Ledeb. Съ цвѣточками, настоенная на водкѣ вн. отъ «кумушки». Свѣжая отъ блохъ. С. Ужуръ, дер. Чернавка; дер. Марьясова (на Черешь); дер. Кулунъ, Изьмчуль...

Во время холеры въ 1892 г. жглась въ загнивахъ, какъ воздухоочистительное. С. Ужуръ.

Растетъ по пустошамъ.

48) Земляничникъ. *Fragaria vesca* L. Настой дѣтямъ внутрь отъ кашля.

Водится по дорогѣ къ «Сухому Каратыгу» и по окружающимъ алежамъ. С. Ужуръ.

Мартыановъ 9; Горсть 361.

49) Земляной ладанъ. *Valeriana dubia*, Bunge et *Valeriana officinalis*, L. Наваръ вн. дѣтямъ отъ «цвѣту» (съ наговоромъ) Н. А—на.

Растетъ по пустошамъ; цвѣтъ бѣлый.

Мартыановъ 8.

50) Зима-трава. Наваръ внутрь отъ головной боли. Д. Сокса. Таежное растеніе, рѣдко встрѣчающееся (въ три года разъ на одномъ мѣстѣ развѣ увидишь). Сорвано въ «Большомъ Изьмчулѣ», отстоящемъ отъ с. Ужура въ 12—15 вер. Дар. Фед. Ожишковой.

51) Змѣевикъ. Наваръ употребляется внутрь при ужаленіи змѣей и пьется до тѣхъ поръ, пока не опадетъ опухоль ужаленной части тѣла. На опухоль, кромѣ того, прикладывается змѣевикъ въ видѣ припарка (листочки распариваются въ тепломъ молокѣ).

Отъ «Змѣевца» снаружи дер. Чернавка.

52) Золотарникъ. *Saragana rugosa* L. Наваръ вн. при длительномъ теченіи золотухи. С. Ужуръ; дер. Чернавка; д. Марьясова (на р. Черешь). На вкусъ золотарникъ сладнетъ. Растетъ по оз. Учуму (въ 30 в. отъ Ужура).

Имѣющійся экземпляръ привезенъ изъ окрестностей оз. Широ, Минус. окр., Уляной Самошной.

Мартыановъ 9.

53) Извередная. *Dianthus superbus* L. Наваръ пьютъ беременныя при «вередѣ живота». Входитъ въ составъ сбора № 28.

Растетъ по дубовамъ и пустошамъ во множествѣ.

Мартыановъ 2; Кытмановъ 160.

54) Измаденъ. *Rubus saxatilis* L. Наваръ вн. для остановки «красокъ» и вообще послѣ родинъ. С. Ужуръ; дер. Логунова Шарып. вол. объясненіе дано Анной Дан. А—ной.

Растетъ между косянничникомъ. Рвется, когда картофель садятъ и въ сѣнокосъ, когда глубиницу собираютъ. Считается пустымъ косянничникомъ, безъ цвѣтка; имѣетъ красные листки. На самомъ дѣлѣ—безплодные побѣги.

55) Камчакъ. *Geum strictum* Ait. Листья намазанные дегтемъ, снаружи отъ рожи; въ видѣ припарокъ отъ «грыжи на ногахъ». Дер. Логунова. Ан. Д. А—на.

Растетъ у гумень и по залежамъ.

Кытмановъ 156.

56) **Капуста** *Brassica oleracea*. Свѣжіе листья, снаружи: а) при ожогахъ, в) повязываютъ къ головѣ отъ ломоты, с) съ каплей-двумя острой водки, снар. при образованіи «мокраго волоса». С. Вѣдошапкинское (Корниловское); с. Ужурь. Указанія Пр. С. А—ной. Огородное.

57) **Картофель**. *Tuberae Solani tuberosi*. Тертый, снаружи при ожогахъ. При «сухомъ волосѣ» употребляется для приготовления паровыхъ ваннъ. Н. А—на. Огородное и разводится, даже преимущественно, на пашняхъ.

58) **Картошки жерновцовъ**. См. № 45. Выбораниваются часто на вспаханныхъ полосахъ.

59) **Кедровые орѣхи**. *Pinus Cembrae* L. Ядрышки жеванныя снаружи какъ парывное.

60) **Козій корень**. *Umbelliferae (pleurospermiu?)*. Свѣженжеванный, или сухой, молотый при порѣзахъ, какъ кровоостанавливающее. Отваръ внутрь употребляется при изломахъ костей, какъ способствующее скорому срастанію ихъ. Сидоровъ и др.

Растетъ по остожицамъ и проч. сырмь мѣстамъ, у ключей; имѣетъ высокую, полосуатчатую трубку съ зонтообразными, бѣлыми, какъ у медвѣжьей пучки, цвѣточными шляпками. Корень имѣетъ блѣдно-желтоватую сердцевину и сладковатый вкусъ.

61) **Колокольчики**. *Campanula* spec. Имѣютъ сходство съ Бгорьевымъ копьемъ, вѣшнее, конечно. Наваромъ пьютъ новорожденныхъ въ видѣ предупрежденія, чтобы «его не грызло». Чтобы избавить своихъ дѣтей отъ «грызи», родители ѣдятъ колокольчики въ свѣжемъ видѣ. Ал. Аф. А—на.

62) **Колючій татарникъ**. Наваръ употребляютъ отъ «цвѣту», отъ «переполоха» (съ наговоромъ) и отъ «нугра». Получ. отъ Ан. А—вой.

Растетъ больше по сырмь мѣстамъ.

63) **Колючки**. *Carlina vulgaris* L. Наваръ этихъ корешковъ внутрь дѣтямъ отъ «переполоха» (съ наговоромъ).

Колючки обязательно копаются до «перваго грома»; только такія имѣютъ цѣлебную силу. С. Ужурь, дер. Чернавка и проч.

Болотное.

Кытмановъ 158.

64) **Конопля**. *Cannabis sativa* L. Дудки его, которыя непременно надо было воровать, курили отъ кашля. Средство, особенно практиковавшееся встарину. Н. С. А—на.

Наваръ дудокъ вымоченнаго конопля, или горсти свѣжаго пьютъ отъ золотушной боли глазъ. Ал. Аф. А—на. Нав. вн. отъ желтухи. Дер. Чернавка.

Ѣется на пашняхъ.

65) **Конопляное сѣмя**. *Sem. Cannabis*. Въ количествѣ глотка его молоко вмѣстѣ съ порошкомъ хрустала (на одинъ приемъ) внутрь отъ бѣлей. Н. С. А—на.

Отъ «рѣзачки» въ мочевомъ каналѣ.

Масло, добытое изъ сѣмени, употребляется въ различныхъ случаяхъ. См.

66) **Конскій звѣробой**. Отваръ отъ бессонницы. Сид., А—нѣ.

Растетъ вездѣ. Кустится. Масса мелкихъ листочковъ по стеблямъ. Цвѣточки розоватыя на верхинкахъ; корень глубоко (до $\frac{1}{2}$ арш. и больше) сидитъ въ землѣ.

67) **Крапива жалица (большая)**. *Urtica cannabina* L. Сушеная, истертая въ порошокъ смѣшивается со сливками; въ видѣ мази снар. при золотушныхъ язвахъ. Ал. Аф. А—на.

Дудки вмѣстѣ съ листьями и кашкой служатъ для приготовления съ золой щелока, которымъ обливаютъ, черезъ тридцать пустыхъ колосьевъ ржи, «лихіе пальцы» (расперстица).

Дудки курятъ отъ кашля.

Нав. вн. отъ «кумушки».

Растетъ у кустовъ.

68) **Крапива жалица (малая)**. *Urtica pens* L. Свѣжимъ сокомъ, смѣшаннымъ съ солью, натираются въ банѣ; парятся, какъ вѣнякомъ, отъ простудной ломоты въ поясницѣ. Во время холеры 1892 г. шли ея сокъ и натирались въ банѣ. Устиніи Еф. А—на.

Растетъ по задворьямъ.

Мартьяновъ 11; Крутовскій 28; Кытмановъ 167.

69) Кручинникъ. *Cotoneaster vulgaris* L. Наваръ прутьевъ съ листьями и ягодами ви.: а) отъ головной боли, б) отъ бессонницы, дѣтямъ (иногда съ пѣтушками). Наваръ внутрь отъ «цвѣту». Д. Чернавка.

Растетъ на возвышенностяхъ. Встрѣчается на утесахъ оз. Учума, откуда и привезенъ мной.

70) Кукушечьи чирочки. *Cypripedium macranthum* Sv. Наваръ въ небольшихъ приемахъ отъ «красной грыжи». С. Ужуръ; д. Чернавка.

Растетъ по дубровамъ.

Мартьяновъ 12; Гандельсманъ 25; Кытмановъ 162.

71) Купальница. *Ranunculus acris* L. Зелье «Водка» изъ нея служитъ для втиранія отъ ломоты въ конечностяхъ. Дѣйствіе ея на кожу равносильно дѣйствію испанской мушки—«шибоко натягивать пузырь». Приготовлялась Н. С. А—ной.

Наваръ внутрь отъ «пугра» при надсадѣ. Употребленіе малое. «Водка сидится» изъ нея еще и такимъ способомъ. Свѣже-нарваные стебли съ листьями и цвѣточками запекаются въ ржаномъ пирогѣ. Вынувъ оттуда, ее выжимаютъ, и водка готова. Или какъ въ № 80

Растетъ по сырмъ мѣстамъ.

Кытмановъ 164.

72) Куриная слѣпота. *Primula sibirica* L. Наваромъ умываются отъ «куриной слѣпоты». Ал. Дм. Т—ва.

73) Куриная слѣпота. *L. Myostus palustris* L. Первое растетъ по болотамъ, второе же по мыскамъ. Н. С. А—на.

74) Ладошки-пять пальцевъ. *Orchis militaris* и др. виды *Orchis*. Корешки служатъ средствомъ, предупреждающимъ беременность: «сколько корешковъ съѣшь, столько лѣтъ, говорятъ, женщина не будетъ носить ребятъ». Со словъ С. П. А—ной, урож. дер. Марьясовой (на р. Черешѣ).

Растетъ по лугамъ, дер. Марьясова; по дубровамъ, с. Ужуръ.

75) Лиственничная губа. *Polypogon officinalis* Fr. Снаружи прикладывается къ «подпазушнику». Н. А—на.

Растетъ въ щеляхъ стѣнъ погребовъ и подваловъ.

76) Луговой звѣрбой. См. № 46.

77) Лукъ. *Allium* сера. Печеный снаружи на чирьи, какъ вытягивающее. Пережженная луковица съ истертымъ въ порошокъ порохомъ кладется на большой зубъ.

78) Луковое перо. *Bulbi All.* сера. Наваръ съ мареной (горсть лукового пера съ «холокомъ» марены), чашку ви., какъ опредѣляющее «кумушку» на сердцѣ. Прск. С. А—на.

Также для вызова «красокъ» пьютъ. Ал. Аф. А—на.

79) Льняное сѣмя. *Sem. lini*. Облить кипяткомъ и дать отстояться; полученная слизь хороша снаружи при золотушныхъ струньяхъ.

Свется на нашняхъ.

Андреевскій 438.

80) Лютикъ (цвѣтки). *Pulsatilla vulgaris* Mill. et *P. patens* Mill. Водка изъ него, или наваръ употребляются ви.: а) отъ «кумушки» и б) отъ «серца». Въ наварѣ встарины мыслятъ отъ цесотки. Цвѣтокъ, облитый горячей водой, дѣйствуетъ на тѣло, какъ испанскія мушки.

Зелье. Употребленіе малое (по $\frac{1}{4}$ ложки на приемъ два въ день; потомъ приемы увеличиваютъ до рюмки). Пр. С., Н. С. А—ны; Ал. Аф. А—на и П. В. А—на.

Растетъ по степи и мысамъ.

Водка «сидится» путемъ обыкновеннаго «замариванія» однихъ цвѣтковъ лютика. Свѣже-нарваные складываются въ чистый поливянный горшокъ, который плотно прикрывается крышкой и замазывается глиной, чтобы предупредить отдѣленіе летучихъ составныхъ частей водки. Въ такомъ видѣ горшокъ ставится въ печь, въ «вольный духъ». Къ вечеру вынимается. Содержимое, охлажденное, отдавливается на сито; жидкость сливается въ бутылку и закупоривается. Отдѣляющійся въ это время изъ жидкости газъ

ѣсть глаза, вертитъ въ носу, въ горлѣ и вызываетъ кашель. Отдавливанье производится, по крайней мѣрѣ, съ закрытымъ носомъ и ртомъ. Н. С. А—на.

Такимъ же образомъ и съ тѣми же предосторожностями сидится водка изъ купальницъ и стародуба.

Лютиковая водка часто пилась Нал. Вас. А—ной вмѣсто простой водки.

Кытмаповъ 155; Горсть 343.

81) Ма кы р ѣ. *Polygonum Bistorta* L. Отваръ корней пьютъ взрослые и даютъ дѣтямъ отъ поноса. С. Ужуръ, дер. Чернавка.

Растетъ по дубовамъ.

Мартыановъ 13.

82) Ма р ѣ н а. *Gallium verum* L. См. № 78. Отваръ корешковъ принимается отъ «красокъ».

Растетъ по дубовамъ; выбираивается на перелогахъ *).

Мартыановъ 13; Горсть 371.

83) Ма р ѣ н о коренье. *Raconia anomala* L. Отваръ вн., какъ вызывающее «краски». Получ. отъ Ал. Аф. А—ной.

Растетъ вездѣ. Копаются со стеблемъ, когда появятся барашки на немъ; сушится.

Мартыановъ 13.

84) Ма т ь-м а ч и х а. *Tussitago farfara* L. Опускаютъ въ молоко и въ продолженіи часа нарятъ въ печи. Наружное, смягчительное. Л. С. Кокоркина.

Горсть 349.

85) Мелкая трава свиной подорожникъ, свиноройка. *Potentilla anserina* L. Въ видѣ ваннъ а) отъ «ночного реву», какъ успокаивающее и б) для укрѣпленія дѣтскихъ ножекъ. Распаренная въ молоко въ видѣ припарокъ при ушибахъ и вывихахъ. Ал. Т—ва, Н. А—на.

См. №№ 140—141.

Мартыановъ 19; Горсть 345.

86) Морковка женск. *Cnidium veposum* L. Поятъ дѣвочекъ.

Отв. вн. отъ «переполоха» и при «младенческомъ».

(Съ наговоромъ).

87) Морковка мужск. Поятъ мальчиковъ.

П. Ер. Клейменова, А. А—на, Н. А—на

Въ с. Ужурѣ растетъ у «Варламовой» займки и по «Кайчаку» (сѣв. склонъ противъ села). Имѣющіеся экземпляры вывезены съ Вожьяго оз. Киз. Ст. Д. Корешки копаются весной до «перваго грома».

88) Морковь. *Daucus carotta* L. Сокъ внутрь при золотухѣ.

Огороднее.

Кытмаповъ 165.

89) М о х ѣ. *Sphagna* и др. виды мховъ. «Шиньгаты изъ четырехъ угловъ» и вмѣстѣ съ «мизгиревымъ гнѣздомъ» (паутиной), служатъ для «курева» отъ «внутренняго хомута». Ал. Т—ва.

Достается изъ ельника.

90) Мураш и н ы я г н ѣ з д а. Гнѣзда черныхъ мурашей вмѣстѣ съ прочимъ содержимымъ служатъ для разнообразныхъ лѣчебныхъ приготовленій.

Но дубовамъ берутся.

91) М у х о м о р ѣ. *Aconitum barbatum* Patr. Зелье. Изрубленный въ кашку квасится со сметаной, или съ престоквашей, какъ отравя для мухъ.

Наваръ мухомора вн., какъ способствующее срастанію при изломахъ костей. Н. А—на.

Употребленіе малое.

Гандельсманъ 26.

92) М я т а д у ш н а я. *Mentha crispata* schr. Настой вн.: а) отъ кашля, б) отъ «нутра». Огороднее и дикое.

Мартыановъ 14.

*) Земли, распаханныя вторично послѣ снятія перваго хлѣба.

93) Ноготки. *Colendula officinalis* L. Цвѣтки входятъ въ составъ сбора отъ желтухи. См. № 144. Получены отъ Сидоровыхъ.

Растетъ въ огородѣ.

94) Нутрецъ. *Aconitum*. Въ видѣ навару употребляется преимущественно женщинами при «бесплодіи» и спазмахъ живота отъ надсады.

Имѣеть 9 дудокъ вмѣстѣ; цвѣтъ спій, какъ у прикрыга; рѣдко встрѣчающееся.

95) Обахта. Наваръ вн. отъ «нугра». Д. Марьясова (на р. Черешѣ).

96) Овесъ. *Avena sativa*. Употребляется для ваннъ и припарокъ.

97) Огурцы. *Cucumis sativus* L. Разсолъ, какъ проносное.

Кытмановъ 166.

98) Одолень. Наваръ вн. отъ «нугра», снар. на чирьи. Въ дер. Темряныцѣ Шарья. вол.

99) Однолѣсная. *Viola uniflora* L. Навар. вн. отъ «родимчива» (съ наговоромъ). Н. С. А—на. Отъ «цвѣту». Дер. Чернавка.

Растетъ по дубравамъ; кустится въ непали (старая трава). Появляется и отцвѣтаетъ въ маѣ.

100) Односторонникъ. *Saussurea bicolor*. D. C. См. № 156.

Мартьяновъ 15.

101) Омьякъ (Омегъ). *Cuscuta virosa* L. Растеніе болотное; дудку имѣеть полуо; цвѣтъ бѣлый; корень изжелта бѣлый, рѣдкообразный съ побочными мясистыми отростками. Имъ объѣдаются овцы. На тѣло дѣйствуетъ равносильно испанскимъ мушкамъ.

Пробовали было дѣлать изъ омьягу припарки отъ «сухого волоса», облегченія не послѣдовало. Между прочимъ, этотъ опытъ окончился непредвидѣннымъ казусомъ: горшокъ съ корнями омьяга расперло въ печи, гдѣ они парились, наваръ разлился по полу и полу, и смрадомъ выгнало всѣхъ изъ избы.

«Иванушкѣ, поселенцу, довелось ходить на костылѣ отъ опухоли, образовавшейся въ сочлененіи колѣна. Сталъ онъ прикладывать къ опухоли омьягамъ: опухоль исчезла и стало возможнымъ ходить безъ помощи костыля». Н. А—на.

Растетъ въ изобиліи по Сурозакову ключу, пересѣкающему дорогу между д. Изыкчудъ и Ужуромъ.

Аргуновъ 86.

102) Осенній цвѣтъ *Pulsatilla vulgaris* Mill. Лютикъ, появляющійся вновь осенью. Отваръ его считается особенно хорошо дѣйствующимъ отъ «кумуники». Борисъ Ананьинъ.

103) Осиньяя кора. *Cortex populi tremulae*. Наваръ вп., какъ противулихорадочное. На великій четвергъ имъ обливаются въ банѣ, «чтобъ здоровымъ быть». Н. А—на.

104) Отъ дурн трава. *Lysimachia vulgaris* L. Отъ бѣшенства. Наваръ, или мелкоискрошенная въ хлѣбныхъ колобочкахъ дается внутрь сейчасъ же послѣ укушенія бѣшенными животными. Въ періодѣ бѣшенства пользы не приноситъ. Д. Вольше-Имъшенская, Ужур. вол. экзем. доставленъ Хавр. Л. А—ной.

Мартьяновъ 16 (№ 111).

105) Отъ дурн трава. *Trigonella platycarpus*. Употребленіе одинаковое съ предыдущимъ № 104. Д. Сютникъ Ужур. вол. Доставлена Ал. Т—вой.

106) Отъ двухъ лихорадокъ трава. С. Ужуръ. Лѣчить М. Аф. Ан—инъ. Д. Сокса.

Раст. по дубравамъ.

107) Отъ двѣнадцати кумушекъ трава. Д. Сокса.

108) Отъ поноса трава. *Potentilla bifurca* Lin. Нав. вн.

Мартьяновъ 18 (№ 122).

109) Отъ грижи трава. *Pfarmica impatiens* Dc. Нав. вп. с. Ужуръ.

Кытмановъ 169.

110) Отъ двѣнадцати родимцевъ. *Drosoccephalum Rhuyschianum* L. Наваръ вн. дѣтямъ (съ наговоромъ). См. № 28.

Отъ «цвѣту». Д. Чернавка, с. Ужуръ.

111) Отъ 77 болей. Имѣется у Хавр. Лук. А—ной.

112) Перелойка. *Parnassia palustris* L. Наваромъ поить дѣтей отъ поноса. Употребляютъ и взрослые. С. Ужурь и г. Ачинскъ.

Раст. по ложкамъ.

Кытмановъ 154; Горсть 374; Гандельсманъ 26; Мартыновъ 4.

113) Петровъ крестъ. Отв. вн. взрослымъ и дѣтямъ отъ «цвѣту». С. Ужурь. Отъ «Кумушки»; д. Чернавка.

Растеть по мыскамъ.

114) Петрушка *Radix Petroseleni*. Наваръ корня, или настой сѣмя внутрь младенцамъ при мочезадержаніи.

Берется у фельдшера. Нѣкоторое время разведилась колоніей политическихъ ссыльныхъ. С. Ужурь.

Андреевскій 447.

115) Петрушки сѣмя. *Sem. Petroseleni*. См. № 114.

116) Пнкульки. *Iris ruthenica* Ait. Отваръ корней, предварительно высушенныхъ, вн., какъ вызывающее «краски».

Растеть по сырмъ мѣстамъ, по не повсемѣстно.

117) Пихта. *Pinus pichter* Fisch. et *Pinus sibirica* Ledeb.

а) Вѣниками изъ нея парятся въ баняхъ.

б) Пихтовые иглы, настойка на винѣ отъ цынги и когда «человѣкъ пухнетъ».

с) Пихтовая кора, отъ простуды; также готовятся ванны.

Средства, практикуемыя ринсковыми рабочими.

Мартыновъ 16; Кытмановъ 163.

118) Повилка. *Polygonum convolvulus* L. Курятъ при зубной боли. Д. Сютикъ.

По старымъ полосамъ растеть.

119) Подорожникъ. *Plantago maxima* Ait. Свѣжіе листья снаружи на раны, какъ заживляющее. Распаренные въ молокѣ, какъ смягчительное при опухлыхъ и отекахъ глотки.

120) Подсолнухъ (подсолночникъ). *Helianthus annuus*. L. Отваръ гребня съ дудкой употребляется отъ «кумушки». Съ этой же цѣлью парили ею, по совѣту переселенки изъ Курск. губ., вмѣстѣ съ серухой и девятильникомъ. Н. А—на.

Разводится въ огородахъ. Получень отъ Д. Ож—вой.

121) Полевая ромашка (порѣзная). *Leucanthemum sibiricum* DC.

Наваръ бѣлыхъ цвѣтковъ отъ «бѣлой грыжи»;

» порѣзныхъ » » «красной грыжи».

Везъ разбора цвѣтковъ наваръ пьютъ родильницы, когда «шибо брюхо вздымать».

Нав. всей дудки съ цвѣтками вн. отъ «нутра», а также отъ кашля. Сидоровы.

Растеть вездѣ.

Мартыновъ 18; Кытмановъ 163 и 168; Горсть 363.

122) Полынь. *Artemisia*. Доставаемая изъ-подъ снѣга въ зимнее время, или ранней весной въ наварѣ пьется отъ кашля.

123) Полынь-душица. *Artemisia*. Наваръ внутрь отъ «кумушки».

124) Помело. См. № 24.

125) Порховка. *Bovista et lycopodium* изъ сем. *Gasteromycetes*. Употребляется при наговорѣ отъ «забрусенія вымени» и т. п.; пережаренная съ коровьимъ масломъ прикладывается къ порѣзамъ и ранамъ, которыя долго не заживаютъ.

Снаружи при наговорахъ отъ «грудицы».

Мартыновъ 17; Кытмановъ 160.

126) Порѣзная трава. *Achillea Millefolium* L. См. № 121 а). Сокъ свѣже-изжеванныхъ листочковъ при порѣзахъ сл.; в) въ видѣ припарокъ при засореніи глазъ; листочками извлекаютъ соринки, взявшіяся пузырьками.

127) Прикрытъ. *Aconitum*. Порошкою молотого корня засыпаются порѣзы и уколы сейчасъ, какъ только случатся, или, когда загноятся, или возьмутся червями.

Общее средство. Зелье.

Растеть по естожьямъ и сырмъ мѣстамъ; цвѣтки синіе.

128) Пустые колосья. Черезъ нихъ обливаютъ раны «мокраго волоса» и «лихіе пальцы». С. Ужурь.

129) Пшеница. Входитъ въ составъ сбора № 138.

130) Пѣтушки желтые. *Primula officinalis* L. Настой 3—4-хъ цвѣточковъ на чашку теплаго молока даютъ дѣтямъ отъ кашля и отъ бессонницы; настой большаго количества цвѣточковъ взрослымъ отъ удущья.

Въ наварѣ съ кручинникомъ вн. отъ «полуношницы». Сидоровы.

Мартыановъ 7.

131) Пять-пальцевъ. *Platanthera bifolia* Rich. et. См. № 74.

132) Пять-пальцевъ. Вылка (стебель), какъ у «чертова ребра», кончается верхушкой, состоящей изъ пяти отростковъ. Верхушки пдутъ на приготовленіе мази № 58.

133) Реней. *Alfredia cernua* D. et *Carduus crispus* L. Свѣжіе листья связываютъ къ головѣ при вѣтrenomъ переломѣ; прикладываютъ къ ранамъ, какъ предохраняющее отъ червей. Нав. цвѣтковъ и листьевъ пьютъ, когда золотуха стоитъ въ глазахъ. Сокъ листьевъ, какъ кровоостанавливающее. А. А—па; Н. А—на и друг.

Утверждаютъ, будто, если случайно цвѣтокъ попадетъ въ обувь, надѣтую на босую ногу, нога покроется пузырями.

Раст. между кустами шиповника.

134) Рожь *Secale cereale*. Зерна трехгодовой ржи употребляются для паровыхъ ваннъ и припарокъ отъ простуды.

135) Росино й ладонъ. Нав., говорятъ, дается беременнымъ, кто «имѣеть намѣреніе извести плодъ». Поятъ невзначай, чтобы пьющая не знала; тогда, что она ни дѣлай, что ни пей,—ей не удастся выполнить свое намѣреніе. Ал. А—на.

136) Рѣдка. *Raphanus sativus* L. «Человѣкъ прискудятся», — во избѣжаніе горячки натираются ея сокомъ, смѣшаннымъ съ виномъ, и чистый сокъ пьютъ по $\frac{1}{2}$ рюмки; въ такой же дозѣ его принимаютъ вн. при боляхъ желудка.

Кыгмановъ 155.

137) Рѣзачка. *Pedicularis uncinata*, Vild. Наваръ вн.—отъ «порченой» и «не порченой рѣзачки». Парятъ съ водой и пьютъ понемногу. Н. А—на.

Раст. по дубовамъ. Имѣеть стволъ, усаженный цвѣтовой свѣчкой, нѣсколько схожей съ таковой мухомора, только малиноваго цвѣта.

138) Сборъ всѣхъ хлѣбовъ. Зерна пшеницы, ярицы, ржи, ячменя и овса (по горсткѣ) долго парятъ и отваръ (по чашкѣ) пьютъ отъ «вѣтренного перелома», п—кто «выть (аппетитъ) потерять». Приготавливаютъ ванны, когда паде, чтобы собралась разсыпная золотуха, т. е., «взялась бы парывомъ». А. А-на, Сидоровы.

139) Сборъ 40 цвѣтовъ. Наваръ шипичнаго цвѣта, алаго плакуна псиняго, бѣлаго плакуна, гвездички, отъ 12 родимцевъ, двоецвѣтной и др. дають страдающимъ падучей Ев. А-на.

140) Свиной подорожникъ. }

141) Свиной роика. }

См. № 85. Наваръ вн.—отъ «Золотника».

142) Сердешная трава. Наваръ—отъ «сердца», т. е., давленіе подъ ложечкой, причиной которой былъ испугъ.

Растетъ около дер. Солбать; имѣеть краснепнія сердечкомъ ягоды.

143) Серебрянка. *Solidago virga aurea* L. Нав. пьютъ главн. обр. при золотушномъ гноеніи глазъ. С. Ужурь, дер. Чернавка и др.

144) Серпуха. *Serratula coronata* L. Парится въ горшкѣ вмѣстѣ съ листьями трехгодоваго вѣника и сырмъ (незапареннымъ) полумотемъ поскоинной пряжи; наваръ дають большимъ желтухой и имъ же обливаютъ снаружи. Иногда, правда не вездѣ, къ указаннымъ выше составнымъ частямъ прибавляютъ сушенныя плети бобовъ, или немного девятильника, цвѣтовъ ноготковъ и дубка (пскунного) въ толченомъ видѣ. Такимъ наваромъ гнояется желтуха снаружи. Н. А-на; П. П А-на и др. Растетъ по дубовамъ.

Мартыановъ 20.

145) Спній плакунъ. *Veronica longifolia* L. Наваръ—отъ «извѣту». Мартыановъ 20; Горсть 355.

146) Скрипунъ. *Sedum purpureum* Link. Сн., какъ припарокъ отъ «скрыпа» въ суставахъ, когда разовьется рука, напр., во время жнива, или, когда оступисья. Нав. пьютъ отъ «золотника». Н. А-на и Ал. А-на.

Нав. вн.—отъ головной боли. Д. Чернавка.

Раст. по сырмь мѣстамъ.

147) Собачьи ягоды. *Solanum Dulcamara* L. Въ видѣ припарокъ при простудѣ ногъ. Приготовленіе слѣд. Собачья ягоды складываютъ въ кадочку, наливаютъ немного горячей воды и кипятятъ накаленными каменьями булыжника. Когда кончится кипяченіе, камни вынуть, и ванна готова; въ ней держать ноги; принимаютъ по нѣск. разъ въ день отв. вн. Н. А-на.

Въ отварѣ купаютъ дѣтей отъ «собачьей старости».

Растетъ у воротъ и по ключикамъ.

148) Солома. Входитъ въ составъ навара мелкой травы, какимъ пользуютъ дѣтей отъ «стѣни» (собачья старость). А. Т-ва.

Пучками соломы, взятыми каждый разъ изъ свиного котуха, дѣлать «сухой лпшай». Она же.

149) Сороконричная. *Veronica incana* L. Листья свѣжіе, или распаренные въ горячей водѣ, прикладываютъ отъ «банной притки» и на раны, которыя долго не заживаютъ. Н. А-на.

Растетъ по мыскамъ.

150) Сосна *Pinus silvestris*. См. № 5.

151) Спорынья. *Secale cornutum*. Отваръ пьютъ для усиленія родильныхъ потугъ. Андреевскій 447.

152) Стародубъ желтый. *Adonis arenina* L. Наваръ пьютъ послѣ родинъ, когда долго маются живогомъ; водку, насыщенную изъ него, пьютъ отъ надсады, Приготовленіе см. въ № 80. См. также № 43.

Растетъ по сырмь мѣстамъ. Въ д. Логуновой и с. Корниловскомъ (Вѣлошапкино) его нѣтъ.

Мартыановъ 25, Кытмановъ 153, Горсть 342. Гандельсманъ 26.

153) Столѣтникъ *Aloë* spec. Одни листья, слегка размятые, прикладываются къ порѣзамъ. Евд. А-на.

Комнатное растеніе.

154) Сѣнная труха. Снаружи какъ припарокъ на опухоли при ушибахъ и вывихахъ; нарковыя ванны готовятся при простудѣ и для купанья дѣтей, какъ успокаивающее.

155) Тальникъ. *Salix* spec. Мерзлый, свѣже срубленный тальникъ нагрѣваютъ и выжигаютъ «восцу».

156) Татарскій бѣлый труть. *Saussurea discolor* DC. Онъ же называется одно-сторонникомъ. Отваръ цвѣтка и дудки вмѣстѣ съ корнемъ ви. при золотушномъ гноеніи глазъ. Сидоровы.

157) Татарское мыло. *Lychnis chalycedonica* L. Излюбленная трава у ипородцевъ Кизыл. Ст. Д. По словамъ Кости Кульдянаго, отваръ ея пьютъ при изломахъ костей и когда «заваливать грудь» къ ненастью вслѣдствіе ушиба. Онъ утверждаетъ, будто, когда рвутъ эту траву, непременно вызываютъ лѣтомъ—ненастье, зимой—пургу.

Растеніе—таежное. Дудка высокая; по ней алыя шишки съ разсыпными цвѣточками, какъ у васильковъ; свѣжая дудка мылится. Въ окрестностяхъ Ужура встрѣчается лишь, на, ть.-наз., Стойбѣ, въ 12—15 вер., гдѣ давно какъ-то находились лѣтн. стоянки ипородцевъ.

158) Телегуръ. Отваромъ корней поятъ ребятишекъ отъ внутренней грыжи; корни съ жаркими цвѣтками и картошками жерновцевъ варятъ въ молокѣ и отв. употребляется внутри, какъ останавливающее при «красной грыжѣ». Ап. Д. А—на.

Растетъ по дубовамъ. Имѣетъ маленькіе цвѣточки, длинный, мясистый корень; на вкусъ онъ сладнетъ; женщины ѣдятъ его и сырмь. Это не чистякъ.

159) Теплыжникъ. *Нemegocallis flava* L. Отваръ пьютъ послѣ родинъ, когда «плодуха» (матка) выходитъ вслѣдствіе надсады; также и просто отъ надсады. Листья, собираемые осенью, употребляются на вихотки (вмѣсто мочала).

Растетъ по сухимъ мѣстамъ.

Кытмановъ 165, 167; Горстгъ 353.

160) Травка, выходящая изъ «глазницъ конской пропасти пны». *Festuca* spec. Собирается въ июнь. Когда случайно найдешь голову пропавшей лошади, то надо сначала стать къ ней такъ, чтобы не была видна отъ тебя «стѣнь» (тѣнь); тогда уже щипли травку (старую или молодую—все равно), выходящую изъ глазницъ. Ал. Т—ва.

Настой двухъ, трехъ травнокъ пьютъ отъ «подепной кумушки». Ал. А—на.

161) Травка, растущая въ черныхъ баняхъ подъ полкомъ. Настой внутрь отъ «кумушки». Она-же.

Стебли тонкіе (отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш.) блѣдножелтаго цвѣта.

162) Травка, растущая на мурашиныхъ гнѣздахъ. Настой внутрь отъ «кумушки». Попадаетъ рѣдко. Она-же.

163) Травка (водоросль), цвѣтущая въ ночь на Крещеніе; нав. вн. отъ головной боли. Водится по ключику, текущему у замки Ф. А—на, расположенной на мѣстѣ, называемомъ Сосновкой. Евд. А—на.

164) Трехгодовалый вѣникъ. См. № 24.

165) Уразная трава. *Thalictrum* spec. Молотую мѣшаютъ съ водкой (горстку на полштофъ) и принимаютъ по $\frac{1}{2}$ рюмки при ушибахъ: «кровь расшибать». С. Ужуръ.

Растетъ по «Кайчаку».

166) Утпнъ. *Gentiana decumbens* Pall. Нав., или настойку на водкѣ пьютъ отъ боли въ поясницѣ, которая часто ощущается во время жатъя. Пьютъ отъ поноса. Употребленіе по желанію. Питье—горькое на вкусъ. Анисья Мамизерова.

Растетъ вездѣ.

167) Хлопуницы. *Silene inflata* Smith. Въ большемъ употребленіи въ с. Корпиловскомъ (Вѣлошан.). Не удалось узнать, отъ чего употребляется.

168) Цвѣтки. См. №№ 80, 102.

169) Черемница. *Veratrum nigrum* L. Зелье. Порошкомъ толченаго корня засыпаютъ раны; средство, предохраняющее отъ червей.

Мартьяновъ 24.

170) Черемуха. Отв. коры вн. отъ «кумушки».

171) Черемуховыя ягоды. *Prunus padus* L. Отв. вн. отъ поноса.

Мартьяновъ 24; Кытмановъ 159.

172) Черная полынь. *Artemisia* spec. Нав. отъ «кумушки».

173) Черноголовникъ. *Sanguisorba officinalis* L. Отваръ корней внутрь отъ поноса.

См. № 13.

Мартьяновъ 25.

174) Чернобыльникъ. *Artemisia vulgaris* L. Нав. внутрь, когда золотуха стонетъ въ глазахъ; съ камфарой,—какъ втиранье при простудахъ ногъ. Сидоровы.

Горстгъ 357; Андреевскій 461.

175) Черная смородина. *Ribes nigrum* L. Отваръ листьевъ и прутьевъ принимается внутрь отъ золотухи.

Растетъ по ключикамъ.

Мартьяновъ 20; Кытмановъ 156; Горстгъ 376; Крутовскій 29.

176) Чертова ребро. *Cimicifuga foedita* L. Зелье. Отваръ корней пьется отъ «кумушки» по $\frac{1}{2}$ ч. Употребленіе малое. Порошкомъ молотаго корня засыпаютъ раны, въ которыхъ заведутся черви. Сидоровы, Ос. Кл—овъ.

Растетъ по дубровамъ; на замкѣ Алексѣя А—на, въ изобиліи.

Мартьяновъ 25; Кытмановъ 168.

177) Чертополохъ. *Carlina vulgaris* L. Настой дается младенцамъ для успокоенія; одна головка настаивается на $\frac{1}{2}$ чашки горячей воды. Дается нѣсколько разъ въ день по чайной ложечкѣ. Д. Дор—ва.

Растеніе—болотное; шишки имѣютъ малиновый цвѣтъ и колочія иглы. См. № 63. Кытмановъ 158.

178) Чеснокъ. *Allium Sativum* L. Ёдятъ при цынгѣ; натираютъ десна, когда опухаютъ; толченымъ съ виномъ или рѣдечнымъ сокомъ натираются въ теплой избѣ, или банѣ при легкой простудѣ. Толченый и завернутый въ тряпичкѣ кладется на пупокъ, какъ прижигающее, когда «грызеть пупокъ» Усиленно Ёли натошакъ во время холеры въ 1892 г.

Огороднее.

Кытмановъ 168.

179) Чиревятникъ, чиревная. Ягодки ёсть,—не будетъ чиревъ. Ос. Ёл.—новъ Д. Чернавка.

180) Чиръ. Наваръ внутрь отъ «нутра»; пьется беременными: «ребенокъ подымается кверху».

181) Чистякъ. *Euphorbia lutescens* С. А. Меу. Наваръ цвѣтковъ вызываетъ рвоту, наваръ корней—поносъ.

Растетъ по дубовамъ. Имѣеть толстую, мясистую дудку съ едва развившимися узенькими листками и шляпкой желтенькихъ цвѣточковъ. Н. А—на.

Горсть 369.

182) Шевель конскій (щавель). *Rumex domesticus* и др. виды. Наваръ внутрь какъ вызывающее «краски».

Горсть 373.

183) Шинишникъ. *Rosa Gmelini* Ryl. et *R. cinnamomea* L. Наваръ цвѣтковъ снаружи какъ примочка при «новѣтренной болѣзни глазъ», и внутрь отъ «цвѣту».

Растетъ, вездѣ по сырмъ мѣстамъ, больше по дубовамъ. Отв. корней пьется отъ простуды. Дер. Логунова, Шарып. вол.

Мартьяновъ 25; Горсть 376; Кытмановъ 164.

184) Шумиха Наваръ помогаетъ отъ шума въ головѣ. Н. А—на.

Растетъ по межамъ и на выпавшихся полосахъ.

185) Ячмень. *Hordeum sativum* L. Употребляется для приготовления ваннъ, какими пользуются, когда «сводитъ ноги», что случается иногда послѣ горячки.

Зерномъ ячменя очерчиваютъ (съ паговоромъ) ячмень въ глазу. Зерна, распаренныя въ горячей водѣ, прижѣняютъ, какъ припарокъ при вывихахъ.

III. «Надобья»

(растительнаго свойства, покусныя).

1) Адамовы шляпки. Наваръ пьется отъ шума въ головѣ. С. Ужуръ, дер. Чернавка.

2) Александрійскій листъ. *Fol. Sennae*. Изъ него готовится слабительное.

Мартьяновъ 34.

3) Анисъ. *Fruct. Carvi*. Настой помогаетъ дѣтиямъ отъ кашля. Наваръ пьютъ для увеличенія молока въ грудяхъ. Ал. Д. А—на.

Иногда привозится изъ Минус. Окр.

Въ Россіи наз. тминомъ.

4) Арца. *Inipereus comminis* et — *papa* Willd. (Можжевельникъ). Настойка на винѣ (3 золоти. на бут.) пьется по 1 рюмкѣ отъ головной боли Н. А—на.

Окуриваютъ, и наваръ даютъ иштъ взрослымъ отъ «цвѣту» Ал. А—на.

Однимъ наваромъ пользуютъ тѣхъ, у кого «горбъ расгетъ». Ал. К—рина.

Привозились изъ Енисейской тайги и Саянскихъ горъ.

Мартьяновъ 2.

5) Брусника. *Vaccia vitis Idaea*. Сокъ свѣжихъ ягодъ дается младенцамъ, какъ противонозное; вообще же служитъ питьемъ при горячкѣ; въ этомъ случаѣ свѣжія или сваренныя ягоды отдавливають черезъ сито и сокъ иногда смѣшиваютъ съ сахаромъ.

Привозится изъ Южно-Ач. Тайги. Изрѣдка попадаетъ въ ельникѣ по р. Ужурю. Горстѣ. 367; Кытмановъ 168.

6) Вѣлая трава. *Ballota lanata* L. Наваръ дается отъ головной боли и «нутреного хомута» А. Б—хъ, Ал. А—на.

Вымѣнивается у Качинскихъ пнородцевъ Теляшкпнскаго улуса на р. Болонь Уюсѣ.

Мартыновъ 10.

7) Винныя ягоды. *Fruet. Caricae*. Распаренныя въ молокѣ снаружи, какъ припарокъ при опуханіи десенъ; отваръ съ горькими миндалями помогаетъ отъ «нутра».

8) Гвоздичка. *Sargophylli*. Кладется на больной зубъ; жеваную залускають въ глаза: «бѣльмо съѣдаетъ». Н. А—на.

Наваръ пьютъ для усиленія родильныхъ потугъ. Она-же.

9) Грудной чай. *Species ad inf. pectorale*. Заваривають и пьютъ отъ кашля.

10) Дорогая трава. *Rad. Sarsaparillae*. Настоемъ на водкѣ пользуются отъ «сухого волоса» и отъ «опасной боли» (сифилиса), а также при ломотѣ въ рукахъ и ногахъ. На $\frac{1}{4}$ в. водки полагается $\frac{1}{2}$ ф. травы. Посудина съ настоємъ ставится на гобецъ, чтобъ «свѣту не видала», гдѣ держится 12 дней. Настойка сластнетъ; употребленіе малое: сперва на $\frac{1}{2}$ рюмки, затѣмъ по 1 р. раза два въ день, такъ, чтобъ хватило на 12 дней. Н. А—на.

При лѣченіи «сухого волоса» требуется еще «отпивать», т. е., новая четверть водки настаивается на томъ же количествѣ старыхъ прутьевъ травы и держится на гобцѣ уже не такъ долго. Она-же.

Спиртомъ (идеть и очистка) наливають траву (2—3 золотн. на бут.) и вмѣстѣ съ посудой «запекають въ сочнѣ». При чахоткѣ—по $\frac{1}{2}$ рюмки. Л. К—на.

Въ видѣ настойки употребляется и при головной боли.

Зелье.

Мартыновъ 34.

11) Желтая ромашка. *Flores chamomillae*. Наваръ пьется послѣ родинь: «рѣзи не бываетъ и жаръ пропадаетъ». Жуютъ въ соску, или поятъ наваромъ, когда на новорожденныхъ «нападаетъ ревъ»; какъ потогонное. А. А—на.

Мартыновъ 36.

12) Изюмъ. *Vassae vitis uvae*. Настой въ горячей водкѣ дается груднымъ дѣтямъ отъ кашля; на чашку 10 изюминокъ.

Привилось по совѣту мѣстнаго фельдшера.

13) Ипиръ. *Rhizoma zingiberis*. Вѣлый, настоенный на водкѣ (на бут. 3 лепешки),—отъ кашля.

Желтый—въ видѣ настойки съ нѣсколькими каплями острой водки вл.—отъ «жемшунцы» (на бут. водки золотн. 3—4 инб. и нѣск. капель острой водки) Н. А—на.

Мартыновъ 35.

14) Калганъ. *Rhiz Galangae*. Употребляется въ видѣ настоекъ.

На водкѣ,—пьется отъ «нутра» и удущья;—послѣ родинь, чтобы лучше «разбивало краски», лучше «шли бы крови». Ал. А—на.

9 зол. калгана вмѣстѣ съ 3 зол. селитры и нѣск. каплями острой водки опускаются въ полуштофъ в; бутылка въ горшкѣ съ отрубями ставится въ печь, напр., съ полдня (чтобъ вольный духъ былъ), къ вечеру вынимается. Эта настойка пьется (по рюмкѣ) отъ простуды. А—на.

Этимъ же способомъ готовится настойка, употребляемая отъ кашля. На $\frac{1}{2}$ штофа кладется по 3 зол. калгана и инбиря, $1\frac{1}{2}$ зол. селитры, острой водки $\frac{1}{2}$ зол. и $\frac{1}{2}$ зол. ругти. Она же.

Мартыновъ 35.

15) Каменный звѣробой. Fol. Polypodii vulgaris. Настоенный на водкѣ дается, когда «конь кого ушибетъ», или «внутри ровно что оборвется».

Пьютъ отъ «нугра» въ д. Чернавкѣ.

Въ домашнемъ обиходѣ настойка каменнаго звѣробоянется вообще для укрѣпленія желудка.

«Наши бабушки, передавала Пр А—па, все уже, бывало, напарять каменнаго звѣробоя въ чашечкѣ и вылить въ логушку съ водкой: водка пожелтѣетъ и вкусъ получаетъ хороший; ее всегда держали въ запасъ про всякій случай.

Растетъ таежное; встрѣчается рѣдко. Доставляется инородцами Телишкннскаго улуса Кач. Ст. Упр. Попадается изрѣдка по утесамъ у дороги, ведущей отъ д. Кулунъ къ улусу Боже-Озерскому.

Мартьяновъ 10.

16) Кашикара. Fol. Rhododendri. Отваръ, или настойка на водкѣ (3 зол. на бут.) принимается по рюмкѣ отъ «нугра», когда на «сердцѣ давленье». Н. А—па.

Зелье. Привозилась изъ Саянскихъ горъ.

Мартьяновъ 10; Андреевскій 463; Ордынскій «Сиб. г.» № 40, 1888 г.

17) Кирпичный чай. См. № 32.

18) Клюква. Употребляется съ медомъ при золотухѣ; ягоды затыкаются въ уши, когда угорять; морсъ служить прохладительнымъ питьемъ, когда человекъ «лежитъ въ жару». С. Ужуръ, д. Чернавка, Изыкчуль.

Водится возлѣ д. Ключей (Вятка), въ окрестностяхъ Назаровской вол. и г. Ачинска.

Мартьяновъ 11; Кытмановъ 154.

19) Малина. Vassae Rubi idaei. Какъ потогонное.

Вывозится небольшими запасами приисковыми рабочими Ю.-Ачинской тайги.

Мартьяновъ 13; Кытмановъ 167.

20) Махорка. Fol. N. rot. rustica. См. № 25.

21) Миндаль горькій. Amygdalae amarae. См. № 7.

22) Нюхательный табакъ. См. № 25.

23) Рябина. Sorbus asuroparia П. Ром. Рябиновая настойка—отъ «нугра». Пользуются рабочіе Ю.-Ачинской тайги.

24) Солодковый корень. Rad. Liquiritiae. Цѣльный дается дѣтямъ «муслить», когда прорѣзываются зубы. Ан. Д. А—на.

Андреевскій 446.

25) Табакъ. Fol. Nicotianaе. Отваръ черкаскаго табаку снаружи—помогаетъ отъ коросты; тертымъ, можно и махоркой, засыпаютъ порѣзы. Листьями, распаренными въ горячей водѣ, «продергиваютъ по бѣльму».

По тюркьмамъ имъ пользуются, какъ средствомъ, способнымъ вызвать въ человекѣ нѣчто сходное съ пароксизмомъ лихорадки, для чего табачные листья кладутъ подъ мышку: приступъ наступаетъ очень скоро и открываетъ желающему двери больницы.

Настойка на водкѣ, какъ примочка при «ногтоѣдкѣ».

Ватка кладется на больной зубъ; лишай мажется ею.

Нюхательный табакъ нюхается для проясненія зрѣнія.

Андреевскій 449.

26) Татарскій баданъ. Saxifraga crassifolia L. Наваръ даютъ отъ поноса. Пр. А—на.

Водится по горамъ и таежнымъ труппамъ, сохраняющимся отъ дѣйствія паловъ (пожаровъ).

Мартьяновъ 3.

27) Троелистка. Folia Trifolii ebrim. Наваръ, или настойка на водкѣ (что даже чаще дѣлается) принимается отъ «кумушки», головной боли и отъ многихъ другихъ болѣзней.

Привозится съ р. Уюса; водится въ д. Соксѣ. Возлѣ д. Кугунеки и въ Назаров. вол. въ изобиліи.

Растеніе—болотное.

Фамилійный чай. См. № 32.

29) Филичья трава. *Aconitum Napellus* L. A *Aconitum volubile*. Приготавливается настойка на водкѣ (на бут. корешка 3) и держится въ посудѣ на гобцѣ «чтобы свѣтомъ не брало», 12 сутокъ, Пьютъ отъ простуды и отъ «серца». Употребленіе малое. С. Ужуръ, д. Чернавка.

Зелье. Вывозится изъ Ю.-Ачинской тайги.

Мартьяновъ 23; Горсть 377.

30) Хмель. *Strobili Lupuli*. Отв. пьютъ послѣ родиль; листочками извлекаютъ изъ вѣка соринки, «взявшіяся пузырьками». Хев. А—на.

Привозится изъ Маринск. окр., Томской губ.

31) Цитварное сѣмя. *Flores sinae*. Съ медомъ ѣдятъ отъ «глиздовъ» (глистовъ) и тошноты.

Мартьяновъ 37.

32) Чай (фампльный). *Fol. Theae*. Семейный—пересушиваютъ, запариваютъ въ чайникѣ и поятъ грудныхъ дѣтей отъ поноса; выварки чай прикладывали къ глазамъ во время глазной эпидеміи въ 1890—91 г.г. Ужурск. вол.

Кириичный чай скоблится и употребляется вмѣсто дѣтской присыпки.

33) Череда. *Herba Bidentis tripartita*. Нав. одной, или съ травой мать-мачихой вн., какъ противозолотушисе.

34) Черемша. *Allium victorialis* L. Свѣженжеванный стебель си. при «ногтедѣ»; её ѣдятъ при цынгѣ. На принскахъ, а также по Ужурской, Шарып. и Назаров. волостямъ въ большемъ употребленіи, просто какъ пища.

Привозится инородцами Кызылск. Ст. Д. Изрѣдка попадаетъ въ окрестностяхъ Ужура, по дубовамъ рѣчущекъ Малаго и Большого Изыкчуля.

Мартьяновъ 24; Кырмановъ 156.

35) Черника. *Vaccae Myrtilli* Z. Отв. ягодъ дается дѣтямъ отъ поноса.

Вывоз. изъ Ю.-Ачинской тайги.

Мартьяновъ 25.

36) Черносливъ. *Fructus pruni domesticae*. Нав. изрѣдка пьется послѣ родиль.

37) Чечилбуха (челибуха). *Sem. Strychni*. Мужская—гладенькія лепешки; женская—согнутыя лепешки; лепешку кладутъ на короткое время въ ч. чашку съ молокомъ; имъ поятъ грудныхъ дѣтей отъ «внутренней грыжи».

Настоевныя на водкѣ (на бут. 1^{1/2} ден.) употребляются и взрослыми отъ грыжи, при образованіи килы. Н. А—на.

Наставляются на квасу; на полуштофъ стружатся три лепешки и квасятся на печи 2—3 сутокъ. Настойка употребляется при простудѣ. Она—же.

Мартьяновъ, 37.

III. Растенія съ чудесной силой.

1) Бѣлая трава. *Ballota lanata* Z. «Курять», т. е. жгутъ ее передъ тѣмъ, кого «шибко бьетъ передъ смертью»; передъ мальчикомъ—на мужчкѣ (название сошника), передъ дѣвочкой—на жонкѣ, передъ взрослыми безъ нихъ: «кому суждено жить, того перестанетъ бить, иначе съ тѣмъ и умретъ».

Ужурск. вол.

2) Вихорево гнѣздо. *Plica Betulae albae*. Представляетъ собой скопленіе въ одномъ мѣстѣ, на березѣ многихъ вѣточекъ. Доставалось въ старину въ великій четвергъ, въ заутреню; имъ окуривали скотъ для огражденія отъ нечистой силы, мора и другихъ злокачественныхъ напастей. Гнѣздо жглось на уголкахъ оставшихся отъ «деревяннаго огня», специально для этого случая добываемаго *) Н. А—на.

*) Дѣлалось, какъ иногда и теперь еще дѣлается, слѣд. образомъ. Между пятами двухъ деревянныхъ стоекъ, одну изъ которыхъ составляетъ изогнутая часть

3) Иванъ-да-Марья. Рвутъ на Ивановъ день до восхода солнца. Если вложить затѣмъ въ углы избы, «воръ не подойдетъ къ дому: братъ съ сестрой будутъ говорить, вору будетъ казаться, что разговариваютъ хозяйинъ съ хозяйкой.

Растетъ ли здѣсь, или нѣтъ—не знаю. Ал. Т—ва.

4) Мелкая трава. *Potentilla anserina* L. «Дитя, которо съ рожденья чахнетъ и не растетъ, надо напоить паваромъ этой травы и помыть въ немъ». Въ ребенкѣ должно—послѣдовать улучшение: «онъ повеселѣетъ; иначе не лѣчи—умретъ». Ал. Т—ва.

5) Однолѣсная осина. *Populus tremula* L. Рвутъ по осени (безъ всякаго слова); затыкаютъ у воротъ и по стойкамъ: «ни одна вѣдьма не зайдетъ во дворъ». Она-же.

6) Осенний цвѣтъ—лютика. *Pulsatilla vulgaris* Mill. Фиолетовый цвѣтъ лютика, если весной преобладаетъ надъ бѣлымъ, предвѣщаетъ урожайный годъ. Сушить теплую осень. Корниль Ананьинъ.

7) Осенний цвѣтъ жаркихъ цвѣтковъ. *Trollius asiaticus* Lin. Тоже самое.

8) Селименки. Срѣзываютъ со стоячаго хлѣба, на зачипъ жаты, нѣсколько соломенокъ и, заткнувъ за «гасникъ юбки», за «гачу» ли шароваръ, или поясокъ, жгутъ, пока не выпадутъ. Постѣ этого можно считать себя застрахованнымъ на всю страду отъ ломоты въ поясницѣ, какая ощущается во время жаты. Пр. А—на.

9) Цвѣтъ папортника. Одинъ изъ видовъ *Asplenium filix femina* Bersch. et *Struthiopteris germanica* Willd. По мѣстнымъ сказаніямъ столь же много сушить счастливцу, сорвавшему его «цвѣтъ», какъ это представляется въ разсказахъ, распространенныхъ въ Евр. Россіи. Мартыновъ 15.

10) Чернобыльникъ. *Artemisia vulgaris* L. «На Ивановъ день, до восхода солнца, чтобы никто тебя не видѣлъ, рви чернобыльникъ; подъ корнемъ найдешь уголь; онъ отъ многихъ болѣзней облегченіе доставляетъ,—отъ брюха, тошноты и проч. Если увидать тебя за этимъ дѣломъ,—уголь уйдетъ въ землю. Ал. Т—ва.

IV. Цвѣты, корни и проч.

(дикорастущихъ и культурныхъ растений).

а) Съдобные—имѣющіе значеніе кровоочистительнаго средства и въ сушеномъ видѣ, какъ пряности.

1) Батунъ. *Allium*. Съдобное. Разводится въ огородахъ.

2) Береза. *Betula alba*. Ранней весной она даетъ жидкій сокъ, составляющій прохладительное, пріятное на вкусъ, питье. Живя на пашнѣ, крестьяне часто изъ него варятъ чай; когда мочка распустится, «скоблятъ» сокъ, снимая со ствола бересту. Не для одного, однако, удовольствія практикуется добываніе сока: оно ведется рядомъ съ необходимостью очистить изъ подъ дѣса клочекъ земли, удобный для распахки. «Подсоченая» береза, какъ и лиственница, въ то же дѣто засыхаетъ, скорѣе гниетъ вмѣстѣ съ кореньями, которые легче извлекать изъ земли топоромъ, когда чистятъ щетку, и не столь сильное сопротивленіе оказываетъ, когда распахиваешь полоску. Горсть 378.

3) Бобы съѣдобные. *Vicia fabae* L. Разводятъ въ огородахъ.

полоза, другую—вертикальная плашка, передвигаемая по горизонтально параллельнымъ брусочкамъ, какъ это устраивается на токарныхъ станкахъ, вставляется гладко оструганная съ закругленными концами лучина; на нее надѣвается смычекъ и быстро вертится. Отъ тренія лучина быстро нагревается въ пяткахъ и раздуваемая дыханіемъ добывающаго огонь, берется пламенемъ; тогда деревяннымъ огнемъ зажигаютъ дрова въ печи; угли отъ нихъ загребаютъ въ загнетъ и тщательно засыпаютъ; въ великій четвергъ израсходываются. Въ великій четвергъ слѣдующаго года деревянный огонь добывается вновь.—Этотъ станокъ служитъ для вытачиванія и обжиганія веретешекъ.

4) Богородская малая. *Thymus serpyllum*. Кладется въ пиво, — жижнеть. Въмѣстѣ со стружками, наскобленными съ притвора подполья, или входныхъ дверей, парятъ кринки (съ наговоромъ), чтобы молоко слаще было, сливки гуще были бы. Иными стружки замѣняются малой жалицей; ее рвутъ (съ наговоромъ) рапшииъ утромъ, въ одной рубахѣ. Мавра А—на.

5) Брусника. *Vaccae Vitis idaei*. Ягоды съѣдобныя.

6) Брюква. Съѣдобное. Огороднее.

7) Вѣлянки. *Agaricus* spec. Съѣдобное. Собираются по дубровамъ.

8) Васильки. *Polemonium caeruleum* L. Корни его ѣдятъ. Вся дудка въ сушеномъ видѣ кладется въ «травяное пиво» *).

9) Гвоздика. *Dianthus sinensis* Fisch. Сушеная кладется въ пиво. Растетъ по залежамъ.

10) Голубенца. *Viola arenaria* DC. Ягоды съѣдобны; растутъ по залежамъ.

11) Горохъ. *Pisum sativum*. Съѣдобное. Огороднее.

12) Грузди. *Agaricus* spec. съѣдобное. Собираютъ по дубровамъ у оз. Солоатъ, также въ Лопаткѣ, у Большого и Малаго Изъкчуля (окрестности Ужура).

13) Забсгоя. Дятилькомъ называютъ. Молодая дудка съѣдобна. Д. Марьясова (на рѣч. Черешѣ).

14) Земляничка. *Fragaria vesca* L. Ягоды съѣдобны.

15) Ирныи корень. *Acorus calamus*. Съѣдобный. С. Вѣлопашинское.

Болотное растеніе.

Кытмановъ 154.

16) Калина. *Viburnum opulus*. Съѣдобное. С. Солгонъ, г. Ачинскъ.

Горсть 356.

17) Каменный звѣробой. *Fol. Polypodii vulgaris* L. Его, говоритъ Н. А—на, клали также въ кислое пиво, — оно молодѣтъ». Подсыпали круглой черемухи, немного перцу и долго-долго парили въ мѣдникахъ въ печи. Получался наваръ, который въ старину наз. «зварцемъ» и подавали въ оловянныхъ или деревянныхъ чашечкахъ на свадебныхъ и праздничныхъ гулянкахъ, какъ угощеніе, вмѣсто чаю.

18) Капуста. *Brassica oleracea*. Съѣдобное. Огороднее.

19) Картофель. *Solanum tuberosum*. Съѣдобное. Садятъ преимущественно на пашняхъ.

20) Кедровые орѣхи. *Pinus sibirica* L. Съѣдобное. Вывозятъ изъ Ю.-Ачинской тайги.

Возлѣ улуса Ураки (въ 20 вер. отъ с. Ужура) имѣется заповѣдный «колокъ» (юща) Кедровъ, единственный въ такой близости, шишки съ которыхъ, достигнувшія известной зрѣлости, сбиваются въ условленный день всѣмъ Уракскимъ обществомъ. Ихъ мѣняютъ на запасъ (печеный хлѣбъ).

21) Клюква. *Vaccae Oxycocci*. Съѣдобное. Привозится.

22) Козій корень. *Umbelliferae*. Съѣдобное и какъ пряность къ пиву.

23) Колючки. Корни съѣдобныя.

Растеніе болотное.

24) Костянка. *Rubus saxatilis*. Съѣдобное. Растетъ по залежамъ.

25) Кудряшки. *Tragopogon origentalis* L. Имъ парятъ кринки, чтобы «масло слаще было».

Растетъ по залежамъ.

Горсть 380. Мартьяновъ 11 и 13, Гандельсманъ 25.

26) Купальщица. *Ranunculus acris* L. Ею парятъ дойки и кринки.

27) Лапки. Корни съѣдобныя. Растетъ по мыскамъ.

28) Лукъ луговой. *Allium Schoenofrassum*. Ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ и въ посолѣ.

Собирается по р. Ужуру и Сосновскому ключику.

29) Лукъ огородній. *Allium sera*. Съѣдобное. Огородное.

*) Сусло хлѣбное, перепаренное со сборомъ травъ.

- 30) Малина. *Vaccae Rubi idaei*. Съдобное. Огородное.
- 31) Медунки. Цвѣточки съдобны и какъ пряность.
- 32) Морковь. *Daucus carotta L.* Съдобное. Огородное.
- 33) Мята. *Mentha crispata* Schkr. Кладется въ пиво для запаха.
- 34) Огурцы. *Cucumis sativus*. Съдобное. Огородное.
- 35) Опята. *Agaricus spec.* Съдобныя. Собираются по пнямъ срубленныхъ березъ.
- 36) Папортники. *Filices*. Въ старину ими парили дойки. Раст. на заимкѣ Алексыя А—на (по Ягинской дор.)
- 37) Подсолнухъ. *Helianthus annuus L.* Сѣмя съдобно. Огородное.
- 38) Полевой чеснокъ. *Allium*. Луковицы съдобны.
- 39) Пучки. *Archangelica decurrens* Ledeb. et *Heraclium barbatum* Ledeb. Свѣжія дудки съдобны. Раст. по дубовамъ. Кытмановъ 168.
- 40) Пѣтушки желтые. *Primula officinalis L.* Стебельки съдобны. Цвѣтки со стеблями кладутся въ пиво. Въ дер. Логуновой Шарып. вол. ѣдятъ пѣтушки, желтые цвѣточки которыхъ имѣютъ сходство съ цвѣточками мышиного горошка.
- 41) Рыжикъ. *Agaricus deliciosus*. Съдобны; собираются по дубовамъ.
- 42) Рѣдька. *Raphanus sativus L.* Съдобное. Огородное.
- 43) Рѣпа. *Brassica rapa*. Тоже. Сѣется на пашнѣ.
- 44) Саранки бѣлыя. *Lilium tennifolium L.* { Луковицы — бѣлыя на видѣ. Д Чернавка.
- 45) Саранки желтыя. *Lilium Martagon L.* { Луковицы — съдобны. Раст. по дубовамъ.
- { Луковицы — желт. на видѣ; с. Уж
- 46) Свекла. *Beta sativa*. Съдобное. Огородное.
- 47) Слизунецъ. *Allium nutans* Ledeb. Луковицы съдобны. Появляется наружу весной по сырмъ мѣстамъ. С. Ужуръ; д. Парная и друг.
- 48) Татарскія пучки. *Ligularia altaica* DC. Дудки съдобны; сушенныя кладутся въ пиво для сладости. Раст. по дубовамъ.
- 49) Татарскія саранки. *Umbilicus spinosus* DC. Верхнія чашечки съдобны. Растетъ по степи. Мартыановъ 22.
- 50) Черемуха. *Prunus Padus L.* Ягоды съдобны. Растетъ по ключамъ.
- 51) Черешня. *Allium victorale L.* Съдобна. Мѣстная и привозная.
- 52) Черная смородина. *Ribes nigrum L.* Ягоды съдобны. Растетъ по ключамъ.
- 53) Чеснокъ *Allium sativum L.* Съдобное огородное.
- в) *Суррогаты чая.*
- 54) Бѣлоголовникъ. *Spiraea ulmaria L.* Сушеный или свѣжій кипитится въ котельнахъ, или даютъ прѣть въ чайникѣ. Черневскій 39.
- 55) Глубеничникъ. *Viola-arenaria* DC. Встарину его пили.
- 56) Жерновца. *Phlomis tuberosa L.* Цвѣтки съ дудкой — сушеные, или свѣжіе.
- 57) Копѣвникъ. См. № 59.
- 58) Конскій звѣробой. Какъ и жерновца. Въ свѣжемъ видѣ употребляется преимущественно одними охотниками звѣроловами. Сид. А—нъ
- 59) Красныя коньки. *Epilobium angustifolium L.* Обливаются наваромъ кирпичнаго чая, сушатся и послѣ уже запариваются. Раст. на брошенныхъ полосахъ и по залежамъ. Мартыановъ 10, Черневскій 39.
- 60) Мята душная. *Mentha crispata* Schkr. Свѣжая и сушеная запаривается въ чайникѣ, какъ чай и какъ лѣкарство.
- 61) Черемуха. *Prunus Padus L.* { Листья съ вѣточками въ свѣ
- 62) Черная смородина. *Ribes nigrum L.* { жемъ или сушеномъ видѣ кипитятся въ котелькѣ.
- 63) Черноголовникъ. *Sanguisorba officinalis L.* Употребляется изрѣдка.
- 64) Татарскій баданъ. *Saxifraga crassifolia L.* Сушенныя листья запариваются. Позаимствовано отъ инородцевъ обихъ ст. думъ.

65) Шипишный цвѣтъ. *Rosa Smelini Rgl.* Собирается во время цвѣгенія шиповника, цвѣточки запариваются; употребляютъ для варенья.

66) Щепочки. Отколотыя расщепины саморастрескавшагося ствола березы со щепоткой кирпичнаго чая пьютъ въ отварѣ, когда «грудь залаживать».

У. Лѣчебныя средства,

употребляемыя въ различныхъ видахъ *).

1. Животнаго происхожденія.

- 1) Баранья брюшина.—Свѣжая, сы.,—при «собачьей старости».
- 2) Грудное молоко—«Сколько начиркается» (надавится) молока съ чуточкой порошка крымзы (съ кончика ножа) и вводится по каплѣ въ глаза отъ бѣльма. На немъ замѣшиваются колобочки, употребляемые при лѣченіи «собачьей старости».
- 3) Гусиный жиръ. Сваружи при ознобахъ, общее средство.
- 4) Дѣтская пуповина. Въ наварѣ пьется женщинами при безплодіи.
- 5) Женская коса. Ею выскребають «творожокъ» во рту младенца.
- 6) Змѣя. «Мокрецомъ» убитой змѣи, которая жалитъ, снаружи при укушеніи. Ужур волости.
- 7) Змѣиные выползки. Шкурки, оставляемыя змѣями при линянїи. Вязутъ въ ладонкѣ на крестъ отъ «кумушки». Ужурск. вол.
- 8) Зубы человѣка. Зубами «закусываютъ» чирьи, пупокъ при грыжѣ. «Загрызають» мышаки у лошадей. Ужур. вол.
- 9) Кобыля перепонка. Зашивается въ тряпичку для пошенія во время «кумушки».
- 10) Конскій волосъ. Для перевязокъ при «сухомъ волосѣ».
- 11) Конская голова. Непремѣнный предметъ при лѣченіи зубной боли по способу, указанному Ал. А.—ной въ ея наговорѣ № 4.
Промежъ глазницъ конской головы рвется травка, значеніе которой объяснено выше. См. № 160, 1 отд.
- 12) Куриные потроха. См. № 46.
- 13) Куриное соленое сало. Наружное—«обѣдаетъ дурь» (гнию), «объявлять занозы» и размягчаетъ нарывы.
- 14) Коровье масло. Разогрѣтое внутрь, по ложкѣ, какъ проносное. Наружное, когда извѣтрать зубы.
- 15) Коровье молоко. Парное внутрь,—при отравленіи. Пьютъ также при геморроѣ, чахоткѣ и т. п.
- 16) Куриный пометъ. См. мазь № 65.
- 17) Лягуша Живая, какъ жаропонижающее снаружи—при лихихъ пальцахъ (расперстицѣ).
- 18) Масло. Вытапливается изъ горшочка, въ которомъ постоянно варится молоко; сы.—на золотушные струны. С. Ужуръ и др. мѣста.
- 19) Медвѣжій жиръ. Топленый для натиранья при «сухомъ волосѣ» и при ломотѣ, ощущаемой въ конечностяхъ.
- 20) Медвѣжье мыло. Приготавливается одинаково съ обыкновеннымъ мыломъ. Сы.—при «вѣтренномъ переломѣ» глазъ.

*) Этотъ отдѣлъ разбитъ на рубрики, согласно существующимъ въ средѣ крестьянъ тождественнымъ опредѣленіямъ большинства перечисляемыхъ здѣсь лѣчебныхъ средствъ. Авторъ.

21) Мизгирево гнѣздо. Паутина, снаружи, — какъ кровоостанавливающее. Общее средство.

22) Мозги изъ конскихъ цѣвокъ. Раздробивъ свѣжія цѣвки конскихъ ногъ, достаютъ мозгъ. Сырой или подогрѣтый — снаружи отъ «простудной ломоты».

23) Мозги изъ свиныхъ санковъ (челюстей). Дробится нижняя челюсть и извлекается мозгъ, слегка подогрѣтый снаружи — при отекахъ глотки.

24) Моча (сцяцо). Человѣчья, овечья и свиная, употребляются въ разнообразныхъ случаяхъ.

25) Мурашное масло.

26) Мыло крестьянское. Большею частью варится дома изъ скотскаго и овечьяго сала. Дается (съ наговоромъ) умываться отъ «новѣтренной боли» глазъ.

27) Мѣсто перваго ребенка. Снаружи — для смазыванія «рванннхъ» и лѣченія «могильной кости».

28) Обмылки. Собираются при омовеніи покойниковъ; сн. — при онѣмѣніи рукъ и ногъ.

29) Овечій пометъ. Пережигается; снаружи для засыпки струпеви и ожоговъ.

30) Потъ съ лошади. Снаружи — при мокромъ лишай.

31) Простокваша. Замѣняетъ часто сметану при изготовленіи мази отъ чесотки.

32) Піявки. Общеупотребительное средство. Ими пользуются вмѣсто кровопусканія или банокъ, когда ощущается ломота въ поясницѣ или тупая головная боль и т. п.

33) Пѣтухъ. — Кровь изъ его гребня снаружи — отъ «грызи пупка». Хвостомъ его «шоркаютъ» по глазамъ при куриной слѣпотѣ.

34) Рысій жиръ. — Имъ съ успѣхомъ заживляются раны, развивающіяся вслѣдствіе отмораживанія.

35) Свиное сало — Въ видѣ смальца входитъ въ составъ мазей.

36) Свѣчное сало. Намазывается на сахарную бумагу; сн. — къ подошвамъ ногъ при легкой простудѣ; однимъ саломъ пользуются при лѣченіи «грудцы». Общеупотребительное средство.

37) Сливки. Снаружи при ожогахъ. Входитъ въ составъ мазей.

38) Сметана. См. мази № 65.

39) Собаки. Имъ бросаются спеки хлѣбовъ и проч., употребляемыхъ при лѣченіи «подназупника», «собачьей старости» и «кочергушки».

40) Сорочьи мозги. Слегка подогрѣтые, сн. — при ознобахъ. Общее средство.

41) Сыворотка. Внутри — при брюшной водникѣ; снаружи — при «повѣтренной» боли глазъ.

42) Сырое мясо. Снаружи — къ занозамъ и для уничтоженія бородавокъ. Д. Яга, Ужур. вол.

43) Телячій пометъ. Свѣжій снаружи, — какъ смягчительное при золотушныхъ опухоляхъ. Общее средство.

44) Ушканина. Шкурка зайца, распаренная въ молокѣ, или намыленная мыломъ, — какъ нарывное. Общее средство.

45) Человѣчій калъ. Собственный; употребляется одинаково съ телячьимъ. Общее средство.

46) Щенки. Живыми берутся въ баню при лѣченіи «собачьей старости». Внутренности разорваннаго щенка, сн. на язвы «мокраго волоса». Д. Яга.

47) Шучки. Служатъ для лѣченія желѣзницы. Общее средство.

48) Языкъ человѣчій. Кончикомъ его вылизываютъ соринки, попадающія въ глаза. С. Ужуръ.

49) Яманье молоко. Внутри. при чихоткѣ.

2. М а з и.

50) Бѣлильная мазь. Коровье масло перекпятить со свинцовыми бѣлилами; употребляется снаружи для смазыванія мокнущихъ струпеви. Н. А — на.

51) Камфарная мазь. Камфара и свицовья бѣлила сбиваются съ коровьимъ масломъ (по комочку); употребляется для залѣчиванія язвъ на грудяхъ. Ефр. К—на, Ал. А—на.

52) Глазная мазь. Въ личномъ бѣлкѣ растираются квасцы (кусочкомъ) только «ношоркають»—потрутъ одно блюдечко, на которое наливается бѣлокъ); прикладываются сл., когда «шибко ломить и жаръ стоитъ въ глазахъ». Н. А—на.

53) Мазь отъ «смертной боли». Скипидаръ сбалтывается съ деревяннымъ масломъ (по $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ фн. каждаго) для втираній. Н. А—на.

54) Мазь отъ «грудцы». Мозги свиныхъ санковъ растираются съ головкой чесноку;—для втираній. Ал. А—на.

55) Мазь отъ «забрусенія грудей». См. мазь отъ свищей, № 62.

56) Мазь отъ золотушныхъ язвъ. Стертая въ порошокъ сушеная крапива жалица (большая) смѣшивается со сливками. Наружное.

57) Мазь отъ зуда. а) Смѣсь 1 зол. острой водки съ 1 зол. ртути оставлють стоять сутки; употребляется разведенная въ шкаликѣ водки; зудящія мѣста смазываютъ перышкомъ (какъ молитанью). Б. А—во.

б) Ее замѣняютъ другимъ составомъ: съ безозовымъ дегтемъ смѣшиваются въ равныхъ частяхъ (но щепоткѣ) соль, зола, нюхат. табакъ и спій куноросъ или керосинъ. Д. Чернавка.

58) Отъ лихихъ пальцевъ. Верхушки травы пять-пальцевъ сушатся, мелются и растираются съ свинымъ саломъ; снаружи на трипочкѣ. Ал. Т—ва.

59) Отъ мокраго лишая. Смола съ порошокомъ горючей сѣры; наружное.

60) Отъ пролежней. Свиной смалець сбивается съ острой водкой (на чашку ч. 5—6 капель); смазыванье пролежней производится на печи, или въ банѣ (въ сухомъ пару)—не парясь вѣнникомъ. Н. А—на.

61) Отъ простудной ломоты и отековъ. Сбивается скипидаръ съ дерев. масломъ (по рюмкѣ каждаго); натираются въ банѣ 5—6 разъ. Н. А—на.

62) Отъ свищей. Камфара, смѣшанная съ коровьимъ масломъ, употребляется для залѣчиванія свищей на грудяхъ и для втираній, какъ смягчительное, при ихъ «забрусеніи», затвердѣніи. Ефр. К—на, Ал. А—на.

63) Отъ «собачьей старости». Дрожжи сквашиваются съ отрубями (на шесткѣ, пока тошится баня); ею смазываютъ дѣтей, страдающихъ «собачьей старостью» (передъ тѣмъ, какъ парить въ банѣ). Н. А—на, Ал. А—на и др.

64) Отъ «сухаго волоса».—а) Сбивается 3 зол. ртути съ чашкой свѣжаго сливочнаго масла, подливается 3 зол. бобковаго масла, кладется 3 зол. яри; затѣмъ все сбивается снова. Смѣсью натираются въ банѣ (въ сухомъ пару) отъ 3 до 6 разъ. Н. А—на

б) Бобковое масло смѣшивается сортутью и ярю (но 3 или $1\frac{1}{2}$ зол. каждаго); натиранье производится въ банѣ. Она-же.

65) Отъ чесотки.—а) Смѣшивается порошокъ синяго купороса съ дер. масломъ (1—2 зол. на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ чайной чашки). Она-же.

б) Въ водномъ растворѣ синяго купороса кипятится куриный пометъ до кашицеобразнаго состоянія; полученная масса растиралась и употреблялась встарину въ видѣ мази отъ чесотки. Она-же.

в) Сѣра горючая растирается въ мерзломъ коровьемъ маслѣ; для этого палочкой сѣры «торкается» о верхнюю часть донушка чистаго горшочка, на которомъ кладется обыкновенно коровье масло не больше комочка. Новое средство. Она-же.

г) Корни конскаго щавеля, мелко искрошенные, оквашиваются со сметаной на шесткѣ (въ промежуткѣ, пока тошится баня, чтобы успѣла подняться). Ал. А—на.

е) Свѣжій свиной смалець сбивается со смѣсью сѣры горючей, купороса и поваренной соли (на $\frac{1}{2}$ чашки $\frac{1}{2}$ пал. сѣры, мѣтѣ купороса и щепотку соли)—отъ коросты. Д. Сютикъ, Ужур. вол.

66) Отъ язвъ худой боли. Дѣлается смѣсь изъ 1 зол. острой водки и 1 зол. ртути; даютъ постоять сутки; смѣсь приобретаетъ видъ молока и употребляется для прижиганія язвъ сифилиса и при «нырѣ» (?) Ал. А—на.

67) Отъ боли языка и при нарывахъ въ горлѣ Смѣшивается $\frac{1}{2}$ ложки меду со щепоткой поронка яри. Употребляется для наружныхъ смазываній.

3. Спуски и пластыри.

68) Воскъ. а) Кипятится (въ поваренкѣ на уголькахъ) съ еловой сѣрой и коровинымъ масломъ;—на тряпочкѣ при нагноеніяхъ порѣзовъ и свибленныхъ мѣстъ.

б) Перекипяченный съ коноплянымъ масломъ и луковкой снаружи—на ранки отъ ожоговъ. Средство общеупотребительное.

69) Зола. Щепотка золы, облитая каплей, двумя кор. масла—си. при занозахъ. Общеупотребительное.

70) Лепешки. Изъ бѣлаго воска, литыя,—си. къ язвамъ «мокраго волоса». Общеупотребительное.

71) Лепешки. Изъ муки, заведенной на меду, смазанныя мыломъ—си. на золотушныя опухоли. Общеупотребительное.

72) Свѣчки. Растопленнымъ изъ свѣчей воскомъ обливается писчая бумага, изъ которой скатываются трубки и употребляются отъ глухоты. Общ. средство.

73) Сѣра еловая. Кипятится съ кор. масломъ; употр. при язвахъ на соскахъ груди. Н. Кл—ва, Ал. А—на.

74) Сѣра пихтовая. Одна, подогрѣтая—при разрѣзахъ. Средство распространенное среди пріисковъ рабочихъ.

75) Тряпички. Со сломъ свиного сала и намыленные—си., какъ смягчительное на чирьи.

4. Деготь.

76) Березовый. *Pix Betulae*. Чистый принимали вн. (по ложкѣ) во время холеры въ 1892 г; си.—при ожогахъ, и т. д.

77) Деготь. Сочащійся изъ скважинъ ступицъ (гдѣ всажены спицы колеса) идеъ си. при «расперстицѣ».

78) Деготь съ обуха топора. На обухѣ топора жгутъ лучину; это даетъ отпотъ, и ею мажутъ «мокрымъ лишай».

79) Деготь изъ цѣвокъ коровьихъ ногъ. Такъ называется масло, получаемое путемъ вытяжки изъ коровьихъ ногъ.

Для этого въ днѣ чистаго горшка проверяется небольшое отверстие, а другое дѣлаютъ въ каменной плиткѣ. Последнюю кладутъ на камни; сверху ставятъ горшокъ такъ, чтобъ отверстія совпадали. Въ горшокъ кладутъ цѣвки ногъ и покрываютъ крышкой, а подъ плитку чистую кринку. Вокругъ разводится огонь. Въ кринку сбѣгаетъ маслянистая жидкость чернаго цвѣта; это и есть «деготь», весьма полезный, говорятъ при «ломотахъ въ костяхъ». Втиранья дѣлаются въ банѣ (въ сухомъ пару) Н. А—на.

5. Спирты и водки.

80) Спиртъ. *Spiritus vini rectificatus*. Снар., какъ примочка при «дихтирикѣ» (дифтеритѣ) и какъ натираніе при горячкѣ.

Рекомендуется для лѣкарственныхъ настоекъ.

81) Мурашиный. Настой на спиртъ черныхъ мурашей дается внутрь отъ «нутра» снаружи—при отекахъ, какъ натиранье.

82) Пихтовый спиртъ. См. № 117 I отд.

83) Водка обыкновенная. *Spiritus vini dilutus*. Какъ наружное—для оттиранія ознобовъ, для вспрыскиванья оспенныхъ струевъ и лѣченія глазъ.

Въ настойкахъ замѣняетъ спиртъ.

84) Водка изъ черныхъ мурашей. Чистый мурашинный сокъ, назыв. «водкой», добывается такъ. Чистая бутылка опускается въ гнѣздо черныхъ мурашей, гдѣ оставляется до тѣхъ поръ, пока не наполнится ими. Затѣмъ мурашей слегка обливаютъ водою и съ бутылкой «запекаютъ въ сочнѣ». Мураши замрутъ и дадутъ сокъ, идущей для втираній при отекахъ.

85) Водка изъ ржаной ковриги. Только что вынутую изъ печи ковригу, обрѣзавъ корки, опрокидываютъ надъ чистой миской; на днѣ ея со временемъ скопится желтоватая жидкость, которой лѣчатъ бѣльма.

Вмѣсто этого просто запекается въ ковригѣ рюмка, въ которой и накапливается требуемая жидкость, употребляемая съ одинаковой цѣлью.

86) Водка изъ синей сахарной бумаги. Свернувъ ее въ трубочку, нижній конецъ зажимаютъ, а верхній зажигаютъ, и, недопустивъ огонь немного до нижняго, тушатъ; въ зачатомъ концѣ получится капля черноватой липкой жидкости, которая вводится въ глазъ отъ бѣльма.

87) Водка изъ писчей бумаги. Добывается по предыдущему способу; жидкость переводится на ватку, которая вкладывается въ душло гниющаго зуба и залѣпляется воскомъ.

88) Водки. Купальницы, Лютика, Омега, Стародуба. } Употребленіе см. выше въ отд. I, сего «Сборника» №№ 71, 80, 101, 152.

89) Острая водка. *Acidum nitricum*. Принимается вн. на равнѣ съ купороснымъ масломъ (1 капля на блюдечко в.); вн.—для втиранія при ревматической ломотѣ, въ банѣ при температурѣ пара, какую только можно вынести; для выжиганія шпиль и бородавокъ. Входитъ въ составъ мазей.

VI. Н а д о б ѣ я,

покупаемыя исключительно въ лавочкахъ.

1) Антимоній. *Antimonium crudum*. Растворъ въ водѣ дается дѣтямъ отъ «нутряной грыжи». Н. А—на.

2) Вобковое масло. *Ol. Lauri, Unguentum Laurin*. Цѣльное снаружи—при «нутряной грыжѣ». Входитъ такъ-же въ составъ мази № 64.

3) Варъ сапожный. Сн. при «ногтоудкѣ». Прок. Мамизеровъ.

4) Глицеринъ. Сн. при золотухѣ. Ал. Т—ва.

5) Горчица. *Sinapis alba*. Изъ нея приготовляются горчичники.

6) Дер. масло. *Ol. olivar. Varide*. См. мази №№ 53, 61 и 65.

7) Золотыя книжки. Смѣшавъ листовую бронзу съ крупяной кашецей, кормятъ дѣтей отъ золотухи. Н. А—на.

8) Иодъ *Tinct. jodi*. О немъ узнали отъ фельдшеровъ. Былъ, между прочимъ, примѣръ, что жена состоятельнаго крестьянина, имѣя у себя іодъ, съ успѣхомъ примѣняла его противъ «змѣвца», начинавшагося было на ея пальцѣ. С. Ужуръ.

Мартьяновъ, 35.

9) Камфора. *Sampbora*. Цѣльная въ сахарной бумагѣ кладется на больной зубъ. Въ уши затыкается при головныхъ боляхъ.

Растворенная въ водкѣ—снаружи, какъ растиранье при ушибахъ и вздутіи живота. Н. А—на.

Входитъ въ составъ мази № 51 и втиранья № 174 (Отд. I).

Андреевскій, 434.

10) Карболовая кислота. *Acidum carbolicum*. Примѣнялась, по совѣту врача, какъ противозаразное во время холеры 1892 г.

Мартыновъ, 35.

11) Квасцы. *Alumen crudum*. Пережженными (на кончикѣ ножа, или въ чайной ложкѣ) натираютъ десна при ихъ ослабленіи. Ал. А—на.

12) Керосинъ. Входитъ въ составъ мази № 57.

Мартыновъ, 35.

13) Киноварь. *Cinnobaris*. Истолченную въ порошокъ нюхаютъ при вѣтrenomъ переломѣ головы (простудная головная ломота). Вдыхаютъ, сидя надъ «куревомъ» подь однорядкой въ теплой избѣ при «худой боли», «сухомъ волосѣ» и «болячкѣ въ носу».

Внутрь принимаютъ отъ грыжи; даже дѣтямъ даютъ въ этомъ случаѣ. Окуриваютъ язвы «мокраго волоса».

14) Касторовое масло. *Ol. ricini*. Внутрь, какъ проносное. Изъ новыхъ средствъ; стало вводиться въ употребленіе съ холернаго, 1892 года.

15) Красное сукно. Для лѣченія «рожи».

16) Крахмалъ (трахмалъ). Какъ дѣтская присыпка.

17) Крымза. *Zinc. Sulfuricum*. Распускается въ водѣ (на пузырькѣ щепотку), сн., какъ примочка для глазъ, когда «слезой долить». Лѣчатъ ею отъ бѣльма.

Мартыновъ, 35.

18) Купоросное масло. *Acidum sulfuricum* съ водой (2—3 капли на бледечко) пьется при давленіи подь ложечкой и тошнотѣ. Особенно усиленно пилось въ холерный (92) годъ.

Цѣльное—снаружи для прижиганій и т. п.

19) Ладонъ. Кладется на больной зубъ. Взятый изъ церковной кадильницы съ водой внутрь дѣтямъ отъ «испуга» и «цвѣту».

20) Мышьякъ. *Arsenicum album*. Порошокъ съ медомъ—вн. отъ «кумушки»; съ виномъ, какъ примочка при «змѣвцѣ».

Андреевскій, 440.

21) Мѣль. На красномъ сукнѣ отъ «рожи». Ъдятъ отъ «изжоги».

22) Мятныя лепешки. Ъдятъ отъ тошноты.

23) Мятные пряники. Жуются въ соску.

24) Нашатырь. *Ammonium chloratum*. Въ порошокъ съ горючей сѣрой на водѣ пьется, кровоочистительное. С. Ужуръ, Солганъ и др.

Одинъ нашатырь пьютъ, когда на «серцѣ давить».

Мартыновъ, 36.

25) Огуречное мыло. Для умыванія при «повѣтренной» боли глазъ.

26) Порохъ. Порошокъ сквашенный съ дрожжами (на ложку дрожжей щепотка пороха)—вн., какъ проносное. Старинное средство. Н. А—на.

27) Ртуть. *Hudgargurum vivum*. Входитъ въ составъ мазей №№ 64 и 66.

Андреевскій 444; Мартыновъ, 35.

28) Рыбій жпрт. *Ol. jecoris aselli*. Вн. отъ золотухи.

29) Сабуръ. *Alœ Soccotrina Lam.* Ъдятъ отъ «цвѣту».

Сабуръ, сѣра гор. и нашатырь (по 3 зол. на бут. водки) дается отъ «желтушны»

Мартыновъ, 36.

30) Сахаръ. *Saccharum*. Толченый служитъ для засыпки легкихъ порѣзовъ. Въ водномъ растворѣ дается при чахоткѣ, какъ отхаркивающее ($\frac{1}{4}$ ф. на бут. перекипяченной воды) Л. К—на.

Въ смѣси съ одинаковой пропорціей мелкоистолченной и просѣяной скорлупы яичной употребляется для засыпки бѣльма. Частное средство, практикуемое тещей Ужурскаго благочиннаго.

31) Свинцовыя бѣлила. *Cerussa seu plumbum carbonicum*. Входятъ въ составъ мази № 50.

Андреевскій 445.

32) Селитра. *Nitrum*. Входитъ въ составъ настойки № 14 (отд. II).

33) Синій купоросъ. Комочкомъ труть десна при отекахъ. Слабый водный растворъ,—какъ рвотное; болѣе крѣпкій, какъ прижигающее. Кроме того разведеннымъ въ молоко прижигаютъ нарывы въ горлѣ и изъязвленія въ полости рта.

34) Синька. Съ водой даютъ, когда «золотуха стоитъ въ глазахъ».

35) Скипидаръ. *Ol. Terebinthinae*. Съ водой, или водкой вн.—отъ «кумушки». Сн. для натираний при горячкѣ. Входитъ въ составъ мази № 53.

36) Соль. *Natr. chloratum*. Сн. при ожогахъ тѣла кипяткомъ; натираютъ десна при ослабленіи ихъ.

Входитъ въ составъ мази № 6 и слабительнаго.

37) Стрихнинъ. *Strychnine*. Изрѣдка вн.—отъ «кумушки». (См. «кумушка» отд. общ. болѣз.) и какъ отравя.

38) Сулема. *Hydrargyrum bichloratum corrosivum*. Слабейкій растворъ съ водкой (на козюшку съ булавочную головку) пьется отъ «нутра» (по $\frac{1}{2}$ ложечкѣ).

Для употребленія при сифилисѣ и «сухомъ, или мокромъ волосѣ» надобья готовится болѣе: на полуштофъ водки $\frac{1}{2}$ —1 зол. сулемы; составъ держится на печи у чужала 3—5 сутокъ. На приемъ $\frac{1}{2}$ —1 ст. ложки. Н. А.—на.

Посудину съ такой же пропорціей водки и сулемы ставятъ въ золѣ, на гобецъ, гдѣ держать 16 сутокъ, и тогда употребляютъ вн. отъ «бѣлей» сначала по $\frac{1}{2}$, потомъ по 1 ст. ложкѣ. Д. Сокса.

Закатанная (съ крупинку) въ колобочкѣ хлѣба глотається отъ «нутра».

Завернутая въ тряпичкѣ кладется на пупокъ отъ грыжи.

Водочный растворъ сулемы—сн., какъ прижигающее при «змѣвицѣ».

Мартьяновъ, 37.

39) Сѣра горючая. *Sulfur Sublimatum*. Употребляется самостоятельно при золотухѣ, а также въ смѣси съ нашатыремъ, см. № 24.

Мартьяновъ, 37.

40) Сѣрные спички (сѣрянки). Зажженные нюхались отъ «насмоки» (насморки). Старинное средство.

41) Уксусъ. *Acetum*. Сн. въ видѣ примочекъ при головной боли и натираний при простудѣ.

42) Церковное вино. Вн. дѣтямъ отъ поноса.

Мартьяновъ, 37.

43) Яръ. Прижигаютъ нарывы въ горлѣ

См. мази № 64 и 67.

VII. Минералы,

какъ надобья и подспорныя средства.

1) Брусокъ. Служитъ въ рукахъ лѣкарокъ для очерчиванія опухолей, отековъ и т. п.

2) Булыжникъ. Накаленными камнями согрѣваютъ ванны, припарки и употребляютъ при устройствѣ «курева».

3) Гладышъ. Замѣняетъ часто брусокъ.

4) Глина. Желтая, или зеленая—сн. при ожогахъ; бѣлая—вмѣсто дѣтской присыпки.

5) Громовая стрѣла. Окалываютъ ею бока при колотьяхъ; наговаривая, ею мѣшаютъ крестъ-на-крестъ воду, которой умываютъ и даютъ пить отъ «урока»

Имѣется у Ал. Т—вой; подарена ей урожденкой Калужской губ., проживающей въ д. Сютки. Ужур. вол.

Величина стрѣлы не болѣе вершка; имѣеть форму ромбическаго октаедра плоско-сти шероховаты; масса кремневидная желтаго цвѣта. Откуда добыта, А. Т—ва не знаетъ.

6) Земля. Снаружи при оглушеніи громомъ, «расперстицѣ» и «могильной кости». Землей засыпаются порѣзы и т. п.

Ва. съ квасомъ при «кумушкѣ».

7) Кремень и огниво. Причикивають летучій огонь.

8) Крoвавикъ. Стружать и съ водкой или водой пьютъ при «смертной боли» (водянкѣ) и ушибахъ.

9) Осадокъ изъ подъ точила. Ся. при ожогахъ.

10) Пятаки («сибирской монеты»). Настой стружекъ вн.—при изломахъ костей. Н. А—на.

Какъ лизунецъ дѣтямъ при прорѣзываніи зубовъ. Ал. К—на.

VIII. Подспорныя средства,

домашняго обихода.

1) Ваня. Топится наканунѣ праздниковъ съ гигиенической цѣлью, также въ тѣхъ случаяхъ, когда требуетъ того состояніе больного, больной.

2) Булавка. Служить для прижиганія шиницъ.

3) Бутылка и бутылъ. Посуда для настоекъ. Въ народномъ акушерствѣ употребляются.

4) Веретешко. Для прижиганія «восцы» и лѣченія «чекотухи».

5) Вечёрошная вода. (Освященная наканунѣ Крещенья). Священники величать, говорятъ, поить умирающихъ, если видно, что имъ не дожить до приѣзда священника со св. дарами. Въ В. Четв. ею кропятъ скотъ и дворы.

6) Вода обмыкновенная. Служить для приготовления наваровъ, отваровъ и проч.

7) Гвоздь. Служить для кипяченія церковнаго вина.

8) Горшокъ. Въ немъ парятъ навары, кипятятъ отвары и проч.

9) Гуща. Си. на животныя при поносахъ и желудочныхъ боляхъ; какъ жарононижающее при головныхъ боляхъ и ожогахъ.

10) Дождевая вода. Вода, скопляющаяся во время дождя на коровьемъ пометѣ,—какъ наружное при «мокромъ лишаѣ».

11) Заслонка. На ней умываютъ дѣтей во время лѣченія отъ «уроковъ».

12) Зола. Идетъ для приготовления шелока отъ «мокраго волоса»; рвотнаго и т. п.

13) Иголки. Ими вынимаютъ занозы. Собираются для приготовления нитя отъ «дури» (бѣшенства).

14) Кадочка. Въ ней готовятъ припарки, паровыя ванны.

15) Калачъ (пшеничн.). Употр., какъ подспорье при лѣченіи «кочергушки».

16) Квасъ. а) Въ общемъ употребленіи, какъ прохладительный напитокъ;

б) перекипяченный клюкой, накаляемой до 3 разъ—вн., какъ противопносное;

с) съ солью,—какъ проносное (слабительное).

17) Клюка. Служить для кипяченія кваса.

18) Коврига жваного хлѣба. См. № 85 V отд. Жуется въ «соску» и т. п.

19) Ковши. Изъ него поятъ наговорной водой отъ «урока».

20) Кукшипъ (кувшинъ). Родъ кубышки съ узкимъ, короткимъ горлышкомъ, къ выходу нѣсколько расширеннымъ. Лѣкарками употребляется для «накидыванія на пупокъ»; за немѣнѣемъ пользуются горшочками.

21) Кусочки хлѣба. Собираются для кормленія укушенныхъ бѣшеными животными.

- 22) Литовка. На остріе сливають наваръ № 85, I отд.
- 23) Ложки. Столовая и чайная служатъ мѣрами для приѣмовъ и пригото-влѣнїя «надобьевъ».
- 24) Лохань. Помоями изъ нея лѣчатъ чирьи и проч.
- 25) Лучинки. Употребляются при лѣченіи «летучаго огня».
- 26) Наземная (навозная) вода. Наружное, отъ чесотки.
- 27) Нитки суровыя. Какъ подспорье при лѣченіи «стѣни»; входятъ въ наваръ сбора № 144.
- 28) Нитки шерстяныя. Лѣткарами прядутся изъ овечьей шерсти на Вел. Четв. и употребляются, какъ перевязка на руки и ноги, когда «разовьются» онѣ.
- 29) Ножъ. Имъ «рубятъ спину» и дѣлають очерчиванья.
- 30) Оборочка отъ гроба. Ею лѣчатъ съ наговоромъ «могильную кость».
- 31) Однорядка. Верхняя суконная одежда. Ею укрываются, когда садятся надъ «куревомъ».
- 32) Онучи. Воруются для лѣченїя «насмоки».
- 33) Осколокъ отъ гроба. Имъ лѣчатъ «могильную кость».
- 34) Отымалка. Ею сводятъ прыщи съ губъ.
- 35) Перышко. Для смазыванїя въ горлѣ и ранокъ.
- 36) Пестъ. Имъ толкутъ паховники и прижигаютъ «сучьевымъ».
- 37) Печь и ея части: гобець, чуваль, шестокъ служатъ для разнообразныхъ цѣлей.
- 38) Поваренка. Въ ней спуска плавятъ; выставляютъ на первый день, чтобы добыть копотъ для лѣченїя, когда «перехватить голосъ».
- 39) Подвѣнечное платье. }
 } Ими накрываютъ «кого шибко бьетъ цвѣтъ».
 } рубаха.
- 40) Порогъ. На немъ «рубятъ спину»; у порога лѣчатъ «стѣнь».
- 41) Рюмка. Мѣра для приѣма лѣкарствъ.
- 42) Сито. Даютъ держать въ зубахъ, когда «правлять мозги»; черезъ него просѣивается зола для щелоковъ.
- 43) Скатерть. Со стола, на которомъ стяла В. Матерь. См. № 198. Въ обыкновенную скатерть заворачиваютъ младенца, когда моютъ въ щелокъ отъ «собачьей старости».
- 44) Сковорода. На ней готовятъ «курева».
- 45) Сочни. Для запеканїи бутылокъ съ вытяжными экстрактами.
- 46) Стельки. См. № 41.
- 47) Сукъ. Собственно влагалища сука, случайно найденныя съ наговоромъ для очерчиванїя опухолей и т. п.
- 48) Суло. Какъ обязательная пища при «худой боли», и «сухомъ волосѣ».
- 49) Сѣра листовая. Сосучей лѣчатъ дѣтскую грыжу; перетопленная жуется сибиряками.
- 50) Сѣяльница. Ею прикрываютъ дѣтей, когда «бьетъ цвѣтъ»; въ ней моютъ младенцевъ.
- 51) Тесемки холщевыя. Для перевязокъ «рванїнъ».
- 52) Тряпичка. Прошнывается масломъ и сжигается; пепель служитъ для при-сыпокъ одинаково съ пепломъ углей.
- 53) Ужище волосяное. По повѣрью, предохраняетъ въ ночное время отъ укушенїя змѣй.
- 54) Хомутъ. Примѣняется при лѣченіи недержанїя мочи.
- 55) Чанъ. Подъ него прячутся отъ «кумушки».
- 56) Чашка. См. № 19; въ ней готовятъ мази и проч.
- 57) Чирокъ (обувь). Привязываются къ пуповинѣ невышедшаго дѣтскаго мѣста.
- 58) Чугунка. Въ ней жгутъ «курево». См. № 89, I отд.
- 59) Щипчики. Ими вырываютъ рѣснички.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

русскихъ названій дѣльных средствъ.

І О Т Д Ъ Л Ъ.

№№.

1. Алый плакунъ.
2. Барашки.
3. Бархатникъ.
4. Батунье сѣмя.
5. Береза.
6. Березовая мочка.
7. Береста.
8. Бобы.
9. Богородская большая
10. Богородская малая.
11. Борецъ синий.
12. Борецъ таежный.
13. Бѣлоголовникъ.
14. Бѣлый плакунъ.
15. Бѣлена.
16. Бѣленое сѣмя.
17. Водяной ладокъ.
18. Волчье лыко.
19. Волосянка женская.
20. Волосянка мужская
21. Воробьиное сѣмя.
22. Вороонецъ.
23. Воронье гнѣздо.
24. Вѣники березовые.
25. Вѣтренки.
26. Гаснички таежные.
27. Гаснички-барашки вѣтушки.
28. Гвоздичка.
29. Гнилушки березовыя
30. Головки мака.
31. Горлянка.
32. Горохъ сырой.
33. Горькая трава.
34. Гранатникъ.
35. Грибки, растущіе на наземѣ.
36. Грузди.
37. Двоцвѣтка.
38. Двоцвѣтная.
39. Десятилѣтникъ.
40. Дикій перецъ.
41. Дикій хмель.
42. Дурманъ.
43. Егорьево копые.
44. Жарки цвѣтки.
45. Жерновца.
46. Звѣробой.
47. Зеленая полынь.

№№.

48. Земляничникъ.
49. Земляной ладокъ.
50. Зима-трава.
51. Змѣвикъ.
52. Золотарникъ.
53. Извередная.
54. Измаденъ.
55. Камчакъ.
56. Капуста.
57. Картофель.
58. Картошки жерновцовъ.
59. Келровые орѣхи
60. Козій корень.
61. Колокольчики.
62. Колочій татаринъ.
63. Колочки.
64. Конопля.
65. Конопляное сѣмя.
66. Конскій звѣробой.
67. Крапива-жалица большая.
68. " " малая.
69. Кручинникъ.
70. Кукучечки чирочки.
71. Купальница.
72. Куриная слѣпота.
73. Куриная слѣпота.
74. Ладошки-пять пальцевъ.
75. Лиственичная губа.
76. Луговой звѣробой.
77. Лукъ.
78. Луковое перо.
79. Льняное сѣмя.
80. Лютикъ.
81. Макыръ.
82. Марѣна.
83. Марьино-коренье.
84. Мать-мачиха.
85. Мелкая трава.
86. Морковка женская.
87. " мужская.
88. Морковь.
89. Мохъ.
90. Мурашинья гнѣзда.
91. Мухоморъ.
92. Мята-душная
93. Ноготки.
94. Нутрецъ.

- №№.
95. Обахта.
 96. Овесъ.
 97. Огурцы.
 98. Одоленъ,
 99. Однолѣсная.
 100. Односторонникъ.
 101. Омягъ (омегъ).
 102. Осѣнный цвѣтъ.
 103. Осинная кора.
 104. Отъ дури трава 1).
 105. " " " 2).
 106. " 2-хъ лихорадокъ трава.
 107. " 12 кумушекъ "
 108. " поноса "
 109. " грыжи "
 110. " 12 родимцевъ "
 111. " 77 болей "
 112. Передойка.
 113. Петровъ крестъ.
 114. Петрушкинъ корень.
 115. Петрушкино сѣмя.
 116. Пикульки.
 117. Пихта.
 118. Повилика.
 119. Подорожникъ.
 120. Подсолнухъ.
 121. Полевая ромашка.
 122. Полынь изъ-подъ снѣга.
 123. Полынь душица.
 124. Помело.
 125. Порховка.
 126. Порѣзная-трава.
 127. Прикрытъ.
 128. Пустые колосья.
 129. Пшеница.
 130. Пѣтушкин желтые.
 131. Пять-пальцевъ 1).
 132. Пять-пальцевъ 2).
 133. Репей.
 134. Рожь.
 135. Росной ладонъ.
 136. Рѣдка.
 137. Рѣзачка.
 138. Сборъ всѣхъ хлѣбовъ.
 139. Сборъ 40 цвѣтовъ.
 140. Свиной подорожникъ.

- №№.
141. Свиной корень.
 142. Сердешная трава.
 143. Серебрянка.
 144. Серпуха.
 145. Синій плакунъ.
 146. Скрипунъ.
 147. Собачьи ягоды.
 148. Солома.
 149. Сорока приточная.
 150. Сосна.
 151. Спорынья.
 152. Стародубъ желтый.
 153. Столѣтникъ.
 154. Сѣнная труха.
 155. Тальникъ.
 156. Татарскій бѣлый труть.
 157. Татарское мыло.
 158. Телегуръ.
 159. Теплыжникъ.
 160. Травка, выходящая изъ глазницъ конской пронастины.
 161. Трава изъ черныхъ бань.
 162. Трава растущая на мураш. гнѣздахъ.
 163. Трава цвѣтущая въ ночь на Крещенье.
 164. Трехгодовалый вѣникъ.
 165. Уразная-трава.
 166. Утинъ.
 167. Хлопунцы.
 168. Цвѣтки.
 169. Черемица.
 170. Черемуха.
 171. Черемуховыя ягоды.
 172. Черная полынь.
 173. Черноголовникъ.
 174. Чернобыльникъ.
 175. Черная смородина.
 176. Чертово ребро.
 177. Чертополохъ.
 178. Чеснокъ.
 179. Чиревятникъ.
 180. Чирь.
 181. Чистякъ.
 182. Шевель конскій.
 183. Шипшинникъ.
 184. Шумиха.
 185. Ячмень.

П О Т Д Ъ Л Ъ.

- №№.
1. Адамовы шляпки.
 2. Александрійскій листъ.
 3. Анисъ.
 4. Арца.
 5. Брусника.
 6. Бѣлая трава.
 7. Винныя ягоды.
 8. Гвоздика.
 9. Грудной чай.
 10. Дорогая трава.
 11. Желтая ромашка.
 12. Изюмъ.
 13. Инбирь.
 14. Калганъ.
 15. Каменный звѣробой.

- №№.
16. Кашкара.
 17. Кирпичный чай.
 18. Клюква.
 19. Малина.
 20. Махорка.
 21. Миндаль горькій.
 22. Нюхательный табакъ.
 23. Рябина.
 24. Солодковый корень.
 25. Стрючковый перецъ.
 26. Табакъ.
 27. Татарскій баданъ.
 28. Троелестка.
 29. Фамильный чай.
 30. Филичья трава.

№№.

31. Хмель.
32. Питварное сѣмя.
33. Чай.
34. Череда.

№№.

35. Черемша.
36. Черника.
37. Черносливь.
38. Чечилибуха.

III ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Бѣлая трава.
2. Иванъ-да-Марья.
3. Вихорево гнѣздо.
4. Мелкая трава.
5. Однолѣсная осипка.

№№.

6. Осенний цвѣтъ лютика.
7. " " жаркнхъ цвѣткови.
8. Селименки "
9. Цвѣтъ папортника.
10. Червобыльничъ.

IV ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Батуль.
2. Береза.
3. Бобы.
4. Богородская малая.
5. Брусника.
6. Брюква.
7. Бѣлянки.
8. Васильки.
9. Гвоздичка.
10. Глубеница.
11. Горохъ.
12. Грузди.
13. Зибсгой.
14. Земляника.
15. Ирнй корень.
16. Калина.
17. Каменный звѣробой.
18. Капуста.
19. Картофель.
20. Кедровые орѣхи.
21. Клюква.
22. Козій корень.
23. Колючки.
24. Костянка.
25. Кудряшки.
26. Купальница.
27. Лапки.
28. Лукъ луговой.
29. " огородный
30. Малина.
31. Медунки.
32. Морковь.
33. Мята.
34. Огурцы.
35. Опята.

№№.

36. Папортникъ.
 37. Подсолнухъ.
 38. Полсвой чеснокъ.
 39. Пучки.
 40. Пѣтушки желтые.
 41. Рыжки.
 42. Рѣдька.
 43. Рѣпа.
 44. Саранки бѣлыя.
 45. " желтыя.
 46. Свекла.
 47. Слизунецъ.
 48. Татарскіе пучки.
 49. " саранки.
 50. Черемуха.
 51. Черемша.
 52. Черная смородина.
 53. Чеснокъ.
-
54. Бѣлоголовникъ.
 55. Глубенничикъ.
 56. Жерновца.
 57. Коневникъ.
 58. Конскій звѣробой.
 59. Красные коньки.
 60. Мята душиная.
 61. Черемуха.
 62. Черный смородникъ.
 63. Черноголовникъ.
 64. Татарскій баданъ.
 65. Шнишннй цвѣтъ.
 66. Щепочки березовыя.

V ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Баранья брюшнина.
2. Грудное молоко.
3. Гусинный жиръ.
4. Дѣтская пуговина.

№№.

5. Женская коса.
6. Змѣя.
7. Змѣйные выползки.
8. Зубы человѣка.
9. Кобылья перепонка.

№№

10. Конскій волось.
11. Конская голова.
12. Куриные потроха.
13. Куриное сол. сало.
14. Коровье масло.
15. " молоко.
16. Куриный пометъ.
17. Лагушка.
18. Масло.
19. Медвѣжій жиръ.
20. Медвѣж. мыло.
21. Мизгирево гнѣздо.
22. Мозги конскихъ цѣвокъ.
23. Мозги свинныхъ санковъ.
24. Моча (сцяцѣ).
25. Мурашиное масло.
26. Мыло крестьянское.
27. Мѣсто перваго ребенка.
28. Обмылки.
29. Овечій пометъ.
30. Потъ лошадиный.
31. Простовиша.
32. Пѣявки.
33. Пѣтухъ.
34. Рысій жиръ.
35. Свиное сало.
36. Свѣчное сало.
37. Сливки.
38. Сметана.
39. Собаки.
40. Сорочьи мозги.
41. Сыворотка.
42. Сырое мясо.
43. Телячій пометъ.
44. Ушканина.
45. Человѣчій калъ.
46. Щепки.
47. Щучки.
48. Языкъ человѣчій.
49. Яманье молоко.

2.

50. Бѣлѣзная мазь.
51. Камфарная "
52. Глазная.
53. Мазь отъ смертной боли.
54. " " грудцы.
55. " " забрусенья грудей.

№№.

56. Мазь отъ золотушныхъ язвъ.
57. " " зуда.
58. " " лихихъ пальцевъ.
59. " " мокраго лишая.
60. " " пролежней.
61. " " простудной ломоты и отековъ.
62. " " свищей.
63. " " собачьей старосги.
64. " " сухого волоса.
65. " " чесотки.
66. " " язвъ худой боли.
67. " " боли языка и при нарывахъ въ горлѣ.

3.

68. Воскъ.
69. Зола.
70. Лепешки восковыя.
71. " мучныя.
72. Свѣчки.
73. Сѣра еловая.
74. " пихтовая.
75. Тряпички.

4.

76. Деготь березовый.
77. " колесный.
78. " съ обухи топора.
79. " изъ цѣвокъ скотскихъ погъ.

5.

80. Спиртъ (алкоголь).
81. " мурашинный.
82. " пихтовый.
83. Водка обыкновенная.
84. " изъ черныхъ мурашей.
85. " " ржаной ковриги.
86. " " синей сах. бумаги.
87. " " писчей бумаги.
88. " " { купальницы.
лютика.
омега.
стародуба.
89. Острая водка.

VI ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Антимоній.
2. Бобовое масло.
3. Варъ сапожный.
4. Глицеринъ.
5. Горчипа.
6. Деревянное масло.
7. Золотыя книжки.
8. Иодъ.
9. Камфора.
10. Карболовая кислота.
11. Квасцы.
12. Керосинъ.

№№.

13. Киноварь.
14. Касторовое масло.
15. Красное сукно.
16. Крахмаль.
17. Крымза.
18. Купоросное масло.
19. Ладонъ.
20. Мышьякъ.
21. Мѣлъ.
22. Мятныя лепешки.
23. " пряники.
24. Нашатырь.

№№.

25. Огуречное мыло.
26. Порохъ.
27. Ртуть.
28. Рыбій жиръ.
29. Сабуръ.
30. Сахаръ.
31. Свинцовыя бѣлила.
32. Селитра.
33. Синій купоросъ.
34. Синька.

№№.

35. Свицидаръ.
36. Соль.
37. Стрихнинъ.
38. Сулема.
39. Сѣра горючая.
40. Сѣрные спички.
41. Уксусъ.
42. Церковное вино.
43. Яръ.

VII ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Брусокъ.
2. Будыжникъ.
3. Гладышъ.
4. Глина.
5. Громовая стрѣла.

№№.

6. Земля.
7. Кремьнь и огниво.
8. Крoвавикъ.
9. Осадокъ изъ подь точила.
10. Пятаки.

VIII ОТДѢЛЪ.

№№.

1. Баня.
2. Булавка.
3. Бутылка и бутылъ.
4. Вертемко.
5. Вечѣрошная вода.
6. Вода обыкновенная.
7. Гвоздь.
8. Горшокъ.
9. Гуща.
10. Дождевая вода.
11. Заслонка.
12. Зола.
13. Иголки.
14. Калочка.
15. Калачъ.
16. Квасъ.
17. Клюка.
18. Коврига рус. хлѣба.
19. Ковшъ.
20. Кукшинъ.
21. Кусочки хлѣба.
22. Литовка.
23. Ложка.
24. Лоханъ.
25. Лучинки.
26. Наземная вода.
27. Нитки суровыя.
28. " шерстяные.
29. Ножъ.
30. Оборочка отъ гроба.

№№.

31. Однорядка.
32. Онучи.
33. Осколокъ отъ гроба.
34. Отымалка.
35. Перышко.
36. Пестъ.
37. Печь.
38. Поваренка.
39. Подвѣнечное { платье.
рубаха.
40. Порогъ.
41. Рюмка.
42. Сито.
43. Скатерть.
44. Сковорода.
45. Сочни.
46. Стельки.
47. Сувъ.
48. Сусло.
49. Сѣра листовничная.
50. Сѣяльница.
51. Тесемки.
52. Тряпички.
53. Ужище волосяное.
54. Хомуть.
55. Чанъ.
56. Чашка.
57. Чирокъ.
58. Чугунка.
59. Щипчики.

А Л Ф А В И Т Н Ы Й У К А З А Т Е Л Ъ

Латинскихъ названій лѣчебныхъ средствъ.

	Отд. п	№№		Отд. п	№№
Acetum.	VI	41	Asplenium felix fem. Bersch.	III	9
Achillea Millefolium L.	I	126	Atragena alpina L.	I	41
Acidum carbolicum.	VI	10	Avena sativa.	I	96
nitrum	V	89			
sulfuricum.	VI	18	Baccae myrtilli.	II	36
Aconitum.	I	94, 127	» oxycocci.	IV	21
Aconitum barbatum Patr.	I	91	» Rubi idaei.	II	19
Napellus L.	II	30	» » »	IV	30
volubile Pall.	I	11, 12	Bacca vitis Idaea.	II	5
» » »	II	30	» » »	IV	5
Acorus calamus.	IV	15	Baccae » Uvae	II	12
Adonis apenina L.	I	152	Ballota lanata.	III	1
Agaricus deliciosus.	I	36	Benzoës.	VI	19
» » »	IV	41	Beta sativa L.	IV	46
Agaricus spec.	I	35	Betula alba	I	5
» » »	IV	7, 12, 35	» » »	IV	2
Alfredia cernua Dc.	I	133	Bovista et Lycoperdium.	I	125
Allium	IV	1, 38	Brassia oleracea.	I	56
cepa L.	I	77	» » »	IV	18
» » »	IV	29	» » » rapa	IV	43
» » » nutans Ledeb.	IV	47	Bulbi all. cepa	I	78
» » » Sativum L.	I	178			
» » » » »	IV	53	Calendula officinalis L.	I	93
» » » Schoenofrassum L.	IV	24	Caltha palustris L.	I	17
» » » Victorialis L.	II	35	Campanula spec.	I	61
» » » » »	IV	53	Camphora.	VI	9
Aloë Spec.	I	153	Cannabis sativa L.	I	64
» Soccotrina Lamrck.	VI	29	Capita papaveris.	I	30
Alumen crudum.	VI	11	Capsicum amum.	II	25
Ammonium chlorat.	VI	24	Caragana pygmaea Dc.	I	52
Amygdalae amarae.	II	21	Carduns cristus L.	I	133
Androsace septentrionale L.	I	31	Cargophylli	II	8
Antimonium crudum	VI	1	Carlina vulgaris L.	I	63, 177
Archangelica decurrens Ledeb.	IV	39	» » »	IV	23
Arsenicum album.	VI	20	Cerussa, sen plumbum carbon.	VI	31
Artemisia	I	122, 123	Cimicifuga foedita L.	I	176
vulgaris L.	III	10	Cinnobaris.	VI	13
» » »	I	174	Cnidium venosum Koch.	I	86
» » » Latifolia Ledeb.	I	47	Comolophium Fischeri.	I	87
» » » Spec.	I	172	Colendula officinalis L.	I	93

	Отд. II	№№		Отд. II	№№
Cortex betulae albae	I	7	Iris ruthenica Ait.	I	116
» populi tremulae	I	103	Iuniperus Communis L. et.	} II	4
Cotoneaster vulgaris L.	I	69	» nana Willd.		
Cucumis sativus L.	I	97	Leucantenum sibiricum De.	I	121
» »	IV	34	Libanotis sibirica L.	I	34
Cycuta virosa L.	I	101	Ligularia altaica.	IV	48
Cypripedium macrantum Lw.	I	70	Lillium tennifolium, L. et.	} IV	44, 45
Daphne mezereum, L.	I	18, 40	» Marthagon, L.		
Daucus caratta, L.	I	88	Linapis alba.	VI	5
» »	IV	32	Linaria vulgaris Mill.	I	38
Dianthus sinensis Fisch.	I	28; IV--9	Lithospermum officinale, L.	I	21
» Superbus	I	53	Lychnis chalconicou, L.	I	157
Dracocephalum Rhuyshianum L.	I	110	Lycopodium alpinum, L.	I	26
Epilobium angustifolium L.	IV	57, 59	Lysimachia vulgaris L.	I	104
Eurhorbia lutescens C. A. mey. I	I	181	Lythrum spec.	I	1
Fam. asparageae.	I	22	Mentha crispata Schr.	I	92
Festuca spec.	I	160	» »	IV	33, 60
Filices	IV	36	Myosotis palustris. L.	I	73
Flores chamomillae	II	11	Natrum chlor.	VI	36
» cinae	II	32	Notrum.	VI	32
Fol. Nicotianae.	II	26	Oleum jecoris aselli.	VI	28
» N—rotz. russica.	II	20	» lauri (Unguentum Laur).VI		2
» Polypodii vulgaris L.	II	15	» olivari viride.	VI	6
» »	IV	17	» ricini.	VI	14
» Rhododendri.	II	16	» terebinthinae.	VI	35
» Sennae.	II	2	Origanum vulgare L.	I	9
» Theae.	II	33	Orihis militaris, L. и др. виды. I		74
Folia Trifolii fibrin?.	II	27	Paeonia anomale, li	I	83
Fragraria vesca L.	I	48	Papaver somniferum, L.	I	30
» »	IV	14	Parnassia palustris L.	I	112
Fructus carvi.	II	3	Pedicularis uncinata Willd.	I	137
» caricae.	II	7	Phlomis tuberosa L.	I	45
» Pruni domesticae.	II	37	» »	IV	56
Galium verum, L.	I	82	Pinus cembrae, L.	I	59
Gemma betulae.	I	6	» »	IV	20
Gentiana amarella, L.	I	33	Pinus pichter Fisch.	} I	117
» decumheus Pall.	I	166	» Sibirica Ledeb.		
» macrophylla, Pall.	I	46, 76	Pinus silvestris L.	I	150
Geranium pratense. L.	I	43	Pisum sativum.	I	32
Geum strictum Ait.	I	55	» »	IV	11
Helianthus annuus, L.	I	120	Pix betulae.	V	76
» »	IV	37	Plantago maxima Ait.	I	119
Hemerocallis flava, L.	I	159	Plantathera bifolia Rich.	I	131
Heracleum barbatum Ledeb.	IV	39	Polemonium coeruleum.	IV	8
Herba Bidentis tripartita.	II	34	Plica betulae albae.	III	3
Hordeum sativum L.	I	185	Polygonum Bistorta L.	I	81
Hyosciamus niger, L.	I	15	» Convolvulus.	I	118
Hydrargyrum bichl. corros.	VI	38	Polyporus officinalis Fr.	I	75
» Vivum	VI	27	Populus tremula	III	5
			Potentilla anserina, L.	I 85, 140, 141	
			» »	III	4

	Отд. и №№		Отд. и №№
Potentilla bifurca.	I 108	Serratula coronata, L.	I 144
Primula officinalis L.	I 2, 27, 130	Silene inflata Smith.	I 167
» »	IV 40	Sinapis alba.	VI 5
» sibirica L.	I 72	Solanum Dulcamare, L.	I 147
Prunus Padus L.	I 170, 171	» tuberosum.	IV 19
» »	IV 50, 61	Solidago Virga aurea L.	I 143
Ptarmica impatiens Dc.	I 109	Sorbus occuparia F.	II 23
Polmonaria mollis Wolff.	I 3	Sphagna и др.	I 89
Pulsatilla vulgaris Mill.	I 80, 102, 168	Spiraea Ulmaria, Linn.	I 13
» »	III 6	» »	IV 54
» patiens Mill.	I 80 и др.	Spiritus vini dilutus.	V 83
		» » rectificatus.	V 80
Radix Liquiritiae.	II 24	Strobili lupuli	II 31
» petroselini.	I 114	Struthiopteris germanica Willd. III	9
» Sarsaparillae.	II 10	Strychnine.	VI 37
Ranunculus acris L.	I 71	Sulfur sublimatum.	VI 39
» »	IV 26	Species ai inf. pectorale.	II 9
» Scelleratus, L.	I 17	Tanacetum vulgare L.	I 39
Raphanus sativus, L.	I 136	Thalictrum spec.	I 165
» »	IV 42	Thymus serpyllum L.	I 10
Rhizoma Galangae.	II 14	» »	IV 4
» Zingiberis.	II 13	Tinctr. jodi	VI 8
Ribes nigrum, L.	I 175	Tragopogon origutalis, L.	IV 25
» »	IV 52, 62	Trigonella platycarpus.	I 105
Rosa cinnamomea L.	I 83	Trollius asiaticus, Linn.	I 44
» Gracelini Rgl.	IV 65	» »	III 7
Rubus saxatilis.	I 54	Tuberae solani tuberosi.	I 57
» »	IV 24	Tussitago farfara, L.	I 84
Rumex domesticus.	I 182	Umbilicus spinosus Dc.	IV 49
Saccharum.	VI 30	Umbelliferae.	I 60
Salix spec.	I 155	»	IV 22
Sanguisorba officinalis, L.	I 173	Urtica cannabina, L.	I 67
» »	IV 63	» urens L.	I 68
Sausurea discolor, L.	I 100, 156	Valeriana dubia Bunge et. }	I 49
Saxifraga crassifolia, L.	II 27	» officinalis, L.	I 49
» »	IV 64	Veratrum nigrum L.	I 19, 20, 169
Secale cereale.	I 134	Veronica incana. L.	I 149
» cornutum.	I 151	» longifolia, L.	I 145
Sedum purpureum Link	I 146	Viburnum opulus.	IV 16
Semen allii.	I 4	Vica fabae, L.	I 8, IV 3
» cannabis.	I 65	Viola arenaria, Dc.	IV 10, 55,
» Hyosciami, L.	I 16	» uniflora, L.	I 99
» lini.	I 79	Zinc. sulfuricum.	VI 17
» petroselini.	I 115		
» strychni.	II 37		

ВАРИАНТЫ РУССКИХЪ НАЗВАНІЙ

научно-сходныхъ лѣчебныхъ травъ, замѣченныхъ при сравненіи съ травами, указываемыми авторами: Н. Мартьяновымъ, Горстомъ, Кытмановымъ, Черневскимъ и Гандельсманомъ.

№№ и Отд.

3	I.	Бархативникъ. <i>Pulmonia mollis</i> , Wolf. Медунки, синушникъ, Горсть 351; суконная трава, Мартьяновъ, 22.
9	"	Богородская большая <i>Origanum vulgare</i> , L. Душица, Мартьяновъ, 6; душица обыкновен., блошница, Горсть, 364, 365.
11	"	Борець синій. <i>Aconitum volubile</i> , Pail. Борець, Мартьяновъ, 4 и Кытмановъ, 168; лютикъ, Черневскій, 36.
17	"	Водяной ладонъ. <i>Caltha palustris</i> , L. Лягушкины цвѣтки; куриная слѣпота, Горсть, 342.
21	"	Воробьиное сѣмя. <i>Litospermum officinale</i> , L. Воробейникъ, Горсть, 350;
27	"	Гаснички-барашки-пѣтушки желтые. <i>Primula officinalis</i> , L. Желтые пѣтушки, Мартьяновъ, 7; баранчики, Горсть, 367.
28	"	Гвоздичка. <i>Dianthus sinensis</i> , Fisch. Сердечная трава, Мартьяновъ, 20.
31	"	Горлянка. <i>Androsace septentrionale</i> L. Каменная горлянка, Кытмановъ, 166.
33	"	Горькая трава. <i>Gentiana amarella</i> , L. Нарышная трава, Мартьяновъ, 15.
40	"	Дикій перецъ, волчье лыко. <i>Daphne mezereum</i> , Linn. Волчье лыко, таежный перецъ. Мартьяновъ, 5, 22.
43	"	Егорьево копье. <i>Geranium pratense</i> , L. Краснокоренка, Горсть, 370. ладонъ росный, Георгиево копье, Кытмановъ, 155, 164.
45	"	Жерновца. <i>Phlomis tuberosa</i> , L. Зерница, Мартьяновъ, 9; занья трава. Петровъ крестъ, Горсть, 353; Царскій посохъ, Кытмановъ, 160.
53	"	Извередная. <i>Dianthus superbus</i> , L. Алыя перелой, Мартьяновъ, 2; подкурная трава, Кытмановъ, 160.
55	"	Камчакъ. <i>Geum strictum</i> Ait. Жаблая трава, Кытмановъ, 156.
64	"	Колючки-чертополохъ. <i>Carlina vulgaris</i> . Просто чертополохъ, Кытмановъ, 158.
67	"	Крапива-жалица большая. <i>Urtica saubina</i> , L. Крапива, сахчанъ-огъ Мартьяновъ, 11, 19.
68	"	Крапива-жалица малая. <i>Urtica urens</i> , L. Крапива-жгучка, Мартьяновъ, 11; мелкая крапива, Кытмановъ, 167.
57, 59	IV.	Красные коньки, коневникъ. <i>Eupilobium angustifolium</i> . Ки трей, Мартьяновъ, 10; кипрейникъ, Иванъ-чай, Черневскій, 39.
25	"	Кудряшки. <i>Tragopogon origitalis</i> , L. Златоцвѣтъ, Горсть, 380; козье молочко, молосникъ, Мартьяновъ, 11—13, молосникъ, Гандельсманъ, 25.
70	I.	Кукушечьи чирочки. <i>Cyripedium macranthum</i> , Sw. Кукушечьи сапожки, Мартьяновъ, 12, Гандельсманъ, 26; Черная трава, Кытмановъ, 162.
75	"	Лиственничная губа. <i>Polyporus officinalis</i> . Лиственничная замша, Мартьяновъ, 26.

- 76 I. Луговой, крестовый звѣробой. *Gentiana macrorhynlla*, Pall. Полевой звѣробой, дѣтская трава, Кытмановъ, 158, 160; нацсадная трава, Мартяновъ, 14.
- 80 „ Лютикъ, цвѣтки. *Pulsatilla patiens*, L. Подсвѣжникъ, Горсть, 345; лютикъ-прострѣль, Кытмановъ, 155.
- 84 „ Мать-мачиха. *Tussetago Farfara*, L. Вѣлокопытникъ, мачиха, Горсть, 349.
- 85 „ Мелкая трава, свиной подорожникъ, свинорожка. *Potentilla anserina*, L. Гусиная лапка, могущникъ гусиный, Горсть, 345; золотичная, Кытмановъ, 154,
- 104 „ Отъ дури трава. *Lysimachia vulgaris*, L. Плакунъ желтый, Мартяновъ, 16,
- 108 „ Отъ поноса. *Potentilla bifurca*, L. Придорожная трава, Мартяновъ, 18.
- 112 „ Перелойка. *Parnassia palustris*, L. Вѣлозеръ, пушная трава, Мартяновъ, 4, 18.
- 125 „ Порховка, P. *Bovista et Lycoperdium*. Порховница, дождевки, Мартяновъ, 17.
- 126 „ Порѣзная. *Achillea Millefolium*. Порѣзная, сорокоприточная, Мартяновъ, 18, 21.
- 143 „ Серебрянка. *Solidago virga aurea*, L. Желтая трава, Кытмановъ, 154. Сердечная трава, Мартяновъ, 20.
- 145 „ Синій плакувъ. *Veronica longifolia*, L. Змѣйна трава, Горсть, 355.
- 146 „ Скрипувъ. *Sedum purpureum*, Link. Живая трава, заячья капуста, полевая трава, Мартяновъ, 8, 17, 20.
- 149 „ Сорокоприточная. *Veronica incana*, L. Пухлянка, Мартяновъ, 18.
- 152 „ Стародубъ желтый. *Adonis arpenina*, L. Черногорка, черногривка, Мартяновъ, 25.
- 26 II. }
64 IV. } Татарскій баданъ. *Saxifraga crassifolia*, L. Баданъ, Мартяновъ, 3.
- 156 I. Татарскій бѣлый труть, односторонникъ. *Saussurea discolor*, Dc. Односторонникъ, Мартяновъ, 15.
- 49 IV. Татарскія саранки. *Umbilicus spinosus*, Dc. Татарскія саранки, каменная трава, Мартяновъ, 22.
- 159 I. Теплыжникъ. *Neuroscyllis flava*. Семейный корень, узикъ, вихоточная трава, Кытмановъ, 165, 167; султанчикъ, лилія желтая, Горсть, 353.
- 176 „ Чертово ребро. *Cimicifuga foedita*, L. Воючая трава, Кытмановъ, 168.
- 173 „ Черноголовникъ. *Sanguisorba officinalis*, L. Малиновы головки, Кытмановъ, 155.
- 181 „ Чистякъ. *Euphorbia lutescens*, C. A. Mey. Цогонная трава, пурганецъ Мартяновъ 16, 18; сердечное коренье, Горсть, 369.
- 182 „ Шевель конскій. *Rumex crispus*. Конскій щавель, Горсть, 355.

СОДЕРЖАНИЕ ОТДѢЛОВЪ

ОТДѢЛЪ I.

Общія болѣзни.

I. Разрядъ ходячихъ болѣзней: 1) Кумушка—кумушка каждаденна кумушка поденна; кумушка на серць; двѣ лихорадки; 12-ть кумушекъ. 2) Холера, 3) Воспа.

II. Обыкновенныя болѣзни: 4) Бавна притка. 5) Безсонница. 6) Боль въ носу и болячки. 7) Боль поясицы. 8) Болѣзань сердца. 9) Болѣтки. 10) Бородавки. 11) Бредъ. 12) Видѣнья. 13) Волось—сухой волосъ; мокрый волосъ. 14) Вши.

15) Глаза и ихъ болѣзни: бѣльма; воспа стоитъ въ глазахъ; выпаденіе глаза изъ глазицы; засореніе; золотуха стоитъ въ глазахъ; куриная слѣпота; отекъ вѣкъ; вѣтренный переломъ глазъ; повѣтренная боль; пригупленіе арѣнія; рѣснички; слезой долить; уколы и ушибы глазъ; ячмень.

16) Глухота. 17) Головная боль. 18) Горбъ растеть.

18) Горловыя болѣзни: когда голось перехватить; глотать больно; отекъ глотки; изъязвленія горла; постороннія тѣла въ горлѣ.

20) Грыжа: грыжа отъ надсады; кила; грыжа въ ногахъ; костяная грыжа; хомуть—а) верховой хомуть, б) нутряной хомуть; порченная рѣзачка; непорченная рѣзачка; женская грыжа; дѣтская грыжа.

21) Дурь. 22) Желтуица. 23) Занозы. 24) Заусеница.

25) Золотуха: выгоняють снаутра золотуху; чтобы вывести золотуху изъ глазъ; вогнать внутрь золотуху; золотушныя опухоли; чтобы собрать разсыпную золотуху; мокнущіе золотые струнья; ушко прѣтъ или головка; зобъ; подпазушникъ; сучье вымя-тиска; чирей-вередъ; защелкиванье чирея; задавливанье чирея; чтобы избавиться отъ чиреевъ; чтобы чирейи расселились; язвы золотушныя.

26) Извѣтрать губы. 27) Какъ отводится съ утонувшимъ и оглушеннымъ громомъ. 28) Колотья.

29) Кости и ихъ болѣзни: костяная грыжа; змѣвиць; могильная кость; вывихи; изломы костей; ломота-нытье костей; ноготѣдка; зубной ной; скрипь въ суставахъ.

30) Кровотеченіе. 31) Искусственный вызовъ крови. 32) Искусственный вызовъ красокъ. 33) Кровохарканіе. 34) Кровь давить.

35) Мозги править. 36) Нагноеніе—дурь. 37) Нарывы.

38) Нечаянное укушеніе собакой.

39) Нутро и его болѣзни: вздутіе живота; вѣтры и пученья; геморрой; глизды давленье на серць; зажигать; изжога; икота; надсада; натугъ; поносы и боли живота потерять выть; рвота.

40) Нырокъ. 41) Одышка. 42) Ожоги. 43) Ознобы. 44) Озѣвы.

45) Опасна-худа боль. 46) Опухоли. 47) Отеки. 48) Отравленье.

49) Переполохъ. 50) Порѣзы. 51) Порча. 52) Пролежви.

53) Простуда: гсрячка; сводить ноги; вѣтренный переломъ; ломота—а) въ конечностяхъ, б) въ поясницѣ; рубить синну; простуда легкыхъ; кашель; колотья; на-смока; удущье.

54) Раны. 55) Рожи. 56) Смертна боль. 57) Сохнетъ и трескается кожа. 58) Страхи. 59) Струнья. 60) Сухой надавъ.

61) Сыпи: восцы; заѣды; зудъ; коросты; летучій огонь; лихіе пальцы; лишай: а) мокрый лишай, б) сухой лишай; призоры; прищи; расперстица; чесотва.

62) Тронуться умомъ. 63) Убожество. 64) Увѣчья и ушибы. 65) Угарь. 66) Укушеніе дурной собаки, волка и т. п. животнаго. 67) Укушеніе змѣи. 68) Уродства. 69) Уроки. 70) Цвѣт-свѣт. 71) Цынга. 72) Чахотка. 73) Шипицы. 74) Язвы. 75) Языкъ белить.

ОТДѢЛЪ II.

Народное анушерство.

I. Роженъе: Попосить брюхо. Какъ опредѣлить время роженья? Роды не ровны бываютъ. Если Богъ не дастъ скоро. Если мѣсто не вышло. Если перепопки мѣста не вышли. Неправильны роды. Сухи роды. Худо-ли, хорошо прощипывать пузырь? Смѣртны ключи красокъ. Больши воды и крови. Пусто брюхо.

II. У ходъ за роженицей: Прибирать родины. Если родятъ утромъ. Если родятъ вечеромъ. Роженицъ дѣлають три бани. Лежать съ родинъ. Пиша.

III. У ходъ за новорожденнымъ. Гороскопическія и другія примѣты и повѣрья относительно дѣтей.

ОТДѢЛЪ III.

Народное кормленіе грудныхъ дѣтей.

1) Какъ кормить грудныхъ дѣтей? 2) Всегда-ли можно матери кормить свое дитя? 3) Какъ кормить ребенка безъ матери? 4) Какіе рожки и соски лучше употреблять? 5) Когда и какъ нужно прикармливать? 6) Полезны-ли соски? 7) Сколько времени надо сосить ребенка? 8) Какъ слѣдуетъ отымать отъ груди? 9) Какъ кормить дѣтей по отнятіи отъ груди?

ОТДѢЛЪ IV.

Дѣтскія болѣзни.

1) Дѣтская грыжа: грызь на внутрѣ—внутряна грыжъ; грызь пупка; паховикъ; выпаденіе задней кишки; задержаніе мочи; недержаніе мочи.

2) Безсонница. 3) Грудца подходить. 4) Дихтерикъ и шарлатина. 5) Кашель. 6) Корь. 7) Кочергушка. 8) Криксы. 9) Младенчецко. 10) Не маратся. 11) Почной ревт. 12) Обмираніе. 13) Переполохъ. 14) Поносъ. 15) Подопрѣлось. 16) Полуношникъ. 17) Прорѣзыванье зубовъ. 18) Родимчикъ. 19) Собачья старость. 20) Стиски. 21) Стѣвъ. 22) Творожокъ цвѣтеть въ ротикъ. 23) Тѣльце цвѣтеть. 24) Уроки. 25) Цвѣтъ. 26) Чекогуха.

Опредѣленія жизни и смерти дѣтей.

ОТДѢЛЪ V.

Женскія болѣзни.

1) Бесплодіе, чтобы носить робятъ; чтобы не носить робятъ; чтобы выжить ребенка.

2) Береть брюха. 3) Болѣтки брюха.

4) Груды женскія—титки; забрусенъе грудей—грудница, (вѣтранный переломъ) нарывы на грудяхъ; свищи; соски трескаются; язвы титекъ; слаботитъе; туготитъе.

5) Дѣланная родовая мука.

6) Женская грыжа: бѣла грыжа; красна грыжа; залевица; золотникъ; плодуха опустилася; рванины; рѣзачка; хомуть.

7) Краски: брюхо вздымать; долго красокъ не бывать; красокъ нѣтъ—нейдутъ краски; дѣвичья немочь; залевица; смѣртны ключи красокъ.

8) Онѣмѣніе рукъ и ногъ. 9) Поносить брюхо. 10) Пусто брюхо. 11) Рвота. 12) Судороги. 13) Тошнота. 14) Уроки. 16) Цвѣтъ.

Главнѣйшіе термины, употребляемые въ народномъ акушерствѣ.

ОТДѢЛЪ VI.

Наговоры.

- 1) Наговоръ отъ уроковъ, призоровъ и т. п.
- 2) Отъ полуношника: а) наговоръ на вечернюю зорю (для дѣвочки); б) наговоръ на утреннюю зорю (для мальчика).
- 3) Отъ чекотухи.
- 4) Отъ зубного ноя.
- 5) Приговоръ отъ ячменя на глазу.
- 6) Отъ грудницы—забрусенъя грудей.
- 7) Причикиванье легучаго огня.
- 8) Отъ банной притки.
- 9) Защелкиванье чирея.
- 10) Отъ вѣтряного перелому.
- 11) Наговоръ при опухавіи горла, грудницѣ, забрусеніи вымени.
- 12) Наговоры для новорожденнаго—а), б), с).
- 13) Отъ полуношника.
- 14) Отъ чекотухи.
- 15) Наговоръ въ повседневныхъ случаяхъ.
- 16) Для задавливанія чирея.
- 17) Приговоръ при загрызаніи пунка.
- 18) Для причикиванья легучаго огня.
- 19) Зовъ оспы.
- 20) Заговоръ крови.
- 21) Еще заговоры крови—а), б).
- 21) Похороны зубовъ.
- 23) Чтобы чирей расселились.
- 24) Порча рѣпы.
- 25) Порча ружья.
- 26) Смывка порченаго ружья.
- 27) Присушка.
- 28) Отворотъ.
- 29) Опускъ дружки.
- 30) Наговоръ отъ уроковъ и т. п.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО ОТДѢЛАМЪ.

ОТДѢЛЪ I ¹⁾ .	Стр.	Стр.
Банна притка	69	Восца 87
Безсонница	—	Вши 71—72
Боль въ носу и болячки	—	Вывихи 79
Боль поясицы	—	Выгонять свутра золотуху 76
Болѣзнь сердца	—	Выпаденіе глаза изъ глазницы —
Болѣтки	—	Вѣтры и пученья 82
Бородавки	—	Вѣтранный переломъ 85
Бредъ	70	Вѣтранный переломъ глазъ 72
Бѣльма	72	Геморрой 82
Вздутіе живота	81	Глаза и ихъ болѣзни 72—73
Вередъ	77	Глизды 82
Верховой хомуть	75	Глотать бользо 74
Видѣнья	70	Глухота 73
Вогнать внутрь золотуху	77	Головная боль 73
Волось	70	Горбъ растеть 73
Воспа	66—69	Горловыя боли 74
Воспа стоитъ въ глазахъ	72	Горячка 85
		Грыжа 74—76
		Грыжа на ногахъ 75

¹⁾ См. „Жив. Стар.“ 1897. Вып. I.

	Стр.		Стр.
Давленіе на сердце	82	Мокнушіе золотуш. струнья	77
Двѣ лихорадки	63	Мокрый волосъ	70—71
Двѣнадцать кумушекъ	63	Мокрый лишай	88
Дурь	76	Надсада	82
Дѣтская грыжа	76	Нагноеніе	81
Желтуница	76	Нарывы	81
Женская грыжа	74	Насмока	86
Задавливаніе чирея	77	Натугъ	83
Зажигать	82	Непорченная рѣзачка	75—76
Запозы	76	Нечаянное укушеніе собакой	81
Засореніе глазъ	72	Ногтоѣдка	79
Заусеница	76	Нутро и его болѣзни	81—83
Защелкиваніе чирея	77	Нутряной комуть	75
Заѣды	87	Нырокъ	83
Змѣвиць	78	Нытье костей	79
Зобъ	77	Одышка	83
Золотуха	76—77	Ожогъ	—
Золотушные опухоли	77	Ознобы	83—84
Золотуха стоитъ въ глазахъ	72	Озѣвы	84
Зубной ной	79	Опасна боль	84
Зудъ	87	Опухоли	—
Извѣтрать губы	77	Отеки	—
Изжога	82	Отекъ въкъ	72
Иаломы костей	79	Отекъ глотки	74
Изъязвленія въ горлѣ	74	Отравленіе	84
Искусственный вызовъ крови	80	Переполохъ	—
" " красокъ	80	Повѣтренная соль глазъ	72
Какъ отводится съ утонувшимъ и		Подпазушникъ	77
оглушеннымъ громомъ	77—78	Поносы и боли живота	83
Кашель	86	Порѣзы	84
Кила	75	Порча	85
Когда голосъ перехватить	74	Порченная рѣзачка	75
Колотья	86	Постороннія тѣла въ горлѣ	74
Колотья простудныя	—	Потерять выть	83
Короста	87	Призоры	88
Кости и ихъ болѣзни	78—80	Притупленіе зрѣнія	72
Костяная грыжа	78	Прищи	88
Кровотеченія	80	Пролежни	85
Кровохарканіе	—	Простуды	85—86
Кровь давить	—	Раны	86
Кумушка	62	Расперстица	88
Кумушка каждаденна	62—63	Рвота	83
" подевна	63	Рожа	86
" на сердце	63	Рѣснички	72
Куриная слѣпота	72	Сводитъ ноги	85
Легучій огонь	87	Скрипъ въ суставахъ	80
Лихіе пальцы	—	Слезой болить глаза	72
Лишай	88	Смѣртна боль	86—87
Ломота всего тѣла	85	Сохнетъ и трескается кожа	87
" въ конечностяхъ	85	Страхи	—
" костей	79	Струнья	—
" въ поясницѣ	85—86	Сухой волосъ	70
Могильная кость	79	Сухой лишай	88
Мозги править	80—81	Сухой надавь	87

	Стр.		Стр.
Сучье вымя-титька	77	ОТДѢЛЪ III.	
Сыпи	87—88	Всегда ли можно матери кормить свое	
Тронуться умомъ	88	дитя	99
Убожество	88—89	Какіе рожки и соски лучше употреб-	
Увѣчье	89	лять	—
Угарь	—	Какъ кормить грудяныхъ дѣтей	—
Удушье	86	„ „ дѣтей по отнятіи стѣ	
Уколы и ушибы глазъ	73	груди	100
Укушеніе дурной собаки, волка	—	Какъ слѣдуетъ отнимать отъ груди	—
„ амфи	89	— Какъ кормить ребенка безъ матери	99
Уродство	—	Когда и какъ вужно прикармливать	100
Уроки	89—90	Полезны ли соски	—
Ушибы	89	Сколько времени надо сосить ребенка	—
Ушко прѣть или головка	77		
Холера	64—66	ОТДѢЛЪ IV ²⁾ .	
Хомуть	75	Безсонница	235—236
Худа боль	84	Выпаденіе задней кишки	235
Цвѣтъ-свѣтъ	90	Грудца подходить	236
Цынга	—	Грызь на нутрѣ	234—235
Чахотка	—	Грызь пупка	235
Чирей—вередъ	77	Дихтерикъ и шкарлатина	236
Чтобы собрать разсыпную золотуху	—	Дѣтская грыжа	234
Чтобы избавиться отъ чиреевъ	—	Задержаніе мочи	235
Чтобы чирей расселились	—	Кашель	236
Шипица	90	Корь	—
Язвы	90—91	Кочергушка	—
Язвы золотушные	77	Криксы	—
„ мокраго волоса	70	Младенцецо	—
„ опасной боли	84	Недержаніе мочи	235
Языкъ болить	91	Не маратся	237
		Ночной ревъ	—
ОТДѢЛЪ II ¹⁾ .		Нутряна грыжа	234—235
Больши воды и крови	94	Обмпраніе	237
Гороскопическія и др. примѣты и по-		Цаховикъ	235
вѣрья	97—98	Переполюхъ	237
Если Богъ не дастъ скоро	92	Поносъ	—
Если мѣсто не вышло	93	Подопрѣлость	—
Если перепонки мѣста не вышли	—	Полуношникъ	—
Если родятъ утромъ	95	Прорѣзыванье зубовъ	—
„ „ вечеромъ	—	Родимчикъ	238
Какъ опредѣлить время родовъ?	91	Собачья старость	—
Лежать съ родиной	95	Стиски	—
Неправильны роды	93—94	Стѣнь	—
Пищу ѣсть послѣ родинъ	95	Творожекъ цвѣтеть въ ротикѣ	238—239
Поносить брюхо	91	Тѣльце цвѣтеть	239
Прибирать родины	95	Уроки	—
Пусто брюхо	94	Цвѣтъ	240
Роды неравны бываютъ	93—94	Чекотуха	—
Роженицъ дѣлають три бани	95	Опредѣленія жизни и смерти дѣтей	—
Суши роды	94		
Уходъ за роженицей	95—96		
Уходъ за новорожденнымъ	96—97		
Худо ли, хорошо прощипывать пузырь	94		

¹⁾ „Жив. Стар.“ 1897, В. I.

²⁾ „Жив. Стар.“ 1897, Вып. II.

	Стр.		Стр.
ОТДѢЛЪ V ¹⁾ .		Чтобы выжить ребенка	243
		Язвы титекъ	243
Безплодіе	240	ОТДѢЛЪ VI ²⁾ .	
Берѣдь живота	242	Заговоры—а	389
Болѣтки брюха	—	„ —b	—
Вѣла грыжа	243	„ —с	—
Верховой хомуть	244	Защелкиваніе чирея	388
Вѣтренный переломъ грудей	242	Зовъ оспы	390
Груди женскія—титыки	242—243	Наговоръ въ повседневныхъ слу- чаяхъ	389—390
Грудница	242	„ для задавливанья чирея	390
Долго не бывать красокъ съ родинъ	244	Наговоры для новорожденнаго—а	389
Дѣланная родовая мука	243	„ „ „ —b	—
Женская грыжа	—	„ „ „ —с	—
Забрусенья грудей	242—243	Наговоры: отъ банной притки	388
Залевища	243—245	„ „ вѣтреннаго перелома	—
Золотникъ	243	„ „ грудницы—забрусенья	387
Краски	244	грудей—а	387 и 388
Красна грыжа	243	—b	—
Красокъ нѣтъ—нейдутъ краски	244	„ „ зубного ноя	387
Нарывы на грудяхъ	243	„ „ полувошника—а	386 и сл.
Непорченная рѣзачка	244	„ „ „ —b	—
Нутряной хомуть	—	„ „ „ —с	—
Онѣмѣвіе рукъ и ногъ	245	„ „ уроковъ—а	386
Плодуха опустилась	243	„ „ „ —b	—
Поносить брюхо	245	„ „ „ —с	—
Порченая рѣзачка	244	„ „ чекотухи—а	389
Пусто брюхо	245	„ „ „ —b	—
Рванины	243—244	„ „ при опуханіи горла	388—389
Рвота	245	Отворотъ	391
Рѣзачка	244	Отпускъ дружки	391—392
Свищи	243	Порча рѣпы	391
Слаботитье	—	„ ружья	—
Соски трескаются	—	Похороны зубовъ	390
Судороги	245	Приговоръ для причикиванья летучаго огня	387, 388 и 390
Тошнота	—	Приговоръ при загрызаніи пупка	390
Тугоитіе	243	„ отъ ячменя на глазу	387
Уроки	245	Причикиванье летучаго огня	387 и сл.
Хомуть	244	Присушка	391
Цвѣтъ	245	Смывка порченнаго ружья	—
Чтобы робять носить	241—242	Чтобы чирей расешились	390
„ „ не носить	242		

¹⁾ „Жив. Стар.“ 1897. Вып. II.

²⁾ „Жив. Стар.“ 1897. Вып. III и IV, стр. 386 и сл.

О П Е Ч А Т К И

(въ первыхъ двухъ книжкахъ «Жив. Стар.» въ ст. г. Макаренка).

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
57	9	Забальцева	Забалуева
60	11 (снизу)	Борисомъ Ефимовичемъ	Борисомъ Ефимовичемъ Анавиннымъ
61	21	составляемую	составляющаго
62	18	ляж. на сердцѣ	«ляжетъ на серцѣ»
64	32	тучекъ	лучекъ
65	30	полян и сѣры	полян и мусора
66	22	комплектъ	комплектъ
67	(въ примѣч.)	Пшеловскій	Пшелавскій
69	2 (снизу)	—бододавки	—бородавки
73	3 (снизу)	Масло это было дорого, не каждый разъ оно бываетъ, когда лѣтъ	Масло это бѣлое и дорогое: не каждый разъ оно бываетъ, когда лѣ- тъ
76	3 (снизу)	горячую	горючую
77	41	черевяникъ	черевятникъ
81	3 (снизу)	«кумушку на сердцѣ»	«кумушку на серцѣ»
86	11	порамъ	паромъ
87	17	«бабушка (Демиха)» (Кокорина)	«бабушка Демиха» (Кокорина)
88	18	(митеусы)	(матежи)
90	3	«хворать съ каждымъ»	«хворать съ каждымъ» ¹⁾ : (Смѣсь «Урочливая»).
—	14	либо бередятъ брюхо	либо бередитъ брюхо
94	14	что надо прощипывать вузырь	что не надо прощипывать пузырь
97	27	«дѣти»	«дѣти»
99	34	Твердая въ кипяткѣ часть дѣт- скаго рожка дѣлается изъ коровь- яго рога, который вываривается для этого,	Твердая часть дѣтскаго рожка дѣлается изъ коровьяго рога, который вывари- вается для этого въ кипяткѣ;
124	13	таки обнокование: было	такое обнокование было
125		Отгымалка	отымалка
127	1 (снизу)	опѣщаль	носѣщаль

Кстати объ опечаткахъ, встрѣчающихся въ выпускахъ III и IV «Жив. Стар.» за 1895 г.

349	2	О красильномъ искусствѣ у рус- скихъ Енисейской губ.	Красильное искусство крестьянъ Ени- сейской губ.
—	4	Уусурской	Ужурской
—	1	(Въ примѣч.) ¹⁾ Въ 1890 (?)	¹⁾ Въ 1891 г.
—	3	(тамъ-же) уусурской	ужурской
350	8	«возуи»	«возви»
—	16	«реоретомъ»	«рефетомъ»
—	22	женщина—«повойникъ» ²⁾	женщина—«новойникъ»
—	23	«валваретки»—пли поставитъ при къ нему примѣчаніе перенести на стр. 351.	этомъ словѣ ³⁾ , или же относящееся къ нему примѣчаніе перенести на стр. 351.
—	3	(примѣч.) отъ дуги къ?	отъ дуги къ хрестену шлеп (продоль- ный ремень шлеп, идущій вдоль спины (хрестецъ лошади)
—	6	(тамъ-же) остриженныя	(. . . выстриженныя...
351	2—4	перепутаны цифры примѣчаній	
—	11	уусурянки	ужурянки
—	21	«красныхъ» чулокъ	«кроеныхъ» (скроеныхъ) чулокъ, по- понь и опясокъ
—	1	(примѣч.) Уусурской	Ужурской
—	4	(тамъ-же) Ходачинскомъ	Казачинскомъ
355	13	Грузди	Грузди (Agaricus spec.)
—	21	Лиственничный дубъ	Лиственничный дубъ (Cor. ex Pini Ledebouri Endae)
—	22	Березовый дубъ	Березовый дубъ (Cortex Betulae albae)
—	23	Тальниковый дубъ	Тальниковый дубъ (Cortex Salixi spec.)
—	29	запахиваются	попы зашаваются.
—	40	Луковое перо	Луковое перо (Bulbi all. sepa)
256	9	С. Качинское	С. Казачинское

Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ.

Въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ русской Галиціи сохранились между прочимъ интересные обломки преданій объ одномъ женскомъ мнѣческомъ или демоническомъ существѣ, такъ называемой дикой бабѣ; она извѣстна здѣсь, впрочемъ, тоже подъ другими названіями именно: лѣтавыця, вѣтреныця или перелѣстныця. Представленіе это было когда-нибудь, конечно, болѣе полно и цѣльно, но со временемъ потеряло свои первоначальныя краски и формы, такъ что въ настоящее время изъ него остались уже только клочки и обрывки.

Сравнительно наиболѣе живо и непосредственно сохранились повѣрія о дикой бабѣ у горцевъ Стрыйскаго уѣзда, на пространствѣ отъ с. Спиеводска до с. Лавочнаго на венгерской границѣ. Предлагаемый здѣсь сводъ этихъ повѣрій основывается главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ, собранныхъ именно въ этой полосѣ русской Галиціи. Одна часть собрана мною самимъ, другая-же, болѣе полная, извлечена изъ рукописнаго сборника, составленнаго въ 1870-ыхъ годахъ и любезно доставленнаго мнѣ А. Ю. Алексѣвичемъ.

1) Дикая баба обыкновенно очень красива; особенно прекрасны ея волосы, золотистые и очень длинныя.

2) Чаще всего эти лѣтавыцы являются, во снѣ или на яву, молодымъ мужчинамъ, которые безумно влюбляются въ нихъ и отъ тоски изнываютъ и чахнутъ. Къ кому привяжется лѣтавыця, того водить на богомолья (видицуть) и въ церковь, освящаютъ ему воду или призываютъ ворожею и т. п.

3) Также пристають онѣ къ женатымъ мужчинамъ и очаровываютъ ихъ до той степени, что они покидаютъ своихъ женъ и не могутъ больше жить съ ними. Такой мужъ «мае лѣтавыцю». Она приходитъ къ нему каждую ночь спать и ложится у его ногъ. Пока она сама не оставитъ его, до тѣхъ поръ никакая сила не возвратитъ его покинутой женѣ.

4) До одного гзды ходила лѣтавыця, и все зганяла жонѣ изъ постели, а сама лягала коло него; ажъ разъ хтось нарядивъ жонѣ, щобы положылася окреме спаты, а якъ лѣтавыця надійде и засне, то щобы йій втѣла волосье. Во она мае волосе прегырешише и довге онь до землі. Ажъ-ту въ почы зацѣкало щось до вицнѣ, чоловікъ заворкотівъ крузь сонъ, и потѣму зновъ тѣхо стало; тогдѣ жона встала, засьвитѣла на примичку свѣчку и дѣвыгся, а она така красава, що льшь стань та дѣвыгся. И обіймыла гзду навколо шыи. То тѣий жонѣ тогды жаль еи стало, то она яла ихъ льшь розгайты. Колы-жъ лѣтавыця проснѣлась, то каже до жоны: колы ты мене не позбытковала и не позбавыла мене чѣсты, то уже гздѣй собѣ сама, а я уже не буду бильше ходыты. Тогды вѣтеръ подѣвъ и она ечѣзла, тай тѣлько за неѣ чѣтки было. (Записано въ с. Опорцѣ. Изъ сборника А. Ю. Алексѣвича).

5) Дикая баба очень любитъ горохъ, и ее можно въ немъ, на полѣ или въ огородѣ, часто встрѣтить.

6) Она имѣетъ сапоги-скороходы, въ которыхъ шагаетъ по нѣсколько верстъ за разъ. Безъ этихъ сапоговъ она теряетъ свою сверхъестественную силу и не можетъ оставить сео свѣта.

7) Ее можно поймать, если у ней отнять или украсть эти сапоги. Тогда она послушно идетъ за чоловікомъ, служить ему вѣрно и вообще дѣлаетъ все, что онъ хочетъ. Если онъ того желаетъ, дѣлается даже его женой.

8) Одень парубокъ мавъ въ полы горѣхъ и щось му въ нимъ дуже велыку

нікдз робыло, а не знавць шчо? Ажь разь выйшовць вь шале и увядивць коло гороху чоботы. А вь гороси така красна витрениця, ажь очи вь голони забывць. Онць тогда хопивць одень чобитць и каже: а то ты мені такў шквду робышць? Но теперь мўсынць вже зо мновць штм. Прийшли домі, тогда онць чобитць стулявць, шчобы она не знала где, таі вже мўсила быты его жоною. Жылы собі файно, газдувалы и малы дитїну, такў красну, шчо красной нигде не было. Но прийшовць часць и умєрла дитїна, а колы вси йойкалы, она каже: та шчо йойкаете, то треба граты и веселытыся. И заставыла гудакі, шчобы гралы по дитїни. Весь чўдовалыся тому, но нычь вже не казалы. За недвгый часць умєрць пакць старый отецць еп газы, а она йойкае, ажь страхць берє слўхаты. Тогда вже человекць звїдуся еп: а чомў-жць ты теперь плачєшь, хоть онць мій отецць, а не тобї? а за дитїновць тось ся весєлыла, хоть ты ємў маты бїла? А она єму не хотїла сказаты: ты того не знаєшь и не бўдєшь знаты! Онць выдыть, шчо она не хоче сказаты, то вже обнцївць іїй виддаты чобитць.—Но, колы такць, то вже ты скажу; бо ты не вїдывць, якць старого душу грїхм палягы таі обступылы «всьи» (т. е. черти) и позлїталыся, шчо бы для кождого и кїсточкы не стало; а якць я стала йойкаты, то оны напўдылыся и повтїкалы; а колы дитїна вмерла, то така радїсть была коло нец, шчо не было чого бановаты. Потомў єму ще бильше дє-шчо розновїла, тогда онць іїй мўсывць даты чобитць. Тогда такїй валкїй вїтерць подўвць, таі тїлько іїй вже выдивць. А колы прийшли мяснїци, посватовць соби отданїцю. (Зап. вь с. Яленковатомь. Изь сборника Алексєевича).

9) Одень господарь зїїмавць дїку бабу вь своїмь гороси, чоботы взявць, сховавць до коморы, а она зачала єго просыты, шчобы іїй виддавць чоботы. Внїць не виддавць, а она тогда пишла за нымць до дому и служыла му, якць найвирїїша служнїця. Робыла всяку господарску роботу дуже зрўчно и господарь не мнїць еп нахвалятыся. Такць служыла ємў ажь до рїздвїныхць свят. На святїй-вєчєрь помогла газдїны всє робыты и варыты; а колы вєчєря вже була готова, газдїня сказала всьїй чєляды: прўшу васць вснхць до вєчєрї! Все посїцалы, а дыка баба сїла собї вь кўтыку и все сьмїялася черезць цнлў вєчєрю, нїць не вїла, лышє сьмїялася. Бї ся пыталы, чого она ся сьмїє, але она не хотїла сказаты. Ажь якць скнїчїлы вєчєраты и єщє бильне еп просїлы, шчобы сказала іїмць, она обнцїла сказаты, еслы іїй виддацть чоботы. Господарь іїй обнцївць, шчо виддасть, а она зачала іїмць розповидаты: — якць-бы вы вїдїлы, шчо ся зь вашовць вєчєровць дїяло, вы бы и самї не бұлы іїлы, лышєнь бысьте ся сьмїїлы. Газдїня намїсць сказаты: «прўшу васць вснхць хрїщєныхць до вєчєрї», сказала тїлько: «прўшу васць вснхць до вєчєрї». Тогда ся злєтїлы вси чертї и показувалы рїжнї фїгли, скакалы по столї, по мыскахць, пљовалы вь ныхць и т. д. Тогда господари зачалы еп ся розпїтуваты о рїжнї рїчы, о лїкї противь рїжнїхць хороббь, чары. Она нмць всє розповїла, оны іїй тогда далы чоботы и пишла собї. Якць вже бұла на дорозї, тогда господарь крыгадавць соби єщє, шчо не запытавсь еп, шчо робыты на мотылицю у овєдць? Выбїгць за невь на дорогу и нытєся еп. А она єму сказала: возмїй нїжць, таі зарїжць, таі изьїїджць! (Записано мною вь с. Крушельницѣ отць крестьянина Антона Лазоревича).

10) Вь общємь, какць оказываєтся изь приведенныхць выше мотивовць говєрїя, дыкая баба представляєтся сущєствомь не очень злымь и вреднымь, напротивь, вь ней замѣчается много симпатичныхць чертць и моментовць. Уже сама ея вїшнїя красота свидѣтельствуеть о томь, шчо сь злой, нечїстой силой она не нмѣєть нїчєго общаго; это подтверждаеть также прямо Яленковатовскїй разєказь, упоминая о томь, шчо она отогнала отць души грїшнаго старика осадившихць еє злыхць духовць. Между тѣмь, вь нѣкоторыхць случаяхць обвиняють дїкую бабу вь томь, шчо она сосєть маленькїхць дѣтєй, отчего у нихць изь грудєй течєть кровь, а самї оны блѣднїють и худѣють.

11) Дыкая баба дѣлаєть порою неосторожнїмь матерямь также нвную пакость. Она подмїнїваеть нмць ребєнка своїмь, такць называємую «вїднїною». Такая «вїднїна» обыкновєнно очень зла и глупа, но не живєть больше семи лѣтць. Подмїнїть ребєнка можєть лїтавыця лєгчє всего вь нощї, еслы вь комнатѣ не свѣтїтся.

12) Дїкую бабу считають порою такї прямо «нечїтємь» сущєствомь, и гово-

рягъ, что ее посылають между людей вѣдьмы и колдувы, чтобы онѣ дѣлали имъ разные пакости.

Последніе три мотива повѣрія находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ его общимъ характеромъ, что, кажется, нельзя ихъ считать подлинными и существенными его частями. Они приурочились къ нему, вѣроятно, только случайно, или возникли подъ вліяніемъ церковнаго ученія, ипсвергнувшаго всѣ божества и существа языческой мѣологіи въ преисподнюю нечистой силы.

Ю. Яворскій.

Изъ сборника галицко-русскихъ сказокъ,

собранныхъ для предполагаемаго сборнаго изданія И. Р. Географическаго Общества.

1. Сказка о Полифемѣ.

А. Такъ бувъ коваль. То все приходѣлы лѣде до него та казали: ой, бидѣ, бидѣ! А той коваль, каже: та я не виджу нѣгда бидѣ. Я иду, каже, въ свѣгъ и бѣду топ бидѣ шукати, цы найду?

Прыйшовъ винъ такъ до сыройіда. — Кобѣсьте мя, каже, переночували. — Добре, я ты переночую! Буденъ каже, съ винцыма ту спати. — Та най бѣде, добре! —

Взявъ винъ тамъ почувати, а сыройіде каже до сыройідыхи: вже острѣ ножи будемо ковалѣ ризати! А коваль тотѣ учѣвъ, то якъ выйшовъ сыройідѣ, шукѣе го, а ёго нема. А той сыройідѣ не мавъ чымъ засвѣгити, то все бравъ винцы по-одній, тай крузь викно метавъ. А коваль собѣ обернувъ кожущѣ, вѣравъ-сьи, такъ гы баранъ сыи зробывъ, то сыройідѣ и ёго вывергъ. А винъ за викномъ каже: а слава господу, що ты й менѣ вывергъ! А сыройідѣ за нимъ, за нимъ, але не мигъ го догонити.

Вижитъ коваль, здыбавъ затѣе золотѣ топорѣ въ дѣревнѣ. Винъ видрывѣе, тай ёго рука прылыла до того тонорѣ, не хоче сыи дати. Тай винъ видрызавъ рѣву и втыкъ.

Прыйшовъ до дому тай каже: ажъ тепѣрь я бидѣ знаю, пізно лѣжу, рано встаю!

(Записано въ с. Доброгостовѣ, дрогобычскаго уѣзда, отъ крестьянки Маріи Стецьвака, 33-хъ лѣтъ).

Б. Такъ до ковалѣ ходѣлы лѣде и все кажутъ: ой, бидѣ! А винъ каже: що-то за бидѣ, що я йи не знаю? И такъ одного разу, зибрався и йде шукати бидѣ. Идѣ-идѣ, здыбѣе коваль швецѣ. Пытѣеся: де ты идешъ? Швецъ каже: отъ идѣ, абѣ не стойты; а ты, каже, де? — О, я йду собѣ шукати бидѣ, що-то за така бидѣ? — Ну, то ходѣмъ оба! —

Идѣтъ-идѣтъ, у лѣси була хата. Прыходѣтъ до топ хаты, тамъ почѣють. Рано прыйшла соройдѣха, така съ еднѣмъ ѣкомъ, и пытѣеся ихъ: що вы за еднѣ? — Мы йдемъ шувати бидѣ. — Еденъ каже: я коваль, а другый каже: я швецъ.

Тогды она взяла палѣты въ шведу. Напалѣла въ шведу, вхѣпыла швецѣ, вѣргла въ огѣнь и винъ ся спикъ; тогды го вымыла, вкусѣла два разы и зыла всего. И каже до ковалѣ: а ты, коли-сь коваль, то менѣ другѣ ѣко прырѣбывъ. И позамыкала дѣвери, абѣ винъ кудѣ не втыкъ. И каже: ну, розпикай шыло, то менѣ прырѣбывъ другѣ ѣко. Тогды коваль каже: внесѣ менѣ такѣй ланцѣ, абѣ я ты звязавъ. Она

внесла ланць, винь звязавъ а каже: анѹ прутнѹся, цы урвешь? И она снѹ прутнѹла и урвала. И винь сказавъ дрѹгый принѹдеты ланць и звязавъ ѳѹ. Але, она зновъ урвала. Тогдѹ взявъ третѹй и звязавъ, вже того не могла урвати. Тогдѹ винь розпнѹкъ шѹло, таѹ взявъ и въ то око, що мала, шѹломъ дѹгнувъ, абѹ не выдыла, абѹ утѹнкъ видѹ неѹ.

Вже винь такъ зробивъ, она снѹ зъ-бѹло прутнѹла, урвалася и взяла вже на нѹго палѹты въ пѹену. Хотѹла ѳѹ еѹ спечѹ. Але го не могла злѹпаты, бо не выдыла, а тамъ бѹлы у неѹ баранѹ, то винь снѹ все ховавъ по-за тыхъ баранѹвъ. То она лѹпала тѹ баранѹ и кѹдала по-ѹдному крузь викиѹ. Во боялася, якъ-бѹ выпущала въ двѹри, то и коваль-бѹ утѹнкъ. И выметала баранѹ, але той коваль мавъ такѹй кожѹхъ, що зъ баранѹ, таѹ взявъ, у той кожѹхъ завѹвеси и лѹзгытъ и все такъ: бѹ-э-э, нѹбѹ ѳѹ винь баравъ. А она хѹпыла еѹ за вѹвну и вергла ѳѹ еѹ крузь викиѹ. Якъ еѹ вывергла, каже винь: будь здорова, бѹдо! — Илы-ѳѹ, я тѹ ще поѹймаю!

И винь бѹжѹтъ, а у лѹси такъ ялѹця лежѹтъ, а въ тѹй ялѹци такъ затѹта сокѹра и золѹте топорѹще. Винь за ту сокѹру поѹймавъ, хотѹвъ ѳѹ вѹраты, таѹ не мигъ и рѹку видрѹваты. А она ѳѹе вже за нѹмъ таѹ смѹдѹся: а ѳѹ-ты не казала, що-тѹ поѹймаю? А винь вѹймывъ ппѹжъ, руку видрѹзавъ таѹ утѹнкъ.

Утѹнкъ ажъ до дѹму и каже: ажъ тепѹрь знаю, якѹ-то бѹда!

(Зап. въ с. Доброгѹстовѹ, отъ парня Гната (Трача).

Примѹчаніе. Оба варіанта этой сказки представляютъ очевидно отзвуки древняго сказанія о Полифемѹ, котораго въ настоящемъ случаѹ замѹнили «сыроѹдѹ» и одноглазая «сыроѹдѹха». Исторію литературнаго распространенія сказки изслѹдовали обстоятельно В. Гриммъ (*Die Sage vom Polyphem*, Берлинъ, 1857), Р. Кэлеръ (въ *Benfayevomъ Orient und Occident*, II, с. 122) и наконецъ Г. Крекъ (*Polyfem v narodnej tradiciji slovanskej*, оттискъ изъ «Kresa», 1882). Кромѹ этого ср. Аѹанасьева, Народныя рус. сказки, Москва, 1860—63, изд. 3-е (К. Солдатенкова) вып. III, с. 59—61, 134—139; *Slovenské Pohlady*, 1895; Довойна-Сильвестровицъ, *Podania žmujdzkie*, I, 193; J. Haltrich, *Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen*, 4-е изд., 1885, стр. 159—160; Чубинскій, Труды, II, нрѹ 21, стр. 85—86; Dr. F. S. Krauss, *Sagen und Märchen der Südslaven*, Лейпцигъ, 1883—84, I, с. 170—173, и др. Мотивъ о золотомъ топорѹ встрѹчается тоже во многихъ сказкахъ отдѹльно, напримѹрь О. Роздольскій, Галицкі народні казки въ этнограф. збирникѹ, Львовъ, 1895, I, с. 67, и др.

2. Какъ дурня учили разуму.

А. Еднѹ баба послала сѹна до мѹста, купѹты чверть горѹху. Винь бѹвъ трѹха чѹ прѹдурковатѹй, то она му казала, абѹ винь не забудъ, абѹ всю дорѹгу, якъ бѹде ѳѹ до мѹста, все казавъ: чверть горѹху, чверть горѹху!

И винь идѹ дорѹговъ таѹ вже все собѹ такъ говорѹтъ: чверть горѹху. А тамъ пры дорѹзи сѹвъ богѹчъ горѹхъ, таѹ чѹе, що той идѹ дорѹговъ таѹ все каже: чверть горѹху. Таѹ винь го завернѹвъ и каже: що ты за-ѹденъ? то ты менѹ кажешъ, щобѹ менѹ ся тѹлько чверть горѹху урѹдыла? Таѹ взявъ тѹго быты хлопака. — Памятай-сы, каже, абысь, якъ коѹ такъ здыблешъ, все казавъ: дай Боже сѹистъе що бысьте не могли ни переносѹты, ни перевозѹты.

Той идѹ тогдѹ зновъ зъ кавѹлокъ дорѹги, везѹтъ мерлѹго. А той имъ дурнѹй тогдѹ каже: дай Боже сѹистъе, абысьте не могли ни переносѹты ни перевозѹты! Злѹпалы го, набѹлы. — То мы ту плѹчемъ, заводѹемъ, а ты намъ такѹ кажешъ? Ты по-вѹнень, кѹжѹтъ, клякнѹты и мѹвыты молѹты: вѹчная пѹмѹть!

Таѹ вже знову идѹ дали, здыбае весельѹ. Тогдѹ винь вже клякъ сѹ-дѹлеку, рѹки зложѹвъ и мѹлѹтся Бѹгу передѹ тѹмъ весельѹмъ: вѹчная пѹмѹть та вѹчная пѹмѹть. Ты дѹвѹтся, а то що? Мы ся весельѹмо, а той ся Бѹгу мѹлѹтъ за насъ, абѹ мы вмѹралы, чѹ идѹ? Таѹ го тогдѹ вже знову набѹлы, вже такѹ добре. И вернѹвся вже

тогда съ плачомъ до дому вже и гордохомъ не ходывъ. Розповивъ мамн все, якъ го тры разы побылы, плаче.

А мама тогда му каже: дурня ны сють ны друтъ, дурни ся самі рдять, тай ты такій!

(Зап. въ с. Борусовѣ, Бобрецкаго у., отъ крестьянина Луци Струка, 62-хъ лѣтъ).

В. Мала баба чловѣка логена, що не хотывъ робыты ниць. Тай жѣнка го набыла кочѣрговъ тай пагнала въ свѣтъ, абы го люде розуму навчылы. Винъ иде, люде въ идло веснють собѣ. Ишовъ по-пры едного—не казавъ ниць, и шовъ по-пры другого—такой ниць, по-при третого надийшовъ и зновъ ниць не каже. Тогда той поставивъ вѣлы цы кѣни, иимывъ и набывъ того.—Та защо вы мене бѣте? — Абысь, каже, якъ ще такѣ здыблешъ, казавъ: дай Боже счѣстье, абысьте не могли ни перевозыты ни переносыты! — Винъ иде, везуть умерцѣ. Винъ каже: дай Боже счѣстье, абысьте не могли ни перевозыты ни переносыты! — Иимылы го люде, набылы, тогда винъ ся пытае: та якъ-же менѣ казаты? — Маешъ казаты: абы за такѣ нхтѣ не знавъ ни чувавъ!

Винъ иде, здыбу весильѣ. Каже: бодай за такѣ нхтѣ ни знавъ ни чувавъ у тимъ селѣ! Иимылы весильни, набылы.—За що мене, люде, бѣте?—Кажутъ весильни: якъ такѣ здыблешъ, маешъ казаты: дай Боже счѣстье, абысьте ся весельны, абысьте дѣты съ нѣмы малы!

Винъ иде, а ризникъ свѣнн женѣ.—Дай Боже счѣстье, каже, абысьте ся весельны, абысьте съ нѣмы дѣты малы! — Ризникъ перебѣгъ, якъ зачавъ быты, винъ ся тогда пытае: ба якъ-же менѣ казаты? — Маешъ казаты: дай Боже счѣстье абы надъ тымъ попы галыдѣйкалы, абы то ся на тарѣлы краяло!

Ну, иде винъ, а еденъ тамъ сядивъ для себе. Винъ каже: дай Боже счѣстье абы надъ тымъ попы галыдѣйкалы, абы то ся на тарѣлы краяло! Той ся схѣпывъ, набывъ, а винъ каже: якъ же менѣ казаты? — Ниць не маешъ казаты, каже, лыше абысь плѣнувъ.

Иде винъ, а двѣ бабы сядятъ на зарѣнку, една другѣй въ голову ся дывыла. Винъ, тогда мѣжи бабы плѣнувъ. Иимылы бабы, набылы. Винъ каже: йой, люде, та вже мя такѣ бѣте, кѣсты-сьте-мы поломылы. Що-жъ вже маю робыты? — Якъ де такѣ найдешъ, абысь свою голову пхавъ.

Винъ иде, а два ся псы ийдятъ. А винъ захавъ свою голову мѣжы ныхъ, тай псы видѣйлы дурному глову...

(Зап. въ с. Доброгостовѣ, отъ Федора Химчука, 35 лѣтъ).

Параллели: П. Добшинскій, *Prostonárodní slovenské povesti*. Турч. св. Мартинъ, 1880—83, VII, с. 10—11; Krauss, *Sagen und Märchen*, II, 238—239; Haltrich, *D. Volksmärchen*, 241—244, 247—249; J. G. v. Hahn, *Griechische und albanesische Märchen*, Лейпцигъ, 1864, II, 154—157; Аванасьевъ, *Народныя рус. сказки*, вып. I—II, с. 198—200, VI, с. 92—93.

3. О х ъ.

Такъ у лѣси бувъ велѣкѣй дубъ, а въ тимъ дѣби бувъ чортъ, тай назывався «Охъ». Тай мавъ отецъ два сыны, а еденъ бувъ розумный, а другѣй дурный. Винъ узавъ того дурного тай повивъ тамъ до того Оха, абы ёго розуму научывъ. Але той чортъ мавъ тамъ вже такыхъ одынайцѣты хлѣпцивъ, що ихъ розуму учывъ, тай взявъ того за дванайцѣтого. Але каже до того витѣя: я го научу, але прѣйдешъ за нымъ въ рикъ, то якъ спизнаешъ своѣго хлѣпца, тѣ-ты го видѣамъ, а якъ не спизнаешъ, то хлѣпца лышу у себе.

Тай той отецъ пишовъ, а Охъ взявъ, запалывъ штыры стѣсы дровъ, тай вергъ того хлѣпца у огонь, тай ся зъ него зробыло лѣце. Тогда винъ вѣимывъ то лѣце зъ огнѣ тай вергъ нымъ до землѣ, то вѣлизъ зъ того хлѣпецъ. Тай ся пытае чортъ: цы розумѣешъ що-гѣди? Каже: Розумѣю, що въ мѣго тата баль е! Тогда винъ взявъ и

запалывъ шість стбсивъ дровъ. Тай вергъ хлбця въ огень, тай ся зробывъ волоській орїхъ. Вергъ до земли, тай вылизъ зъ тѣго хлбцецъ. Тай го ся пытае: цы розуміешъ вже що-гѣди? Впнъ каже: розумію, що мій тато на волю оре перистымы быкамъ! — Впнъ тогды взявъ тай запалывъ вїсімъ стбсивъ дровъ. Тай вергъ го у огень, тай ся зробыло макове зерно. Вергъ тымъ до земли, тай ся зробывъ зъ тѣго хлбцецъ. И пытаеся го: цы розуміешъ що-гѣди? Впнъ каже: вже знаю, що ся въ пивъ-свѣити дїе! Уже тогды бувъ мудрїйшій видъ самѣго Оха.

Але чортъ го тогды взявъ, тай замѣкъ за дванайцять двѣрей. Але впнъ знавъ, що ѣго тато вже идѣ по нѣго, то зробывся мѣховъ и вылетивъ крузь тоту дїрку, що ся ключѣмъ замыкае. Тай летытъ и вже здыбае свѣго витця на полы. Тай такъ каже до витця: впнъ тамъ зрѣбытъ настъ дванайцять кѣней, то вси кѣни бѣдутъ тѣхо стойты, лышь я бѣду прзаты, то бѣдете казаты: то мій сынъ! И зрѣбытъ 12 качѣкъ, вси качкѣ бѣдутъ тѣхо стойты, лышень я буду казаты: такъ-такъ! И зрѣбытъ 12 псивъ, то вси псы бѣдутъ тѣхо стойты, лышь я бѣду хвостѣмъ махаты. И зрѣбытъ ще 12 мухъ, вси мѣхи бѣдутъ тѣхо сыдѣты, лышь я буду брѣнчаты. То скажете: тѣ мій сынъ!

Тай тогды видлѣтывъ назадъ и зновъ залетывъ тамъ до покою, крузь тыхъ 12 дїрокъ. Приходытъ отѣць другондыны, чортъ видмѣкъ вси 12 двѣрей и выпустывъ всїяхъ 12 хлбщивъ, тай зробывъ 12 еднѣкнхъ кѣней. Усї кѣни тѣхо стойлы, лышень едѣнь заирзавъ. А той хлѣпъ тогды каже: о-тѣ мій сынъ! А чортъ зробывъ 12 качѣкъ, тай вси качкѣ тѣхо стойлы, лышень еднѣ казала: такъ-такъ! Тогды впнъ каже: то мій сынъ! Чортъ зробывъ 12 псивъ, тай вси псы тѣхо стоялы, лышень едѣнь хвостѣмъ махавъ. А хлѣпъ каже: то мій сынъ! А чортъ зробывъ 12 мухъ, тай вси мѣхи тѣхо сыдѣлы, лышень еднѣ брѣмчала. А впнъ каже: то мій сынъ! Тогды чортъ тѣго хлбця вже зробывъ зновъ хлѣпомъ и каже: то ты десь съ свѣймъ витцѣмъ бувъ на розмѣви. А впнъ каже: та я бувъ за дванайцятьмъ двѣрьмы, якъ я мигъ бѣты сѣмѣмъ татомъ на розмѣви.

Тай го вже тогды отѣць взявъ. Тогды впнъ ся вже зробывъ самъ конѣмъ золотымъ, тай каже: абы-сѣте мя, тату, продалы за дѣвять сотѣкъ, лышь абы-сѣте мя не дѣлы съ уздѣчковъ. Тай го зновъ самъ той кунывъ Охъ. Але отѣць давъ го съ уздѣчковъ. То го прышьывъ до зелїзного драгара, до горы, такъ що лышь дрѣбку заднымы ногѣмы до землї докывавъ. А впнъ десь, той чортъ, пышовъ тай замѣкъ тоту стайню. И тѣму найстаршому, що було тамъ однѣнайцять хлбщивъ, давъ ключї видъ стайни. Тай казавъ имъ, тымъ однѣнайцятьѣмъ, абы ся не двылы до топ стайни. Але вын видомклы стайню тай ся подывылы, тай узылы, видопнылы того коня, тай вывели го на-двѣрь. А той кнпъ якъ дѣбнувъ ногѣвъ, тай ся зробыла зъ нѣго мѣха, тай утыкъ гетъ. До свѣго витця утыкъ.

Тай видтакъ зробывся золотымъ пѣашкомъ, въ такїй золотїй клѣточци. Тай каже витцю: абы-сѣте мя, тату, продалы за пять сотѣкъ, лышь абы-сѣте мя не дѣлы съ клѣтковъ. А отѣць забувъ тай давъ го съ клѣтковъ, зновъ тѣму Оховы продавъ. Той взявъ го до дому тай замѣкъ нсѣ товъ клѣтковъ у зелїзну клѣтку. Тай той птахъ тры дны дѣже фѣйно спывавъ. А тоты взялы, однѣнайцять, тай подывылыся на клѣтку, тай видомклы. Тай го зновъ вынеслы на-двѣрь. Тай впнъ тогды дѣбнувъ ногѣвъ, тай ся зновъ зробывъ мѣховъ. Але Охъ бувъ у покоїи тай тотѣ выдывъ, погнався за нимъ, але го не догонывъ, тай впнъ тогды утыкъ до свѣго витця.

Тай тогды ся зробывъ такымъ: ни кнпъ, ни пѣсь, такымъ гы зелїзна рукавыця. Тай каже до витця: несѣтъ-же менѣ вже тепѣрь, тату, до мѣста и продайте за тры сотки. Отѣць го выннѣсь до мѣста, але вже тай Охъ не купывавъ той рукавыци, бо каже, го вже для мѣне нездале. И тогды тотѣ купывъ такїй старый жѣвнѣрь и прынѣсь до дому. Але той тогды въ ночы зробывся зъ рукавыци зновъ хлѣпомъ и вже пышовъ собѣ въ свѣитъ...

(Зап. въ с. Доброгостовѣ, отъ парня Дмитра Гаврїляка).

Примѣчаніе. Сказка объ Охѣ и его хитрой школѣ очень распространена и, вѣроятно, древняя. Параллели ср. Чубинскїй, труды, II, н-ры 102—104, с. 368—379; Мордовцевъ, Малорус. лит. сборникъ, с. 359—361; Рудченко, нар. южнор. сказки, II, с. 107—114; Драгомановъ, Малорус. нар. преданїя и рассказы, с.

326—328; Аванасьевь, Народ. рус. сказки, V, с. 90—95, VI, с. 184—196, VIII, с. 339—342; Краусъ, Sagen und Märchen des Südslaven, II, с. 243—245. Сборникъ за народни умотворения, изд. болгарскимъ министерствомъ нар. просвѣщенія, т. VIII, с. 172—173; Гальтрихъ, Deut. Volksmärchen, с. 51—53; Гонценбахъ, Sicilianische Märchen, 1870, I, н-ръ 23 (только начало сходно); Шотъ, Walachische Märchen, 1845, с. 193—198; Ганъ, Griech. und alban. Märchen, II, с. 34—38 и т. д.

Нашъ вариантъ не совсемъ полный; въ немъ замѣтно много упрощеній и пропусковъ. Итакъ, въ немъ не сказано ничего о томъ, что мужикъ, выбравшійся съ глупымъ сыномъ въ дорогу, только случайно встрѣтилъ Оха. Онъ, утомленный дорогой, съѣлъ на могилкѣ или камнѣ и вздохнулъ: охъ! Тогда появился Охъ, спрашивая: зачѣмъ меня зовешь? и т. д. (Чубинскій, Драгомановъ, Аванасьевь, Гонценбахъ: «Ohimè» и др.)—Особенно, однако, упрощена послѣдняя часть сказки, представляющая соревнованіе и борьбу ученика съ Охомъ. Разъ ему удается бѣжать. Другой разъ, однако, Охъ, какъ и въ нашей сказкѣ, замѣчаетъ его бѣгство и догоняетъ его, превратившись въ волка, коршуна или окуня, смотря по тому, подъ какимъ видомъ бѣжалъ его ученикъ. Затѣмъ, этотъ послѣдній превращается въ кольцо и впрыгиваетъ на палецъ гуляющей царевны. Охъ принимаетъ видъ кушца или старца и требуетъ возвращенія кольца. Царевна бросаетъ его, однако, на землю, вслѣдствіе чего оно разсыпается зернами или макомъ. Охъ превращается въ курицу и клюетъ зерна. Изъ одного, спрятавшагося подъ башмакъ царевны, дѣлается вдругъ коршунъ и убиваетъ курицу-Оха. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, хитрый ученикъ женится на царевнѣ. Этотъ важный эпизодъ, указывающій прямо на восточное происхожденіе сказки, потерялся въ галицко-русскомъ изложеніи. Но за то есть въ немъ другой, не менѣе интересный мотивъ, котораго не имѣютъ варианты другихъ народовъ: это рассказъ о приемахъ обученія Оха. Только у Драгоманова воспроизведенъ онъ тоже, но въ блѣдномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Представленіе о чертовской школѣ свойственно тоже отдѣльно и самостоятельно разнымъ народамъ, особенно южнымъ славянамъ и румынамъ. Ср. В. Ягичъ, Die Süd-slawischen Volkssagen von dem Grabancijas dijak und ihre Erklärung (Archiv für slavische Philologie, II, 437—481, VII, 281—290); S. F. Marian, Mitologiă daco-română (Albina carpatilor, III, 1878—79, с. 54); Lazar Săineu, Basmele române, Букурештъ, 1895, с. 871. Въ средніе вѣка оно было распространено въ цѣлой западной Европѣ. Ср. А. Графъ, Naturgeschichte des Teufels, Йена, 6. г. с. 249—250.

Ю. Яворскій.

О народных говорах сѣверо-западной части Костромской губерніи *).
(Изъ отчета о командировкѣ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества въ 1896 г.).

Сѣверо-западная часть Костромской губ. заключаетъ въ себѣ три народныхъ говора: 1) окающій и нецокающій; 2) акающій и нецокающій; 3) цокающій съ явленіями въ подраздѣленіяхъ его какъ аканья, такъ и оканья.

Наибольшую территорію занимаетъ изъ нихъ говоръ первый, — о к а ю щ і й, н о н е ц о к а ю щ і й. Онъ распространенъ: по сѣверной половинѣ Костромскаго уѣзда, т. е. въ пространствѣ по лѣвую сторону Волги, ограниченномъ съ запада р. Костромой и съ востока почтовымъ трактомъ отъ г. Костромы до г. Галича; по всему Буйскому уѣзду, за исключеніемъ только крайней сѣверной части его съ Покровскою волостью; по западной части уѣзда Галичскаго, ограниченной съ сѣвера р. Вексой и съ востока почтовымъ же трактомъ между г.г. Костромой и Галичемъ; и, наконецъ, довольно страннымъ образомъ тотъ же самый говоръ слышится въ сѣверо-западной части акающаго Солигаличскаго уѣзда, даже подъ самымъ Солигаличемъ, — въ Вершковской и Зашугомской волостяхъ **).

Главная отличительная особенность этого говора есть, разумеется, оканье, выражающееся не только въ томъ, что орфографическое *о* замѣняется въ немъ звукомъ *а* лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, а самое *о* звучитъ почти всегда открыто и ясно, но также и въ томъ, что орфографическіе *а* и *е* въ немъ иногда обращаются въ *о*, произношеніе же *ѣ* вм. *е* распространено въ особенности и по преимуществу. Частіе, указанные особенности говора выражаются въ слѣдующемъ:

Древнее начальное *о* въ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, здѣсь никогда не измѣняется въ *а*, такъ что всегда произносится: Овдогья, Офросинья, Офимья, Олена, Олексій, Ондрій, Онтонъ, Окулина, Оксинья, Олександро, Олександр, Офонасей и т. под.

Но за то въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ, и по преимуществу иностраннаго происхожденія, измѣненіе *о* въ *а* неоспоримо; говорятъ, напримѣръ: манастырь вм. монастырь, салдаты вм. солдаты, камодъ вм. комодъ, дяканъ, вм. дяконъ, манахъ и манашина вм. монахъ и монашина, храмой вм. хромой, хварать вм. хворать, раждаться вм. рождаться, таварищъ вм. товарищъ, гараздый и гараздо вм. гораздый и гораздо, вихаръ вм. вихоръ, сокращать вм. сокрочать (=укрощать), одинакій и одинасьво вм. одинокій и одиночество, горячій вм. горячій, тварогъ вм. творогъ, карабль вм. корабль, параходъ вм. пароходъ. — Подобнымъ же образомъ *а* вм. *о* слышится и въ окончаніи родит. над. ед. ч. муж. р. именъ прилагательныхъ: доброва вм. добраго, чернова, худова, слѣпова и т. п. Въ глагольныхъ же формахъ слышно какъ замораживать, такъ и заморозивать, зарабатывать

*) Руководствомъ при собираніи и расположеніи діалектологическихъ данныхъ служила «Программа для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія», изданная Академіей Наукъ.

**) Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что указанными предѣлами этотъ говоръ не ограничивается и, по всей вѣроятности, распространенъ также въ нѣкоторыхъ волостяхъ Костр. и Галич. уѣздовъ, расположенныхъ далѣе упомянутыхъ границъ, полнѣнаго изслѣдованія этихъ уѣздовъ за указанными границами мнѣ не удалось еще сдѣлать

и зарабатывать, подзадаривать и подзадоривать, уваживать и уважывать, побала-вываться и побаловываться.

Произношение *у* вм. *а* и *о* наблюдается вообще очень рѣдко и по преимуществу въ Буйскомъ у. гдѣ иногда можно слышать: *буранъ* вм. *баранъ*, *замурать* вм. *зама-рять*, *мураный* и *замуранный* вм. *маранный* и *замаранный*, *сусѣдъ*, вм. *сосѣдъ*, *утняли* вм. *отняли*, *утнимать* вм. *отнимать*, *угурцы*, вм. *огурцы*, *укунусь* вм. *окунусь*, *дохтуръ* вм. *докторъ*.

Точно также *о* вм. *а* является сравнительно въ немногихъ словахъ. Оно, напр., слышится постоянно въ частицѣ *ка*, прибавляемой къ повелительному наклоненію глаголь: *держи-ко*, *выпьемъ-ко*, *садись-ко*, *подеритесь-но* и т. под. Такимъ же образомъ конечное *а* въ именахъ существительныхъ на *ика* и *ка* часто измѣняется въ *о*: *батушко*, *батенько*, *Иванушко*, *дядюшко*, *дятятко*, *мальчишко* и даже *дѣвчонко* (въ Письменск. вол., Буйск. у.—для обозначенія маленькой дѣвочки, ребенка). Случается подобная же замѣна звуковъ въ началѣ и въ срединѣ слова, напримѣръ: *онбаръ* вм. *амбаръ*, *окуратный* вм. *аккуратный*, въ *окурать*, вм. *аккурать*, *конать* вм. *канать*, *олтарь* вм. *алтарь*, *торелка* вм. *тарелка*, *тонцовать* вм. *танцовать*, *окоянный* вм. *ока-янный*, *корета* вм. *карета*, *зоря* вм. *заря*, *сотона* вм. *сатана*. Префиксъ *раз* обнаруживается въ этомъ отношеніи неизмѣнное постоянство и всегда произносится какъ *роз*: *розсердиться*, *росходъ*, на *ропашку*, *розставанье*, *ростабарывать*, *розговаривать*, *розжѣ-няться* и пр. Подобнымъ же образомъ послѣ плавнаго *р* *о* вм. *а* слышится и въ нѣ-которыхъ другихъ словахъ: *робота*, *роботать*, *нероботливъ*, *рости*, *ростеть*.

Употребленіе *о* изъ *е* замѣчается не особенно часто. Обыкновеннѣе всего его можно наблюдать передъ твердыми согласными послѣ шипящихъ, въ особенности *ж* и *ш*, и при-томъ подъ удареніемъ, хотя послѣднее необязательно. Такъ говорится: *посажонъ*, *по-сажонный* (но *пасаженъ*), *гожд* и *джд* вм. *гѣже* и *дѣже*, *можотъ* вм. *можегъ*, *шорстка* (но *шерсть*) *долждѣвъ* вм. *долженъ*, *не дошодчи* и *не дошѣдъ* вм. *не дошѣдчи*, и *не дошѣдъ*; *шолуха* вм. *шелуха*, *ништѣта* вм. *нищета*, *нашѣ* и *вашѣ* вм. *наше* и *ваше*, *чашѣкъ* вм. *чашекъ*, *машѣтъ* вм. *машетъ*, *напишомъ*, вм. *напишемъ*; частица *же* всегда произносится *жо*: *я-жо* тебѣ говорю, *пойдемъ-жо* со мной, *иди-жо* скорѣй, и др. Въ ласкательныхъ существенныхъ на *чекъ* можно слышать то же самое измѣненіе: *племян-ничокъ*, *крестничокъ*, *помойничокъ*, *робеночекъ*, *ножичокъ*, *старичокъ* и др. Подобнымъ же образомъ измѣняется въ *цо* конечное и срединное *це*: *серцо* вм. *сердце*, *сонцо* вм. *солнце*, *веретенцо* вм. *веретенце*, *толоконцо* вм. *толоконце*, *серцовина* вм. *сердцевина*, *пальцовъ* вм. *пальцевъ*.

Послѣ другихъ, кромѣ шипящихъ, согласныхъ, измѣненіе *е* въ *о* *) вообще очень рѣдко; можно указать только: *робята* вм. *ребята*, *робенокъ* вм. *ребенокъ*, *топерь* вм. *теперь* (наряду съ формами: *теперь* и *теперя*), *камора* вм. *камера*.

Обратная замѣна *о* звукомъ *ѣ* или *е* наблюдается въ словахъ: *дѣнышко* вм. *до-нышко*, *нодень* вм. *подонье* и *песлѣ* вм. *послѣ*, когда оно употребляется въ качествѣ предлога, а не нарѣчія, такъ: *песлѣ* меня, *послѣ* обѣда, но: «ступай,—я приду послѣ, а не сейчасъ».

Широкое употребленіе *ѣ* вм. *е* представляетъ, кажется, наиболѣе отличительную особенность костромского говора вообще, но если исключить въ данномъ отношеніи слова съ общепринятымъ *ѣ*, то вопреки обычаю сѣверно-великорусскихъ говоровъ, это употребленіе здѣсь слышится чаще не въ ударяемыхъ слогахъ, но въ неударяемыхъ, — по преимуществу въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Такъ, *ѣ* подъ удареніемъ, необычное въ общепринятой рѣчи, можно слышать въ словахъ: *далѣко* вм. *да-лекѣ*, *цѣрствѣ* вм. *перствѣ*, *лѣвъ*, *нѣбо* (верхняя полость рта), *ѣй*, со всѣй, *твоей*, *дѣржать* и *дѣржаться* (въ Өерапон. вол., Буйск. у.) вм. *держать* и *держаться*, *сплѣтѣни* (=сплетни), *подѣнничкъ*, а также во 2-мъ лицѣ множ. числа изъявнт. накл. глаголь, гдѣ уда-реніе весьма часто переносится на конечное *е*: *сдѣтѣ*, *ходитѣ*, *держитѣсь*, *неситѣ* и под.

Очень рѣдко встрѣчается произношеніе *ѣ* вм. *е* также и въ тѣхъ неударяемыхъ слогахъ, которые расположены передъ удареніемъ въ словѣ. Такъ, говорятъ иногда:

*) Здѣсь *робенокъ*—отъ *роб* и *топерь*—изъ *топерво* какъ разъ на оборотъ, *о*—первоначальное, а *е*—позднѣйшее.

ёршей вм. ершей, отвёргнутъ вм. отвергнуть и горѣвать вм. горевать. За то *ѣ* послѣ ударенія и на концѣ словъ—весьма обычное явленіе, хотя *е* неконечное измѣняется въ *ѣ* по преимуществу, если даже не исключительно, только въ формахъ склоненія и спряженія. Такъ, *ѣ* имѣютъ въ своихъ флексіяхъ имена прилагательныя, оканчивающіяся на *нѣй*; произносятся, напримѣръ: синѣй, раннѣй, утреннѣй, вечернѣй вм. синій, ранній, утренній, вечерній и под. Тѣ же прилагательныя имѣютъ это самое произношеніе въ дат. и предл. пад. един. числа жен. рода, гдѣ *ѣ* является происшедшимъ изъ *е*, а также и въ остальныхъ формахъ склоненія, заключающихъ *е*: съ синѣй краской, третьѣва дни, вечернѣму чаю, съ Божѣй помощью, на раннѣмъ обѣдѣ, утреннѣва солнышка и под. Затѣмъ, измѣняютъ *е* въ *ѣ* и именныя формы именъ прилагательныхъ на *нѣй*: честѣнъ, ясѣнъ, прибыточѣнъ, порядочѣнъ, красѣнъ и др. Равнымъ образомъ, и въ склоняемыхъ формахъ именъ существительныхъ говорятъ, напримѣръ: нянѣмъ, денѣгъ, копѣекъ, оружіемъ, смотрителѣмъ, зятѣмъ, гоголѣмъ, родителѣмъ, случаѣмъ, рѣшенѣмъ, каменьѣвъ, окуньѣвъ, кольѣвъ, деревнѣй, саблей, Марѣй, пѣснѣй и др.; и кромѣ того это-же произношеніе слышится въ глагольныхъ измѣненіяхъ, какъ будѣшь, гуляѣшь, обѣдаѣшь, принимаѣшь, хвораѣшь, ѣдѣшь, знаѣшь, увидаѣшь, покаѣмся, борѣтся, валяѣшься, прощайтѣсь, деритѣсь, становитѣсь и под.

Наконекъ, и въ окончаніи словъ *ѣ* вм. *е* слышится какъ въ именахъ существительныхъ, такъ въ прилагательныхъ и глагольныхъ формахъ. Говорится, напримѣръ: морѣ, полѣ, платьѣ, подпольѣ, воскресенѣ, свиданѣ, угощенѣ, рѣшенѣ, здоровѣ; имѣ вм. мя, времѣ вм. время, темѣ вм. темя, сѣнѣ вм. сѣня; хорошое, доброе, красное, синее, заднее, злое, собачье; прощайтѣ, ступайтѣ, ходитѣ, пойдѣтѣ, пообѣдаѣтѣ, смотритѣ, встрѣчайтѣ и т. д.

Но, какъ уже выше замѣчено, произношеніе *ѣ* вм. *е* представляетъ отличительную особенность почти всего костромскаго говора, а не одного только окающаго; поэтому, ёканье съ болѣе или менѣе замѣтными смягченіями слышится и въ томъ сѣверо-западномъ костромскомъ говорѣ, который мы обозначили акающимъ, но не цокающимъ. Этотъ говоръ распространяется почти по всему Солигаличскому уѣзду, за исключеніемъ лишь западной части его по правому берегу р. Костромы между ея притоками Монзой и Туткой, и крайняго сѣвернаго угла уѣзда по тому же правому берегу р. Костромы съ волостями Вершковской и Зашугомской *).

Аканье, какъ особенность этого говора, проявляется не вездѣ съ одинаковой силой и степенью: на западъ, чѣмъ ближе къ окающей Вологодской губерніи, тѣмъ оно слабѣе, и, напротивъ, чѣмъ восточнѣе, чѣмъ ближе къ уѣзду Чухломскому, тѣмъ сильнѣе. Не измѣняя, конечно, въ *о* начальнаго *а*, звучащаго въ общепринятомъ произношеніи собственныхъ именъ, а также на концѣ именъ существительныхъ на *ика* и въ частицѣ *ка*, равнымъ образомъ и въ префиксѣ *раз*, сохраняя затѣмъ *а* вмѣсто *о* и въ тѣхъ случаяхъ, когда это *а* имѣетъ говоръ окающій, юго-западная половина акающаго Солигаличскаго уѣзда (волости: Костромская, Лосевская, Плещеевская и Николо-Березовская), выражаетъ свое аканье только аканьемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: измѣняетъ въ *а* неударяемое *о* на концѣ словъ и послѣ твердыхъ согласныхъ. Такъ, здѣсь обыкновенно слышится: скоро вм. скоро, только вм. только, многа вм. много, ребята вм. ребята, съ палавиной вм. съ половиной, въ каторомъ вм. въ котормъ, дарога вм. дорога, праходитъ вм. проходитъ, пашель вм. пошель, касимъ касамъ вм. косимъ косамъ, схаранили вм. схоронили, харашо вм. хорошо, залатой вм. золотой и т. под. Также и окончаніе *ой*, слышное вмѣсто *ій* и *ый* въ окающемъ говорѣ у именъ прилагательныхъ, здѣсь по большей части произносится какъ *ай*: крѣпкой вм. крѣпкй, прошла-ѣтъ годъ вм. прошлѣй-то годъ, легкай вм. легкй, добрай вм. добрый, и др.

Сохраняя въ полной силѣ это проявленіе аканья, восточная, сосѣдняя съ Чухломскимъ краемъ, часть Солигаличскаго уѣзда (вол. Корцовская и Нероновская) присое-

*) Восточная часть Солигаличск. уѣзда по истокамъ р. Костромы (по западъ, почтовый трактъ между Солигаличемъ и Чухломою) не была мною изслѣдована.

днинаетъ сюда и другое обнаруженіе той же самой особенности говора, именно переходъ неударяемаго *e* въ *и*, *а* и *я*. Такъ, согласно съ предъидущимъ, здѣсь говорятъ: не патерій *вм.* не потерій, папы *вм.* попы, стипталъ *вм.* стипталъ, стайтъ *вм.* стоять, саснуть *вм.* соснуть, пра тѣбя *вм.* про тебѣ, па немъ *вм.* по немъ, долга *вм.* долго, сѣрай *вм.* сѣрый, мягкой *вм.* мягкій и т. под. Съ другой стороны, здѣсь же иногда твердое неударяемое *e*, когда оно стоитъ не на концѣ слова, измѣняется въ *и*: впередъ *вм.* впередъ, тележка *вм.* тележка, будить *вм.* будетъ, бываитъ *вм.* бываетъ; а то же неударяемое *e*, когда оно было мягко въ произношеніи, очень часто, хотя и не всегда, измѣняется въ *а* послѣ шипящихъ и въ *я* послѣ другихъ согласныхъ: мужавъя *вм.* мужавья, чаво *вм.* чего, ничаво *вм.* ничего, жанпхъ *вм.* женихъ, свѣгра *вм.* свекра (имен. множ. отъ свекоръ), пра пѣво *вм.* про него, яво *вм.* его, мяшокъ *вм.* мяшокъ, принаесли *вм.* принесли, прѣсной *вм.* пресной, хлѣбать *вм.* хлѣбать, и т. под.

Измѣненіе же *e* въ *ѣ*, какъ одинъ изъ признаковъ говоровъ окающихъ, за тѣми исключеніями, которыя должны произвести здѣсь только что указанные переходы *e*, остается и въ окающемъ Солигаличскомъ говорѣ въ томъ же самомъ видѣ, какъ оно обнаружилось въ окающемъ Костромскомъ и Буйскомъ произношеніи, т. е. неударяемое *e* на концѣ словъ и послѣ ударенія въ формахъ склоненія, а иногда и спряженія, переходитъ въ *ѣ*: деревнѣй, копѣжъ, тѣстѣмъ, волосѣвъ, съ утренней зарей, раннему вечеру, кушаемъ, проѣдѣшъ, полѣ, правленѣ, доброй, хорошей и др. Но общая мягкость окающаго говора и здѣсь обнаружила свое вліяніе въ томъ, что наиболѣе грубая особенность костромского окапья, выражающаяся въ перенесеніи ударенія на конечное *e* во 2 лицѣ множ. ч. изъяв. накл. глаголовъ и въ измѣненіи этого *e* въ рѣзкое *ѣ*, въ Солигаличскомъ произношеніи встрѣчается очень не часто, такъ что здѣсь говорятъ больше хатѣте, чѣмъ хотѣте, дерѣтесе, чѣмъ дерѣтесе, стайте, чѣмъ стотѣте, и т. под. Даже и тогда, когда въ окающемъ говорѣ подобнаго перенесенія ударенія не бываетъ, но конечное *ѣ* во 2 лицѣ множ. числа изъявит. и повел. наклоненій измѣняется все-таки въ *ѣ*, въ Солигаличскомъ уѣздѣ, особенно въ восточной его части, можно чаще услышать: ходите, чѣмъ ходитѣ; прощайте, чѣмъ прощайтѣ; встрѣчайтесе, чѣмъ встрѣчайтѣсе; разсердитесе, чѣмъ разсердитѣсе и т. под.

Самый характеръ Солигаличской окающей рѣчи по сравненію съ Буйскою окающею уже нѣсколько иной: говоръ солигаличскихъ жителей громкій, самоуверенный, быстрый, и, такъ сказать, нѣсколько драматическаго оттенка отъ частаго употребленія въ немъ вопросовъ, вроде, а ты думаешь какъ? а то какъ-же? и др.

Третій: затѣмъ, подлежащій особому выдѣленію, говоръ сѣверо-западной части Костромской губ., есть говоръ *цокающий*, въ который оканье и аканье входятъ уже какъ несущественные признаки для болѣе частныхъ подраздѣленій. Говоръ этотъ перешелъ вѣроятно изъ сосѣдней Вологодской губ. и распространился сравнительно въ необширныхъ мѣстностяхъ Буйскаго и Солигаличскаго уѣздовъ: въ первомъ къ нему принадлежитъ волость Покровская съ селомъ Романцевымъ *), а во второмъ волость Чудовская по рѣку Тутку на сѣверо-востокъ. Говоры той и другой волости имѣютъ между собою на общей цокающей основѣ и нѣкоторыя различія, отдѣляющія ихъ одинъ отъ другого. Такъ оба они заключаютъ въ себѣ общую древнимъ кривичскимъ говорамъ перемѣну *и* на *ч*, производимую потребностью въ мягкомъ произношеніи послѣдующаго гласнаго звука; въ той и другой мѣстности говорятъ, напримѣръ: черковь *вм.* черковь, чяръ *вм.* чарь, чярпча *вм.* чарпча, овча *вм.* овца, молодець *вм.* молодець, кормилецъ *вм.* кормилецъ, крыльчѣ *вм.* крыльцо, чѣловать *вм.* чѣловать, курича *вм.* курица, отецъ *вм.* отецъ, дѣвчи *вм.* дѣвица, дякоинчи *вм.* дякоинча, и т. под. А такъ какъ въ сосѣднемъ окающемъ говорѣ неопредѣленное наклон. и 3 лицо един. и множ. чиселъ изъявит. накл. возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ имѣютъ или одно, или два *и* вмѣсто *e* или *те*, т. е. формы вроде: обувати, годящи, хочети и дражи, *вм.* обуваться, годятся, хочется и дратся, то и цокающее произношеніе выговариваетъ эти формы или съ однимъ, или съ двумя *ч*, т. е.: обуватьча *вм.* обуваться, драччи *вм.*

*) Свѣдѣнія о говорѣ Романцевскихъ жителей любезно были доставлены мнѣ священникомъ села Романцева П. Н. Писемскимъ.

драться, хлопнетчя вм. хлопнется, ссорятчя вм. ссорятся, перевернеччя вм. перевернется (, мимо дядина крыльчя бѣжала бѣлая овчя, да какъ хлопнетчя, перевернеччя“) и т. под. Нужно при этомъ замѣтить, что, собственно говоря, новый звукъ, замѣняющій *и*, не есть *ч*: онъ представляетъ собою соединеніе ихъ или нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, болѣе, однако-же, похожее на *ч*, чѣмъ на *и*, такъ что болѣе правильно было бы писать не куричя а куричя, не дѣвичя, а дѣвичя и др.

Все цоканье жителей Покровской волости только этимъ и ограничивается; при томъ же, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, и означенная замѣна звуковъ становится тамъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, такъ сказать, достояніемъ исторіи: молодое поколѣніе уже давно начало стыдиться прицокиванья и оставляетъ его на потребу стариковъ и по преимуществу старухъ. Чудцовская вол., Солигалич. уѣзда въ этомъ отношеніи несравненно вѣрнѣе заѣмъ старины: вполнѣ сохраняя романцевское прицокиваніе, она кромѣ него имѣетъ уже и прицокиваніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. измѣняетъ *ч* въ *и* подъ вліяніемъ стремленія произнести послѣдующій гласный тверже обыкновеннаго. Такъ она, говоритъ: дожжицѣкъ вм. дождичекъ, невеличка вм. невеличка, тропочка вм. тропочка, чево вм. чево, часовня вм. часовня, ячень вм. ячень, зачинать вм. зачинать, купчя вм. купчя, Ванячка и Васячка отъ собственныхъ именъ Ваня и Вася, и т. под., произнося опять-таки не чистое *и*, а соединеніе *ч* и *и* съ преобладаніемъ послѣдняго: *ичасовня*, *ичмень* и др.

Но часть Чудцовской волости, именно населеніе, живущее по правому берегу р. Тутки, кромѣ подцокиванія имѣетъ еще и особенность древняго псковскаго говора, состоящую въ измѣненіи *з* въ *ж* съ одной стороны и *с* въ *ш* съ другой, причемъ слѣдующій за *ж* гласный обыкновенно смягчается. Такъ, здѣсь говорится: *ожямъ* вм. озимъ, *пожябла* вм. позябла, *жемля* вм. земля, *вожношила* вм. возносила, *божяръ* вм. базаръ, *желеный* вм. зеленый; *попрошнтчя* вм. попроситься, *шпасибо* вм. спасибо, *ворошкы* вм. вороськи (= воровски), *гоштить* вм. гостить, *шперва* вм. сперва, *шь* имъ вм. съ имъ, *шь* ей вм. съ ей, *шняли* вм. сняли, *швидѣтель* вм. свидѣтель, *шмалачиваютчя* вм. смолачиваются, *ошталишия* вм. остались, *обшялиши* вм. обшались (= обшались), *кошили* вм. косили, *вшѣ* вм. всѣ, *шовштѣмъ* вм. советѣмъ, *шештра* вм. сестра и т. под. Любопытно въ особенности то, что указанная замѣна звуковъ замѣчается въ Чудцовской волости только по правому берегу нижняго теченія р. Тутки: перейдя на лѣвый берегъ ея, не встрѣчаешь не только этой замѣны, но даже и простого прицокиванія. Мѣстные жители сами удивляются такой внезапной перемѣнѣ въ произношеніи («какъ отрѣзало» — говорятъ они) и объясняютъ ее тѣмъ, что населеніе праваго берега было прежде «за господамъ» и потому, вѣроятно, было приведено сюда изъ какихъ-нибудь дальнихъ вотчинъ помѣщика, а крестьяне лѣваго берега были казенными и, вслѣдствіе того, можетъ быть, наиболѣе древними обитателями края.

Въ той-же самой Чудцовской волости есть и другое интересное явленіе въ этомъ родѣ: деревни Печенга и Боярское отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи никакъ не болѣе 2-хъ верстъ, а, между тѣмъ, въ то время, какъ цоканье въ д. Боярской обще не только женщинамъ, но и мужчинамъ, въ Печенгѣ оно составляетъ принадлежность лишь женскаго говора, — старухъ и пожилыхъ женщинъ по преимуществу. Молодѣжь же всей Чудцовской волости, какъ и въ Романцевѣ, уже стыдится цоканьяго говора, обитатели лѣваго берега Тутки смѣются надъ страннымъ произношеніемъ своихъ правобережныхъ сосѣдей, и потому крестьянскіе парни и дѣвицы, — въ особенности первые, носѣщающіе бесѣды правой стороны, — начинаютъ постепенно отвыкать отъ родного и стариннаго говора, переходя къ обыкновенному оканью.

Въ отношеніи произношенія *о* Чудцовская и Покровская волости также отличаются между собою: въ первой изъ нихъ слышится такое же рѣшительное и открытое оканье, какъ и во всей остальной окающей территоріи, а въ Романцевѣ-аканье, хотя уже значительно смягченное и выражающееся лишь въ преимущественномъ, но не постоянномъ переходѣ неударяемаго *о* въ *а*, причемъ окончанія именъ прилагательныхъ произносятся съ такимъ же *о*, какъ и въ говорѣ окающемъ; почему, если тамъ и говорятъ: *залатой* вм. золотой, *какушка* вм. кокушка, *касимъ* вм. косимъ и т. под., то тамъ же услышишь: доброй, а не добрай, свѣтлой, а не свѣтлай, мелкой, а не мелкай

и даже: оржаной, а не аржаной, батюшко наряду съ батюшка, дитятко, а не дитятка и др.

Таковы, въ общемъ, главные и отличительныя особенности говоровъ сѣверо-западной части Костромской губерніи. Но помимо этихъ особенностей, послужившихъ основаніемъ къ раздѣленію говоровъ на роды, есть въ произношеніи населенія указанной территоріи по сравненію съ языкомъ литературнымъ не мало и другихъ отличій, изъ которыхъ одни хотя и свойственны только извѣстной части населенія, однако, входятъ въ выговоръ его, не соединяясь строго лишь съ какимъ-нибудь однимъ говоромъ, т. е. съ аканьемъ, оканьемъ или цоканьемъ, но относятся къ послѣднимъ безразлично; другіе же общи имъ всѣмъ или же такъ незначительны, что касаются мелкихъ явленій произношенія *).

Одна изъ особенностей перваго рода, между прочимъ, имѣетъ настолько широкую территорію, что, пожалуй, могла бы и сама послужить основаніемъ къ діалектологическому разграниченію. Она принадлежитъ области согласныхъ звуковъ и состоитъ въ переходѣ твердаго *л* передъ согласными или въ концѣ словъ въ несоставляющее слога кратное *у*. Безъ сомнѣнія, эта особенность—результатъ вліянія сосѣдняго говора и потому наблюдается только въ сѣверо-западномъ краѣ Солигалличскаго уѣзда, гдѣ она, начинаясь еще съ Оерапонтовской вол., Буйскаго уѣзда, проходитъ по цокающему говору Чудцовской вол., по акающей волости Костромской, слышится иногда подъ самымъ Солигалlichemъ (д. Ластыцыно напр.) и скрывается затѣмъ въ сѣверномъ углу уѣзда,—въ волостяхъ Вершковской и Зашугомской. По всей этой мѣстности постоянно слышится: *пучаса* вм. *полчаса*, *пудень* вм. *полдень*, *пугинникъ* вм. *полтинникъ*, *учиуса* вм. *учился*, *попауса* вм. *попался*, *доуга* вм. *долго*, *познате* вм. *полноте*, *тоуше* вм. *толще*, *поукопѣйки* вм. *пожогѣйки*, *цоуковый* вм. *цокловый*, *звату* вм. *звалъ*, *стукау* вм. *стучаль*, *кричау* вм. *кричалъ*, *ростравну* вм. *ростравилъ*, *сокоу* вм. *соколь*, *взату* вм. *взялъ*, *ѣу* вм. *ѣлъ* и т. д.

Изъ другихъ отличій изслѣдуемыхъ говоровъ отъ рѣчи литературной болѣе или менѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Въ области гласныхъ звуковъ всѣмъ этимъ говорамъ присущи прежде всего явленія, относящіяся къ аканію, въ обширномъ смыслѣ этого слова, понимаемому какъ потемнѣніе гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ. Сюда, поэтому, нужно отнести: повсемѣстный переходъ неударяемаго *e* въ *и* въ мѣстонменныхъ формахъ—*мина* вм. *меня*, *тиба* вм. *тебя*, *сибя* вм. *себя*, *тибѣ* вм. *тебѣ*, и *сибѣ* вм. *себѣ*; подобный же переходъ гласнаго *e* въ окончаніи 2 л. множ. ч. изъявн. накл., постоянный въ говорѣ акающемъ и *у* глаголовъ съ предшествующимъ *a* въ говорѣ акающемъ: *неситѣ* вм. *несѣте* *кладитѣ* вм. *кладѣте*, *желамте* вм. *желаете*, *встрѣчатте* вм. *встрѣчаете*, *прощамтесъ* вм. *прощаетесъ*, *деритѣсъ* вм. *дерѣтесъ*, *дождитѣсъ* вм. *дождѣтесъ* и т. под.; затѣмъ то же повсемѣстное измѣненіе неударяемаго *e* въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ, какъ: *ишно* вм. *еще*, *либедушка* вм. *лебедушка*, *нончи* вм. *нынче* (въ Холмов. вол., Галич. уѣздѣ), *при* вм. *пре* въ приставкѣ, обозначающей превосходную степень: *простой-при-простой*, *красной-при-красной*, *доброй-при-доброй* вм. *простой пре-простой*, *красный пре-красный*, *добрый пре-добрый* и т. под.; къ тому же, наконецъ, аканью относится постоянный переходъ неударяемаго *я* въ *e*, наблюдаемый по всей описываемой территоріи, такъ какъ тамъ всегда слышишь: *языкъ* вм. *языкъ*, *взела* вм. *взяла*, *петно* вм. *пятно*, *везать* вм. *везать*, *светой* вм. *святой*, *месной* вм. *мясной*, *гледѣтъ* вм. *глядѣтъ*, *чесы* вм. *часы*, *давече* вм. *давеча*, *деветъ* вм. *девять*, *пети* вм. *пяти*, *паметъ* вм. *память*, *плесать* вм. *плясать* и т. под.

Видную затѣмъ особенность всѣхъ трехъ говоровъ въ области гласныхъ звуковъ составляетъ древній новгородскій переходъ *ъ* въ *и*, происходящій только передъ послѣдующими мягкими согласными или гласными, независимо отъ ударенія. Такъ, повсюду

*) Въ виду этого, все слѣдующее изложеніе дастъ въ фактическомъ отношеніи мало новаго по сравненію съ моей статьей „Особенности въ гов. насел., распол. по р. Письмѣ, Костром. губ., Буйск. у.“ (Жив. Стар. 1895, III—IV) и имѣетъ по преимуществу діалектологическо-территориальное значеніе.

говорять: здѣсь *вм.* здѣсь, лѣнь *вм.* лѣнь, рѣчь *вм.* рѣчь, рѣчка *вм.* рѣчка, сѣть *вм.* сѣть, тѣнь *вм.* тѣнь, сѣсть *вм.* сѣсть, пить *вм.* пѣть, исть *вм.* ѣсть, мѣтить *вм.* мѣтить, вѣвѣть *вм.* вѣвѣть, мѣсяць *вм.* мѣсяць, дѣверь *вм.* дѣверь, встрѣча *вм.* втрѣча, сѣмя *вм.* сѣмя, сѣни, *вм.* сѣни, вѣрить *вм.* вѣрѣть, свѣча *вм.* свѣча, дѣлѣть *вм.* дѣлѣть, медвѣдь *вм.* медвѣдь, цѣдить *вм.* цѣдѣть, свѣтить *вм.* свѣтитѣ, стрѣлять *вм.* стрѣлѣть, пѣсня *вм.* пѣсня, недѣля *вм.* недѣля, лѣсница *вм.* лѣстница, мѣнять *вм.* мѣнѣть, отвѣчать *вм.* отвѣчатѣ, встрѣчать *вм.* встрѣчатѣ, вѣнчаться *вм.* вѣнчатѣся, не смѣю *вм.* не смѣю, одѣло *вм.* одѣло, пожалѣешь *вм.* пожалѣешь, околѣешь *вм.* околѣешь, дѣтся *вм.* дѣтѣся, сѣять *вм.* сѣятѣ, грѣтѣся *вм.* грѣтѣся и т. под. Сюда же можно пожалуй отнесть обыкновенное въ окающемъ говорѣ произношеніе собственныхъ, мужескихъ и женскихъ именъ съ окончаніями *ій* и *ія*, *вм.* общепринятыхъ *ей* и *ея*, когда на этихъ окончаніяхъ стоитъ удареніе, хотя здѣсь чаще подлежить измѣненію *е*, а не *ъ*. Говорять, напримѣръ: Олексѣй *вм.* Алексѣй, Ондрей *вм.* Андрей, Матвій *вм.* Матвѣй, Тимоѣй *вм.* Тимоѣей, Мосій *вм.* Моисей, Палагія *вм.* Пелагея и др.

Измѣненіе *ъ* въ другіе какіе-либо звуки кромѣ *и*, очень рѣдко; можно указать только на окающія: цловать съ производными и цловкый *вм.* цловать и цловкый, а также на формы сравнительной степени, вродѣ—скорѣе *вм.* скорѣе, хитрѣе *вм.* хитрѣе и т. под.,—слышныя въ окающей Зашутомской вол., Солнгалч. уѣзда. Повсемѣстно говорить также: темнѣеть *вм.* темнѣетѣ и темнѣетѣся *вм.* темнѣетѣся.

Переходъ ударяемаго *е* въ *и* хотя и встрѣчается иногда по дѣйствию аналогіи, однако, въ весьма незначительныхъ случаяхъ; въ окающемъ Буйскомъ уѣздѣ говорятъ, напримѣръ: шпиль *вм.* щель, лебедь *вм.* лебедь, лакію *вм.* лакею (но чаще лакей, чѣмъ лакій), двирь *вм.* дверь, килѣя *вм.* келья.

Конечное неударяемое *е* въ окончаніи *те* сравнит. степени прилагательныхъ и нарѣчій въ томъ же окающемъ говорѣ и произносится такъ глухо, что походитъ болѣе на *я*, чѣмъ на *е*: скорѣя *вм.* скорѣе, теплѣя *вм.* теплѣе, побогатѣя *вм.* побогатѣе, туманнѣя *вм.* туманнѣе, ветренѣя *вм.* вѣтреннѣе, холоднѣя *вм.* холоднѣе и др. Нѣчто подобное происходитъ и съ *ѣ*, когда наряду съ формами запрѣтъ, впрѣтъ и трѣсъ постоянно слышишь даже въ окающемъ произношеніи: впрѣтъ, запрѣтъ и трѣсъ.

Случаевъ, гдѣ бы общепринятое *ѣ* произносилось какъ *е*, можно встрѣтить весьма рѣдко; въ окающемъ говорѣ услышишь только: дергать *вм.* дѣргать (гдѣ на *ѣ* повліяло смягченіе послѣдующаго согласнаго) и червѣе *вм.* чорные, но только какъ названіе деревни въ Оералон. в. Буйск. у. и урочища въ Писѣм. вол. того же уѣзда; обыкновенное же прилагательное произносится—чѣрныя.

И переходитъ въ произношеніи въ *е* также въ немногихъ словахъ; въ Буйскомъ окающемъ говорѣ это можно видѣть обыкновенно въ —ресовать *вм.* рисовать, бешь *вм.* бишь («что бешь я говорилъ то?»), мундѣрь *вм.* мундиръ, истенной *вм.* истинной, по-меру *вм.* по-міру, квартѣра *вм.* квартира, депломатъ *вм.* дипломатъ (одежда), Владѣмеръ *вм.* Владимѣръ. Равнымъ образомъ форма отрицанія *не* *вм.* *не* почти неизвѣстна нигдѣ; литературное *ни* какъ въ сложеніи съ мѣстоимѣніями, такъ и тогда, когда стоитъ отдѣльно отъ нихъ, почти всегда имѣетъ форму *не*: нечѣво *вм.* ничего, некто *вм.* нѣкто, некогда *вм.* никогда, некогдѣ *вм.* никого; не пѣть не пива *вм.* вина, не зналь я горя не нужды, чѣмъ не тяпай не прорубишь и т. под.

Измѣненіе же *и* въ *ы* происходитъ почти исключительно послѣ *р* и притомъ такъ, что ни въ одной мѣстности нѣтъ какого-либо въ данномъ отношеніи опредѣленнаго произношенія; —вездѣ не рѣдкость услышать: какъ крикъ такъ и крякъ, скрипѣть и скряпѣть, грибы и грѣбы, брила (изба) и брыла, капризный и капрыйный, стрѣчь и стрѣчь, кринка и крынка, Григорей и Грыгорей. *Ы* изъ *и*, когда послѣднему не предшествуетъ *р*, является лишь въ началѣ слова послѣ предлоговъ, кончающихся на согласный, и въ глаголахъ сложныхъ изъ предлога и древняго *имать*; говорятъ, напримѣръ: в'ызбу *вм.* въ избу, под'ыменѣшь *вм.* подѣ именѣшь, к'ыгрѣ *вм.* къ игрѣ, с'ыломъ *вм.* съ иломъ, из'ыкры *вм.* изъ икры, об'Ыванѣ *вм.* обѣ Иванѣ, отыматѣ *вм.* отниматѣ, подыматѣ *вм.* поднимаютѣ, сыматѣ *вм.* снимаютѣ, обыматѣ *вм.* обнимаютѣ, выматѣ *вм.* вынимаютѣ и под. Наоборотъ, дыра, а не дыра.

Любопытно затѣмъ измѣненіе *и* въ *ю*, происходящее въ нарѣчіяхъ, съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ; — такъ, вездѣ говорятъ: по-собачью *вм.* по-собачьи, по-человѣчью *вм.* по-человѣчьи, по-коровью *вм.* по-коровьи, по-дѣвичью *вм.* по-дѣвичьи, по-мужичью *вм.* по-мужичьи и т. под. Также: однажью *вм.* однажды, дважью *вм.* дважды.

Вмѣсто *ы* въ окающемъ говорѣ произносится обыкновенно *о* въ окончаніи *ый* именъ прилагательныхъ: доброй *вм.* добрый, старой *вм.* старый, малой *вм.* малый, красной *вм.* красный и т. под. (также измѣняется и окончаніе *ий*: крѣпкой *вм.* крѣпкій, мелкой *вм.* мелкій, дикой *вм.* дикій и т. под.). Въ другихъ случаяхъ эта звуковая замѣна не часта; говорятъ, напримѣръ: бароня *вм.* барыня, судароня *вм.* сударыня, государоня *вм.* государыня, барошня *вм.* барышня (а въ Покровск. вол. Буйск., у.—барашня), нонче *вм.* нынче, нонѣ *вм.* нынѣ, соло *вм.* энклитического было («я-боло звалъ ево, да онъ не идетъ»).

Изъ болѣе мелкихъ звуковыхъ переходовъ можно отмѣтить:

Ы *вм.* *у*: слыхомъ земля полнится.

Е *вм.* ударяемаго *я*: опегъ *вм.* опять и кричеть *вм.* кричать (Солигалич. у.).

Е *вм.* *а*: завтре и завтрешній, *вм.* завтра и завтрашній, елтарь (въ Оерап. вол., Буйск. у.) и елтарь (въ Покров. вол., Буйск. у.) *вм.* алтарь, ертачиться *вм.* артачиться.

И *вм.* *а*: Завтрикъ и завтрикать *вм.* завтракъ и завтракать и иногда *ткя* *вм.* *тка*, присоединяемаго къ нарѣчіямъ и глаголамъ,—туда-т-ки *вм.* тута-т-ка, нѣту-т-ки *вм.* нѣту-т-ка, куды дѣвалося-т-ки *вм.* куды дѣвалося-тка и т. под.

Ы *вм.* *а*: куды *вм.* куда, туды *вм.* туда и суды *вм.* сюда.

И *вм.* *о*, слышано въ д. Иваннщѣ (Плещеевск. вол., Солигск. у.) въ выраженіи: въ этимъ дому *вм.* въ этомъ дому.

Стяженіе гласныхъ происходитъ, и притомъ не въ частыхъ случаяхъ, только тогда, когда однимъ изъ нихъ бываетъ *й*. Такъ, во всей описываемой мѣстности говорятъ обыкновенно: поду (окающ.—паду) *вм.* пойду, подѣшь *вм.* пойдешь и т. д., выду *вм.* выйду, сичась *вм.* сейчасъ и въ новеллт. наклон. съ частицею *ка*—въ окающемъ говорѣ: да-ко *вм.* дай-ка, запряга-ко *вм.* запрягай-ка, налива-ко-те *вм.* наливай-ка-те (=наливайте-ка), стара-ко-сь *вм.* старой-ка-сь, убира-ко-тесъ *вм.* убирай-ка-тесъ и т. под.

Вм. «что это», соответствующаго «почему это» скажутъ обыкновенно «чтой-то» («Что-й-то это ты давно не бывалъ къ памѣ?»).

Опущеніе гласныхъ встрѣчается чаще въ концѣ словъ, чѣмъ въ началѣ и срединѣ. Говорятъ, напримѣръ: менины *вм.* именины, неужли *вм.* неужели, фамиля *вм.* фамилія, наканунѣ *вм.* накануне, болѣ *вм.* болѣе и менѣ *вм.* менѣе.

Чаще слышится прибавленіе гласныхъ. Такъ, въ началѣ слова: орженой *вм.* ржаной, огумно *вм.* гумно, опослѣ *вм.* послѣ, окромѣ *вм.* кромѣ, опомедни *вм.* намедни, овторникъ *вм.* вторникъ, омшанникъ *вм.* мшанникъ (окающія—аржаной, агумно, апослѣ и т. д.). Въ вопросительныхъ оборотахъ часто прибавляется *и* къ сочетанію «что ли»: ты *и* што-ли взялъ грабли-то? «хочень *и* што-ли обѣдать-то?» и др. — Затѣмъ, въ срединѣ слова: вихорь или вихарь *вм.* вихрь, осередь *вм.* середь, средней *вм.* средній, оболокасть и оболоко *вм.* облекаться и облако, на поголокѣ *вм.* на потолокѣ. — Наконецъ, въ окончаніи слова: тута, вота и вона *вм.* тутъ, вотъ и вонъ, здѣся *вм.* здѣсь, теперя или тепере *вм.* теперь, нѣту *вм.* нѣтъ и вопросит. ай *вм.* а.

Произношеніе согласныхъ звуковъ во всей описываемой территоріи имѣеть прежде всего то общее свойство, что въ немъ согласные звонкіе (б, в, г, д, ж, з) какъ на концѣ слова, такъ и тогда, когда стоятъ передъ глухими, переходятъ въ соответствующіе глухіе. Вездѣ одинаково и рѣзко говорятъ, напримѣръ: лопъ *вм.* лобъ, крофъ *вм.* кровь, рожъ *вм.* рожь (когда г-д) и шажъ *вм.* шагъ (когда г-д), дѣтъ *вм.* дѣть, пошь *вм.* ножъ, вошь *вм.* возъ, голунка *вм.* голубка, опчой *вм.* общій, лабка *вм.* лавка, зафтра *вм.* завтра, мяжкой *вм.* мяжкій, потшпирать *вм.* подпирать, рошвенникъ *вм.* родственникъ, слаткой *вм.* сладкій, ложки *вм.* ложки, тяжко *вм.* тяжело, берески *вм.* березки, беспалой *вм.* безпалый и т. под.

Частнѣе, относительно произношенія гортанныхъ можно замѣтить слѣдующее: Звука *г*, какъ чистое латинское *h*, почти совершенно не встрѣтишь въ говорѣ

всего населенія; даже такія слова, какъ: благодарить, благословлять, Господь, Бога и под., произносятся по большей части съ сильнымъ отвердѣніемъ *г*, которое и соотвѣтствуетъ болѣе латинскому *g* нежели *h*; на концѣ же словъ и предъ согласными глухими *г*, равное *h*, переходитъ, какъ выше замѣчено, въ глухой *х*. Слово шагать и производима отъ него имѣли очевидно тенденцію сохранить мягкое *г*, но и они теперь перемѣнили его на *х*, произносясь какъ: шагать, перешагивать, шагнулъ, шаганье, шагистый и под.

Находясь передъ *е*, *г* подвергается органическому смягченію въ *г* въ слѣдующихъ словахъ: андель вм. ангель, еванделье вм. евангеліе и Евденей вм. Евгеней. Смягченію же, по неорганическому, въ окающемъ говорѣ *г* подвергается иногда въ сочетаніи *га*, когда ему предшествуетъ мягкій согласный; говорятъ напримѣръ: съ деньгамъ вм. съ деньгамъ и дергяю, дергяешь и т. д. вм. дѣржаю, дѣргаешь и пр.

Такое же неорганическое смягченіе происходитъ въ окающемъ произношеніи и съ гортаннымъ *к* въ сочетаніяхъ *ка*, *ко* и *ку*, когда имъ предшествуетъ мягкій согласный или гласный. Въ Буйскомъ у. напримѣръ постоянно слышишь: Ванька вм. Ванька, маленькая вм. маленькая, дочка вм. дочка, копѣйка вм. копѣйка, рѣдкая вм. рѣдка, только вм. только, церкѣвной вм. церковной, колькѣй вм. сколкой, чайкѣмъ вм. чайкомъ, бочкѣй вм. бочкой, батькѣ съ маткой вм. батько съ маткой, теленькуо вм. тепленькую, шубѣночкуо вм. шубѣночку и др.

К, стоящее передъ *т*, переходитъ обыкновенно въ *х*: кто вм. кто, характеръ вм. характеръ, Лихторъ вм. Викторъ, локти вм. локти, дохтуръ вм. докторъ, трахтуръ вм. трактиръ, трахтъ вм. трахтъ. То же явленіе происходитъ и въ предлогѣ *къ*, когда онъ находится предъ глухими согласными: *н*, *к*, *т*, *ч* и *ц*, такъ что всегда и вездѣ произносятся: *къ* приходу вм. *къ* приходу, *къ* кому вм. *къ* кому, *къ* тебѣ вм. *къ* тебѣ, *къ* часамъ вм. *къ* часамъ, *къ* циплятамъ вм. *къ* циплятамъ и под. Звонкіе же согласные *б*, *г*, *д*, *ж*, *з*, находясь послѣ предлога *къ* смягчаютъ его въ *г*: *гъ* березѣ, *гъ* городу, *гъ* деревнѣ, *гъ* желѣзу, *гъ* землѣ, и т. под. (вм. *къ* березѣ, *къ* городу и т. д.).

Вм. крестъ и крещеный говорятъ иногда *хрестъ* и *хрещеный*; вм. крахмаль—трахмаль, а въ Покровской вол. Буйск. у. вм. бряква—брюква.

Вм. гдѣ — дѣ, вм. вотъ-гдѣ — вѣ-дѣ.

Х подвергается неорганическому смягченію въ словѣ *сверху* вм. *сверху*. Онъ же, наоборотъ, иногда, отвердѣвая, переходитъ въ *к*; такъ вездѣ говорится: пазука вм. пазука, покоронить и покраниятъ вм. позоронить и похранять, скоронить вм. сзоронить, паска вм. паска, жлѣвъ вм. жлѣвъ, караводъ вм. хороводъ, холмогорка вм. холмогорка.

Мѣна *х* на *ф* встрѣчается рѣдко; иногда говорятъ только: *фто* вм. *кто* (изъ *кто*), *куфня* вм. кухня, *куфарка* вм. кужарка, *Фіона* вм. Хіонія, Малафей вм. Малазія, панафида вм. панизида, *фатера* вм. квартира (вѣроятно, изъ *квартира*), *фаартельной* вм. квартальный.

Зубные т и *д*, выпадая между предшествующими *с* и *з* и слѣдующими *к*, *л*, *н*, какъ это свойственно всѣмъ русскимъ говорамъ, въ говорѣ разсматриваемой мѣстности выпадаютъ также и предъ слѣдующимъ *ј*, такъ что всегда и вездѣ говорится не только—посной вм. постной, слать вм. стлать, невѣска вм. невѣстка, поѣска вм. поѣздка, позно вм. поздно (но иногда и *поздо*) и т. под., но и—крестьяннѣ вм. крестьяннѣ, гвозья вм. гвоздья, страь вм. страсть, укрась вм. украсть, есь вм. есть и др. Подобному же выпадению подвергается *т* и въ сочетаніи *стѣ*, при чемъ обыкновенно *с* послѣ этого выпаденія сильно смягчается въ произношеніи, такъ что слышишь всегда—не богатство, а богасъво, не баловство, а балосъво, не безпокойство а безпокойсво, не крестьянство а крестьянсво, не сиротство а сиросъво, не дурачество, а дурасъво, не одиночество, а одиносво и т. под.

Когда же за *т* и *д* слѣдуетъ *с*, то они переходятъ съ нимъ вмѣстѣ въ рѣзко-выраженное *ц*: горожкой вм. городской, сожкой вм. сотской, десяткой вм. десятскій и под. Только въ формахъ 3-го лица изъявн. наклон. и въ окончаніи неопредѣленного наклон. возвратн. и взаимн. глаголовъ сочетаніе *те* не стягивается въ одно *ц*, но *с* отвердѣваетъ въ немъ въ *ц*, а *т* настолько сохраняетъ свою самостоятельность, что иногда чувствуется въ произношеніи какъ таковое или же въ крайнемъ случаѣ обращается въ

другое *и*, почему и слышится обыкновенно — несетца или несецца *вм.* несется, встрѣчаютца или встрѣчающца *вм.* встрѣчаются, убиратца или убирацца *вм.* убираться и т. под.

Литературное *ти* всегда произносится какъ *чи*: каба*чи*кѣ *вм.* каба*ти*чкѣ, почи*ти*вать *вм.* почи*чи*вать, буфетчи*ти*къ *вм.* буфетчи*чи*къ и др.

Вм. для говорится *вля*, *вм.* для чего—*влячо*; *вм.* свадьба и усадьба—сварьба и усарьба; *вм.* взадъ —взадъ. *Вм.* Титъ—*Китъ*, *вм.* этакъ и такъ, когда на послѣднемъ нѣтъ ударенія, —эдакъ и дакъ (нѣ-дакъ, ѡ-дакъ, дакъ-что и др.).

Т вставляется въ словахъ: *страмъ*, *страмить* и под. *вм.* срамъ и срамить, *струбы* *вм.* срубы и нерѣдко предъ частицею *ка* (или *ко*) послѣ предшествующаго гласнаго звука въ партіяхъ и глаголахъ: нѣту-*т*-ка, еся-*т*-ка (*вм.* есть), здѣся-*т*-ка, тута-*т*-ка, вона-*т*-ка, водѣ-*т*-ка (*вм.* вотъ гдѣ), погляди-*т*-ко, куды что дѣвалось-*т*-ка и под. *Д* вставляется въ словахъ: *ндравъ*, *ндравиться* и производныхъ *вм.* нравъ и нравиться, *надругаться* *вм.* наругаться и *надсмѣхаться* *вм.* насмѣхаться.

Вм. Рождество говорятъ обыкновенно Рожество, а въ Шушпод. вол. Буйск. у. *вм.* тута-*т*-ка можно услышать—туа-*т*-ка.

Твердое *з* слышится часто въ окающемъ возму *вм.* возьму, возьмешь *вм.* возьмешь и т. д.

Свистлящій с имѣетъ въ своемъ произношеніи случаи какъ смягченія, такъ и отвердѣванія. Первое, помимо уже вышеупомянутаго сочетанія *ств*, встрѣчается обыкновенно въ прилагательныхъ на *скій*, но противъ ожиданія тогда, когда этому окончанію предшествуетъ не мягкій согласный, а твердый. Такъ, въ окающемъ, а иногда и акающемъ говорѣ, слышишь довольно часто: руськѣй *вм.* русскѣй, попоסףкѣй *вм.* поповскѣй, такосסףкѣй *вм.* таковскѣй, царסףкѣй *вм.* царскѣй, воросסףки *вм.* воровски и др., но деревенской, жепской, земской и под. Наоборотъ, отвердѣваніе *с* происходитъ обыкновенно въ возвратномъ мѣстоименіи *ся* при глаголахъ въ формахъ 1-го и 2-го лица, когда мѣстоименію предшествуетъ твердый согласный; вездѣ, напр., говорятъ: дерѣсса *вм.* дерешься, купаѣсса *вм.* купаешься, встрѣчаѣмса *вм.* встрѣчаемься, ударилса *вм.* ударилсь, женилса *вм.* женился, протимса *вм.* протимься и под. Но въ формахъ, подобныхъ—деруся, останьтеса, одѣваласа и др.,—хотя *с* и не совсѣмъ мягко, однако и совершенно твердое произношеніе его очень рѣдко; чаще въ такихъ случаяхъ отвердѣваетъ *сь*, сокращенное изъ *ся*: купаюсь *вм.* купаюсь, повидайтѣсь *вм.* повидайтесь, покайтѣсь *вм.* покайтесь, встрѣтитѣсь *вм.* встрѣтитесь и др.—Отвердѣваетъ же *с* и въ нарѣчійхъ суда и отсуда *вм.* сюда а отсюда, а въ отцолъ или отцолѣ даже переходитъ подъ вліяніемъ *т* въ *и*.

Вм. посохъ нерѣдко говорятъ помохъ, *вм.* скорлупа —шкорлупа: *вм.* сейчасъ—чичасъ.

Прибавляется *с* иногда къ началу слова: спокннуть *вм.* покинуть, сдогадаться (и даже вздогодаться) *вм.* догадаться; также и въ концѣ словъ: вчерасъ *вм.* вчера и онемеднись *вм.* намедни.

Въ Кордовск. вол., Солигал. уѣзда *вм.* малось (изъ малость) слышится—малася.

Опускается *с* въ слѣдующихъ словахъ: мотри *вм.* смотри, первѣ или первѣа *вм.* сперва и колькой *вм.* сколькѣй («колькой часть?»).

Литературное *съ*, образовавшееся изъ предлога *съ* въ сложеніи его съ именами и глаголами, имѣетъ двойное произношеніе: въ томъ случаѣ, когда предлогъ и имя образовали уже одно слово, *съ* чаще слышится какъ *шъ*, но рѣже произносится и какъ удвоенное *шъ*; если же предлогъ отдѣленъ отъ имени, оно всегда произносится только какъ *шъ*. Поэтому можно услышать: *ишасьё* и *ишасьё* *вм.* счастье, *ишеть* и *ишотъ* *вм.* счетъ, но только—*ишъ чѣмъ* *вм.* съ чѣмъ, *ишъ четверга* *вм.* съ четверга, *ишъ чиномъ* *вм.* съ чиномъ и под.

Изъ *иштящихъ* одно *ч* имѣетъ мягкое произношеніе. Малограмотные крестьяне пишутъ обыкновенно не только чястый *вм.* частый, чюдо *вм.* чудо, чяй *вм.* чай, чясы *вм.* часы, чюлокъ *вм.* чулокъ, чюжой *вм.* чужой, но и—тропочька *вм.* тропочка, дошпечька *вм.* дощечка и под.; только *чанъ* произносится какъ *тчанъ*. Но *и шъ жъ*, присоединяя къ себѣ въ этомъ отношеніи также и *и*, звучатъ всегда твердо,—

даже двойные *ж* и *ш*: шить в. шить, шшыбать в. шшыбать, жыть в. жить, жь жыромъ в. съ жжиромъ, концы, а не конци, цышленокъ, а не цциленокъ и под.

Находясь передъ *н*, *ч*, какъ и въ другихъ русскихъ говорахъ, переходить въ *ш*: шшенишый в. пшеничный, грешневый в. гречневый, конешно в. конечно, скушно в. скучно и под. (но вѣчый, точый, сочный, ночной).

Вм. что чаще говорится што, но въ цокающемъ говорѣ—*шѣ* и *штѣ*, также в. почтенный—пощенный, в. почти что—пощти што.

Вм. ночлегъ въ Писмен. вол. Буйск. уѣзда можно услышать наслегъ; в. румянце—румянце.

Ж измѣняется въ *з* въ очень немногихъ словахъ и притомъ по большей части въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ, а не всего населенія извѣстной мѣстности; говорятъ, напримѣръ: желѣзо в. жельзо, рогоза в. рогожа, порозный в. порожній, зоской в. жосткой.

Ш измѣняется въ *ч* въ сравнительной степени нарѣчій съ предшествующими ему мягкими согласными *ч* или *ш*: лучше в. лучше; меньше в. меньше, раньше в. раньше, тоньше в. тоньше и под.

Наряду съ формой молодой употребляется—молодой.

Твердое литературное *ш* вездѣ выговаривается какъ двойное твердое-же *ш*: ешишо или шшишо в. еще, шшука в. шука, шшотка в. шетка, верешшять в. верешать, шшавель в. шавель и под. Исключенія составляютъ: опчой в. обшій, опчесво в. общество, воопче в. вообще, соопча в. сообща, сокращать в. сокращать (=укрощать), шти или шчи в. ши, помочь в. помочь.

Мягкое же *ш*, когда оно слѣдуетъ послѣ согласныхъ, измѣняется обыкновенно въ простое *ш*: баршнна в. барщина, толше в. толще, родилшнна в. родильшнна, деревеншнна в. деревеньшнна, женшнна в. жепшнна, ямшнкъ в. ямшнкъ и др.

Среди *шубныхъ* можно замѣтить только мелкія особенности произношенія:

Находясь передъ *м*, *б* обыкновенно ассимилируется ему: омманъ в. обманъ, омшвнать в. обшвнать, омшривать в. обшривать и др.

Вм. бумага говорятъ иногда гумага.

Вм. бабушка говорится баушка; наоборотъ, в. ожидать—обжидать, в. отапливать—обтапливать.

П выговаривается какъ *б* въ словѣ сабоги в. сапоги; какъ *м*—шница в. шница, мчела в. мчела.

В часто измѣняется въ *м* въ прошедш. дѣепричастіи возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ: увидашнсь в. увидавшнсь, напшншнсь в. напшншнсь, испугашнсь в. испугавшнсь, подрашнсь в. подравшнсь, недождашнсь в. недождавшнсь и под.

Вм. сквозь произносится скрозь, в. насквозный—наскрозный; в. свободный и свобода—слободный и слобода, в. когда, тогда и всегда (чрезъ кова) — колда, толда и вселда; в. вкусъ и вкусный—скусъ и скусный; в. кушннъ въ Покров. вол., Буйск. уѣзда—кушннъ; в. клятва вездѣ клятва, в. повредить—побредить.

В выпускается въ словахъ: дѣшшка в. дѣшшшка, шшь в. шшь (изъ видишь), ѣдъ в. ѣдъ, стричать в. естрѣчать, разъ в. разъ.

В прибавляется: обяванъ в. обяванъ, эзавтра в. завтра (въ Солигал. у.) и въ мѣстоименіи эфтогъ (изъ этотъ) в. этотъ, которое въ такой формѣ употребляется послѣ предлоговъ вообще, а не только послѣ *въ*, какъ первоначально;—въ эфтомъ, на эфтомъ, изъ эфтова и под.

Вм. заутреня всегда произносится заутреня.

Плавные днссимилируются въ-пролупъ в. прорубъ, арендатель в. арендаторъ.

Въ выговорѣ женскаго населенія дер. Боярской и Пененги Чудцовск. вол., Солигал. у. любопытно смягченіе *л* передъ гласными: пришла в. пришла, лжошшко в. лжошшко, молѣтнть в. молотнть, была в. была, заболѣдъ в. заболѣло и под.

Вм. шкатулка почти повсемѣстно—шкатунка; въ Холмовск. вол., Галч. у., в. алтарь—антарь.

Вм. параличъ въ Покров. вол. Буйск. у.,—паравнчъ.

Вм. рекрутъ повсюду говорится некрутъ.

Мягкое *р* слышится: въ верхъ, зеркало, церковь.

Двойное мягкое *н* иногда измѣняется въ *лн*: сѣлница вм. сѣлница, сѣлникъ вм. сѣлникъ, мякнлница вм. мякнница, помнлнникъ вм. помнлникъ, брателнникъ вм. брателникъ, кухольный вм. кухонный, Ликандро вм. Никандръ. Вм. мшлнникъ говорится мшарникъ.

Удвояется *н* въ мѣстоименіи иной: «инныя прочія», «гуляетъ со иной».

Въ Шушкод. вол. Буйск. у. можно услышать твердое *н* въ словахъ: помемше, порамше.

Н переходитъ въ *м* въ началѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: Николай вм. Николай, Микита, Миканоръ, Микнфоръ.

Н выпускается въ словахъ: озябѹ, озябѣшь и т. д., вм. озябну, озябнешь и т. д. зябѹ вм. зябну, зябѣшь вм. зябнешь и въ копечномъ *эн*: жисъ вм. жиснь, болѣсъ вм. болѣзнь.

Вм. Демьянъ слышится Девьянъ; въ Солигал. уѣздѣ *м* произносится твердо въ словѣ семъ вм. сэмъ; *м* прибавляется въ словѣ мчолка вм. чолка (у лошади).

Въ отношеніи *ударенія* болѣе или менѣе достойны вниманія слѣдующія слова: творогъ, творогѹ, на лошади, простынѣ, ворота, ѣиць, мѣгокъ, чаша, сосна, дѣвочка и дѣвочка, звонятъ, работатъ, полджитъ, предполджитъ, прѣсидѣй, высѣко, далѣко, глѹбѣко, тѣмно, кувирнѹтсѣ. Въ окающихъ говорахъ кромѣ того глаголы съ согласною основою во 2 лицѣ множественнаго числа изъявительнаго наклоненія обыкновенно переносятъ свое удареніе, въ отличіе отъ повелительнаго наклоненія, на конечное *ѣ*: спитѣ, ѣдитѣ, хотитѣ, неситѣ, кладитѣ и под. Затѣмъ, еще въ Покров. вол., Буйск. у. говорятъ: ѣпасно, вѣставанье, лѣгокъ, деньгѣ; въ срединной части того же уѣзда: вѣзмешь, вѣзметъ и т. д. (но возмѹ), должѣнъ, виѹчата, пѣзвать, сѣбралъ, пѣслалъ, четѣрехъ, скѹду, дождавшійсѣ, подравшісѣ, не дѣя чѣво, отъ нѣнѣ и дѣ вѣку, бѣзо дни недѣля, за сыномъ, пѣдѣ вечеръ; въ Терапонт. волости: слободнѣ вм. свободна, трубѣ (имен. множ.); и наконецъ въ Чудовск. вол., Солигалич. уѣзда: язѣкомъ, бѹгоръ, милѣй, шѣстанадцатый, въ этомъ случаѣ, съ коньямъ.

Въ области *склоненія* именъ можно прежде всего отмѣтить случающееся иногда, по сравненію съ языкомъ литературнымъ, смѣшеніе родовъ, хотя число случаевъ такого смѣшенія и очень незначительно. Такъ, вмѣсто мужского рода въ формѣ огородъ и наряду съ нею вездѣ и очень часто употребляется женская форма огородъ: «крикни пойди съ огорода»; «дожидаясь тебя у огорода»; «сѣлъ на огородъ» и под. Такое же измѣненіе случается и съ словомъ закатъ: «солнышко было ужъ на-закатъ»; выѣхали на-закатѣ солнышка» и под. Вмѣсто формы вредъ нѣрѣдко слышишь также вредѣ: «никакой вредѣ тебѣ не будетъ»; «не случилось бы какой вредѣ» и др. Слово путь всегда имѣетъ женскій родъ: «сбилсѣ съ праведной пути»; «путь моя не малая». Наоборотъ, мужской родъ вмѣсто женскаго слышится въ Буйск. уѣздѣ почти постоянно въ словѣ подковъ вм. подкова: «не у тебя-ли мой подковъ», «не видаль-ли тутъ подкова моево?» и вмѣсто средняго — крылецъ вм. крыльцо, яблокъ вм. яблоко.

Затѣмъ, собственно въ склоненіи именъ *существительныхъ* заслуживаютъ вниманія слѣдующія особенности:

Въ родительномъ падежѣ единственнаго числа именъ съ основою на *о* пользуется широкой распространенностію окончаніе *у* древней основы на *ъ*, вмѣсто *а*—окончанія основы на *о* «чуть не умерли со смѣху», «до заката больше часу еще», «былъ у приходу», «у своего товару не живетъ накладу», не «надѣлать бы конфузѹ», «ѣду изъ городу», «на тебѣ еще долгу-то не мало», «ни гороху, ни солоду нѣтъ», «свалился тараканъ съ потолка», «корню въ полосахъ нынче много», «отсталъ отъ роду-племени», «съ одного берегу на другой», изъ лѣсу и т. под.

Слово день въ родит. и дат. ед. имѣетъ форму дни: вчерашнева дни къ завтнешнему дни, къ Афонасьеву дни, съ Николавна дни, съ трехъ часовъ дни и под.

Дат. пад. ед. ч. мелкихъ женскихъ основъ на *ъ* въ большинствѣ случаевъ

имѣть уже новое окончаніе *ъ* вм. древняго *и*: скажи пойдн матеръ, побывай къ лошады, поклонись дочеръ, положи поближе къ печъ и т. д.

Въ творит. пад. ед. ч. жен. р. общеупотребительны окончанія *ой* и *ей*, а не *ою* и *ею*, такъ что послѣднія только и могутъ быть слышны въ пѣсняхъ и вообще въ какихъ либо памятникахъ народной поэзіи; всюду говорятъ: избой, женой, головою, заутреней, пѣсней и т. д. Вм. формы силой нерѣдко также слышать силѡмъ: силомъ оттащил, силомъ вырвали и под.—Творительный отъ тысяча будетъ тыщей, а не тысячью: тыщей рублѣвъ не отдѣлаешься тутъ.

Въ словѣ церковъ косвенные падежи повліяли на именит. ед. и наряду со старыми образовали новыя формы, какъ его, такъ и дат. пад.,—церква, церкву: иду въ церкву, кака я у васъ церква-та и под. Наоборотъ, подъ вліяніемъ полной формы именит., дат. и предл. падежи слышатся иногда безъ выпаденія гласной: былъ въ церковѣ, отъ церковѣ-то поближе нынче живемъ.

Имена средняго рода на *мя*, измѣняя послѣднее въ *мѣ*, имѣютъ отъ этой формы и все своеобразное единственное число: сколько время (род. пад.), земля наша къ этому сѣмю (дат. п.) не подходитъ, стукнул по темю, имѣ-то (вин. п.) его я забылъ, вымѣмъ (твор. п.) моя коровушка захворала, о сѣмѣ (пред. п.) то я и забылъ ему молвить. Въ родительн. множ. числа этихъ именъ *е* не сохраняется только въ формѣ сѣмянъ; остальные же: имѣнь, времѣнь.

Слова жизнь и болѣзнь, измѣняясь въ произношеніи въ жпсть и болѣсть, измѣнили, вѣроятно по аналогіи съ страсть, вистъ (=вѣсть) и под., и самую основу свою: жистъ своей не радъ сталь, немного ужъ осталось и жисти-то моею, по хорошей жистѣ тоскуеть, двѣ жисти загубилъ, болѣсти мнѣ одолѣвать стали, мало-ли болѣстей есть на свѣтѣ, отъ этой болѣсти не выльчешься, и под.

Нарѣчіе завтра употребляется въ качествѣ склоняемаго существительнаго въ выраженіяхъ: послѣ завтра, къ завтраму, завтраемъ-то нечево угощать и др.

Вм. съ половины дня говорятъ—съ половина дня.

Двойственное число сохранилось въ нарѣчіи заочью вм. заочно.

Въ именит. множ. числа существительныя, оканчивающіяся на *анинъ* и *янинъ*, имѣютъ окончаніе *ана* и *яна* вм. *ане* и *яне*: мѣряна вм. мѣряне, прихожана вм. прихожане, селяна вм. селяне, дворяна вм. дворяне, мѣщана вм. мѣщане, поѣзжана вм. поѣзжанае, крестьяна вм. крестьяне и под.—Наоборотъ, вм. баря или бара говорятъ बारे, вм. татары—татаре, вм. цыганы цыгане.

Окончаніе *и* того же именит. множ. замѣняется *а* въ именахъ уменьшительныхъ, каковы: деньжонка вм. деньжонки, ребятишка вм. ребятишки, дѣлшка вм. дѣлшки.

Вм. приговоры говорятъ приговора, вм. свѣкры въ акающ. Солигалич. уѣздѣ услышишь свякрѣ. Вм. сватѣ нерѣдко всюду услышать—сватовѣ, вм. коршунъ—коршунѣ, вм. воронъ—воронѣ, вм. галки—галонѣ (когда разумѣютъ цѣлыя стаи этихъ птицъ, напримѣръ: куды это галонѣ-то вдругъ поднялося? Что-й-то это поиче коршунѣ то сколько летаетъ, и под.).

Въ томъ же именит. множ. числа въ именахъ мужск. рода съ основой на *ъ* и даже на *ъ* вмѣсто окончаній *и* и *ъ* часто является *ья*; говорятъ, напримѣръ: окунья вм. окуни, крендѣля вм. крендели, обручья вм. обручи, каменья, вм. камни, волосья вм. волосы, цестерья вм. цестеры, поясья вм. поясы. Въ косвенныхъ падежахъ всѣхъ этихъ именъ сохраняется та-же основа: окуньевъ, поясьямъ, каменьямъ, въ волосьяхъ и др. Говорится также: ребятушка вм. ребятушки, воротечка вм. воротечки, мужевья вм. мужья

Въ родит. пад. множ. числа можно теперь уже очень рѣдко встрѣтить древнее окончаніе *ъ* не только отъ основъ мужского рода на *о*, но и отъ словъ средняго рода на *о* и на *е*. Далее литературныя остатки словъ перваго рода принимаютъ въ народномъ произношеніи окончаніе *овъ*, такъ что, не говоря уже о совмѣстномъ существованіи формъ вроде: безъ рога и безъ роговъ, изъ сапога и изъ сапоговъ, слышатся

иногда и такія выраженія, какъ: пять теленковъ, изъ солдатовъ, на двѣнадцать персоновъ. Слова же среднего рода имѣютъ формы: дѣловъ вм. дѣль, мѣстовъ вм. мѣсть, средствовъ вм. средствъ, полѣвъ вм. полей, шивсовъ, изъ серцовъ вм. изъ сердецъ, новосельевъ вм. новоселей, угощеньевъ вм. угощеній, кушаньевъ вм. кушаній, рѣшенеевъ вм. рѣшеній, правленьевъ вм. правленій, и под. Изъ имей женскаго рода подобное окончаніе имѣютъ: избовъ вм. избъ, усарьбовъ вм. усадебъ, сварьбовъ вм. сваребъ.

Такимъ же образомъ мужскія основы на *ъ* и на *о* съ литературнымъ окончаніемъ *ей* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа въ большомъ количествѣ принимаютъ окончаніе *ѣвъ*: пустырѣвъ вм. пустырей, учителѣвъ вм. учителей, кренделѣвъ или крендельевъ вм. кренделей, ячменѣвъ вм. ячменей, днѣвъ вм. дней, лучовъ вм. лучей, богачовъ вм. богачей, сторожовъ вм. сторожей, барышовъ вм. барышей.

Творительный падежъ множественнаго числа въ говорѣ всей разсматриваемой мѣстности какъ отъ именъ существительныхъ, такъ отъ прилагательныхъ и мѣстоименій, существуетъ, можно сказать, только какъ исключеніе и притомъ исключеніе рѣдкое;—вмѣсто него всегда употребляется падежъ дательный: за грибамъ, съ веселымъ пѣснямъ, подъ моиѣ рукамъ и под. Если форма творительнаго падежа и существуетъ въ говорѣ, то чаще всего въ устахъ немногихъ такъ сказать щеголей слова, которые думаютъ показать этимъ свою «образованность» и обыкновенно попадаютъ съ этой образованностью впросакъ, употребляя творительный вмѣсто дательнаго падежа. Нѣкоторыя, впрочемъ, изъ такихъ неправильныхъ пользованій падежами становятся даже общимъ достояніемъ,—ходячими выраженіями, каковы, напримѣръ: выѣхать на смѣхъ людьми, подвигаться къ дверьми, сходить къ добрыми людьми, дать корму лошадьми, очень вами благодарны.

Слово *гость*, сохранивъ творит. множ., удержало и древнее его окончаніе: *гостями*.

Существительныя и собственные имена уменьшительныя, а иногда и бранныя, оканчиваясь въ произношеніи всегда на *ю*, склоняются обыкновенно какъ основа на *о*, а не на *а*, такъ что всюду говорятъ: съ батюшкѣмъ, у Иванкѣ, за Василкѣмъ, на сивкѣ, съ пѣньшишкѣмъ, Степанкѣ, по карькѣ, мальчишкѣ, за мужиченкѣмъ и т. под. Изъ этихъ, въ собственномъ смыслѣ уменьшительныхъ именъ, надобно только исключить названія и формы ласкательныя, которыя хотя и оканчиваются иногда на *ю* (литерат.—*ка*), однако измѣняются въ склоненіи, какъ основы на *а*: съ дядюшкѣй, а не съ дядюшкѣмъ.

Въ склоненіи именъ *прилагательныхъ* заслуживаетъ вниманія нерѣдкое употребленіе въ родит. пад. ед. ч. жен. рода окончаній *ья* или *ія* вм. *ой*, представляющихъ вѣроятно измѣненіе древняго *ыт* и *итъ*. Употреблялось преимущественно тогда, когда прилагат. стоитъ безъ имени существ., это окончаніе пользуется однако же большою распространенностію и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ послѣднимъ: послѣ Казанскіа (иконы Божіей Матери), послѣ Введенскіа, у молодіа у овечки, никакіа одѣжонки то вѣтъ у него, не видалъ-ли кобылы здѣсь каріа, съ большіа дороги и т. под.

Въ имен. пад. множ. ч. прилагательныя всѣхъ родовъ имѣютъ одно окончаніе — *я*: добрыа люди, сильныа, дожди, пьяныа мужики и т. под.

Въ мѣстоименіи 2 лица широкимъ употребленіемъ пользуются сокращенныя формы *тъ* и *тя* вм. *тебѣ* и *тебя*, наряду впрочемъ съ послѣдними: вѣтъ-ли у *тя* похлебать чево; онъ на *тя* сердитца шибко; я кричалъ *тя* кричалъ — наслу докричался; она ничего *тъ* не сказывала? въ ротъ *тъ* ноги! я *тъ* дамъ! вотъ *тъ* и разъ! и т. под.

Въ женскомъ родѣ мѣстоименія *онѣ* форма *ей* всегда замѣняется *еѣ*: я давно хотѣлъ у *еѣ* побывать да все недосугъ; чья это шуба-та, — Дарьина али моя, — и не знаю, — ровно бы не моя а *еѣ*? и т. под.

Вставки *и* между предлогомъ и формами того же мѣстоименія народное произношеніе вообще не знаетъ и говоритъ всегда: за еѣ, по ѣмъ, межъ имъ, послѣ ево, подъ ей и т. под.

Притяжательныя мѣстоименія, указательное *тотъ* и мѣстоименіе *одинъ*, подобно именамъ прилагательнымъ, въ род. пад. ед. числа жен. рода имѣютъ вм. окончанія *ой*

остатки древних *ы* и *и*: не вдалеке поддевки мои, свои воли лишился, послѣ *ты*-то лошади эта не покажется, моя-та жена помоложе твои, у нашня избы такъ страшные сугробы нанесли, и трое стрянухъ да хуже одной и т. под.

Формы: мои, твои, свои, моихъ, твоихъ, и своихъ—всегда и вездѣ произносятся какъ: *моя*, *твоя*, *своя*, *моихъ*, *твоихъ* и *своихъ*.

Стяженіе гласныхъ встрѣчается, и то не часто, только въ *свозо* вм. *своево*.

Притяжательное *ихній*—въ общемъ употребленіи, *еймий* же и *евоний* слышатся гораздо рѣже и по преимуществу въ акающемъ говорѣ, куда они могли быть занесены Солигаличскими питевцами.

Вм. *объихъ* и *обимъ* всегда говорятъ объихъ и обимъ.

Древній членъ сохранился въ говорѣ всей описываемой мѣстности въ шести формахъ: *тъ*, *то*, *та*, *ту*, *тъ* и *ти*, и употребляется всегда только въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ, къ имени котораго онъ прибавляется, или упоминался ранѣе въ разговорѣ или же, какъ предполагаетъ говорящее лицо, онъ находится на умѣ не только его собственномъ, но и на умѣ его собесѣдника: вотъ та самая вещь,—какъ бы такъ говорить онъ прибавкою члена,—о которой мы разсуждаемъ сейчасъ или думаемъ.—Что же касается болѣе точнаго разграниченія въ употребленіи разныхъ формъ члена, то въ этомъ отношеніи можно замѣтить слѣдующее: наиболѣе употребительные формы (*о*)*тъ* и *то*; они слышатся вездѣ, и послѣднее можетъ присоединяться по всякимъ словамъ, независимо отъ рода, пхъ числа и падежа, хотя по преимуществу прибавляется все-таки къ словамъ средняго рода на *о* и на *ѣ*: дѣло-*то* это не хитрое,—я тибѣ ростолкую; поле-*то* у насъ не маленькое,—нескоро ево перейдешь; хлѣбомъ-*то* ты мнѣ не кори; лошадь-*то* у насъ врядъ не голодная-ли стоитъ; по зубамъ-*то* какъ хватить,—такъ не опомнися; вору-*то* не закажешь, чтобы не воровалъ и т. под.—Форма (*о*)*тъ* можетъ соединяться только съ существительнымъ, кончающимся на согласный, и съ полнымъ прилагательнымъ въ мужск. родѣ при окончаніи *ой*: кусокъ-*отъ* у мнѣ поперекъ горла становится; прошло-*ѣ-тъ* годъ мы побѣдился, ну, а нынче-*то*,—благодаря Господа Бога, живемъ.—Форма *та* слышится лишь послѣ такихъ словъ, которыхъ конечнымъ гласнымъ является *а* или *я*, независимо отъ рода и падежа ихъ, но непременно въ един. числѣ, а также и послѣ именъ женскаго рода един. числа съ конечнымъ согласнымъ въ именит. падежѣ: тятя-*та* уѣхалъ въ лѣсъ,—никого дома-*та* нѣтъ; церковь-*та* у насъ всему міру на удивленіе. Нужно при этомъ замѣтить, что означенная форма, какъ и всѣ послѣдующія, употребляется преимущественно въ сѣверной части Буйскаго и въ Солигаличскомъ уѣздахъ, въ остальныхъ же мѣстахъ хотя и встрѣчается, но значительно рѣже.—*Ту* прибавляется къ словамъ съ конечными гласными *у* или *ю*, опять таки независимо отъ рода и падежа ихъ, и къ винит. падежу един. ч. жен. рода, хотя бы онъ и не кончался на эти гласныя: шуму-*ту*, гаму-*ту* у насъ,—унеси всѣхъ святыхъ вонъ! Послани-ли по лошадь-*ту*; красную-*ту* кофту я износила ужъ шибко, и т. под.—Наконецъ, формы *итъ* и *ти* можно услышать, и кажется безразлично, послѣ именъ, взятыхъ въ множеств. числѣ и кончающихся на какой-нибудь гласный: кошки-*тъ* у насъ всю сметану слизали; поясья-*ти* эти не скоро порвешь, ноги-*ти* отъ сѣна-*та* у мнѣ и позаживать было стали.

Спряженіе глаголовъ имѣетъ болѣе особенностей въ акающемъ, чѣмъ акающемъ, произношеніи. Такъ, взаимную перемену окончаній неопред. накл. *итъ*, *итъ*, *итъ*, и *атъ*, а отсюда и окончаній прошедшаго соверш., можно встрѣтить только въ Солигаличскомъ уѣздѣ и въ сосѣдней съ нимъ Покровск. вол. Вуйск. уѣзда: вм. кричатъ и вскричалъ, напр., здѣсь скажутъ—кричтъ и вскричлъ, вм. вопить—воптъ, вм. шевелиться—шевелтъся, вм. стемнить и стемнѣло—стемнятъ и стемняло, вм. стрелять—стрилтъ, вм. скучать—скучтъ, вм. владѣть—владать (владаю, владаешь и т. т.) и вм. лѣзть въ Оерапонт. вол., Вуйск. у.—ласти и лазатъ. Подобно этому, но уже вездѣ, вм. вынуть говорится—вынѣтъ, вм. вынулъ—вынѣлъ, и отъ того же глагола существуетъ несовершенный видъ въ формѣ вымать вм. вынимать. Вм. обни и повсюду говорятъ—обойни.

Окончаніе неопред. накл. *чь* вездѣ обыкновенно измѣняется въ *чи* со вставкой

коренной согласной: *беречи* вм. беречь, *печи* вм. печь, *жечи* вм. жечь, *лечи* вм. лечь, *мочи* вм. мочь, *стеречи* вм. стеречь, *стежи* вм. стечь, и т. п.

Въ Покров. вол. Вуйск. у. къ ударяемому окончанію неопред. наклон. *ти* прибавляется *тъ*: *птитъ* вм. идти, *веститъ* вм. вести.

Вм. ошибиться повсюду говорятъ *ошпбтнсь*, вм. *ушибиться*—*ушибтись*, и др.

Вм. нанимать и занимать вездѣ слышатся формы *займовать* и *наймовать*. Приэтомъ, въ Чудцов. вол., Солягалич. уѣзда настоящее время спрягается какъ: *наймоваю*, *наймоваешь* и т. д., въ остальныхъ же мѣстахъ: *наймую*, *займую*, *займуешь* и т. д. Подобно этому, въ Покров. вол. Вуйск. у., и въ Холмовск. вол., Галич. у. говорятъ: *недостааетъ* вм. *недостаётъ*, а повсемѣстно: *выганиваетъ* вм. *выгоняетъ*, *кружуетъ* вм. *кружится*.

Въ Покровской-же вол. Вуйск. у. встрѣчается иногда отпаденіе конечнаго *тъ* въ 3 лицѣ единств. числа, такъ что наряду съ формами: *берётъ*, *идётъ*, *играётъ*, *знаётъ*, *гуляётъ* и т. под.,—тамъ употребляются: *берё*, *идё*, *играё*, *знаё*, *гуляё* и т. п.; тамъ же вм. вопросительнаго *врѣшь* скажутъ *врё*. Въ произношеніи населенія остальной мѣстности отпаденія *тъ* случается только въ формѣ *можно* вм. *можетъ* быть.

Въ трехъ безличныхъ формахъ, употребляющихся повсемѣстно, сохранилось повидимому древнее окончаніе 3 лица ед. числа—*тъ*,—это: *чуть*, *видать* и *знать*,—чаще всего съ отрицаніемъ *не*: что не чуть къ обѣднѣ-то?—не чуть; подошелъ поближе къ деревнѣ-то, —и чуть какъ собаки залаяли; нашихъ гостей все еще не видать,—видно далеко уѣхали; не знать тибѣ тамъ, сколько домовъ-то горитъ?—нѣтъ, паря, не знать.

Вм. хочешь весьма часто употребляется сокращенное *хошь*, особенно въ вопросахъ: не хошь-ли чайку-то попить?—Ну, какъ хошь, колн.

Въ прош. вр. вм. почтилъ говорятъ обыкновенно *почель*: праздника не почель, вотъ и наказалъ Богъ. Вм. распяли въ Оерапон. вол. Вуйскаго у. слышно—*распійли*; вм. *висѣло* и *висѣла* въ Покров. вол. Вуйскаго у. — *вѣсло* и *вѣсла*.

Въ страдат. причастіи прош. вр. иногда употребляются формы на *мый* вм. *тый*: *подогнѣмый* вм. *подогнутый*, *загнѣмый* вм. *загнутый*, *прокленѣмый* вм. *проклятый*, *задвинѣмы* вм. *задвинуты*; вм. *наложено* всегда говорятъ—*накладено*.—Прпл. неже-нимый употребляется въ смыслѣ неженвшійся; незнаючи вм. не зная; отъ глаг. *ѣсть* причаст. прош. вр. дѣйств. зал. будетъ: *поѣдъши*, не *ѣдъши*; отъ глагола *попасть* есть форма *кого не попада* вм. *кого ни попало*.

Въ повелит. наклон. тоже *псть* имѣетъ формы: *ѣдъ*, *заѣдъ*, *попоѣдъ*, не *уѣдъ* и т. под. въ Солигалич. у. вм. *повѣсь* говорятъ—*новѣшай*; въ средней части Вуйск. у. и въ Костром. уѣздѣ вм. смотри и смотрите—*мотрай* и *мотрайте*, вм. не трогай—не *трошь*, вм. *положи*—*положь*, вм. *положите*—*положьте*, вм. *пойди* и *пойдите*—*подь* и *подьтё*.

Древній вспомогательный глаголь *иму* и *нему* (изъ не иму) повсемѣстно пользуется очень широкимъ употребленіемъ и слышится въ крестьянской рѣчи постоянно, соответствуя литературнымъ—*стану* или *буду*: имѣешь-ли обѣдать-то,—поди, я давно собрала?—нему, —нездоровится что-то; имѣешь учиться,—такъ и сапоги новые ска-таемъ, а не имѣешь—ходишь и въ старыхъ.

Частица *ко*, присоединяемая къ повелит. наклон. глаголовъ, въ окающемъ говорѣ весьма часто прибавляется не къ самому концу глагольной формы, а помѣщается между формою единств. числа и окончаніемъ множественнаго или между формою дѣйствит. залога и мѣстоимѣніемъ *ся* возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ: *погоди-ко тѣ* вм. *погоди-ка*, *сядемъ-ко-тѣ* вм. *сядемъ-ка*, *станови-ко-сь* вм. *становись-ка*, *побрани-ко-тѣсь* вм. *побранитесь-ка*, *попроцаем-ко-тѣсь* или *попроцаемтѣ-ко-сь* вм. *попроцаемтесь-ка* и т. под.

Относительно *синтаксическихъ* особенностей народнаго говора можно замѣтить немного. Такъ, въ выраженіи «Господи вѣдаетъ» произошло очевидно смѣшеніе именит.

пад. съ звательнымъ. Тотъ же именит. падежъ замѣняется родительнымъ при глаголъ *есть*, когда послѣдній равнозначенъ выраженіемъ: не мало, мало ли, есть еще. Напримѣръ: у насъ есть всякаго народу — долго-ли до бѣды? есть въ городахъ пьяницъ-то! хлѣбца-то нонѣ есть, слава Богу! усарьбовъ то у его есть не одна, и т. под. — Наконецъ, родительный же падежъ употребляется и вмѣсто винительнаго отъ именъ мужского рода, означающихъ растенія, придавая этимъ послѣднимъ такъ сказать свойство одушевленныхъ предметовъ, — ихъ форму винительнаго: нашель боровика, увидалъ рыжика, сорвалъ василька, посадилъ ераника, смялъ ландыша, и т. под.

Вм. попенять *вамъ* говорить — попенять *васъ*, вм. благодарю *тебя* иногда — благодарю *тебѣ* (д. Илейк., Лосевск. вол., Салигалич. у.).

При обозначеніи наружнаго вида лицъ или одушевленныхъ предметовъ очень часто употребляютъ вм. творит. пад. предлогъ *изъ* съ родительнымъ: ужъ больно, маткѣ, изъ лица-то бѣлъ да хорошъ, — экой парень! быть сахаръ! пѣзъ снѣга-то бы она ничево, — дѣвка не уродъ, да нарядишку-то ничего на ней вѣтъ; лошадь изъ себя не-большая, не видная, а въ дѣлѣ такъ куды дѣвать! — Такимъ же образомъ вмѣсто простыхъ падежныхъ формъ употребляются иногда выраженія и съ другими предлогами: читать *съ* книгу, курить *съ* трубку, вѣхать *съ* ночи или въ ночную вм. ночью, сосѣдъ *изъ* старины вм. старинный, идти *съ* за-Любимъ, жить *въ* за-Любимъ, вм. за-Любимомъ. Наоборотъ, предлогъ пропускается въ выраженіяхъ: сдѣлать что-нибудь в о р о в с к и л ю д е й вм. воровски *отъ* людей (тайкомъ), — не воззрѣть бы мнѣ дитя своею вм. *на* дитя свое.

Предлогъ *на* употребляется вм. *за* послѣ глагола благодарить: благодаримъ *на* вашемъ безпокойствѣ, *на* вашемъ угощеніи, *на* трудахъ вашихъ и т. под. Тотъ же *за* замѣняется *по* въ такихъ выраженіяхъ, каковы: пошелъ *по* лошади, *по* овецъ, *по* коровъ, *по* плотниковъ, поѣхалъ *по* поповъ и т. под., вм. зачастую въ Холмов. вол., Галич. у. говорится — *съ*-частію. — Наоборотъ, *за* употребляется вмѣсто *изъ-за*, когда говорятъ, что что-нибудь не сдѣлано напр., *за* погодой вм. *изъ-за* погоды, *за* многолюдствомъ вм. *изъ-за* многолюдства и др. Для обозначенія крѣпостной зависимости существуетъ повсюду выраженіе: были *за* господамъ.

Для обозначенія времени будущаго служитъ обыкновенно предлогъ *на*, а для прошедшаго — *о*: *на* будущее лѣто и мы себѣ лошадку заведемъ; *на* Ильинъ день и рожъ посеѣмъ, — жать будетъ можно; *о* масленицѣ къ тестю въ гости ѣздили; *о* Христовѣ дни онъ у насъ былъ.

Говорять также: все дѣло зависить *съ* ѣмъ вм. *отъ* него; взять развѣ армякъ *для* удачи, — не было бы дождя, вм. *на* удачу, — *на* всякій случай; ставъ санн-ти *о* середку вм. *на* середку; до обѣда-то еще осталось не мало время-то (вм. до обѣда); у Соли, въ Соли вм. Солигаличѣ (Чудц. вол.); какъ ни *на* есть, что ни *на* есть, кто ни *на* есть и т. под., вм. какъ ни есть, кто ни *есть* и др.

Одно отрицаніе вм. двухъ по большей части бываетъ въ выраженіяхъ восклицательнаго характера: некакій съ имъ рожонъ приключится, некто тибя съѣстъ, некто его тащилъ и под.

Вм. *за* *н*е *мо*гъ (захворалъ) иногда услышишь *не* *за* *мо*гъ, вм. *не* *по*сѣлѣ — *по* *не*сѣлѣ и даже — *не* *по* *не*сѣлѣ.

Изъ мѣстныхъ словъ и выраженій, употребляемыхъ въ описываемой мѣстности *), можно отмѣтить слѣдующія.

Баракхавіца — кушанье изъ молотыхъ на ручныхъ жерновахъ ржаныхъ зеренъ съ молокомъ или масломъ (Вуйск. у., Покров. вол.).

Безлюдье — бранное слово: «Экое вѣдъ безлюдье! Ничево тебя нельзя заставить сдѣлать: все перепортишь» (Вуйск. у.).

*) Слова, при которыхъ не обозначается мѣстность употребленія ихъ, можно встрѣтить во всей описываемой части Костром. губ.

Бесѣдникъ—посѣтитель. «Куды больно торопился, Николаевна».—Да домой: бисѣдникъ у меня тамъ сидитъ,—Кузьма Лихторычъ» (Буйск. у.).

Богомѣлка—такъ называются въ Өерапонт. вол. Буйск., у. старыя, обречшія себя на безбрачіе дѣвы. Живутъ онѣ въ отдѣльныхъ маленькихъ избушкахъ на краю деревни; иногда ходятъ по святымъ мѣстамъ, но большею частію живутъ дома, добывая средства къ существованію чтеніемъ Псалтыря по покойникамъ и канона въ поминovenіе умершихъ.

Болѣзньный—ласкательное слово: по комъ болѣетъ сердце. «Усталъ, пойдѣ, пробѣгался, понесъ хочешь, болѣзньный ты мой!» (Буйск. у.).

Братко—братъ. «Мама! а братко куды ушелъ?» (Солиг. у., Костр. вол.).

Будучи—будто, будто бы. «Маревьяна сказывала: будучи, старшина пріѣзжалъ выѣзжать недоимку» (Буйск. у. Писъм. вол.).

Бухма—брюква, калѣга (овощь)—(Буйск. у., Покров. вол.).

Быванье—употребляется только въ выраженіи: «не въ частомъ бываньѣ» т. е. не часто ходитъ кто-нибудь къ кому-нибудь. «Проститѣ-жо, засидѣлась у васъ!—Ну, милая, не въ частомъ вѣдъ бываньѣ,—и посидѣть не грѣхъ» (Буйск. у.).

Быть—словно. «Закрччалъ, такъ быть подѣ ножомъ» (Буйск. у.).

Бьлотурка—особаго рода пшеница, колось которой не имѣетъ осей (Галич. у., Холмов. вол.).

Вакитъ—адвокатъ, «Не отрѣжетъ-ли, можо, тѣску-ту казна? Къ вакату бы надо сходить въ Солигаличъ» (Солиг. у., Чудцов. вол.).

Ванда—особаго рода тѣлѣжка на ножкахъ; въ ней даютъ зимою кормъ коровамъ и лошадямъ (Буйск. у.).

Вдурюрядъ—въ другой разъ. «Севодни забылъ; вдурюрядъ приду, —принесу» (Буйск. у.).

Великородничать—возноситься, хвастать. «Какъ только чужія люди придуть, такъ и зачнетъ великородничать» (Солиг. у., Чудц. вол.).

Вереть или *веретево*—отдѣльная часть огорода (изгороди), принадлежащая одному домохозяину. «Бѣгитѣ скорѣй! Лошади въ нолѣ-то—цѣлую вереть разломил!» (Буйск. у.).

Весновать—проводить весну, жить весной (соотв. *зимовать*)—(Галич. у. Холмов. вол.).

Не вѣдѣ-куда—неизвѣстно куда. «Пьяной-то не вѣдѣ-куды заѣдешь».

Вязиговатый—заносчивый, неуживчивый. «Ты вѣдѣ ужъ больно вязиговата: только и знаешь, что таскается по судамъ!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Гаййкатъ—бранное: слишкомъ громко кричать. «Экъ, батюшко, загагайкалъ: все село, поди, перебудил!» (Буйск. у.).

Гостѣкъ-Терентьюшко—насмѣшливое обозначеніе незванаго и непочетнаго посѣтителя «Ну ко ты, гостѣкъ-Терентьюшко! Не пора-ли тибѣ домой собратца?» (Буйск. у. Писъм. вол.).

Дивй—неудивительно, если-бы.. «Ахъ старой ты пѣсь! Диви бы молодой о бабахъ-то думать, а то вѣдѣ въ землю гледишь!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Диву даться—удивляться «Ну ужъ послѣ этого я только диву далась да и все!» (Буйск. у.).

Дикой—чортъ, лѣшій. «Дикой еѣ знаетъ, куды она убѣжала!» (Солиг. у. Чудц. вол.).

Добрѣ—1) въ качествѣ союза: однако. «Итти добро за водой-то; тибя вѣдѣ не переслушаешь».

— 2) въ качествѣ нарѣчія: достаточно, ненадобно, нѣтъ. «Прибавить кашп-то, али добрѣ?» «Изопьешь пивца-то, али добрѣ?» «Поѣдешь въ городъ-то, али добрѣ?» (Буйск. у.).

Довестй,—сѣ—испортить что-н., испортиться «Экая дурочка! Смотри, ложку-ту какъ довела,—зачѣмъ выкусила-то?» «Надѣнь поди сапоги; наступишь на склянку,—доведешься». Довестись безличное: прѣдтись, удасться. «Мало-ли бы што онъ хотѣлъ сдѣлать-то, да ишо какъ доведѣца поколотить-то меня» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Со своей *дѣлѣ*—со своей стороны «Я бы эдакую жену со своей доли давнымъ бы давно протурилъ». (Буйск. у.).

Домъ—гробъ, домовище (Галич. у., Холмов. вол.).

Дрига—сѣнокосная полянка въ лѣсу,—въ противоположность полевой (Буйск. у., Шушкод. и Өерап. вол.).

Думно—есть намѣреніе, желаніе. «Я къ вашей милостѣ, батюшко, отецъ Пѣтъ: иконы бы думно поднять намъ въ четвергъ (Буйск. у.).

Дураша—ласкательное отъ дурачекъ. «Да, право, не видалъ я, дураша! Кабы видѣлъ, дакъ знамо принёсъ бы» (Буйск. у.).

Духъ—ласкательное; употребляется преимущественно женщинами. «Да ну подѣмъ Саша, милая, духъ!» «Ай! духи мои! што я надѣлала-то!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Душный—издающій сильный и дурной запахъ. «Даль какой-то мази,—черная, душная!» (Солиг. у. Чудц. вол.).

Жило—общее названіе обитаемаго мѣста въ отличіе отъ назастроеннаго жилищами пространства. «Ну, уже тутъ и карько мой почуялъ жило,—прибавилъ шагу» (Буйск. у.).

Забудень—будничный день. «Въ забудень то нѣколи мнѣ, я ужъ приду въ воскресенѣ» (Буйск. у.).

Завѣра—кушанье изъ ячменной или пшеничной муки съ масломъ (Буйск. у., Покров. вол.).

Завѣдомо—вѣроятно. «Погрѣйся поди на печку-ту. Завѣдомо изябъ ѣдъ?» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Задѣль, такъ называется въ сѣверн. части Буйск. и въ западн. части Солигал. уѣздовъ вывозка бревенъ зимою изъ лѣсу на берегъ р. Костромы для сплава пхъ весною. Ъхать въ задѣль, быть въ задѣлѣ—заниматься означенною работою по найму отъ лѣсопромышленниковъ.

Заквѣска—сусло, заквашенное съ разными ягодами и съ мятой (Буйск. у., Шушкод. и Өерап. вол.).

Заклянитъ—божиться, клясться. «Ужъ я заклиналась-заклиналась ему,—насилу повѣрилъ!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Зитанъ—женскій фартухъ. «Поѣдешъ на базаръ, дакъ куни-ко аршинчика два мнѣ на запанъ» (Буйск. у.).

Заручѣнье—рукобитие, просватаніе невесты (Галич. у., Холмов. вол.).

Зѣститъ застовать—загораживать свѣтъ. «Отойди отъ окошка-та,—зазастоваль больно!» (Буйск. и Галич. уу.).

Застольщина—гости, сидящіе за столомъ и угощеніемъ. «Прибѣжалъ онъ ко мнѣ, кричитъ: братенника бьютъ! А у меня сидѣла застольщина» (Буйск. у., Писъм. в.).

Зачинить—начинать. «Какъ зачалъ миня, милая, страмить, какъ зачалъ!»

Займовать—класть что-нибудь на пустое мѣсто. «Ты пестѣрочку-то эту не займуй лукамъ-та,—она мнѣ нужна» (Солиг. у., Костр. вол.).

Зайня не взять—считать какое-нибудь дѣло недостойнымъ себя. «Будьте покойны,—не оманемъ ужъ—званья не возмемъ». (Буйск. у., Писъм. вол.).

Згодитъ—пригодиться. «Полно-ко, полно! Куда мнѣ деньги-то старой? Згодятца тѣбѣ самому» (Буйск. у.).

Изгодитъ—припасти, настряпать. «Што получче-то matka изгодила, то и съѣй». (Солиг. у., Чудув. вол.).

Издивленче, издивлять—удивленіе, удивляться. «Такую штуку сказалъ, што только всѣ издивились. Издивленье, да и конецъ, дѣлу!» (Буйск. у.).

Изойдется—что-лпб. кому-н. дадутъ, перепадетъ. «Отгурничка-то севодни не изойдется што-ли, стрипушка?» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Исторжитъ—истратить что-нибудь безпорядочно, по мелочамъ. «Трѣшницу-ту и не видалъ какъ исторжилъ,—Богъ её знаетъ куды!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Истофьритъ—ощетиниться, разсердиться. «Такая злая собаченка! Подойдешъ,—дакъ вся вотъ и истофьрится». (Буйск. у., Писъм. вол.).

Изуродъ — небольшая копенка яровыхъ сноповъ—ячменя, овса или пшеницы (Галич. у., Холмов. вол.).

Колѣ — когда. «Колѣ опять-ту прѣдѣшь? — А можо и неколѣ не прѣдѣду». (Буйск. у.).

Колокодить — болтать безъ толку. «Твой языкъ то это колоколилъ,—не мой!» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Колотый — тотъ который колодъ скотину (не профессиональный мясникъ). «Колото-ѣтъ говоритъ, што не больно жѣрѣнъ теленокъ-отъ» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Конца краю нѣтъ, — выраженіе, служащее для обозначенія огромной массы чего-н. «Хлѣба-та у насъ,—конца краю нѣтъ ишшо». «Снѣгу-ту севодни валить,—конца краю нѣтъ!» (Буйск. у.).

Корѣха, — въ Галич. у.—оспа (Холмов. вол.).

Корѣтникъ — теленокъ-бычекъ по второму году; насмѣшливое обозначеніе мальчика-подростка,—см. лямошникъ. (Галич. у., Холмов. вол.).

Кочѣра — непрямая, кривая ѣлка. (Буйск. у., Покров. вол.)

Кой — который. «Сѣно-то кое высохло, а кое дакъ сыровато ишшо (Буйск. у., Писъм. вол.).

Краска — пчелиная хлѣбина, перга (Буйск. у.).

Краснѣха — корь (Галич. у., Холмов. вол.).

Крестовый, — такъ называютъ другъ друга въ Чудцов. вол., Солиг. у. крестьяне, состоящіе въ крестовомъ побратимствѣ чрезъ обмѣнъ тѣльными крестами. «Ну поўно Пѣтро! поўно, крестовый, ругатца-то,—грѣхъ!»

Кужлявый — кудрявый (о деревьяхъ). «Иди все прямо, а дойдѣшь до кужлявой березки,—своротн валѣво» (Буйск. у.),

Кутникъ — полокъ въ банѣ. «На кутникѣ то, севодни такъ и палить, и палить!» (Буйск. у.).

Лонѣся, лонѣшний — въ прошломъ году, прошлогодній (Солиг. у., Чудцов. вол. по р. Туткѣ)

Дойти до *лыка* — истомиться и исхудать до послѣдней степени, «Дѣвчоночка-та у еѣ три ужъ недѣли хвараетъ,—до лыка дошла» (ib).

Дѣ-любѣ — до полного удовлетворенія чѣмъ-либо. «Купайсь дѣ-любѣ,—ничево мнѣ не жалко» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Людно, — въ Буйск. у. употребляется иногда для обозначенія не только людскаго скопища и толпы,—но и для множества животныхъ и даже неодушевленныхъ вещей. «Людно-ли тамъ лошадей-то, паря?—не людно». «Винца-то у насъ не людно, робята!»

Лядъ, лядочекъ — сѣнокошное незапаханное мѣсто въ полѣ между полосами. «Иди вотъ прямо лядочкомъ-то здѣсь, а потомъ черезъ огородъ перелѣзь,—гутъ и дорогу увидишь» (Буйск. у. Шушкод. и Терап. вол.).

Лямка — веревка для привязи коровъ зимою во время дачи имъ корма. «Корова-та у тѣбя, поди, на лямкѣ ишшо?» (Буйск. у.).

Лямошникъ — теленокъ - бычекъ однолѣтній. Переносно и въ насмѣшливомъ смыслѣ — мальчикъ подростокъ. Когда такіе молодцы - подростки только одни гуляютъ въ бесѣдахъ, то говорятъ про это: «Ну что за бесѣда севодни! Однѣ лямошники да корытники!» (Галич. у., Холмов. в.).

Мекать — думать, полагать. «А я дакъ мекаю, што до закату-ту солнышка мы прѣдѣдемъ домой» (Буйск. у.).

Мздоймишкъ — мздомецъ (Буйск. у. Шушкод. вол.).

Мозутѣ — сила, здоровье. «Мозуты-то, кормилецъ, не стало: еле ноги таскаю».

Мушійскій — мужской, принадлежащій мужчинамъ. «Што это ты въ мушійскую-ту шубу нарядилась?»

Въ то *мѣсто* — а вмѣсто того, между тѣмъ. «Поѣхалъ, — думалъ деньги нажить, а въ то мѣсто и своѣ-то растратилъ» (Буйск. у., Писъм. в.).

Мышкою младить, — приносказательно по отношенію къ лошадамъ: кормить ихъ овсомъ.

Мякѣшка — кушанье изъ творогу, сметаны, кислаго молока и толокна (Буйск. у., Покров. вол.).

Населузитья, хвастливое: наѣсться до отвалу. «Ну, вотъ такъ я населузился!» (Галич. у., Холмов. вол.).

Накѣурникъ, — шкворень, металлическій стержень, которымъ телега держится на передней оси (Буйск. у.).

Начѣтье — начальныя основанія какого-нибудь дѣла. «Попы-тѣ у насъ только начатю учатъ въ училищѣ-то» (Солиг. у., Чудцов. в.).

Не-бѣзь-чево — а еще.. «Мѣшка-то не можешь поднять?! А не-бѣзь-чево женихъ!» (Буйск. у., Письм. вол.).

Невольникъ — не имѣющій льготы по воинской повинности, — до призыва и передъ нимъ. «Невольникомъ ночью будетъ Павѣлко-то гулять, — денегъ-то не мало надо припасать ему». (Буйск.)

Невѣрный, «болѣе или менѣе боязливое и деликатное обозначеніе чорта». «Какъ не боится невѣрнова-то, безъ креста ходилъ пѣлой день, — ну ко?»

Неколи — некогда; — *неколи* — никогда. «Неколи ишло я не бывалъ тамъ. — Што-жо? — Да все некакъ неколи, — все недосугъ». (Буйск. у.).

Непрошлый — неловкій, неповоротливый человѣкъ. «Незнаю, што и за мужиченко?! Какой-то непрошлой: нечевѣ толкомъ не скажетъ, не сдѣлаетъ». (Буйскаго у. Письм. вол.).

Нешто — развѣ. «Да нешто эдакое-то можно сказать? Спаси, Царица Небесная!» (Буйскаго у.).

Облизъ — вблизи, вокругъ. «Облизъ-то лучше этой невѣсты и не найдешь» (ib.).

Обора — веревка. «Выка-то на цѣпи надо вести: его некакая обора не сдержитъ» (ib.).

Обужать, — *ся*, — будить, пробуждаться. «Обудился, послушалъ: къ завтранямъ негдѣ ишло не звонять, — опять и легъ». (ib.).

Огородешный — огородный, находящійся въ огородѣ. «Эй ты! Чучело агародешное!» (Солигалич. у., Костр. вол.).

Одинова — одинъ разъ. «Ходилъ-было одинова за грибамъ, да нечевѣ не нашолъ» (Буйск. у.).

Оказный — странный, удивительный. «Оказное, паря, дѣло! И вышилъ-то чуточку, а вотъ поди ты какъ захмѣлялъ!» (ib.).

Окручатъ, *окручаютъ* новобрачную послѣ вѣнца, когда ей расплетаютъ на двое косу и надѣваютъ на голову бабій повойникъ. (Буйск. у.).

Ономѣдни, ономѣднись, ономня, ономнясь — нѣсколько дней тому назадъ, на-медни. «Иванъ Гавриловъ ишло мнѣ ономнясь говорилъ это» (ib.).

Оплѣтитъ — ѣсть съ аппетитомъ, «уписывать за обѣ щеки». «Мама! я оладьи-то всѣ ужъ оплѣлъ».

Оплѣтъ, оплѣта, насмѣшливо, но съ отѣнкомъ нѣкоторой ласковости: обжоръ. «Нахлебался што-ли Ванилко? Ахъ онъ оплѣта эдакой! Погляди-тко: все съѣлъ!»

Опричь, опричи — кромѣ. «Опричь-то тебя не одна душа объ эфтомъ не вѣдаётъ» (Буйск. у.).

Отводъ, отводѣкъ — ворота для проѣзда въ полевой пѣгороди (Буйск. у., Шуйск. и Оерац. вол., Солигалич. у.).

Оттепѣле — оттепель. «Не буду теперь огурцы вносить въ избу, стану оттепѣля дожидатца» (Буйск. у., Письм. в.).

Оттолѣва — оттолѣ (Солигалич. у., Костр. в.).

Падеро — падель, околѣвшее животное; чаще въ переносномъ смыслѣ, какъ бранное слово. «Ахъ, ты падеро экое! Великъ-ли, а ужъ матки не слушацца сталъ!» (Буйск. у.).

Падѣнникъ, бранное слово; смыслъ неясенъ. «Ахъ онъ падѣнникъ эдакой! Немножко вѣдь не дождался миня!» (Буйск. и Слугалич. у.у.).

Падѣтъ, падѣтъ, падѣждѣкъ, — палка для пути. «Безъ падога-то старухѣ мнѣ все одно што безъ ногъ» (Буйск. у.).

Переворотъ — переводъ долга на третье лице. «Переворотомъ-то намъ запрещаетъ законъ взыскивать». (Буйск. у. Письмен. вол.).

Перекошесъво — перекоры, раздоры. «Перекошесъва-та у нево съ попамъ не бывало, — дакъ пятой годъ шидитъ штароштой-то» (Солигалч. у., Чудцов. вол., по р. Туткѣ).

Перемѣтина — мятель, переметающая снѣгъ (Буйск. у., Покров. в.).

Переходъ — ломота костей, ревматизмъ. (Галич. у. Холмов. в.).

Пестёрка — корзина. «Топерь, матушка моя, только и остаѣнца: взять въ руку пестёрку, да и Христа-ради ийти» (Буйск. у.).

Пестерь — кузовъ, которымъ носятъ сѣно (грохотъ), (ib.).

Пирогъ — пчелиный сотъ (Буйск. у., Шушкод. вол.).

Повѣра — жердь, связывающая нѣсколько бревенъ при устройствѣ плота для сплава по рѣкѣ (Буйск. у., Покров. вол.).

Подѣ (изъ пойдѣ) — вѣроятно. «Земской то, подѣ, не похвалитъ за это и старшину!» (Буйск. у.).

Подлость, бранное слово; чаще у женщинъ и для женщинъ. «Ахъ ты, подлосъ ты экая! Ну-ко, што ты надѣлала-то, а?»

Покайтче, — пока, покаймѣсть. «Ты посиди здѣсь, пакамѣче я на базаръ то хожу». (Буйск. у., Письм. вол.).

Покатитъ, — ся, насмѣшливое: ийти. «Куды это ваша милосъть покатила (или покатилась)?» (Буйск. у.).

Покладбище — что-нибудь положенное въ укромномъ уголкѣ, скрытое. «Ну-ко иди поскорѣе, — чево нишошь-ту? што у тѣбя за покладбишшо тута?» (Буйск. у. Письм. вол.).

Покладка, народно-юрид. терминъ: мировая сдѣлка. «Какая покладка-то? — Да што, велика-ли? всего два рубля». (Буйск. у. Письм. вол.).

Ползунъ, поползѣха — легкая снѣжная переметь, снѣжное «перекати-поле» (Галич. у. Холмов. в.).

Положитья — сойтисъ миромъ на волостн. судъ. «Чѣмъ сердитца-то, дакъ подитѣ-ко въ заведенье, да положитѣсь хомъ на полштофѣ!» (Буйск. у., Письм. в.).

Полоскатя — махатя чѣмъ-нибудь. «Прибѣжалъ я, смотрю: онъ полдшотца, кулакамъ на всѣ стороны» (Буйск. у.).

Полѣторка, полѣторникъ, телушка или бычѣкъ по второму году (ib.).

Помашка — обычай, привычка, «У меня ужъ такая помашка: вынью рюмку, — давай другую, третью; чѣмъ далѣ, тѣмъ болѣ» (Буйск. и Сол. у.у.).

Понимю, пойму, понялъ (изъ церк.-слав. *пойму*) — беру съ собою кого-нибудь. «Што батькѣ Марѣнку-ту не понимаешь въ церкѣвъ-ту? — Завтра пойму, — севодни холодно» (Буйск. у.).

Въ послѣднѣя — послѣднѣй разъ. «Перестанъ ить! Въ послѣднѣя тѣбѣ говорю» (ib.).

Полодячѣй — легкѣй характеромъ, послушный. «Онъ у насъ мужикъ-отъ походячѣй: куды позовутъ, туды и поѣдетъ». (Буйск. у., Письм. в.).

Почесъ — почти, почти что. «Я почесъ съ самой масленицы у васъ не бываль». (ib.).

Почитатя — помимо общаго значенія (оказывать почтеніе) употребляется еще въ смыслѣ: приглашать, звать. «И нонче-было мнѣя почитали на старое-то мѣсто, да не пошелъ ужъ» (ib.).

Почитай — почти, почти что. «До самаво, почитай, Петрова дни прохвараль, — просто бѣда!» (Буйск. у.).

Праскѣй — настоящѣй, не поддѣльный, хорошѣй. «Толь купили праскѣю шерштяную». (Солигалч. у., Чудцов. в., по р. Шуткѣ).

Привѣчатя — ласково, привѣтно обходиться съ кѣмъ-нибудь, приглашать. «Онѣ меня привѣчаютъ: кажинаѣ разъ на Ильинъ день зовутъ въ гости». (Буйск. у., Письм. в.).

Примучитя — приваживать къ чему-нибудь или кому-нибудь. «Ахъ робята! Со всей вы деревни прилучили собакъ-то!» (Буйск. у.).

Приобщиться — причащаться Св. Таинъ. «Приобщитца, кормилецъ, севодни бы хочецца мнѣ». (Буйск. у., Писъм. вол.).

Прокуда — чудакъ, проказникъ. «Ну, и прокуда-жо парень! Всѣ только рукамъ розвели». (ib.).

Прокурать — тоже, что прокуда. «Отстань-ко ты, прокурать эдакой, — право! Согрѣшишь съ тобой!» (ib.).

Пройбтисъ — по ошибкѣ своротить съ дороги не туда, куда слѣдуетъ. «Не-знаю, гдѣ это я прошибся? Все, ровно-бы, фхаль торной и дорогой-то» (Буйск. у.).

Прядея — занимающаяся пряденіемъ. «Какая ужь, батюшко, я прядея! И руки-то ровно грабли, — не держатъ ничево» (Буйск. у., Писъм. в.).

Прясло — часть огорода (изгороди) и «веретева» (см. выше) въ немъ, заключающаяся между вертикально стоящими кольями. «Отъ овиновъ-то три прясла подуть моѣ, потомъ Кузёмкины два, а тутъ и твоѣ три» (Буйск. у.).

Съ пуца сорвать — повредить себѣ животъ при подниманіи непосильной тяжести. «Животомъ этта бьеса всё, — не иначе што съ пуца сорвалъ». (ib.).

Работный — работающій. «Парень-то этотъ работный, — нечево зря говорить». (Буйск. у., Өерап. в.).

Расхлебняивать — оставлять что-н. незатвореннымъ. «Проходи, проходи поско-рубѣ! Што двери-то расхлебняивала?» (Буйск. у.).

Родимый, неродимый — плодородный, неплодородный. «Земли-то бы и много, да неродимая она-то» (ib.).

Рознаряжаться — скидывать съ себя праздничную одежду. «Ступай-ко розна-рядися: нечево хорошую-ту шубу таскать» (ib.).

Рудѣть — краснѣть. «Помажь поди сабоги-то; вона онѣ порудѣли какъ». (Буйск. у., Писъм. вол.).

Свершенье — оканчаніе, конецъ. «Хвалить-то ишно погоди; — какое вотъ бу-детъ свершенье?» (ib.).

Свить — просвѣтъ въ лѣсу. «Взойдешъ на бѹгоръ-то на этотъ и увидишь свить направо, — туды и ступай». (Солигалич. у., Чудн. в.).

Селенскій — селенный, сельскій. «Селенскимъ десятицкимъ нонѣ сижу» (Солиг. у. Костр. вол.).

Сидѣть напр. старостой, старшиной и т. под. значить занимать эти должности. «У насъ старшина-то ужь пятое трехлѣтѣе досиживаетъ» (Буйск. у.).

Собина, собинка — вещь, находящаяся въ личномъ владѣніи. Чаще всего этимъ именемъ называется полоса, засѣянная льномъ и отданная въ собственность какого-нибудь женскаго члена семейства, — напр. жены, матери. «На полянкѣ въ уголку посю собинку ленку» (ib.).

Солиасіе — видъ, наружность, званіе. «То-то сматрю я, што не кресьянскова вы согласія то» (Солиг. у., Лосев. вол.).

Спервоначатя — сначала. «Спервоначатя-то это мы было дружно принялись за работу, ну а потомъ поуѣздились» (Буйск. у.).

Срѣзень — шалунъ. «Экой вѣдь срѣзень мальчишко сталъ! Некакъ и не уй-мешь». (ib.).

Стебать — пить въ большомъ количествѣ водку, — артистически. «Ну и сте-баешь-жо онѣ виницѣ-то это!» (Галич. у., Холмов. в.).

Супрядка — небольшое угощенье для родныхъ или знакомыхъ. «Што это у васъ, али праздникъ какой вчера былъ? — Нѣтъ, просто такъ, — супрядка; посидѣли немного, чайку попили». (ib.).

Суходоль — мѣстность съ сухою почвою. «Эта ягода любитъ на суходолахъ родитца». (Солиг. у. Вершков. в.).

Сыромодъ — влажная, покрытая мохомъ лѣсистая мѣстность. «Нонче бѣлыя-то грибы больше по сыромоху растутъ» (ib.).

Теплетъ — тепло, теплая погода. «Эка теплетъ севодни на улицѣ-то». (Буйск. у.).

Въ третью — въ третій разъ. «Да я ужь, батюшко о. Василей, въ третью къ вамъ прихожу, — все дома васъ не было». (ib.).

Не *түрать* — не обращать вниманія на чьи-либо приказанія или совѣты. «Давно ѣдъ говорилъ намъ священникъ: робята, стройте училищю! А мы и не тураемъ!» (Буйск. у., Писъм. в.).

Уболитъ, насмѣшливое: слишкомъ мало дать чего-нибудь. «Ну, паря, вотъ такъ уболитъ! Да тутъ однаво куснуть нечево» (ib.).

Угодить — успѣть придти въ извѣстное время. «Завтре-то, незнаю я, угожу-ли? буде въ воскресенье?» (ib.).

Удивитель — чудакъ, забавникъ. «Такихъ удивителей я еще и не видывалъ: умрешъ со смѣху!» (ib.).

Удоконить — испортить, сломать какую-либо вещь. «Дай тебѣ, дакъ ты живо её удоконншь!» (ib.).

Умолёньщикъ — святой человѣкъ, молящійся Богу за другихъ людей, — молитвенникъ. «Слава Тебѣ, Господи! Царица небесная, умаленьщики святые!» (Солиг. у., Костр. в.).

Управно — придѣланы текуція, постоянныя работы. «У васъ, видно, топеря управно? всё по грибы да по ягоды ходитѣ!» (Буйск. у.).

Упреждать — упрекать въ чемъ-либо. «Да я тебя въ эфтомъ не упреждаю: што мнѣ за дѣло!» (Буйск. у., Писъм. в.).

Утрь — завтра. (Буйск. и Солиг. у. у.).

Утѣснять — притѣснять. «Жену дескать утѣсняете, — не хочу вмѣстѣ жить, давайтѣ длитца» (Солиг. у. Чудц. в.).

Ухватило кого-нибудь — кто-нибудь внезапно заболѣлъ. «Што это сдѣлалось съ имъ? — да Богъ его знаетъ: ухватило вдругъ да и все, — пласть пластомъ лежить топерь». (Буйск. у.).

Херуимы — хоругви. (Буйск. у., Покров. в.).

Хилджъ — несильный, но пронизывающій зимній вѣтерокъ (Галич. у., Холм. в.).

Хоростъ — удобство, красота, пріятность. «Хорошо, милая, устроено: такая хорость, што и не вышель бы изъ дому-ту». (Буйск. у. Писъм. вол.).

Хоросьво — то что хорошо; хорошее дѣло. «Напѣсья да раздерѣсья, — какое ужъ тутъ хоросьво?» (Буйск. и Солиг. у. у.).

Цѣновникъ — поминаникъ, — книжка для записи именъ живыхъ и умершихъ, подаваемая для поминанія ихъ на проскомидіи (Галич. у., Холмов. в.).

Чарѣвникъ — кушанье изъ вареной ячменной крупы съ саломъ и бараньими кишками (Буйск. у., Покров. в.).

Черѣдній — подлежащій, такой какъ быть слѣдуетъ. «Робота та эта черѣдная, што напрасно говорить!»

Черкать — боронить, — разрыхлять землю бороной предъ посѣвомъ. (Галич. у., Холмов. вол.).

Изъ чести давать что-нибудь значить давать не по требованію, а по доброму желанію дающаго. «Перевозъ-то у насъ казѣнный, — нечево не берѣмъ: даютъ — буде изъ чести хто» (Буйск. у.).

Чужень — человѣкъ изъ другой стороны, не свой. Употребляется въ особенности на деревенскихъ бесѣдахъ для обозначенія молодцовъ, пришедшихъ изъ чужой деревни: «Чужни пришли» (Буйск. у.).

Шипижа — шиповникъ, — ягодный кустъ и самая ягода.

Шурма — шумъ, драка. «Миня толда дома-та не было; безъ миня, значитъ, и шурма вся вышла» (Буйск. у., Писъм. в.).

Щаникъ — теленокъ по первому году (Буйск. у., Покров. вол.).

Щербакъ — жители села Холма (Галич. у.) и нѣкоторыхъ окрестныхъ деревень, которыми прежде владѣли князья Щербатовы.

Ѣжа — пицца, принятіе пицци, дорожная провизія. «Пообѣдала-бы Офросиньяшка! — До ѣжи-ли мамонья?! Мнѣ ѣжа-та и на умъ нейдетъ». «Собрался совѣмъ, а ѣжу-ту и забыло-было прихватить» (Буйск. у., Писъм. вол.).

Ябедникъ — пауѣтъ (Буйск. у., Покров. в.).

Θ. Покровскій.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библиографія.

Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ. Спб. 1897. Больш. 8°, стр. 331 (Изъ «Записокъ Историко-филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ»).

Имя г. Рыбакова не въ первый разъ появляется въ литературѣ музыкальной этнографіи и археологіи. Кромѣ статьи «О народныхъ пѣсняхъ татаръ, башкиръ и тептярей», явившейся на страницахъ «Живой Старины» (1894 г. III—IV), ему принадлежатъ нѣсколько другихъ интересныхъ статей и монографій: «Курай», башкирскій музыкальный инструментъ (Русск. Музык. Газета 1896 г.); «Русскія вліянія въ музыкальномъ творествѣ нагайбаковъ, крещенныхъ татаръ Оренб. губ.» (тамъ же 1896); «Церковный звонъ въ Россіи» (Спб. 1896). Но съ трудомъ болѣе крупныхъ размѣровъ онъ выступаетъ впервые. Этотъ дебютъ его теперь же можно назвать весьма удачнымъ. Означенная въ заглавіи нашей рецензіи новая его книга, богатая новымъ и весьма цѣннымъ содержаніемъ, распадается на нѣсколько отдѣловъ, простой перечень которыхъ можетъ дать представленіе о ея важномъ значеніи въ непочтой почти у насъ области музыкальной этнографіи инородцевъ восточной Россіи. Въ началѣ книги находимъ общій «Очеркъ быта и современного состоянія инородцевъ Урала»: татаръ, башкиръ и тептярей (стр. 3—43), живо рисующій общія культурныя условія, въ которыхъ заключена духовная жизнь этихъ народовъ. Въ концѣ его авторъ отмѣчаетъ неуклонное перерожденіе традиціонныхъ формъ жизни инородцевъ Урала подъ вліяніемъ новыхъ требованій времени и русской культуры. Это перерожденіе неминуемо должно отразиться и на духовной жизни инородцевъ, а въ частности на ихъ музыкальномъ и поэтическомъ творествѣ. Нельзя поэтому не порадоваться, что авторъ еще во время успѣлъ окунуться въ эту жизнь, покуда еще почти не тронутую вліяніями европейской культуры, и сохранилъ для музыкальной этнографіи богатый запасъ фактовъ, имѣющихъ большую научную цѣнность. Въ слѣдующей, второй, главѣ (стр. 44—50), озаглавленной «Произведенія творчества уральскихъ мусульманъ», находимъ общую характеристику этихъ произведеній, перечень главныхъ ихъ видовъ, общія указанія на мѣстности, гдѣ авторъ собиралъ свой матеріалъ и т. д. Здѣсь отличается, между прочимъ, весьма любопытный фактъ отсутствія преемственности, сохраняющей древнюю пѣсню изъ поколѣнія въ поколѣніе: каждое поколѣніе инородцевъ въ общемъ создаетъ себѣ свой собственный кругъ пѣсенъ, пренебрегая пѣснями стариковъ (особенно лирическими), и лишь немногія пѣсни (эпическаго характера) успѣваютъ спастись отъ общей участи и остаются въ памяти позднѣйшихъ поколѣній. Аналогичное явленіе можно отмѣтить и у нашего народа, часто сохраняющаго еще въ чистотѣ обрядовую пѣсню, тогда какъ старая лирическая пѣсня давно уже уступила мѣсто новымъ сомнительнымъ продуктамъ трактирно-фабричнаго сочинительства. За вышепомянутыми вводными главами слѣдуетъ главная часть книги, содержащая образцы книжнаго и народнаго творчества уральскихъ инородцевъ (тексты

и мелодіи, главнымъ образомъ вокальныя, рѣже инструментальныя). Сначала здѣсь приводятся немногочисленные образцы книжнаго сочинительства (стр. 53—60), а затѣмъ татарскія народныя пѣсни (джырларъ; стр. 63—108; мелодіи №№ 3—64, изъ коихъ до сихъ поръ 14 инструментальныхъ). Послѣднему отдѣлу г. Рыбаковъ предпосылаетъ общій очеркъ характерныхъ особенностей татарской пѣсни, какъ въ чисто техническомъ, такъ и въ музыкально-художественномъ отношеніяхъ. Общій выводъ автора относительно татарскихъ пѣсней, въ сравненіи съ башкирскими (которымъ отводится особый отдѣлъ), что въ нихъ меньше полета и широты фантазій, внѣшняя мелодичность не такъ богата, сама мелодія въ своемъ рисункѣ болѣе опредѣленна, но зато бѣднѣе непосредственностью. При всемъ томъ татарскія пѣсни не лишены извѣстной выразительности, проявляющейся иногда въ своеобразныхъ мелодическихъ оборотахъ (напр. мелодіи №№ 8, 18, 29, 42 и т. д.). За татарскими пѣснями слѣдуютъ башкирскія (стр. 111—194). Въ предпосланномъ общемъ очеркѣ (стр. 111—122) авторъ характеризуетъ музыкальное и поэтическое творчество башкиръ, указывая у нихъ на болѣе (сравнительно съ татарами) богатство поэтическаго содержанія (быть можетъ, въ связи съ живописностью окружающей природы) и болѣшую силу творчества (обиліе пѣсельниковъ, соединяющихъ въ одномъ лицѣ поэта и композитора), позволяющую каждому почти поколѣнію создавать свой запасъ новыхъ пѣсней и не перенимать старыхъ. Кромѣ вокальной музыки, у башкиръ имѣется и инструментальныя, главнымъ музыкальнымъ орудіемъ которой является свирѣль или дудка изъ стебля одного полевого растенія, называемая *курай*. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ инструментѣ и игрѣ на немъ авторъ уже раньше сообщилъ въ печати (см. цитиров. выше очеркъ), и въ новомъ его трудѣ мы встрѣтимъ лишь нѣкоторыя новыя дополненія къ тому, что имъ говорилось раньше. Но, вмѣсто прежнихъ шести мелодій курая, мы находимъ въ новой книгѣ г. Рыбакова почти сотню (93) такихъ мелодій. Изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній объ игрѣ на данномъ инструментѣ особенно замѣчательно обыкновеніе башкирскихъ виртуозовъ на *курай* (такъ-называемыхъ *курайсы*) сопровождать свою игру неизмѣннымъ горловымъ тономъ, представляющимъ нижнюю квинту отъ начальнаго звука мелодіи и образующимъ естественный басъ ея, своего рода органнй пунктъ или педаль. Человѣчскій голосъ при этомъ нисходитъ на степень другого инструмента, какъ бы выполняя ту роль, которую, напримѣръ, въ волынкѣ играетъ одна изъ дудокъ этого инструмента, дающая постоянный басъ для мелодіи, исполняемой на другой. Нетрудно видѣть здѣсь уже извѣстный зародышъ первобытной, хотя еще и весьма грубой, гармонизаціи. Аналогичное явленіе представляетъ другой въ высшей степени интересный и курьезный способъ музыкальнаго исполненія, довольно рѣдкій, вслѣдствіе своей трудности, это — «игра горломъ», описаніе которой даетъ авторъ (стр. 114—115, 270—272). Здѣсь тоже находимъ основной тонъ или педаль, который исполнитель тянетъ голосомъ; на фонѣ этого органнаго пункта исполняется мелодія, по увѣреніямъ башкиръ, маленькимъ язычкомъ, чему трудно вѣрится. Какъ и татарскія пѣсни, такъ и башкирскія, самими башкирами дѣлятся на два класса: протяжныя и скорыя. По сюжетамъ г. Рыбаковъ раздѣляетъ инструментальныя мелодіи на слѣдующіе пять классовъ: а) мелодіи въ честь героевъ (мелодіи № 65—101); б) мелодіи, вослѣвующія красоты природы: горы, рѣки, животныхъ (№ 102—111); в) звукоподражательныя мелодіи (подражанія кукушкѣ, голубю, перепелкѣ и т. д. № 112—118); г) мелодіи различнаго характера (№ 119—127); д) плясовыя (№ 128—147) и марши (№ 148—152); е) русскія пѣсенныя мелодіи въ передѣлкѣ башкиръ (№ 153—158). За инструментальными мелодіями (всего 93 числомъ) слѣдуютъ вокальныя (36: № 159—195). И въ тѣхъ, и въ другихъ характернымъ мелодическимъ оборотомъ является гармоническая фигурація: мелодія часто движется по интерваламъ трезвучія (ср. мелодіи №№ 68, 72, 77, 103, 138, 165, 169, 175 и т. д.), обыкновенно мажорнаго и рѣдко минорнаго *). Особенно часть этотъ пріемъ въ мелодіяхъ инструментальныхъ,

*) Огромное большинство башкирскихъ мелодій представляютъ мажорный строй и лишь немногія (№ 65, 73, 74, 117, 134, 135, 175, 172, 173, 174, 192 — всего 11 изъ общаго числа 130) построены въ минорѣ.

что отчасти объясняется натуральным строем самого инструмента (курая). Отсюда прием этот, очевидно, занесен и в вокальную музыку (ср. напр. № 189, тождественный с № 103). Этой склонностью к гармонической фигурации башкирские мелодии напоминают мелодии других горных народов — тирольцев, швейцарцев и т. д. Быть может, кроме влияния натурального строя курая, здесь сказывается и особое развитие чувства гармонии, пробуждаемого в горах обычным в горах явлением эхо, вследствие которого консонирующие интервалы вокальной или инструментальной мелодии нередко могут давать начало случайным, одновременным гармоническим созвучиям. Некоторые из башкирских мелодий имеют почти итальянские или вообще европейские облики. Таковы особенно №№ 68, 161 и 189. Гамма, на которой они построены, представляет собой обычную натуральную мажорную или минорную диатоническую гамму с пропуском некоторых интервалов (кварты и септимы — так называемая китайская гамма). Следующие отделы книги дают образцы театарских (стр. 197—207, мелодии № 196—202) и бакалинских песен (стр. 210—214, мелодии № 203—204), мало интересных в чисто-музыкальном и обще-этнографическом отношении. Конец книги посвящен характеристике самих «певцов и музыкантов среди уральских магометан» (стр. 217—297). В живых очерках, подчас ярко отражающих первобытную и свежую поэзию местной обстановки, автор проводит перед читателем вереницу инородческих артистов, композиторов и виртуозов. Эта портретная галерея типов, выхваченных прямо из жизни, изобличает в авторе большую наблюдательность, часто живое чувство художественной красоты, иногда только затемняемое некоторой литературной неопытностью, и большую свежесть и непосредственность впечатлений, подчас напоминающих те описания нашей восточно-русской природы и жизни, в которых не имел соперников С. Т. Аксаков. В нашей музыкально-этнографической литературе это совсем новый прием, который нельзя не назвать весьма удачным. Поэтому, и заключительные главы книги г. Рыбакова являются не менее ценной ее частью, чем предыдущие отделы, имеющие безусловно основное значение в данной отрасли музыкальной этнографии, как первое обширное собрание башкирских и татарских мелодий, записанных с надлежащей точностью и осмотрительностью. Только подобный сборник поможет нам разобратся и в вопросах нашей русской народной музыки, давая необходимый материал для сравнения и для определения возможных чуждых влияний на нашу древнюю песню. Таким образом косвенно и для русской музыкальной этнографии книга г. Рыбакова имеет серьезное значение. В лице ее автора, заявившего себя и раньше несколькими интересными этюдами (частью тождественного содержания), по музыкальной этнографии и археологии, наша наука несомненно приобретает весьма полезного работника, с хорошей общей и музыкальной подготовкой и искренней, глубокой любовью к избранному предмету. Остается только желать, чтобы г. Рыбаков встретил необходимую для каждого работника поддержку и поощрение со стороны наших ученых учреждений, которые бы позволили ему не оставлять избранного им себя поприща и продолжать работу в данном направлении с таким же успехом и энергией, как до сих пор. В виду его относительной молодости наука вправе ожидать от него еще многого. В конце книги находим несколько также ценных и интересных приложений: перепечатку весьма редкого астраханского издания «Азиатский Музыкальный Журнал» Ивана Добровольского, заключающего в себя первое у нас, по времени появления, собрание восточных мелодий; три тунгусских мелодии, перепечатанных из «Uebersicht der Natur Nord-und Ost-Sibiens» А. Ф. Миддендорфа (СПб. 1875, ч. II. 1500) и первый библиографический указатель литературы песен русских инородцев, не претендующий однако, по заявлению самого автора, на исчерпывающую полноту. Так, мы не находим здесь, между прочим, «8 песен азиатских и одна лезгинка, собранных и списанных с голосов и инструментов в Армянской области И. Сияльским, положенных для фортепиано А. Данилевским». («Иллюстрация», 1861 г. №№ 193, 194, 196. Две мелодии отсюда перепечатаны у М. Пятухова «Народные музыкальные инструменты Музея С.-Петербургской Консерватории», СПб. 1884), статьи Михайлова «О музыке чувашей» («Казанские Губернские Ведомости», 1852), книга: Кольберга «Piesni ludu Litewskiego»

(1879), Ульмана «Lettische Volkslieder» (Рига, 1874), Вольтера «Материалы для этнографии латышского племени Витебской губ.» 1890 г. (изъ XV кн. Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи) и др.

Кромѣ того прилагаются: таблица скоростей темпа, опредѣленныхъ авторомъ по метроному для записанныхъ имъ мелодій, и карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ его поѣздокъ. Съ внѣшней стороны изданіе производитъ очень благоприятное впечатлѣніе, какъ и всѣ наши академическія изданія.

Die Sprachgebiete in der Ländern der ungarischen Krone auf Grund der von Königl. ung. statist. Landes-Bureau veröffentlichten Ergebnisse der Volkszählung vom Jahre 1890 berechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896.

Брошюра представляетъ собой свѣдѣ статистическихъ данныхъ относительно распространѣнія языковъ въ Венгерскомъ королевствѣ, сдѣланный на основаніи послѣдней (1890 г.) народной переписи. Опредѣленіе національности жителей производилось въ этой переписи не по материнскому языку (Muttersprache), а по языку общинъ, къ которымъ они принадлежали политически. Авторъ не скрываетъ отъ себя, что ошибка, происходящая отъ смѣшенія понятій расы и языка, увеличивается еще болѣе отъ такого предположенія идеальнаго единства языка въ общинахъ, но утѣшается тѣмъ, что, съ одной стороны, различія взаимно компенсируются, а, съ другой стороны, тѣмъ фактомъ, что часто въ культурномъ отношеніи не возвышающаяся, но все-таки болѣе многочисленная національность сообщаетъ общинѣ печать своего языка.

Хотя въ «введеніи» авторъ считаетъ долгомъ подчеркнуть строгую объективность, съ которою производились опредѣленія національности общинъ, тѣмъ не менѣе, онъ любезно предупреждаетъ своихъ соотечественниковъ, что результаты переписи не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго «венгерской государственной идеѣ». «Даже тамъ, гдѣ національность живетъ компактной массой, смѣшеніе національностей другъ съ другомъ, число язычныхъ острововъ (Sprachinsel), известное различіе ихъ культуръ такъ велико, что образованіе политически самостоятельныхъ областей языковъ было бы совершенно непрактичнымъ, даже невозможнымъ дѣломъ» (Einleitung, § 2).

Отмѣтимъ еще одно любопытное наблюденіе автора. По его мнѣнію, денационализація населенія, вкрапленнаго, хотя бы и значительнымъ, островомъ въ область другого языка и народа, менѣе важна съ національной точки зрѣнія, чѣмъ денационализація маленькой политической общины на границѣ распространѣнія этого языка. Причиной этого явленія служитъ тотъ фактъ, что изъ двухъ соперничающихъ національностей только одна играетъ въ политической жизни общины руководящую роль, и потому существованіе въ послѣдней населенія съ другой національностью государство въ правѣ игнорировать.

Напротивъ, денационализація цѣлой общины обыкновенно сопровождается для господствующей въ государствѣ народности съ потерю нѣкоторой части ея политическаго вліянія. Вотъ почему, единственная община въ Венгріи, гдѣ итальянцы господствуютъ политически, гор. Рѣка (Фіуме), представляетъ итальянскую національность гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ разсыянные по странѣ итальянцы, взятые вмѣстѣ.

Въ виду той важной роли, которую играетъ вопросъ о языкахъ въ политической жизни современной Венгріи, мы приведемъ изъ книжки Лэ й п е н а нѣсколько статистическихъ данныхъ о распространѣніи языковъ по комитатамъ (століцамъ). Нижеслѣдующая таблица представляетъ лишь сокращеніе обширной таблицы г. Лэ й п е н а, показывающей распространѣніе языковъ не только по століцамъ, но и по ихъ округамъ (ди-стриктамъ).

НАЗВАНІЕ СТО- ЛИЦЫ.	Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ.									В с ѣ х њ.
	По мадьярски.	По нѣмецки.	По словацки.	По румынски.	По русски.	По хорватски.	По сербски.	По словински.	Прочихъ.	
I. Пешть-Шилит- ская	1.088.396	103.991	26.319	—	—	—	6.018	—	—	1.224.724
II. Бачъ-Бодрогск.	323.605	184.695	28.385	—	9.112	—	170.691	—	—	716.468
III. Остригомская .	64.729	7.050	6.599	—	—	—	—	—	—	78.378
IV. Новоградская .	156.153	965	57.326	—	—	—	—	—	—	214.444
V. Гонтянская . .	54.882	5.955	62.186	—	—	—	—	—	—	123.023
VI. Тековская . . .	45.630	17.197	90.083	—	—	—	—	—	—	152.910
VII. Зволенская . .	—	—	112.413	—	—	—	—	—	—	112.413
VIII. Липтовская . .	—	—	76.850	—	—	—	—	—	—	76.850
IX. Турчанская . .	—	8.386	41.593	—	—	—	—	—	—	49.979
X. Тренчанская . .	—	—	258.769	—	—	—	—	—	—	258.769
XI. Оравская	—	—	83.820	—	—	—	—	—	—	84.820
XII. Нитрянская . .	58.231	12.095	326.283	—	—	—	—	—	—	396.559
XIII. Пожунская . . .	106.876	60.165	162.211	—	—	2.118	—	—	—	331.370

О К Р У Г Ъ П О С Ю С Т О Р О Н У Д У Н А Я .

НАЗВАНИЕ СТО- ЛИЦЫ.	Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ.											
	По мадьярски.	По нѣмецки.	По словацки.	По румынски.	По русски.	По хорватски.	По сербски.	По словянски.	Прочихъ.	Всѣхъ.		
О б р а з о в а н н а я. Д у н я. С т о р о н у п о т у р о н у г ь п о т у р о н у г ь	XIV. Шопронская .	112.365	115.538	—	—	—	31.699	—	—	—	259.602	
	XV. Мошонская .	13.876	60.412	—	—	—	10.762	—	—	—	85.050	
	XVI. Желѣзная . .	195.452	26.339	—	—	—	18.649	—	49.931	—	390.371	
	XVII. Раабская . .	114.474	1.393	—	—	—	—	—	—	—	115.787	
	XVIII. Коморнянская.	140.634	8.840	10.030	—	—	—	—	—	—	159.504	
	XIX. Веспримская .	181.692	33.588	—	—	—	—	—	—	—	215.280	
	XX. Стольно - Бѣл- градская . .	190.658	25.640	2.789	—	—	—	3.368	—	—	222.455	
	XXI. Саладская . .	254.278	4.377	—	—	—	84.741	—	21.303	—	404.609	
	XXII. Шомодьская .	293.385	19.173	—	—	—	14.277	—	—	—	326.835	
	XXIII. Барапъинская.	185.274	112.512	—	—	—	20.767	3.732	—	—	322.285	
	XXIV. Тольнинская .	171.843	80.255	—	—	—	—	—	—	—	252.098	
	О б р а з о в а н н а я. О б р а з о в а н н а я.	XXV. Абауйская и Торнянская .	333.670	4.817	41.397	—	—	—	—	—	—	179.884
		XXVI. Боршодская .	212.053	—	4.391	—	350	—	—	—	—	216.794

НАЗВАНИЕ СТО- ЛИЦЫ.		Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ.									
		По мадьярски.	По нѣмецки.	По словацки.	По румынски.	По русски.	По хорватски.	По сербски.	По словински.	Прочихъ.	Всѣхъ.
ПО СЮ СТОРОНУ Т И С Я.	XXVII. Гевешская . .	233.785	—	—	—	—	—	—	—	—	233.785
	XXVIII. Гемерская . .	91.771	4.643	78.396	—	—	—	—	—	—	174.810
	XXIX. Спишская . .	273	44.564	100.524	—	17.930	—	—	—	—	163.291
	XXX. Сарийская . .	—	371	129.475	—	38.175	—	—	—	—	168.021
	XXXI. Земненская . .	139.014	2.080	123.493	—	34.610	—	—	—	—	299.197
	XXXII. Ужанская . .	38.233	—	43.712	—	53.302	—	—	—	—	135.247
	XXXIII. Бережанская .	80.143	4.261	401	—	94.650	—	—	—	—	179.455
О К Р У Г Ъ П О Т У С Т О Р О Н У Т И С Я.	XXXIV. Угочанская . .	33.274	—	—	8.839	33.348	—	—	—	—	75.461
	XXXV. Мармарошская .	31.294	9.948	—	79.565	147.474	—	—	—	—	268.281
	XXXVI. Сатмарская . .	200.269	10.585	—	111.582	1.332	—	—	—	—	323.768
	XXXVII. Сабольцкая . .	244.295	—	—	—	—	—	—	—	—	244.295
	XXXVIII. Вихарская . .	295.691	—	3.674	217.339	—	—	—	—	—	516.704
	XXXIX. Бекешская . .	183.751	—	70.869	3.766	—	—	—	—	—	258.386
	XL. Чанадская . .	100.217	—	22.302	8.056	—	—	—	—	—	130.575

НАЗВАНИЕ СТО- ЛИЦЫ.		Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ.									В с ѣ х њ.
		По мадьярски.	По немецки.	По словацки.	По румынски.	По русски.	По хорватски.	По сербски.	По словински.	Прочихъ.	
Округъ по ту сторону Тисы.	XLI. Чоградская .	261.340	—	—	—	—	—	—	—	—	261.340
	XLII. Арадская . .	80.755	25.269	—	237.573	—	—	—	—	—	343.597
	XLIII. Темешская .	11.352	193.541	—	177.497	—	—	48.490	—	Чехи Болг. 190/5.969	437.039
	XLIV. Торонтальская.	78.021	145.654	13.056	105.227	—	3.291	225.353	—	Болг. 8.248	588.750
	XLV. Красовская . .	1.898	43.264	—	339.277	—	4.050	13.075	—	Чешс. Болг. 3.586/2.485	407.635
	XLVI. Красинская .	68.995	—	2.158	120.054	—	—	—	—	—	191.167
Больные округа.	XLVII. Языгия и Вел. Кужания . . .	318.475	—	—	—	—	—	—	—	—	385.475
	XLVIII. Гайдуцкіе го- рода	190.978	—	—	—	—	—	—	—	—	190.978
Т р а н с н и л ь в а ц і я .	XLIX. Колошская . .	73.320	6.827	—	145.152	—	—	—	—	—	225.199
	L. Сожнокъ - До- бокнинская . .	40.290	2.400	174.860	—	—	—	—	—	—	217.550
	LI. Тординско - Араньошская .	41.162	—	—	109.402	—	—	—	—	—	150.564
	LII. Гушьядская . .	8.994	—	—	258.901	—	—	—	—	—	267.895
	LIII. Фогарашская .	5.681	2.552	—	79.804	—	—	—	—	—	88.217

НАЗВАНИЕ СТО- ЛИЦЫ ИЛИ ЖУПАНИИ.	Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ.									
	По мадьярски.	По нѣмецки.	По словацки.	По румынски.	По русски.	По хорватски.	По сербски.	По словински.	Прочихъ.	Всѣхъ
IV. Быстрицъ-На- шодская. . .	2.839	30.684	—	71.214	—	—	—	—	—	104.437
V. Марошъ-Торд- ская. . .	109.427	9.421	—	59.012	—	—	—	—	—	177.860
VI. Удваргельская.	105.715	3.035	—	1.382	—	—	—	—	—	110.132
VII. Чикская. . .	99.477	—	—	14.633	—	—	—	—	—	114.110
VIII. Гаромеъцкая.	115.483	—	—	14.525	—	—	—	—	—	130.008
IX. Сибинская. . .	—	55.201	—	93.537	—	—	—	—	—	148.738
X. Брашовская	49.594	24.142	—	13.041	—	—	—	—	—	86.777
XI. Н.-Бѣлград- ская	25.856	3.792	—	163.424	—	—	—	—	—	193.072
XII. В. Кокельбург- ская. . . .	10.651	90.912	—	33.749	—	—	—	—	—	135.312
XIII. М. Кокельбург- ская. . . .	30.169	19.571	—	51.305	—	—	—	—	—	101.045
Гор. Рѣка. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	Итальян. 29.464	29.464
I. Бѣловарско-Кри- жевецкая Жупанія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	266.210
II. Лика-Крбавская.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190.978

К О Р О Л Е В С Т В А Б О Н И Х О Р Я . В А Т И Я

НАЗВАНИЕ СТО- ЛИЦЫ ИЛИ ЖУПАНИИ.	Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ .									
	По мадьярскн.	По вѣнцкн.	По словацкн.	По румынскн.	По русскн.	По хорватскн	По сербскн.	По словинскн.	Прочихъ.	Всѣхъ.
III. Модрушъ-Рѣка. или Рѣцкая . .	КО	РО	ЛЕ И	ВС С	ТВ ЛА	А ВО	Х НИ	ОР Я	ВА	ТІЯ
—	—	—	—	—	—	220.629	—	—	—	220.629
IV. Пожегинская .	4.059	3.398	—	—	—	192.397	—	—	—	202.836
V. Сръбская . .	5.195	41.611	5.838	—	—	294.418	—	—	—	347.022
VI. Вараждинская.	—	—	—	—	—	258.066	—	—	—	258.066
VII. Вировитицкая.	—	24.849	—	—	—	191.568	—	—	—	216.417
VIII. Загребская. . .	—	—	—	—	—	484.252	—	—	—	484.252

О В Щ И Е И Т О Г И .

Ч И С Л О Г О В О Р Я Щ И Х Ъ .											
	По мадьярск.	По вѣмедкн.	По словацкн.	По румынск.	По русск.	По хорватск.	По сербскн.	По словин.	По чешск.	Прочихъ.	Всѣхъ.
I.	К О Р О Л Е В С Т В О В Е Н Г Р І Я .										
	7.541.323	1.726.020	1.980.454	2.692.716	430.283	190.354	480.627	71.234	3.776	Болгар. 16.702	15.133.494
II.	Г О Р О Д Ъ Ф І У М Е С Ъ О Б Л А С Т І Ю										
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Итальян. 29.494	29.494
III.	К О Р О Л Е В С Т В А Х О Р В А Т І Я и С Л А В О Н І Я .										
	9.214	69.858	5.838	—	2	098.518	—	—	2.982	—	2.186.410
	В С Ъ З Е М Л И К О Р О Н Ы С В . С Т Е Ф А Н А .										
	7.550.542	1.795.878	1.986.292	2.692.716	430.283	2.769	499	71.234	6.758	Болгар. 16.702 Итальян. 29.494	17.349.398

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

М. Г.

Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ изслѣдователи наименѣе удѣляли вниманіе народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра маріонетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являются работы: г. Алферова («Петрушка и его предки») и моя («Кукольный театръ на Руси». Историческій очеркъ). Предпринимая работу по изслѣдованію развитія кукольнаго народнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и другихъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, покорнѣйше прошу Васъ, м. г. не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ вы живете постоянно или временно, кукольный театръ: а) *религіозный* (вертепъ, бетлейка, шопка) или б) *святскій* («Петрушка или что-нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность прошу обозначать точно).

II. Каково отношеніе: а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ—полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія-либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ сообщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольного театра: сцены и куколъ? (Если возможно—прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? *Прошу записать текстъ представляемой куклами пьесы*; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой орфографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ:—однѣ удобныя для смѣшанной публики, другія неудобныя,—то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало или когда заподозрять присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ вашей мѣстности панорама (раекъ?) Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ? Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ? Гдѣ послѣднія приобрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раешники?

Отвѣты прошу адресовать.

С.-Петербургъ. Екатерингофскій проспектъ, д. 59, кв. 33, привать-доценту Императорскаго С.-Петербургскаго Университета *Владимиру Николаевичу Перетцу.*

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ е ъ.

О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для современной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова.

Принимая въ соображеніе роль, которую играетъ языкъ при классификаціи различныхъ племенъ въ болѣе крупныя единицы—народы, я позволяю себѣ обратить вниманіе на весьма мало, къ сожалѣнію, изслѣдованное южно-славянское нарѣчіе, какъ пограничное между Болгарскимъ и Сербскимъ языкомъ, и очень важное, какъ для современной, такъ и исторической этнографіи Балканскаго полуострова. Разумѣю нарѣчіе моравское или (по Караджичу) ресавское, на которомъ говорятъ больше двухъ третей всего славянскаго населенія Сербіи.

Моравское нарѣчіе, охватывая всю южную, восточную и центральную Сербію до р. Колубары и лѣвыхъ притоковъ Ибра, и стоя ближе всего къ шопскому и скопскому говорамъ, показываетъ съ одной стороны народность современныхъ намъ моравскихъ славянъ, съ другой же, своею распространенностью, родствомъ съ упомянутыми говорами и совпаденіемъ границъ его и этихъ говоровъ съ границами средневѣковаго, по-видимому, сербскаго государства, обличаетъ народность славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ этого государства.

Отношенія сербскихъ филологовъ къ этому нарѣчію, выражаются въ постоянной глухой борьбѣ противъ него, имѣющей цѣлью какъ бы стереть его съ лица земли. Не только нѣтъ ни одного изслѣдованія на сербскомъ языкѣ объ этомъ нарѣчіи, но даже не существуетъ ни одного написаннаго документа на немъ. Публикованныя двѣ или три народныя пѣсни изъ Пожаревацкаго округа въ изданіяхъ «Братство» сербскаго патріотическаго «Общества Св. Саввы», отнюдь не могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для филолога, по причинѣ преднамѣренной ихъ порчи. Сопровождающія ихъ примѣчанія намекаютъ нѣсколько на непонятность этого нарѣчія для настоящихъ сербовъ. Духъ поэзіи этихъ стихотвореній интересенъ своею связью съ духомъ самаго Моравскаго нарѣчія. О нѣкоторыхъ особенностяхъ этого нарѣчія говоритъ Каричъ въ своемъ сочиненіи «Србија». Однако и онъ не могъ безпристрастно говорить о немъ. Его сообщенія страдаютъ неполнотою и невѣрностью.

Пятилѣтнее образованіе въ Сербіи дало мнѣ счастливую возможность познакомиться какъ съ глухою борьбою противъ этого нарѣчія, такъ и съ самимъ нарѣчіемъ. Съ объемомъ распространенности моравскаго нарѣчія я познакомился во время разныхъ поѣздокъ по Сербіи. Лѣтомъ 1891 года я участвовалъ въ экскурсіи по Сербіи, устроенной «Обществомъ Св. Саввы», при чемъ посетилъ Смедерево, Ягодину, Чупрію, Парачинъ, Крушевацъ, Трстеникъ, Враню, Ппротъ. Повсюду, не только мнѣ, но и всѣмъ участвовавшимъ въ этой экскурсіи, бросался въ глаза испорченный «сербскій» языкъ. Въ 1893 г. я ѣздилъ на родину и обратно и въ 1895 г. въ Одессу и обратно, причемъ изъ разговора съ торгующими на станціяхъ поселянами можно было познакомиться съ народнымъ говоромъ посѣщенныхъ мѣстностей. Затѣмъ, послѣ того, какъ прожилъ академическій 1891—92 годъ въ Шабицѣ, гдѣ окончилъ IV классъ гимназіи и гдѣ могъ практически познакомиться съ настоящимъ сербскимъ языкомъ, я еще три года учился въ Бѣлградской учительской школѣ, среди молодыхъ славянъ изъ самыхъ разныхъ уголковъ Сербіи. Наблюдая за разговорнымъ языкомъ своихъ училищныхъ товарищей и учениковъ сосѣдней съ Учительской школой Бѣлградской Духовной

Семинаріи, въ особенности послѣ ихъ возвращенія въ Бѣлградъ по долговременномъ пребываніи на родинѣ и заводя съ ними рѣчь о языкѣ въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Сербіи, я принель къ вышеупомянутому взгляду на распространенность Моравскаго нарѣчія, т. е., что оно на западѣ доходитъ до р. Колубары и лѣвыхъ притоковъ Ибра. Въ 1894 г. я случайно познакомился съ однимъ мальчикомъ изъ Подунайскаго округа, Паланакскаго уѣзда, села Предвѣрице или Прѣдворце, прѣѣхавшимъ въ Бѣлградъ для поступленія въ одну изъ гимназій. Его слишкомъ неправильный, т. е. несогласный съ требованіями правилъ Сербскаго языка говоръ побудилъ меня отправиться въ деревню этого мальчика къ его двоюродному брату, моему товарищу по школѣ, Адаму Ристичу, теперь учителю въ мѣстной (Предвѣрицкой) основной школѣ. Въ продолженіе двухнедѣльнаго пребыванія въ гостяхъ у моего товарища я вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ еще нѣсколько деревень, лежащихъ на западѣ отъ Предвѣрице. Здѣсь я увидѣлъ, что большинство моихъ товарищей на своей родинѣ отступаютъ въ разговорной рѣчи отъ законовъ грамматики сербо-хорватскаго языка и сообразуются съ законами своего мѣстнаго—моравскаго нарѣчія. Кромѣ того, гости у своего товарища (проводя большую часть времени въ сельской механѣ (трактирѣ), содержимой его отцомъ, съ карандашомъ въ рукѣ и бумагой передъ собой), я могъ записать много особенностей мѣстнаго говора, которыя точь-въ-точь совпадали съ предшествовавшими и послѣдовавшими наблюденіями. Послѣ этого случая, который произошелъ лѣтомъ передъ окончаніемъ каникулъ, я имѣлъ еще цѣлый годъ въ распоряженіи для наблюденія надъ моравскимъ нарѣчіемъ. Возвращавшіеся съ родины товарищи давали мнѣ достаточно матеріала для сравненія языка разныхъ мѣстностей Сербіи съ записанными наблюденіями. Съ цѣлю познакомиться съ говоромъ ближайшихъ деревень къ Бѣлграду, я часто заводилъ на бѣлградскомъ рынкѣ разговоръ съ прѣѣзжающими крестьянами торговцами. Также часто посѣщалъ тѣ мѣста въ Бѣлградѣ, куда стекались купцы съ разныхъ концовъ Сербіи, торгующіе съ Австро-Венгріей скотомъ. Знакомясь съ ихъ рѣчью, я также разузнавалъ и ихъ мѣсто постоянного жительства. Результатомъ было вышеприведенное убѣжденіе о единообразіи и широкой распространенности моравскаго нарѣчія.

Въ Моравскомъ нарѣчій встрѣчаются слѣдующія особенности:

- 1) Вмѣсто ст.-славянскаго носоваго звука слышнень звукъ *y*: рука, мука, путь.
- 2) Гласнаго *а* не существуетъ и вмѣсто него имѣется *y*: вук, јабука, вуа.
3. Ст.-Славянскіе глухіе звуки *з* и *ь* замѣняются звукомъ *а*, который на мѣстахъ безъ ударенія произносится средне между *а* и *э* н. п. Пажаревацъ и пожаревыи.
- 4) Вмѣсто ст.-славянскаго *шт* и *жд*—*ш* и *ж*, которыя произноситъ люди старше тридцатилѣтняго возраста мягче, приблизительно какъ смягченное *к* и *г*—*къ* и *гь*.

5) Удареніе въ моравскомъ нарѣчій можетъ быть на всѣхъ слогахъ въ словѣ. Его назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы показать, надъ какимъ слогомъ въ словѣ должно быть повышеніе голоса. Оно бываетъ на послѣднемъ слогѣ, напр., слатко (варенье) въ отличіе отъ слатко (сладкое, пріятное), данас, іучер, Адамъ и т. д. Аористъ всегда требуетъ въ единственномъ числѣ удареніе на послѣднемъ, а въ множественномъ—на предпослѣднемъ слогѣ н. п.—*ја* видѣ (*х*), ти видѣ, онъ видѣ, ми видѣмо, ви видѣте, они видѣше. Трехсложныя слова вообще и женскаго рода на *а* въ особенности требуютъ ударенія на второмъ слогѣ съ конца, н. п., Вождар, Бедград, Владимир, Владислав, Милосав, Голубац, Немани, нуприја, Паланка, Лесковац, јабука и т. д. Въ многосложныхъ словахъ удареніе рѣдко переходитъ дальше третьяго слога съ конца, н. п.—Смедѣрево, Крагуевац, Пожаревацъ и т. д. Звательный падежъ многосложныхъ существительныхъ мужскаго рода требуетъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, н. п.: господіне, домаѣине и т. д.

6) Въ моравскомъ нарѣчій долготы и краткости слоговъ не существуетъ. Вслѣдствіе этого и назначенія ударенія въ моравскомъ нарѣчій вмѣсто четырехъ имѣется одно удареніе. По ударенію и долготѣ и краткости слоговъ падежи съ одинаковыми окончаніями не различаются, какъ это бываетъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Вмѣсто *вѣдѣ* родительный множественнаго въ моравскомъ нарѣчій будетъ *вѣде*, т. е. тотъ же именительный множественнаго, который нельзя смѣшивать съ родительнымъ единственнаго, котораго въ этомъ нарѣчій вовсе нѣтъ, а есть только форма, замѣняющая родительный и прочіе, кромѣ именительнаго и звательнаго падежей, винительнаго падежа на *y* н. п. воду.

7) Въ моравскомъ нарѣчїи отсутствуютъ склоненія и сохранены одни ихъ остатки. Совершенно отсутствуютъ творительный и предложный падежи единственнаго и множественнаго чисель, н. п., он иде с мене; ја љу идем с нега; он прича за мога отца; ја сам био с мога отца у Београд; он се баца с камѣне; он говори за наше волдѣе; у Предвѣрице има богате куѣе (вмѣсто, у Придвѣрицама има богатих куѣа); он је отишао с волдѣе (или с рату) у Аустрију. Также совѣзмъ исчезла форма родительнаго падежа множественнаго числа, н. п.: он има много орасе; во има розе; он је из Предвѣрице (вмѣсто из Придвѣрица); ја љу поѣем данас из Предвѣрице. Не имѣя формы родительнаго множественнаго, моравское нарѣчїе не вставляетъ гласную *a* между конечными согласными основъ существительныхъ, оканчивающихся на двѣ согласныя, н. п., лакте вм. лаката.—Родительный падежъ единственнаго числа у именнаго склоненія отсутствуетъ, н. п., из Београд, из Смедерево, изъ село, изъ варош, изъ Јагодину, от дете и т. д.—Дательный падежъ единственнаго и множественнаго числа чаще всего выражается именительнымъ или родительнымъ съ предлогомъ, но при этомъ всегда предшествуетъ мѣстоимѣніе указательное или притяжательное, н. п., па овај човек, на неговог брата и т. д. Это сопровожденіе существительнаго мѣстоимѣніемъ, по моему мнѣнію, есть не что иное, какъ членъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Звательный падежъ существительныхъ мужескаго рода съ мягкими окончаніями имѣетъ окончаніе *e*, н. п., ораче, копаче, мише, коне, господаре, Чедомиле и т. д.—Двойственное число словъ, означающихъ два однородныхъ предмета, сохраненное въ сербо-хорватскомъ языкѣ, здѣсь утеряно. Вмѣсто: очіју, ушију, ногу, руку здѣсь употребляется общая форма для всѣхъ падежей множественнаго числа: очи, уши, ноге, руке.—Существительныя женскаго рода на *a*, кромѣ именительнаго и звательнаго падежей единственнаго числа и общей формы для всѣхъ падежей множественнаго числа на *e* имѣютъ и форму винительнаго падежа единственнаго числа на *y*, которая замѣняетъ прочіе утерянныя падежи единственнаго числа, н. п.: он ље путује с мене од Јагодину до љуприју; он је из Паланку; од Предвѣрице до Паланку или од Паланку до Предвѣрице има около два сата пут; ја сам био у љуприју; сутра љу доѣем с мајку; она се с велику тестију на рамо враѣа. Существительныя женскаго рода съ основою на *и* (*ь*) вовсе не склоняются, н. п.: он иде у варош; био сам у варош; враѣам се из варош. Слова *кѣи* и *мати* въ Моравскомъ нарѣчїи не встрѣчаются; вмѣсто нихъ употребляются слова: мајка и ћерка.—Существительныя средняго рода съ основою на *n, s, t*, не склоняются, н. п.: код теле, с дете и т. д.

Относительно склоненія прилагательныхъ имепъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: 1) что у нихъ отсутствуютъ всѣ тѣ формы, которыя утеряны у существительныхъ, и 2) что прилагательныя женскаго рода на *a*, подобно существительныхъ того-же рода и собирательныхъ именъ на *a* имѣютъ, кромѣ формъ именительнаго и одинаковаго съ нимъ у прилагательныхъ звательнаго падежа единственнаго числа и общей формы для всѣхъ падежей множественнаго числа—еще и форму винительнаго падежа, замѣняющую прочіе падежи единственнаго числа, н. п.: из зелеу башту; ја видех га у белу чаршїју, од моју мајку; с своју руку; у Велику Школу има около 2.000 љаци.

Единственно у личныхъ мѣстоименій сохранились въ цѣлости четыре падежа единственнаго и множественнаго числа. Какъ въ прочихъ, т. н., болгарскихъ нарѣчїяхъ, такъ и здѣсь нѣтъ творительнаго и мѣстнаго падежей обоихъ чисель, н. п.: с мене или с мен, с тебе или с теб, с нега или с нег, с нас. с вас, с них; за мене, за тебе и т. д. Сокращенныя формы предпочитаются передъ полными. Часто слышны сокращенныя формы возвратнаго мѣстоименія.

8) Въ моравскомъ нарѣчїи отсутствуетъ неопредѣленное наклоненіе, которое замѣняется настоящимъ временемъ съ частицей *да*, н. п.: можеш да видиш, вм. можеш видети; немој да гледаш вм. немој гледати.

9) Будущее время образуется съ помощію сокращенной формы третьяго лица единственнаго числа настоящаго времени вспомогательнаго глагола хотѣтъ—*ље* и настоящаго времени спрягаемаго глагола. Для образованія перваго лица единственнаго числа будущаго времени иногда, и то въ болѣе западныхъ предѣлахъ Сербїи моравскаго нарѣчїа, употребляется сокращенная форма перваго лица единственнаго числа настоящаго времени

глагола хотѣть—*ћу* съ первымъ лицомъ ед. ч. спрягаемаго глагола. Въ будущемъ времени лицо и число указывается главнымъ глаголомъ, н. п.: *ја ћу идем* или *ја ће идем*, *ти ће идеш*, *он ће иде*, *ми ће идемо*, *ви ће идете*, *они ће иду*; *ћу видим*, *ћу чујем*, *ће певаш*, *ће чујемо*, *он ће се чуди* (*чудиће се*) и т. д. Образование будущаго времени съ помощію полной формы всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ настоящаго времени вспомогательнаго глагола и частицею *да* съ настоящимъ временемъ главнаго глагола—есть искусственное нововведеніе современныхъ сербскихъ филологовъ для болѣе успѣшнаго истребленія «бугаризма у Српскомъ језику», н. п., *ја хоћу да дођем*, *ти хоћеш да дођеш*, *он хоће да дође* и т. д.

10) Вопросительныя предложения съ сказуемымъ въ прошедшемъ времени образуются аористомъ, а не перфектомъ, н. п., *видѣ ли га?* вм. *јеси ли га видео?* *чу ли га?* Надо замѣтить, что въ моравскомъ нарѣчіи аористъ имѣеть преимущество передъ прочими прошедшими временами въ противоположность сербо-хорватскому языку, въ которомъ преимущественнымъ положеніемъ между прошедшими временами пользуется перфектъ.

Послѣ перечисленія этихъ особенностей моравскаго говора, которыя далеко еще не исчерпываютъ собою имѣющіяся для наблюденія матеріалъ, я упомяну еще объ одномъ антропологическомъ признакѣ, который относить моравскихъ славянъ къ восточнымъ южно-славянамъ или къ южно-славянамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это образъ мимическаго выраженія подтвержденія и отрицанія посредствомъ качанія головы. Въ предѣлахъ Сербіи одобреніе и порицаніе выражается двумя противоположными способами. Моравскіе славяне выражаютъ одобреніе качаніемъ головы съ правой стороны на лѣвую и обратно, т. е., тѣмъ способомъ, которымъ въ западной Сербіи, какъ и въ прочихъ сербо-хорватскихъ странахъ выражается отрицаніе. Самое же отрицаніе въ Сербіи моравскаго нарѣчія выражается качаніемъ головы снизу вверхъ, на подобіе сербо-хорватскаго выраженія подтвержденія, которое состоитъ изъ качанія головы сверху внизъ. Этотъ признакъ вмѣстѣ съ предпочтеніемъ въ моравскомъ нарѣчіи группы *ст* вмѣсто *шт*, н. п., *стап* вм. *штап*, *остар* вм. *оштар*—заставляютъ насъ предполагать что моравскіе славяне болѣе близки къ такъ-называемымъ болгарамъ, нежели къ сербо-хорватамъ. Судя по этимъ признакамъ, можно думать, что Моравскіе вмѣстѣ съ такъ-называемыми болгарскими славянами, до своего переселенія на Балканскій полуостровъ, занимали другія земли, чѣмъ сербо-хорваты: они должны были находиться дальше отъ нѣмцевъ, вслѣдствіе чего у нихъ замѣтно менѣе нѣмецкаго вліянія, чѣмъ у сербо-хорватовъ. Образъ мимическаго выраженія подтвержденія и отрицанія и предпочтеніе группы *шт* передъ *ст* у сербо-хорватовъ, я думаю, возникли вслѣдствіе нѣмецкаго вліянія, еще во время пребыванія сербо-хорватовъ въ ихъ старомъ отечествѣ.

На основаніи вышеприведенныхъ особенностей моравскаго нарѣчія, его большей близости къ такъ-называемому болгарскому языку, чѣмъ къ сербо-хорватскому, его распространенности до самыхъ западныхъ станицъ средневѣковаго Сербскаго государства, отсутствія прямыхъ указаній на существованіе сербовъ въ предѣлахъ Сербіи моравскаго нарѣчія до основанія государства Неманичей, и на имѣніи, наконецъ, прямыхъ и косвенныхъ указаній объ отсутствіи сербскихъ племенъ въ этой странѣ, я прихожу къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что современные славяне Сербіи моравскаго нарѣчія болѣе близки къ такъ-называемымъ болгарскимъ славянамъ, чѣмъ къ сербо-хорватамъ, 2) что предки моравскихъ славянъ были болѣе близки къ тѣмъ славянамъ, изъ коихъ впоследствии образовался такъ-называемый Болгарскій народъ; 3) что средневѣковое славянское государство, основанное Неманей, и расширенное его преемниками и называемое сербскимъ, состояло изъ племенъ болѣе близкихъ къ тѣмъ Славянамъ, изъ которыхъ было образовано такъ называемое Болгарское государство, чѣмъ къ племенамъ сербо-хорватскимъ, что въ Сербскомъ государствѣ сербской была только одна его династія Неманиче.

Можно надѣяться, что болѣе близкое знакомство съ моравскимъ нарѣчіемъ и его сравнительное изученіе съ македонскимъ и шонскимъ нарѣчіями приведуть къ самымъ вѣрнымъ понятіямъ о современной и исторической этнографіи славянскаго міра ¹⁾.

Мисирковъ.

¹⁾ Печатаемъ этотъ опытъ молодаго наблюдателя, дабы вызвать болѣе тщательныя изслѣдованія восточно-сербскихъ говоровъ. Имъ естественно сближаться съ западными болгарскими (въ Болгаріи) и съ сѣверными въ сѣв. Македоніи. *Ред.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(седьмой годъ изданія).

Въ 1898 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати и болѣе листовъ, по прежней программѣ.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться переводы святоотеческихъ твореній, изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, обзорѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, критика и библиографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ продолжаться печатаніемъ автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго (періодъ его общественной и служебной дѣятельности по окончаніи академическаго курса) и протоколы засѣданія Совѣта Академіи.

За минувшіе годы въ Богословскомъ Вѣстникѣ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: В. Кудрявцева-Платова. Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра. Е. Голубинскаго. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Архим. Антонія. Два пути пастырства—латинскій и православный. А. Лебедева. Греко-восточная церковь подъ владычествомъ турокъ послѣ паденія Византійской имперіи. Гр. М. Толстаго. Воспоминанія о жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. В. Ключевскаго. Добрые люди въ древней Руси. Н. Каптерева. Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Г. Воскресенскаго. Изъ церковной жизни православныхъ славянъ. В. Соколова. Іерархія англиканской епископальной церкви. В. Кипарисова. О церковной дисциплинѣ. И. Корсунскаго. Изъ церковной жизни православнаго Востока. Ген. А. Кирѣева. Третьй международный конгрессъ старокатоликовъ. А. Бѣляева. Когда наступитъ царствованіе антихриста? Н. Заозерскаго. Что такое раскольничій бракъ? А. Шостгына. Личность въ іезуитизмѣ. Арх. Григорія. Объ эгоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ. А. Голубцева. Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ. К. Попова. Чинъ священнаго коронованія. А. Введенскаго. Западная дѣятельность и русскіе идеалы (письма изъ за границы). В. Апфельготъ. Древне-греческая религиозная скульптура. С. Глаголева. Конецъ земли. В. Мышцына. Нуженъ-ли памь греческій переводъ Библии при существованіи Еврейскаго подлинника? И. Попова. Критика ученія Канта объ основахъ нравственности. А. Мартынова. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Прот. Г. Смирнова-Платонова. Новое произведеніе гр. Л. Н. Толстаго. И. Громогласова. О сущности и причинахъ русскаго раскола такъ называемаго старообрядства. П. Тихомирова. Къ вопросу о политическихъ, національныхъ и религиозныхъ задачахъ Россіи. Е. Долганева. Современная Абиссинія. Н. Гореленскаго. Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія. С. Смирнова. Значеніе печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества. Архим. Сергія. На дальнемъ востокѣ. (Письма миссіонера.) А. Папкова. Древне-русскій приходъ. Н. Писаревскаго. Полтора года въ Берлинѣ. Булла папы Льва XIII объ англиканскихъ рукоположеніяхъ и отвѣтъ на нее архіепископовъ Англій и мн. др.—Переводились: слова Св. Астерія Амасійскаго; толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на малыхъ пророковъ и толкованія Св. Апостола Павла и на Четвероевангеліе. Въ приложеніяхъ были, между прочимъ, напечатаны: Духовное завѣщаніе Св. Митрофана, Еп. Воронежскаго, изслѣдованіе іер. Григорія „Третье великое благовѣстническое гутешествіе Св. Ап. Павла“ и курсы Прот. проф. Добротворскаго „Основное Богословіе“ и „Догматическое Богословіе“.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ за годъ: безъ пересылк. шесть рублей, съ пересылкою семь рублей, за границу восемь рублей.

Продолжается подписка на текущій 1898 годъ. Адресъ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, редакція Богословскаго Вѣстника.

ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ВЕПОМОЩЕСТВОВАНІЯ

НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ условіями далекаго края — вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны приемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

Продолжается подписка на 1898 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

«ДЪЯТЕЛЬ»

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ф. Будде, А. Ф. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ф. Дормидовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капустинъ, Н. Ф. Катановъ, Ф. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустцкій, И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенск, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Ислентьевъ, М. В. Казанскій, М. Д. Закревскія, М. А. Готвальдъ и В. А. Никитская.

Программа журнала слѣдующая:

1) Правительственныя распоряженія.	6) Изъ жизни и печати.
2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержания.	7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений.
3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержания.	8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.
4) Письма изъ провинціи.	9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею.
5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.	10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.
	11) Критика и библиографія.
	12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля.

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Черезъ редакцію журнала «ДЪЯТЕЛЬ» можно приобрѣтать слѣдующія книги:

Дѣятель журналъ за 1896 годъ безъ перваго №—2 руб.

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова р. 40 р.
Отчего гибнутъ люди. За сотню 1 р. — >
Всемирно должно удалаться отъ пьянства. Тихона Задонскаго. За сотню 1 > — >
Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню 1 > 50 >
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню. 1 > — >
Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню 2 > — >
Въ защиту вина — > 20 >
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля. (Одобрен. ученымъ комит.) . — > 40 >

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служить до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ будетъ издавать въ 1898 году «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе» по слѣдующей программѣ.

Въ «ЦЕРКОВНОМЪ ВѢСТНИКѢ» печатаются:

1) **Передовыя статьи**, имѣющія своимъ содержаниемъ обсужденіе богословскихъ и церковно истор. вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени;

2) **Статьи церковно-общественнаго характера**, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редація даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ церковно-общественной жизни;

3) **Мнѣнія и отзывы**—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати;

4) **«Въ области церковно-приходской практики»**—отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики;

5) **Корреспонденціи** изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни;

6) **Обозрѣнія книгъ и духовныхъ (а равно и свѣтскихъ) журналовъ.**

7) **Постановленія и распоряженія правительства;**

8) **Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара;**

9) **Разныя извѣстія и замѣтки**, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ» входятъ самостоятельныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы.

Примѣчаніе. Въ удовлетвореніе желаній многихъ подписчиковъ, «Христіанское чтеніе» съ настоящаго 1897 года выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 печат. листовъ, что даетъ возможность правильно слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ области богословской науки и церковно-общественной жизни. Такое расширение журнала, конечно, требуетъ удвоенныхъ усилій со стороны редакціи и крайняго напряженія ея матеріальныхъ средствъ. Не смотря на это, цѣна на журналъ, выписываемый отдѣльно, остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и

только тѣ подписчики, которые выписываютъ его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ», за дополнительныя шесть книжекъ приплачиваютъ одинъ рубль, т. е. вмѣсто двухъ рублей платятъ три рубля. Редація приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы интересомъ и разнообразіемъ статей съ избыткомъ покрывался этотъ неизбѣжный, хотя и незначительный расходъ.

Кромѣ того, съ 1895 года редація приступила къ изданію «ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на **ОБА ЖУРНАЛА** получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1.000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библиотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1898 г. будетъ изданъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ бесѣды св. Іоанна Златоуста на книгу Бытія.

Новые подписчики, желающіе получить и **ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА**, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ—Годовая цѣна въ Россіи:

а) *Отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп.; въ *изящномъ переплетѣ* 7 руб. за «Христіанское чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп., въ *изящномъ переплетѣ* 7 руб.

б) *За оба журнала* 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» 9 (девять) руб., въ *изящномъ переплетѣ* 9 руб. 50 коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 10 (десять) р. съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—12 р. 50 к.; за каждый *отдѣльно* 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «Твореній св. Іоанна Златоуста»—9 (девять) руб.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіе въ С.-Петеобуртѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 151. кв. 7), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

„МАЛО СЛОВЪ, НО МНОГО МЫСЛИ“—деви́зъ изда́нiя.

Роскошное изданiе
съ дост. и перес.

Открыта подписка

Дешевое изданiе
безъ доставки

10 руб. за годъ

на **1898** г.

за годъ **5** руб.

на

„Журналъ Журналовъ

и

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

Новое иллюстрированное ежемѣсячное изданiе **безъ предварительной цензуры**, составленное отчасти по образцу иностранныхъ Review of Reviews (англійскаго и американскаго), Revue des Revues и друг.

Кромѣ оригинальныхъ статей, написанныхъ спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранными, журналъ помѣщаетъ извлеченiя или экстракты изъ статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати.

Въ программу журнала входятъ: науки естественныя, медицинскія, физико-математическія, исторiя и общественныя науки, философія, метафизика и психологія, искусства и критика, обзорѣніе журналовъ, смѣсь и проч.

Отдѣлъ наукъ естественныхъ и медицинскихъ будетъ выходить при ближайшемъ сотрудничествѣ и подѣ наблюденiемъ Академика Князя **И. Р. ТАРХАНОВА**.

Отдѣлъ исторiи и общественныхъ наукъ—при сотрудничествѣ и подѣ наблюденiемъ **В. Ф. ГОЛОВАЧОВА**.

Подписная цѣна:

на роскошное изданiе за годъ съ доставкою и пересылкою	10	руб.
» дешевое » » » » » » » » » » » » » » »	6	»
» » » » » » безъ доставки	5	»

(Разсрочка на дешевое изданiе съ пересылкою и доставкою допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 рубля въ теченiе 3-хъ мѣсяцевъ).

*Издатель-редакторъ **И. П. Кондыревъ.***

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ

въ С.-Петербургѣ, Гороховая 13, (уг. В. Морской).

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

первый номеръ котораго появится въ теченіе 1898 года, подъ редакціей Д-ра Л. Нидерле.

Со времени Шафарика изученіе славянскихъ древностей значительно подвинулось впередъ, но, несмотря на это, мы до сихъ поръ не имѣемъ изданія, посвященнаго этому отдѣлу славяновѣдѣнія. Въ виду этого, мы задумали «ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ», въ которомъ предполагаемъ давать обзоры всѣхъ работъ по славянской этнографіи, археологіи, языковѣдѣнію и исторіи, поскольку эти работы разъясняютъ первобытную исторію Славянъ.

Вначалѣ «ВѢСТНИКЪ» будетъ заключать обзоры только главнѣйшихъ работъ, а также библиографію. «ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться подъ чешскимъ заглавіемъ «Věstník Slovanských Starozitostí» причемъ оглавленіе его будетъ печататься по-французски. Въ Вѣстникѣ будутъ помѣщаются статьи на главнѣйшихъ европейскихъ, а также на всѣхъ славянскихъ языкахъ, такъ какъ предполагается, что всякому занимающемуся древностями Славянъ знакомы всѣ славянскіе языки.

«ВѢСТНИКЪ» будетъ появляться двумя книжками въ годъ, которыя составятъ томъ отъ 64 до 90 листовъ въ форматѣ 12°.

Такъ какъ изданіе предпринимается на мой счетъ, то я прошу всѣхъ интересующихся славянскими древностями помочь мнѣ своими научными трудами. Въ особенности прошу не отказать мнѣ въ высылкѣ оттисковъ своихъ работъ, отдѣльныхъ брошюръ, а также обзоровъ дѣятельности музеевъ и учебныхъ обществъ.

Др. Л. Нидерле.

Прага. Фигнерово помѣстье 1806/п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 гульдена для Австріи, 3 м. 50 пф. для Германіи 5 гульд. или 2 рубля для всѣхъ странъ, принадлежащихъ къ почтовому союзу.

ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

Кіевскаго Отдѣленія Император. Русскаго Техническ. Общества
ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа «ЗАПИСОКЪ»: протоколы общихъ собраній засѣданій Отдѣленія, Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣленіемъ комиссій, правительственныхъ распоряженій, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности, обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ «ЗАПИСКАХЪ» будутъ печататься статистическія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемые по отчетамъ обязательно доставляемымъ въ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ.

«ЗАПИСКИ» выходятъ два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.

Подписная цѣна «ЗАПИСОКЪ» для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи 10 рублей въ годъ, а для гг. членовъ Отдѣленія—5 руб.

Подписка приписывается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Кіевъ, Крещатикъ, домъ Оглоблина, № 60).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученія изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорѣнныя преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

Симъ извѣщаю Г-е, получившихъ Проспектъ II-го тома «Великокняжеской и Царской охоты на Руси», что выходъ его въ свѣтъ замедлится до осени 1898 года, по причинѣ распоряженія помѣститъ въ этомъ II-мъ томѣ особый видъ города Москвы XVII-го вѣка—заказанный двумъ художникамъ на конкурсъ.

Первый томъ «Великокняжеской и Царской охоты на Руси» съ 197 рисунками и 8 хромофотографіями въ нѣсколько красокъ—продается въ г. Гатчинѣ у издателя Полковника Н. И. Кутепова и въ магазинахъ г. Петербурга: Нового Времени, Невскій, 38 и у Фельтена, Невскій, 20.

Николай Кутеповъ.

26 Феврала 1898 года.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ . С.
К. Булчи 470—473
2. Die Sprachgebiete in der Ländern der ungarischen Krone
auf Grund der von Königl. ung. statist. Landes-Bureau
veröffentlichten Ergebnisse der Volkszählung vom Jahre
1890 berechnet von Eduard Leipen. Wien. 1896 . . 473—479

ОТДѢЛЪ IV.

- Вопросы и отвѣты 480—481

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ь .

1. О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для совре-
менной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова .
Мисиркова 482—485
- Объявленія.
-